

**QUAESTIO
ROSSICA**

ISSN 2311-911X (print)

ISSN 2313-6871 (online)

A Report of the Last Voivode of Mangazeya
German Occupation of Estonia during World War I
A Clichéd Future in Soviet Time Capsules

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 8 | 2020 | № 1

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia's culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A fulltext version of the journal is available free of charge on the journal's website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submission, please consult the journal's website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *AHCI Web of Science*, *Scopus*.

The journal is indexed
in *AHCI Web of Science*, *Scopus*.

Адрес редакции: Уральский федеральный
университет им. первого Президента Рос-
сии Б. Н. Ельцина. Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin. Office 260, 51 Lenin Ave.,
620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editor* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); *Executive Editor* – Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); *Reviews Section Editor* – Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Secretary Associate* – Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU).

Translation Editors – Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU), PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Malcolm Spencer** (Russia, Yekaterinburg, UrFU)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (UK, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Seo Sangbeom** (Republic of Korea, Busan University of Foreign Studies); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington); Prof. **Paul Werth** (USA, Las Vegas, University of Nevada); Dr **Julia Zapary** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford)

Editorial Council

Prof. **Eygeniy Anisimov** (Russia, St Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History of RAS); Dr **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University)

Logo ; cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); зам. главного редактора – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); выпускающий редактор – проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); отдел рецензий – доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь – проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ).

Редакторы перевода – доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ), PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Спенсер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Охридского); проф. **П. Верт** (США, Лас-Вегас, Университет Невады); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); к. ф. н. **Д. А. Катунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-К. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Со Санбом** (Республика Корея, Пусанский университет иностранных языков); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербургский институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет А&М); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

Larisa Soboleva. How our Words will Echo through the Ages... 7

Larisa Soboleva. How our Words will Echo through the Ages... 7

Problema voluminis

Слово и идея

The Word and the Idea

Владимир Мильков. Земной рай в религиозных представлениях Древней Руси 19

Vladimir Milkov. Earthly Paradise in the Religious Ideas of Old Rus' 19

Анастасия Нестерова. Бытийная и антропологическая семантика слова в поучениях конца XVII века 36

Anastasia Nesterova. The Existential and Anthropological Semantics of the Word in Late 17th-Century Sermons 36

Павел Лимеров. Рукописный памятник коми-зырян Соборный чин: поучение и основы вероучения 56

Pavel Limerov. Cathedral Rank, a Hand-written Document of the Komi-Zyrians: Instruction and Foundations of Faith . . 56

Ольга Жукова. Новые люди в российской истории (Новь Ивана Тургенева) . . 71

Olga Zhukova. New People in Russian History (Ivan Turgenev's Virgin Soil) . . 71

Алексей Вдовин. Современная русская литература в хрестоматиях 1843–1904 годов и литературный канон . 85

Alexey Vdovin. Contemporary Russian Literature in Reading Anthologies (1843–1904) and the Literary Canon . 85

Патрик Варга. Русская идея в историософии Маргариты Сабашниковой-Волошиной 102

Patrik Varga. The Russian Idea in the Historiosophy of Margarita Sabashnikova-Voloshina 102

Ольга Турышева. Достоевский, Сибирь и русский человек в романе Донны Тартт Щегол 119

Olga Turysheva. Dostoevsky, Siberia, and the Russian Person in Donna Tartt's Novel The Goldfinch 119

Вадим Дементьев. Послание потомкам в капсуле времени как жанр советской словесности 132

Vadim Dementyev. Time Capsule Messages to Future Generations as a Genre of Soviet Public Texts 132

Валерий Юнгблуд, Денис Садаков. Оценки американской разведкой советской, корейской и китайской пропаганды в годы Корейской войны 150

Valery Yungblud, Denis Sadakov. US Intelligence Estimates on the Soviet, Chinese, and North Korean Propaganda Campaigns during the Korean War . . 150

Диалоги с властью:
коммуникативные стратегии

Dialogues with Power:
Communicative Strategies

Вадим Трепавлов. Инородцы на царских коронациях: этническая политика империи в ритуальном воплощении 164

Vadim Trepavlov. Non-Russians at Royal Coronations: The Ethnic Politics of the Empire in Ceremonies 164

Александр Пигин. Просительные и благодарственные письма старообрядцев в имперский период 176

Alexander Pigin. Old Believer Letters of Request and Thanks during the Imperial Period 176

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Тамара Матвеева, Мария Ширинкина.
Переписка граждан с исполнительной
властью: коррелятивный текстовый
анализ.....190

Tamara Matveeva, Maria Shirinkina.
Correspondence Between Citizens
and Executive Power: Correlative
Text Analysis 190

Origines

Максим Крот. Поставить литовскую
народность на правильный путь раз-
вития: записка князя Петра Свято-
полк-Мирского о латино-литовском
шрифте.....205

Maxim Krot. Putting the Lithuanian Nation
on the Right Path of Development:
A Note by Prince Pyotr Svyatopolk-
Mirsky on the Latin Alphabet
in Lithuania 205

Ирина Пярт, Джеймс М. Уайт. Письма
православных священников
о немецкой оккупации Эстонии
в Первую мировую войну.....222

Irina Paert, James M. White. Letters of
Orthodox Priests about the German
Occupation of Estonia during the First
World War 222

Сергей Смирнов. Обращение генерала
Михаила Дитерихса к русским
беженцам (Гирин, 1923) 242

Sergey Smirnov. General Diterikhs'
Address to Russian Refugees
(Girin, 1923). 242

Disputatio

Евгений Вершинин, Георгий Визгалов.
Мангазея: отчет последнего
воеводы 253

Evgeny Vershinin, Georgy Vizgalov.
Mangazeya: The Report of the Last
Voivode.....253

Яков Лазарев. Культурные механизмы
интеграции украинской казацкой
элиты в общеимперское
дворянство 270

Yakov Lazarev. Cultural Mechanisms
of Integrating the Ukrainian
Cossack Elite into the Imperial
Nobility 270

Валентин Хрисанфов, Наталья Турыгина.
Русская диаспора в Болгарии:
проблемы учета мигрантов
межвоенного периода 283

Valentin Khrisanfov, Natalia Turygina. The
Russian Diaspora in Bulgaria: Issues
of Migration Registration in the
Interwar Period 283

Controversiae et recensiones

Olga Shcheglova. Studying the History
of the Slavic *Stishnoy Prologue*:
New Opportunities and Prospects...297

Olga Shcheglova. Studying the History
of the Slavic *Stishnoy Prologue*: New
Opportunities and Prospects 297

Ольга Солодянкина. Поведенческие
практики российского император-
ского двора в научной биографии
Екатерины Долгоруковой, княгини
Юрьевской 306

Olga Solodyankina. Behavioural Practices
of the Russian Imperial Court
in the Biography of Ekaterina
Dolgorukova, Princess
Yuryevskaya 306

Михаил Строганов. Инвалидность –
понятие и исследовательская термино-
логия: дискуссионные заметки.... 319

Mikhail Stroganov. The Notion of Disability
and Related Research Terminology:
Discussion Points 319

Об авторах.....326

On the Authors.....326

Сокращения 333

Abbreviations 333

HOW OUR WORDS WILL ECHO THROUGH THE AGES...

It is impossible to overestimate the importance of the spoken word for Russian history and culture. The long medieval age in Russia was almost entirely devoted to the study and assertion of the divine nature of the word, which led to unprecedented trust in the written text and, accordingly, the perception of the writer as a legislator of ideas and the interpretation of creativity as a divine gift. A similar attitude was extended to the journalistic genre, and it was consciously used by the authorities and the opposition alike to incite and shape public sentiment. The *Problema voluminis* section of this issue of *Quaestio Rossica* presents works that form a mosaic from the interaction between the word and the idea, as found in written sources from different times.

The section opens with several articles focusing on the religious ideas of salvation and righteous behaviour in a sinful world. *Vladimir Milkov* (Institute of Philosophy of RAS, Moscow) examines the theme of the search for earthly paradise and the bases of the Christian apocryphal and folkloric (pre-Christian) worldviews, which shaped different interpretations of this idea. *Vasily Kalika* (14th century), in his *Epistle about Paradise*, justifies the possibility for the existence of this paradise on a remote island. Indeed, in the context of Russian history, the belief in the possibility of paradise on earth is one of the main illusions in various social narratives leading to various plots of social character. In her article, *Anastasia Nesterova* (Ural Federal University, Yekaterinburg), continuing the theme of the sacred power of the word, focuses on the genre of prayers written between 1670 and 1700. The author studies panegyrics to Christian writers by analysing the little-studied *Statir* manuscript: she complements her analysis with reflections on Simeon Polotsky's book of sermons *Food for the Soul*. The analysis of the texts demonstrates a deep belief in the power of the word to transform and correct the world and human nature, while reflecting the deep dramatic conflicts that shook society at the time and were reflected by late 17th-century authors. The appeal to the Christian word by the Komi-Zyrians and their creative rethinking of the preaching practices and the doctrine itself are considered in the article by *Pavel Limerov* (Institute of Komi Language, Literature and History, Research Centre of the Ural Branch of RAS, Syktyvkar). The *Soborny Chin* [Cathedral Rank] manuscript, previously unpublished and hereby first introduced into academic circulation, reveals naïve but original calls for faith in God and affirms the possibility of direct communication between the believer and the highest power. The art of preaching becomes available in the Komy-Zyrian language, forming a particular literary style of religious narrative.

Olga Zhukova (Higher School of Economics, Moscow), in her article about Ivan Turgenev's *Virgin Soil*, explores the novel's influence on the emergence of new ideas and shifts in understanding Russian society. The author believes that the imagery and system of tropes in the novel embody the internal contradictions of the "new people" of the 1860s and their moral philosophy, which was potentially loaded with further historic tragedies for society. An article by *Aleksey Vdovin* (Higher School of Economics, Moscow) analyses the inclusion of contemporary literature in high school textbooks in the 19th century, bringing interesting, albeit paradoxical, information to the academic understanding of the 19th-century literary process. The question of a text's inclusion or exclusion allows us to witness firsthand formation of national identity, conditioned by a general "cultural fund" of available texts. The author compares textbooks from different decades, providing information on the most frequently read works and revealing the degree of influence of the official structures that either allowed or prohibited the dissent that literary works often carried.

The research of *Patrik Varga* (Palacký University Olomouc, Czech Republic) looks at the stages and factors of the formation of the "Russian idea" in the works of Margarita Sabashnikova-Voloshina. These works reflect the impact of Rudolf Steiner's views, as well as the influence of Serafim of Sarov's personality, on her historiosophical notions. This determined the originality and evolution of the "Russian idea" in her works. She interpreted Russian history through the prism of the Russian idea, seeing the emergence of the Soviet system as a tragedy and a betrayal.

Olga Turysheva (Ural Federal University, Yekaterinburg) explores how an appeal to the ideas of Russian literature by foreign writers significantly deepens the philosophical aspects of their texts. Contextual analysis of Donna Tartt's popular novel *The Goldfinch* allows us to see narrative and imagery allusions to Dostoevsky's *The Idiot* and to trace the use of the "Siberian myth" in its poetics. The potential controversy of a number of observations reinforces the article's interest.

An unusual but very interesting source that expressively characterises Soviet rhetoric is presented by *Vadim Dementyev* (Saratov State University). The author researches numerous "Messages to Posterity" placed in "time capsules" in Soviet times. These texts reflect the romance of transformation and the heroic message of the Soviet era, although they are also replete with literary catchphrases, empty slogans, and generally meaningless proclamations. This genre of Soviet writing, which never really became literature, demonstrates that even "high style" can be perverted by bureaucratic cant.

The same propaganda can, on the other hand, be very productive when engaged in political processes. The problems that occur when real strategies are based on propaganda are explored in the article by *Valery Yungblud* and *Denis Sadakov* (Vyatka State University, Kirov) about the erroneous conclusions of American intelligence during the Korean War. The authors introduce new information from declassified documents. Soviet propaganda (and its Chinese and Korean counterparts) could be persuasive, and its use

by US intelligence agencies as a source of truthful information on enemy plans had an adverse effect. As a result, a negative image of the enemy, inhuman and cruel, was introduced and reinforced.

The second problem of the issue concerns communication strategies for interactions between the authorities and the population. This section combines compelling verbal materials, information about ceremonies, and theoretical reflections. *Alexander Pigin's* paper (Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of RAS, Petrozavodsk) publishes various little-known letters written by Old Believers of the Vyg monastery in the eighteenth and first half of the nineteenth centuries. Along with requests for alms, these letters contain information about the persecution of Old Believers and details of their everyday life. Equally important is the emotive side of Old Believer life embodied in the rhetoric of the letters. The coronation ceremonies of the Russian emperors show non-verbal aspects of communication with the authorities. The article by *Vadim Trepavlov* (Novosibirsk State University) contains rich material about the choice of "non-Russians" to be present at the ceremony, their trips to the capital and, just as importantly, the attitude of the actors themselves as reflected in ancestral documents. A linguo-analytical analysis of correspondence between the authorities and common citizens in modernity is conducted by *Tamara Matveeva* and *Maria Shirinkina* (Perm State National Research University). According to the article, the authorities often lack sufficient professional literacy to respond with integrity, coherence, and logic to the letters of citizens. Both sides need samples that can produce optimal results while reducing the effort and time for correspondence.

The *Origines* section publishes archival materials related to the topics mentioned above. A programmatic note by Prince Pyotr Svyatopolk-Mirsky (late nineteenth century) on the need to use the Latin alphabet for Lithuanian texts, previously banned in publishing in the western borderlands of the Russian Empire, is presented by *Maxim Krot* (Southern Academic Center of RAS / Southern Federal University, Rostov-on-Don). Violent Russification, according to the official, caused discontent among the local population and did not contribute to the strengthening of imperial power. Given the contemporary situation with the use of the Cyrillic alphabet in the former USSR, the prince's observations are still relevant.

A reflection of the events of the First World War in an unusual and contradictory source, the letters of Orthodox priests caught up in the German occupation, is presented by *James White* (Ural Federal University, Yekaterinburg; University of Tartu, Estonia) and *Irina Paert* (University of Tartu, Estonia). The letters contain precious materials on the general mood during the occupation and on various forms of cooperation with the Germans. The lack of patriotic pro-imperial ideas is quite notable. The clergy clearly preferred not to irritate the population with useless calls for the protection of the fatherland and faith. The Germans also appear as controversial, living people – thieves and small-time crooks, on the one hand, and rather decent and merciful people, on the other.

Communication between the authorities and the people should be aimed at avoiding conflicts without bringing them to irreversible aggravation. The attempt to restore trust and unite people around the idea of common struggle with disaster is present in the speech of General M. K. Diterikhs, delivered in the Chinese immigration camp of Girin in 1923. *Sergey Smirnov* (Ural Federal University, Yekaterinburg) publishes the speech and provides thorough historical commentary.

The *Disputatio* section presents new research on the relocation of Siberian trade from Mangazeya to Turukhansk, the main reason for which was the desire to find the best trade route connecting Siberia and “mainland” Russia. *Evgeny Vershinin* (Institute of Archaeology of the North, Nefteyugansk) and *Georgy Vizgalov* (Surgut State University), based upon archival documents, write the biography and explore the administrative enthusiasm of *voivode* Rodion Pavlov, who, in the mid-17th century, served Russia with ardor. The article is accompanied by S. U. Remizov’s contemporary maps of the territory. *Yakov Lazarev* (Ural Federal University, Yekaterinburg) offers the story of how the young generation of noble Cossacks was introduced into the ranks of the Russian nobility. The main mechanism for assimilating the Cossacks into the imperial military and civilian elites was educating them in the relevant institutions. It was there that the young ambassadors of Little Russia found friends and colleagues, conducted the necessary networking in official circles, and acquired the requisite knowledge of military and civil discipline. The question of cooperation between Russia and Ukraine, presented in previous issues of *Quaestio Rossica*, appears in a new light here.

The idea of expanding the “Russian world” in a foreign-speaking environment is a significant topic for understanding the exodus of Russian people from Russia in various historical epochs. Reliable estimates of the extent of the departure or return of emigrants are important. It is necessary to note that sometimes apocryphal and emotionally charged information is introduced as “objective” into academic circulation. A refutation of data on the diaspora in prewar Bulgaria is presented in the article by *Valentin Khrisanfov* and *Natalia Turygina* (St Petersburg State University). The researchers uncover possible causes for the errors, compare various sources, and convincingly prove the need for cross-sectional data analysis on the number of migrants. From the methodological point of view, the article is a good example of a careful and convincing handling of sources.

The *Controversiae et recensione*s section of *Quaestio Rossica* opens with a detailed analysis of the work of Bulgarian linguists G. Petkov and M. Spasova, who have published the Turnovo *Stishnoy Prologue* Edition (Synaxarion) in 12 volumes (2008–2014). This truly grandiose long-term work receives deservedly high praise in the review of *Olga Shcheglova* (Novosibirsk State University) and is worthy of attention of a wider academic community. Turnovo is a centuries-old intellectual centre of Bulgaria. As the study shows, this edition of the *Prologue* is an amazing product of the communal creativity of the monastery’s inhabitants, who jealously preserved their Orthodox tradition during difficult times.

The private life of historical characters has recently become an important object of research. Y. A. Safronova's book about the love affair of Tsar Alexander II and Ekaterina Dolgorukova stands out remarkably against such a background. Based on private letters, the study does not focus on the retelling of intimate details but concentrates on the problem of relationships at the Russian imperial court instead. It is this aspect that lies at the centre of *Olga Solodyankina's* (Cherepovets State University) critical review of this monograph. Noting the undoubted research success of the book, the reviewer identifies omissions in the overall picture regarding the upbringing of noble girls, the family life of the Dolgorukovs and others, which opens up further research horizons.

The article by *Mikhail Stroganov* (Gorky Institute of World Literature of RAS / Kosygin State University of Russia, Moscow) closes the section and the issue. The article addresses a previously published series of articles on the artistic depiction of bodily disabilities (*Quaestio Rossica*, 2019, No. 1) and polemises with a number of authors (L. Geller, Y. Podoroga, and P. Kazarnovsky) with regard to the boundaries of the concept of "disability" and the corresponding academic and terminological apparatus. The editors will leave the topic open for further discussion.

The study of interconnections between the word and the idea, and of the linking function of the written and spoken word for peoples, countries, and epochs, can also never truly be closed.

Larisa Soboleva

Ural Federal University, Yekaterinburg

Для русской истории и культуры невозможно переоценить значение высказанного слова. Долгий средневековый период осознания Божественной сути слова привел к беспрецедентному доверию человека к письменному тексту и, соответственно, к восприятию писателя как законодателя дум и трактовке творчества как дара. Распространялось подобное отношение и на публицистические высказывания, что могло осознанно использоваться как власть для формирования общественных настроений, так и противостоящими ей силами с той же задачей. Материалы этого выпуска в рубрике *Problema voluminis* образуют мозаичную картину взаимодействия Слова и идеи, представленную в источниках разного времени.

Открывают рассмотрение темы статьи, посвященные религиозной идее спасения и праведного поведения в греховном мире. *Владимир Мильков* (Институт философии РАН, Москва) рассматривает сюжет о поиске земного рая и тех основах христианского апокрифического и фольклорного повседневно-бытового (дохристианского) миропонимания, которые лежат в разных интерпретациях этой идеи. Василий Калика (XIV в.) обосновывает в «Послании о рае» возмож-

ность его существования на отдаленных островах, ведь в контексте русской истории вера в рай – одна из основных иллюзий, ведущая к разнообразным сюжетам социального характера. В продолжение темы власти слова в центре статьи *Анастасии Нестеровой* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) оказывается жанр проповеди последней трети XVII в. Автор выбирает тему похвалы христианским писателям «На день трех святителей» из малоизученного рукописного сборника «Статир», дополняя разговор размышлениями Симеона Полоцкого (книга проповедей «Обед душевный»). Анализ текстов демонстрирует глубокую веру в возможности Слова для исправления мира и человека, но в то же время отражает глубокие драматически воспринимаемые автором конфликты, которые сотрясали общество этого времени. Обращение к христианскому Слову коми-зырян и творческое переосмысление проповеднической практики и самого вероучения рассмотрены в статье *Павла Лимерова* (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар). В рукописном сочинении «Соборный чин», впервые вводимом в научный оборот, раскрываются наполненные самобытностью призывы к вере в Бога, утверждается возможность непосредственного общения верующего с высшей силой. Проповедническое искусство становится доступным на языке коми-зырян, в котором формируется литературный стиль изложения религиозного характера.

Воздействие романного слова на появление новых идей и поворотов в понимании пути русского общества представлено в статье *Ольги Жуковой* (Высшая школа экономики, Москва) о романе И. С. Тургенева «Новь». Автор считает, что образная система романа воплощает внутренние противоречия моральной философии «новых людей», что при явном ощущении близких переворотов было чревато дальнейшими трагедиями общества. Интересные парадоксальные сведения привносит в наше знание о литературном процессе XIX в. статья *Алексея Вдовина* (Высшая школа экономики, Москва), посвященная анализу включения в хрестоматии для средних учебных заведений современной литературы. Поставленная проблема позволяет воочию увидеть момент формирования национальной идентичности, обусловленный общекультурным фондом текстов. Выделенный автором аспект сравнения хрестоматий разных десятилетий, помимо информации о наиболее часто читаемых программных произведениях, раскрывает степень приобщения к веяниям времени официальных структур, разрешавших или запрещавших определенную долю разномыслия, которую несли в себе книги.

Этапам и факторам формирования «русской идеи» в творчестве Маргариты Сабашниковой-Волошиной посвящено исследование *Патрика Варги* (Университет им. Палацкого, Оломоуц, Чехия). Автор размышляет о воздействии на историософию писательницы взглядов Рудольфа Штейнера и личности Серафима Саровского, определяет долю оригинальности и эволюции темы в ее произведениях.

Через призму «русской идеи» происходило ее толкование фактов русской истории, а в возникновении советского строя виделись трагедия и измена этой идее.

Как обращение к идеям русской литературы зарубежных писателей существенно углубляет философское звучание текста, показано в статье *Ольги Турышевой* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург). Контекстуальный анализ популярного романа Донны Тартт «Щегол» позволяет через призму сюжетных и образных аллюзий увидеть перекличку с романом «Идиот» Ф. Достоевского и проследить использование «сибирского мифа» в его поэтике. Спорность ряда наблюдений усиливает внимание к статье.

Необычный, но очень показательный источник, выразительно характеризующий советскую риторику, представлен в статье *Вадима Дементьева* (Саратовский государственный университет). Это многочисленные послания потомкам, которые, согласно популярной тогда традиции, в советское время помещались в «капсулах времени». Тексты отражают романтику преобразований и героический пафос времени, при этом они изобилуют штампами, пустыми лозунгами, общими бессмысленными воззваниями. Жанр советской словесности, который так и не стал литературой, продемонстрировал, что высокое слово можно извратить, сделав его бюрократической отпиской.

Пропаганда может быть весьма продуктивной, включаясь в политические процессы. Ложность конструирования реальных процессов с опорой на нее выявляется в статье *Валерия Юнгблуда и Дениса Садакова* (Вятский государственный университет, Киров) об ошибочных выводах американской разведки в годы Корейской войны. Авторы вводят в оборот новые сведения из рассекреченных документов. Советская пропаганда (включая китайскую и корейскую) могла быть убедительной, и ее использование спецслужбами США в качестве источника информации о планах противника имело обратный эффект. Внутри страны удалось создать негативный образ врага, бесчеловечного и жестокого на фоне гуманистических акций советской армии.

Вторая рассмотренная проблема касается коммуникативных стратегий общения власти и населения. В рубрике сочетаются конкретный материал вербального характера, информация о церемониях и теоретические размышления. В статье *Александра Пигина* (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск) приводятся малоизвестные письма разного свойства, принадлежащие перу старообрядцев Выго-Лексинского общециительства XVIII – первой половины XIX в. В них, наряду с прошением о милостыне, содержатся сведения о преследовании, информация о бытовой стороне жизни согласий. Столь же важным оказывается представление об эмотивной стороне старообрядческой жизни, воплощенной в риторике. Невербальный фокус общения с властью затрагивается в описании церемонии коронации российской императорской власти. В статье *Вадима Трепавлова* (Новосибирский госу-

дарственный университет) собран богатый материал о выборе «инородцев» для участия в процессе и о его мотивировках, об их доставке в столицу и, что не менее важно, об отношении к процедуре самих акторов церемонии, отраженном в родовых документах. Лингво-аналитический аспект переписки исполнительной власти и граждан в современной действительности проведен в статье *Тамары Матвеевой* и *Марии Ширинкиной* (Пермский государственный национальный исследовательский университет). По их выводам, чиновники от власти зачастую не обладают достаточной профессиональной грамотностью, чтобы с должной полнотой и логикой отвечать на письма граждан. Обе стороны нуждаются в образцах, которые могли бы при сокращении сил и времени на составление переписки дать оптимальные результаты.

В рубрике *Origines* публикуются архивные материалы, соотносимые с предыдущими темами. В программной записке князя Петра Святополк-Мирского начала XIX в. о необходимости использовать «латино-литовский» шрифт, ранее запрещенный на западных землях империи, при публикации книг, представленной *Максимом Кротом* (Южный научный центр РАН / Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону), поднимаются вопросы отнюдь не формального свойства. Насильственная русификация, по мнению чиновника, вызывала недовольство коренного населения и не способствовала укреплению власти. Важная идея о том, что в политике не бывает мелочей, существенна и в современной ситуации с кириллицей в бывших республиках СССР, наблюдения князя оказываются актуальными и сегодня.

Отражение событий Первой мировой войны в необычном и противоречивом источнике – личных посланиях православных священников, оказавшихся в немецкой оккупации – представлено в публикации *Джеймса Уайта* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург; Тартуский университет, Эстония) и *Ирины Пярт* (Тартуский университет, Эстония). Передача общих настроений, атмосферы во время оккупации, сотрудничество с немцами в разных формах – все фиксируется. Что удивляет, так это отсутствие патриотических проимперских идей, в отличие от официальных лозунгов. Нижний слой клира предпочитает не раздражать население бесполезными призывами к защите Отечества и веры. Да и немцы оказываются разными людьми – среди них есть воры и хамы, а есть вполне приличные и даже милосердные люди.

Общение представителей власти и народа должно быть направлено на опережение и купирование конфликтов, не доводя их до невозвратного обострения. Попытка вернуть доверие, объединить людей вокруг идеи противостояния совершившейся катастрофе утверждается в речи генерала М. К. Дитерихса, произнесенной в китайском иммиграционном лагере Гирина (1923 г.). Публикация и исторический комментарий даны в материале *Сергея Смирнова* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург).

В разделе *Disputatio* представлены новые изыскания относительно перемещения торгового центра Сибири из Мангазеи в Тухарханск, основной причиной которого было желание найти оптимальный вариант торгового пути. На основе архивных документов Евгений Вершинин (Институт археологии Севера, Нефтеюганск) и Георгий Визгалов (Сургутский государственный университет) восстанавливают биографию и административный энтузиазм воеводы Родиона Павлова, искренне и с полной силой служившего России с середины XVII в. Статья сопровождается картами С. У. Ремезова этого времени. Историю приобщения молодого поколения знатного казачества к российскому дворянскому корпусу рассматривает Яков Лазарев (Уральский федеральный университет, Екатеринбург). Главным механизмом, служившим для внедрения в круг имперской военной и гражданской элиты, стало получение образования в соответствующих учебных заведениях. Именно там молодые посланцы Малороссии находили друзей, сослуживцев, завязывали необходимые знакомства служебного и личного плана, приобретали необходимые познания в субординации военного и гражданского толка. Тема взаимодействия России и Украины, представленная в предыдущих выпусках журнала, появляется здесь в новом ракурсе.

Представление о распространении «русского мира» в иноязычной среде – значимая тема для понимания размеров исхода русских людей из России в разные исторические эпохи. Важными представляются основанные на источниках достоверные подсчеты масштабов отъезда или возврата эмигрантов. Немалую роль играют апокрифические, зачастую основанные на эмоциональном восприятии событий сведения, при этом в качестве реальных входящие в науку. Опровержение ряда данных относительно диаспоры в Болгарии довоенного периода представлено в статье Валентина Хрисанфова и Натальи Турыгиной (Санкт-Петербургский государственный университет). Выявлены причины ошибок, сопоставлены различные источники, аргументированы перекрестные сведения о численности мигрантов. Статья имеет смысл не только в конкретно-историческом, но и в методологическом аспекте как пример осторожного квалифицированного обращения с источниками.

Раздел *Controversiae et recensiones* открывается подробным разбором объемной работы болгарских лингвистов Г. Петкова и М. Спасовой, издавших Тырновскую редакцию Стишного Пролога в 12 томах (2008–2014). Этот поистине грандиозный многолетний труд получил заслуженно высокую оценку в рецензии Ольги Щегловой (Новосибирский государственный университет) и достоин внимания мировой научной общественности разных специализаций. Тырново – многовековой интеллектуальный центр Болгарии. Как показывает исследование, редакция Пролога, вобравшего в себя многочисленные разножанровые сочинения, это творческий подвиг насельников мо-

настыря, так ревниво сохранявших в трудных условиях свою православную традицию.

Частная жизнь исторических персонажей сравнительно недавно стала равноправным объектом исследований, на этом фоне выгодно выделяется книга Ю. А. Сафроновой о любовной интриге государя Александра II и его возлюбленной Екатерины Долгоруковой. Основанное на личных письмах, исследование не замыкается на пересказе частных и интимных подробностей, а выходит на проблему взаимоотношений при российском императорском дворе, как они вырисовываются из переписки. Именно данный аспект стоит в центре критического отзыва *Ольги Солодянкиной* (Череповецкий государственный университет) об этой монографии. Отмечая безусловный исследовательский успех, рецензент выявляет причины недосказанности в общей картине воспитания смолянок, семейных порядков Долгоруковых и т. п., что открывает дальнейшие исследовательские горизонты.

Замыкает раздел и журнал статья *Михаила Строганова* (Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН; Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, Москва), в которой он обращается к опубликованному ранее в журнале циклу статей, посвященных художественному изображению телесных недостатков (QR, 2019, № 1), и полемизирует с рядом авторов (Л. Геллером, Ю. Подорогой, П. Казарновским) по поводу границ понятия «инвалидность» и соответствующего научно-терминологического аппарата. Редакция, публикуя замечания автора, не закрывает тему. Никогда не будет исчерпано исследование взаимосвязи слова и идеи, а также связующей функции слова для людей, стран, эпох.

Лариса Соболева

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Problema voluminis

THE WORD AND THE IDEA

DIALOGUES WITH POWER: COMMUNICATIVE STRATEGIES

Problema voluminis

СЛОВО И ИДЕЯ

ДИАЛОГИ С ВЛАСТЬЮ: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

THE WORD AND THE IDEA

DOI 10.15826/qr.2020.1.445

УДК 27-188.5+27-181.7+94(470)".../1150"

ЗЕМНОЙ РАЙ В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНЕЙ РУСИ*

Владимир Мильков

Институт философии РАН,
Москва, Россия

EARTHLY PARADISE IN THE RELIGIOUS IDEAS OF OLD RUS'

Vladimir Milkov

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article examines the Old Russian ideas about the other world and various interpretations of the earthly paradise. The author focuses on the content of Orthodox, apocryphal, and legendary texts about the other world, referring both to published and archival sources. The article reviews and compares texts that describe the other world and the path to earthly paradise, including *Epistle about Paradise*, *The Legend of St Macarius the Roman*, *Zosima's Journey to Rahmans*, *Agapius' Journey to Paradise*, *Is Paradise Sensuous or Sensible?*, *About Paradise Rivers*, *Questions and Answers of St Athanasius to Antiochus*, *The Explanatory Palaea*, *A Word about the Righteous Creed*, etc. Issues connected with the other world are studied with an interdisciplinary approach, i. e. the ideological and religious interpretation is combined with the methods of specific historical and textual analysis. It is established that there was no common understanding of the other world in Old Rus', which is reflected in arguments about paradise. There were three concepts of the nature of paradise: earthly paradise; paradise as a noumenal and inaccessible entity; and paradise

* Citation: Milkov, V. (2020). Earthly Paradise in the Religious Ideas of Old Rus'. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 19–35. DOI 10.15826/qr.2020.1.445.

Цитирование: Milkov V. Earthly Paradise in the Religious Ideas of Old Rus' // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 19–35. DOI 10.15826/qr.2020.1.445 / Мильков В. Земной рай в религиозных представлениях Древней Руси // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 19–35. DOI 10.15826/qr.2020.1.445.

created by God for the forefathers, half heavenly and ethereal in nature. Vasily Kalika, the author of the *Epistle about Paradise*, was a supporter of the concept of paradise located on an island in a distant sea. Kalika's argument was based on data from church sources, apocrypha, and "eyewitness" evidence. The archbishop considered literary and folklore stories about journeys to the earthly paradise the most important proof of the existence of an earthly paradise. The author concludes that belief in an earthly paradise in Russia was formed under the influence of Antiochian theology, apocryphal travels to paradise, and folk legends about reaching the edge of the world. Bishop Vasily Kalika and his flock's religious ideas are a synthesis of Orthodox, apocryphal, and pre-Christian ideas.

Keywords: Old Rus'; Apocrypha; earthly paradise; Vasily Kalika; *Epistle about Paradise*; Russian mentality.

Предметом исследования являются христианские представления об ином мире и разные трактовки земного рая в Древней Руси. Объект исследования – содержание ортодоксальных, апокрифических и легендарных текстов. Для этой цели привлечены как опубликованные, так и архивные источники. В статье суммируются и сопоставляются тексты, описывающие потусторонний мир и путешествия к земному раю: «Послание о рае», «Сказание о Макарии Римском», «Хождение Зосимы к рахманам», «Хождение Агапия в рай», «Чувственный рай, или разумен», «О райских реках», «Вопросы и ответы Афанасия Антиоху», «Палей Толковая», «Слово о правой вере» и др. Воззрения на инобытие изучаются с позиций междисциплинарного подхода, позволяющего объединить идейно-религиозную интерпретацию с приемами конкретно-исторического и текстологического анализа. Установлено, что единого понимания иного мира в Древней Руси не существовало, и это нашло отражение в спорах о рае. Существовало три концепции толкования природы рая: рай земной; рай как ноуменальная сущность, недоступная чувствам; сотворенный Богом рай для прародителей наполовину небесной, эфирной природы. Василий Калика, автор «Послания о рае», был сторонником островной концепции рая в отдаленных морских просторах. Аргументация Василия базировалась на данных церковных источников, апокрифов и рассказов «очевидцев». Самыми важными доказательствами существования земного рая архиепископ считал книжные и фольклорные рассказы о путешествиях к нему. Сделан вывод, что вера в земной рай на Руси формировалась под влиянием антиохийской традиции богословия, апокрифических хождений к раю и народных легенд о достижении края света. Религиозные представления о рае епископа Василия Калики и его паствы – это результат синтеза ортодоксальных, апокрифических и дохристианских идей.

Ключевые слова: Древняя Русь; апокрифы; земной рай; Василий Калика; «Послание о рае»; русский средневековый менталитет.

Вопрос о том, как представления об инобытийной сфере вписывались в картину мира на протяжении более чем двухтысячелетнего существования христианства, не был решен с полной определенностью. Согласно доктрине, действительность трактовалась как дуальная сущность, представленная ноуменальной сферой инобытия (иной мир вечности и бесконечности) и сотворенной материальной сферой (начально-конечный мир феноменов). Образно-конкретных характеристик иного мира в библейских книгах не приводится. В христианской гносеологии отсутствие конкретизации и описательности применительно к нематериальной сфере бытия логически закономерно, ибо, будучи реальностью внечувственного опыта, и сам сакральный объект поклонения, и весь находящийся за пределами творения иной мир непознаваемы и неопишуты, а факт их существования принимается на веру.

В Древней Руси представления об ином мире в общественном сознании формировали богослужебные тексты, извлечения из произведений христианской классики и созданные в славяно-русском мире ключевые энциклопедические труды, в которых обобщались базовые идеи Св. Писания и их трактовок экзегетами, представленных выборочно. В частности, «Палей Толковая» (первая треть XIII в.) удвоение действительности связывает с моментом творения: «Бог замыслил сотворить иной мир – земной» [Космологические произведения, с. 168, 301]. С этого момента параллельно с высшей трансцендентностью появляется вторичная онтологическая сущность – сначала материальная действительность, а затем материально-духовное создание, с которого начинается история человечества. Для венца творения иной мир приобрел небесную перспективу, но, согласно ветхозаветному рассказу о пребывании прародителей в раю, сохранил свои корни в творении. В «Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского (появился на Руси не позднее первой четверти XII в.) дуальная картина мира обосновывается с опорой на разработанный Северианом Габальским метод уподобления мироздания строению головы: мозг символизирует недоступное чувствам высшее небо, которое можно только представить в воображении; нёбо ротовой полости уподобляется тверди, разделявшей видимую и невидимую сферы; все остальное – это аллегорический аналог физического мира, который доступен эмпирическому восприятию [Баранкова, Мильков, с. 356, 684].

Выделение трех небесных зон соответствует евангельскому свидетельству о вознесении Павла (2 Кор. 12 : 2–4). Трехслойную стратиграфию (воздух, твердь, небо-небес) приняли экзегеты, локализуя в ноуменальном сверхпространстве уготованное праведникам Царствие Небесное. Хотя небо-небес и воспринималось в рамках христианской традиции как место локализации небесного рая, строгость разграничения обладающих разными онтологическими признаками этого (временного) и иного (вечного) миров нарушалась статьями Писания о земном рае, который в Книге Бытия предстает частью

мироздания, а в целом ряде произведений христианской книжности рассматривался как обитель ушедших из этой жизни праведников. Наделение высоким статусом этой части мироздания проблеме соотношения рая прошлого и рая будущего, как свидетельствуют источники, не разрешало. Имевшиеся разъяснения обнаруживали разномыслие, которое усугублялось обращением к апокрифам.

На актуальность споров о природе и местоположении рая указывает неоднократно воспроизводившаяся в древнерусской книжности статья «Чювьственные ли есть раи, или разумен, тленен ли, или нетленен» [ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 566. Л. 1776; ГИМ. Синод. собр. № 951. Л. 176а-1766; РГБ. Собр. Г. Г. Юдина. № 2. Л. 2406]. Разногласия делили спорящих на тех, кто считали рай доступным восприятию, то есть сущностью материальной, и тех, кто настаивали на исключительно духовном его характере. Автор полемической статьи утверждает, что рай создан не на небе, а «насажен» на земле и являет собой «место въсточное село избрано» [ГИМ. Синод. собр. № 951. Л. 176а]. Сомнение в этом, согласно аргументации, ведет к отрицанию свидетельств «Божественного писания» о райских садах, реках, сотворении прародителей и роли змия в грехопадении. Отрицая духовную природу созданного Богом рая, автор статьи все эти качества считает присущими небесному раю, который уподобляется небесному Иерусалиму [Там же. Л. 1766]. Такими аргументами обосновываются чувственная природа рая как сотворенного феномена и недопустимость переноса на него свойств небесного рая.

О том, что подобные споры велись в христианском мире, древнерусские книжники узнавали из переводов «Слова о правой вере» Иоанна Дамаскина (древнейший список датируется рубежом XII–XIII вв.), в котором сообщалось, что «ови убо видимъ раи реша, а друзии разуменьъ» [Des Hl. Johannes von Damascus, s. 76]. Сам экзегет наделял земной рай духовными качествами, по сути, придавая сотворенной для прародителей обители ноуменальные признаки нематериальности (эфирности) [Ibid., s. 72]. Подобные взгляды как раз и критиковал автор древнерусской полемической статьи «Чювьственные ли есть раи, или разумен, тленен ли, или нетленен».

На почве неоднозначного понимания рая порой разгорались нешуточные страсти, о чем свидетельствует разразившаяся в середине XIV в. на Руси распря о «честном раю». Новгородский владыка Василий Калика (занимал кафедру в 1330–1352 гг.) обрушился на тверского епископа Федора Доброго (ум. 1367) за то, что тот считал земной рай не существующим («погибшим»). Рассуждения сводились к решению проблемы: рай чувственный или мыслимый. В таких категориях сталкивались точки зрения на то, какова его природа – земная (материальная) или духовная (нематериальная) [Послание, с. 42–49]. Риторика и аргументация Василия во многом совпадали с тем, как данная проблема проговаривалась в цитируемой выше полемической книжности. В обоих случаях основополагающими аргументами были

отсылки на ветхозаветные сведения о насаждении рая на востоке земли, где пребывал Адам, а также на упоминание в Ветхом Завете райских рек [Послание, с. 42]. Святитель-полемист подчеркивал, что неверие в существование земного рая имеет своим следствием отрицание библейских постулатов о райском древе и грехопадении. Ход мыслей совпадает с указанной выше статьёй, утверждавшей, что человек не мог быть создан в области «выше мирской», ибо местом пребывания прародителей был рай на востоке созданной Богом земли. Там, согласно Писанию, находились «древо смертное» и «прелестник змий» [ГИМ. Синод. собр. № 951. Л. 176а–176б]. Бескомпромиссный сторонник земного рая венчал свои рассуждения следующим утверждением: «да аще убо нес рая чювьствена на земли, то уже ни источника, ни рек, ни четырех верхов» [Там же. Л. 176а]. Характерно, что к процитированному тексту присоединен перечень великих рек. Подобного рода сюжеты о связи крупнейших рек мира с райскими истоками были широко распространены в древнерусской книжности и наряду с Книгой Бытия формировали веру в существование земного рая¹. Но для нас больший интерес представляют оригинальные суждения Василия и используемые им источники, из которых он черпал данные для обоснования правоты своей позиции.

Василий Калика в своей аргументации исток райской реки Нил связывает с местом жительства блаженного народа рахманов, которые в его понимании являются насельниками крайних земных пределов, соседствующих с раем. Последний отделен от рахманов непроходимыми горами, возвышающимся до небес. При этом святитель ссылается на Паремию, где упоминаются райские реки [Послание, с. 44]. В комментариях к публикации «Послания» было выдвинуто предположение, что данный мотив восходит к апокрифу «Хождение Зосимы к рахманам» [Демкова, с. 517]. Согласно апокрифическому повествованию, древнейший из сохранившихся списков которого датируется концом XIV в., Зосима в своем путешествии к раю преодолевает преграды сказочно-устрашающего облика, а в рай попадает чудесным образом,

¹ Из известных к моменту распри о рае книг назовем «Христианскую топографию» Козьмы Индикоплова [Книга, с. 313], получивший хождение на Руси со времен Владимира Мономаха «Шестоднев» Севериана Габальского в изложении Иоанна Экзарха [Баранкова, Мильков, с. 633, 818], вопросы-ответы на сюжеты Св. Писания [Архангельский, с. 111], а также «Беседу трех святителей» [Мочульский, с. 101–104]. Рассказ о том, что райский источник является «матерью» рекам и делится на четыре части, включался в хронографические повествования [РГБ. Собр. Е. Е. Егорова. № 202. Л. 386–40а; РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 1. Л. 34а] и космографические описания [РНБ. Собр. Соловецкого монастыря. № 861. Л. 274а–275а; РНБ. Собр. Софийской библиотеки. № 1450. Л. 112а]. С особым названием («Имена великих рек») данные о четырех райских реках помещались в одних подборках со статьями о земном рае [РГБ. Собр. Г. Г. Юдина. № 2. Л. 242б–243а; РНБ. Собр. Соловецкого монастыря. № 860/970. Л. 268а; ГИМ. Синод. собр. № 951. Л. 259б; Синод. собр. № 548. Л. 63а; Синод. собр. № 638. Л. 319а; РНБ. Собр. Софийской библиотеки. № 1449. Л. 360а–361б]. Все перечисленные источники рассматривались древнерусскими книжниками как тематически родственные, поскольку в них последовательно проводилась мысль о земной локализации рая.

преодолев облачную стену над водной преградой реки Евмасион [Мильков, 2016а, с. 44–50, 58]². Сюжет о праведном народе построен из соединения двух частей: легенды о переселении потомков библейского Рехавы на землю без греха за мифической рекой и описания страны блаженных, восходящего к рассказу Палладия о рахманах. Не исключено, что в нашем случае сказалось знакомство с какой-то версией повествования о походе Александра Македонского и его встречах с праведным народом в преддвериях рая на берегах вытекающей оттуда реки³.

Характерно, что в самом апокрифе рахманы не упоминаются, а фигурируют только в названии пространной версии неканонического повествования: «Житие и жизнь преподобного отца нашего Зосимы, како ходи в рахмани»⁴. Василием место жительства рахманов связывается с Африкой, а не с Индией, как в большинстве повествований о походе Александра. Только в редакции С псевдокалисфеновской «Александрии», испытавшей на себе влияние талмудических легенд, местожительство блаженных локализуется в Африке [Веселовский, 1886, с. 285–290]. Налицо смешение синонимичных образов – живущих на окраине Вселенной рехавитов и праведных нагомудрецов-рахманов. Наложение разных апокрифических мотивов общей семантики исключать не приходится.

В качестве аргумента в пользу существования земного рая новгородский святитель приводит сведения, напрямую восходящие к апокрифическому «Хождению Агапия в рай». Он обращает внимание тверского епископа на то, что Агапий побывал в раю, встретился там с Ильей и вынес в мир полученный от райского насельника кусочек хлеба [Послание, с. 44]. О деталях чудесного путешествия на корабле к расположенной в пределах физического пространства обители праведных он умалчивает [ср.: Мильков, 1999, с. 635–640]. Все внимание

² Известно на настоящий день два списка апокрифического повествования: так называемый Сильвесторовский [РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 53. Л. 178–182] и текст более полного состава [ГИМ. Синод. собр. № 817 (№ 806 по старой нумерации). Л. 1361–1380]. Публикацию см.: [Тихонравов, с. 78–92; Мильков, 2016а, с. 44–71].

³ Эта история была известна на Руси по переводу «Хроники Георгия Амартола», послужившей одним из источников при составлении «Повести временных лет». Индия в хронографическом труде описывается как населенный брахманами (нагомудрецами) край земли на подступах к земному раю [Истрин, с. 48–50]. На Руси была популярна сербская «Александрия», в которой одна из версий на основе истории деяний Александра, изложенная Псевдо-Калисфеном (II–III в.), соединена с рассказом путешествии завоевателя к земному раю. Древнейший список конца XV в. находится в рукописи известного книжника Ефросина XV в. [РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 11/1088. Л. 20а–194б]. Публикацию см.: [Александрия, с. 7–71]. Перевод был осуществлен на юге славянского мира в XIV в. и получил широкое распространение в славяно-русской книжности [Лурье, 1955, с. 148; Ванеева, с. 21–25]. Красочны фантастические описания преград на пути к волшебной райской стране и впечатляющие образы дивных обилием преддверий рая. В повествовании о путешествии завоевателя на край мира нагомудрецы – это праведные потомки изгнанного из рая Сифа.

⁴ Так же обозначают название апокрифа Индексы: «Зосимово хождение к блаженным», «О рахманах Зосимово хождение».

акцентируется на материальном и имеющем сакральное значение артефакте, подтверждающем досягаемость рая.

Еще одна прямая отсылка к данным апокрифического характера оформлена в виде указания на пребывание святого Макария в визуальной близости к земному раю [Послание, с. 44]. Приведенный аргумент неопровержимо свидетельствует, что Василию Калике было известно «Сказание о Макарии Римском», которое являлось неканоническим произведением, включавшим в житие подвижника наполненный как географическими, так и фантастическими подробностями рассказ о путешествии к земному раю. Апокриф задолго до появления «Послания о рае» в разных версиях был широко распространен в древнерусской книжности, включая минейные и проложные чтения⁵. Согласно ему, три инока направляются на край земли в поисках рая. Повторив путь Макария, они обнаруживают святого в преддверии обители праведных. Пройдя через испытания и достигнув своей цели в пределах этого мира, они благодаря Макарию убеждаются в невозможности проникновения непосредственно в рай при жизни.

Опираясь на апокрифическим материалом, новгородский святитель в споре подчеркивает, что свои аргументы он черпает из церковных источников. Владыка ссылается на проложное житие Ефросина, в котором есть данные об обладании святыми целебными яблоками из рая. В том же ряду оказываются упоминание принесенной ангелом райской ветви к одру усопшей Богородицы и знакомство с рассуждениями Иоанна Златоуста, который связывал расположение обители праведных с восточной стороной мироздания, а мест мучений – с западной стороной [Послание, с. 44; см. об этом также: Лончакова, 2007, с. 67–71]. О райских яблоках действительно можно было узнать из проложных чтений под 11 сентября, а мотив райской ветви из «Сказания Иоанна Богослова на успение Богородицы» восходит к «Слову Иоанна Солунского о преставлении Богородицы», а через него – к апокрифическому источнику [Федоровская, с. 56–57]. Во всех освященных церковным авторитетом аргументах от книжности просматривается их апокрифическая подоплека. При этом непосредственно о названиях апокрифических источников, откуда владыкой-полемистом черпалась фактура, дипломатически умалчивается. Однако апокрифическими данными доказательства в «Послании о рае» не ограничиваются.

⁵ Древнейшая полная версия имела хождение на Руси уже при жизни владыки Василия [ГИМ. Собр. А. И. Хлудова. № 195. Л. 240а–247а; РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 4/1081. Л. 1476–168а]. Публикацию см.: [Попов, с. 396–404; Памятники, с. 135–142; Тихонравов, с. 59–66]. Древнейший список сокращенной минейной версии апокрифа представлен рукописью конца XIV – начала XV в. [РГБ. Собр. И. Д. Беляева. № 54 (бывшее Собр. Румянцевского музея № 1548). Л. 98–104]; публикацию см.: [Мильков, 2016b, с. 77–97]. Хотя апокриф был внесен в Индексы, до нас дошло несколько разновидностей проложной краткой версии, древнейшей из которых является так называемый Погодинский пролог XIII в. Особые переводы проложной редакции читаются в других рукописях, публикацию см.: [Никифоров, с. 184–186].

Будучи горячим сторонником концепции земного и поэтому чувственно воспринимаемого рая, Василий Калика делает особый акцент на достигаемости обители блаженных и с этой целью обращается даже к свидетельствам жизненного опыта. В подтверждение восходящих к книжности данных он воспроизводит рассказы известных ему земляков, которые во время морских путешествий достигали мест, воспринимавшихся ими как инобытийные локусы. Согласно одной приведенной в «Послании» истории, новгородцы на «Дышущем» (то есть северном) море были «видоками» того, как из преисподней извергается «река молненная Моргъ», и оттуда доносится «скрежет зубный». Кроме того, новгородский владыка ссылается на рассказ вполне конкретных личностей – Моислава-новгородца и сына его Иакова, которым довелось созерцать место «святаго рая» во время плавания по морю (география не уточняется). Согласно их свидетельству, рай имел облик окольцованного горами острова, изнутри которого исходил «свет многочастный... а на горах тех ликования многа слышахуть». Посылавшиеся на разведку с радостными криками безвозвратно исчезали внутри райского острова, а те, кого отправляли туда на веревочной привязи, а затем силой вытаскивали назад, оказывались мертвыми [Послание, с. 44–46].

Свидетельства «видоков», по замыслу Василия, призваны были подтвердить его тезис о нахождении рая в отдаленном краю населенного мира, среди морских пространств. Путешественники из вечевых городов действовали так же, как визионеры хождений. Новгородскую легенду с апокрифами объединяет общая идея достижимости рая. На деле, как указывают исследователи, в местной новгородской интерпретации воспроизводились мотивы, сходные с европейскими устными сказаниями о морских путешествиях к раю [Веселовский, 1891, с. 93–97; Алексеев, с. 91–92]. В контексте древнерусской культуры подобные легенды накладывались на восходящие к дохристианским представлениям архетипы, согласно которым умершие находились в стране предков, локализовавшейся в пределах общего с живыми пространства, но чаще всего за водной границей или другими труднопреодолимыми для живых преградами [Елеонская, с. 43–47; Левкиевская, с. 348–358; Мильков, 2015, с. 64–73; Чистяков, с. 114–122]. Актуализация дохристианских смыслов в пастве Василия вполне согласуется с умонастроениями в вольном городе, где со второй половины XIV столетия стригольникам распространялся пантеистический культ земли.

Как оценить качество приводившихся Василием Каликой доказательств? Начав с аргументов Писания и ссылок на церковную книжность, новгородский владыка со строго догматических позиций сначала переключается на апокрифы, а затем соскальзывает на обыденно-жизненную логику рассуждений с позиций наивно-натуралистического мировосприятия, приписывая статус достоверности выдававшимся за быль легендарным историям. Именно их он считает главным неотразимым аргументом в споре со своим оппонентом. Подверстывая к апокрифической фактуре свидетельства «видоков», новгородский святитель, по сути дела, легализовал миф со всеми его

архетипами. Но в этом же ключе в апокрифических повествованиях о хождениях в земной рай объективным образом актуализировался общий с новгородскими легендами мифологический подтекст, который в самих апокрифах с их внешне христианской фактурой и фразеологией не был проявлен, но подводил под запрет Индексов.

Парадоксально, но новгородский владыка разделял со своей паствой веру в рассказы не просто сомнительного, а недопустимого с точки зрения доктрины характера. И положение не спасает то, что пережиточные от языческих времен смыслы транслировались в оболочке христианских понятий. Общей для апокрифов, устных легенд и архаических представлений о стране предков была идея посюсторонней локализации места, где пребывают души умерших. Все вместе говорит о весьма неглубоком усвоении христианских истин, позволявшем проявлять свободомыслие даже на уровне священноначалия. Переключение спора о рае на почву мифологических аргументов не дает права считать его взгляды строго доктринальными.

Формально Василий Калика был все-таки выразителем концепции земного рая, которой придерживались экзегеты антиохийской школы богословия. Они рассматривали рай как часть сотворенного мира и вписывали его в земную сферу разрабатывавшейся ими плоскостно-комарной модели мироустройства. Ко времени спора «о честном раю» ряд произведений, представлявших эту традицию, уже существовал в славянских переводах и русских списках.

В наиболее ярком виде антиохийская концепция земного рая была воспроизведена в «Христианской топографии Козьмы Индикоплова». Концептуальные идеи через Патрикия восходят к Федору Мопсуэстийскому [Культура Византии, с. 467–471]. Созданный в середине VI в. труд в переводе был известен не позднее рубежа XII–XIII вв. и получил самое широкое распространение в Древней Руси⁶.

Устройство мироздания Козьма мыслил наподобие гигантского космического дома с комарным небесным сводом, сотворенным в первый день, а затем отделенным от материальной действительности ледовой твердью во второй день творения. За основание этого дома-космоса он принимал плоский земной прямоугольник, окруженный Мировым океаном. Океан, в свою очередь, трактовался как пространство, заключенное в прямоугольный периметр краев земных, на которые опираются стены космического дома [Книга, с. 84, 108–109]. Земной рай в этом замкнутом пространстве творения он помещает в крайних восточных пределах дольного мира, там, где небесный свод опирается на землю «и паки окрест, еже ес, об ону страну и окрест океана землю, иде же на востоце лежить раи, иде же и краи небсии связанъ с краи земными» [Там же, с. 67]. Небо-небес он отождествляет с Царством Божиим, а обитель праведных локализует на земле. Реальность рая в пределах

⁶ Не считая многочисленных извлечений в сборники смешанного содержания, к настоящему времени по далеко не полным данным выявлено более 50 списков [Пиотровская, с. 37–40; 221–223].

физической действительности подтверждается, по мнению Козьмы, дующими с востока благовонными ветрами и прилетом из невидимой благодатной земли птиц [Книга, с. 65]. Любые попытки достичь райских пределов экзегет считает тщетными. Водное пространство, отделяющее рай от ойкумены, преодолел только Ной [Там же]. Из этого следует, что место жительства человечества до потопа связывается с предместьями рая прародителей, а потоп стал лишь поводом к перемещению. В результате произошло отделение рая от ойкумены в пределах единого физического пространства, разрезанного на две части непроходимыми водными пучинами.

С обоснованием идеи земного рая выступил другой крупный представитель антиохийского богословия – Севериан Габальский (конец IV – первая треть V в.). Соответствующие разделы его труда под названием «Шесть речей о мироздании» были воспроизведены в «Слове шестого дня» «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского и стали достоянием древнерусской книжности с XII столетия. В результате текстологических изысканий установлен факт обширного тиражирования «Шестоднева» [Баранкова, Мильков, с. 289–293]. Появление в XV в. полных версий труда Севериана только способствовало популяризации идеи земного рая [Космологические произведения, с. 92–93].

Подобно Козьме Индикоплову, Севериан уподоблял мироздание устройству дома, основанием которого является земля, а потолком – небесная твердь, охлаждающая жар перемещающихся в воздушной сфере светил вселенского дома [Там же, с. 96–112]. Отправным пунктом рассуждений богослова было указание Библии на насаждение Богом рая в Эдеме на востоке земли. Соответственно, он связывает рай с дольной восточной частью земного пространства, хотя местоположение не конкретизирует. В обосновании экстерриториальности рая он исходил из того, что Адам был изгнан оттуда, а его потомки распространились по лицу прилегающей к раю земли. Согласно Севериану Габальскому, рай имеет огромные размеры и предназначен для блаженства в нем пророков, евангелистов, святых и всех живших праведно. Хотя географических привязок, кроме указания на восточный край суши, не дается, экзегет называет райские реки, которые объединяют сакральную зону земного пространства с обитаемыми местами расселения людей⁷.

Авторитетность концепции земного рая придавало то, что ее разделяли Ефрем Сирийский, Иоанн Златоуст, Федор Мопсуэстийский, Феодорит Киррский [Культура Византии, с. 434–440]. На этом фоне умолчание Василия Калики о размышлениях экзегетов на тему земного рая (кроме краткой ссылки на Иоанна Златоуста) представляется загадкой. Вместо

⁷ Ср. аргументацию за материковую версию в «Вопросах князя Антиоха и ответах святого Афанасия Александрийского»: «насади бог рай на востоцех. Учить бо нас яко на востоцех вся земля есть рай... сего ради вся благовонная от аромат на восточных землях рекше, индийских станах суть» [Мильков, 2017, с. 114]. О бытовании памятника с XI в. см.: [Там же, с. 110].

авторитетных богословских мнений в «Послании» новгородского святителя фигурируют разнообразные мифические свидетельства путешественников, видевших или даже посещавших рай. И общий контекст не спасают отсылки к Св. Писанию, поставленные в один ряд с легендарно-апокрифическими источниками. Конечно, можно допустить, что перечисленные нами богословские тексты не были известны Василию, хотя для такого книжного центра, каким был Новгород, это маловероятно. Нельзя исключать сознательный подбор аргументации, в которой речь последовательно идет о путешествиях к земному раю и контактах с ним. В экзегезе сама мысль о доступности рая строго исключается.

Некоторые исследователи необоснованно считают, что Василий Калика признавал существование только земного рая [Sedel'nikov, р. 230–231; Лончакова, 1975, с. 88]. О понимании владыкой инобытийной реальности можно судить по критике Федора Доброго, к которому предъявляются претензии, что тот мысленный рай считал не столько реальностью, сколько некой иллюзорностью: «И ныне брате, мнит ти ся мысленный рай, но все мыслено мнится видением» [Послание, с. 44]. На утверждение Федора, что рай погиб, Василий отвечает напоминанием, что туда по воскресении Христа через неприступные врата, охранявшиеся херувимами, было введено большое количество святых, там же пребывает Богородица: «а место се святое како погыбе... в немь же есть Пречистая Богородица, и множество святых, еже по въскресении Господни явишася многим в Иерусалиме и паки внидоша в рай» [Там же]. Получается, что земной рай существует, ибо предназначен для пребывания праведников. Одновременно Василий неоднократно использует понятие Царствия Божьего, но при этом нигде не говорит о Царствии Небесном. В его понимании со вторым пришествием Христа «вся земля просвещена будет светом неизреченным» и будет «исполнена радости и веселия» [Там же, с. 48]. Новгородский святитель полагал, что после второго пришествия Царствием Божиим становится весь мир. Рай прошлого не уничтожается огнем светопреобразования, а преобразуется в рай будущего. После огненного очищения земли оппозиция «земной – небесный» утрачивает свою значимость, соответственно, нет противоречия в утверждении, что восхищенный Богом Илья пребывает в земной обители праведных. Таким необычным приемом Василий обосновывает трансформацию земного рая в Царствие Божие, каковым вместе с раем прародителей становится вся преобразенная земля⁸.

⁸ В понимании соотношения феноменальных и ноуменальных признаков ход мыслей Василия Калики далек от построений Иоанна Дамаскина, который, наряду с физическими свойствами, усваивал раю и духовные качества: «чистое место видимо и разумно. сугубь имыи сказъ» [ГИМ. Синод. собр. № 951. Л. 323а]. Экзегет связывает рай с восточной стороной мироздания, но локализует его над землей в эфирном пространстве: «на востоце же вся земля выше лежит» [Там же]. О неземных свойствах рая прошлого высказывался Григорий Синаит: «рай сугуб есть чувствени и мыслньни, сиречь иже в едеме и благодатнии» [Седельников, с. 170]. Рай он представлял располагавшимся «посреде тле и нетления сътворен» в некоей возвышенности, достигавшей «третьей чясти до небесе» [Там же, с. 170–171]. В таком ключе рай прародителей толковался как небесный.

Если рассматривать изложенную в «Послании о рае» систему доказательств в целом, можно увидеть, как аргументы от Писания подкрепляются данными апокрифического характера и мифологизированными легендами. Именно хождения к раю и облеченная в рассказ «видоков» легенда призваны опровергнуть заблуждения Федора Доброго. Актуализируя мифологический подтекст повествований о путешествии на край света, новгородский владыка встает на позиции людей с наивной верой, отправлявшихся на поиски земного рая⁹.

Поднимая тему земного рая, Василий Калика ограниченно задействовал имевшийся к тому времени книжный фонд. В его репертуаре преобладают не доктринально выверенные цитаты из экзегетов, а рассказы, в которых с большей или меньшей степенью проявились мотивы легендарно-мифологического характера. В своих построениях он вышел за рамки доктринально допустимого представления о картине мира и никак не обозначил особую онтологическую природу рая, исключительно подчеркивая его феноменальность. Одновременно он приписывал раю прошлого функции небесного рая, а рай будущего трактовал как трансформированный в Царствие Божие земной рай. Совершенно справедливым следует считать вывод одного из новейших авторов о том, что новгородский архиерей «не отличался глубокой теоретичностью осмысления вопроса о рае» [Дергачева, с. 142]. Оказывая доверие легендарно-мифологическим свидетельствам, Василий жертвовал доктринально выверенными трактовками, которые были приняты в христианской письменности и обладали в ту эпоху статусом достоверности, выше которого была только буква Писания. По критериям вероучения, все, что говорилось о земном рае новгородским святителем, конечно, кроме отсылок к ветхозаветным свидетельствам, это фантазия, миф, облеченный в занимательный рассказ достигавших рая путешественников.

Хотя в «Послании о рае» и приводится общая с полемическими древнерусскими статьями аргументация в пользу феноменальной природы рая, его автор дерзко расширяет доказательную базу за счет обращения к данным чувственного опыта. В результате занесенная Василием в книжность и тиражировавшаяся там устная легенда о путешествии новгородцев к раю давала вторую жизнь архаическим представлениям о мире предков, правда, уже в христианизированной редакции. Заподозрить главу новгородской церкви в реанимации архаики и сознательном вольнодумстве мы не можем. Однако факт доверия Василия к легендарной истории с дохристианским подтек-

⁹ Об этом свидетельствуют европейские подорожные к раю и реальная экспедиция бенгальского царя Шариديпа, который по реке Ганг пытался дойти до обители праведных. Воспоминания о походах к раю нашли отражение в поздней русской переработке «Сказания о Макарии Римском». Согласно апокрифу, новгородские монахи идут на поиски рая, наблюдают в пути необычайные пространства и сказочных зверей, а, преодолев все трудности, встречают Макария вблизи утопающего в садах рая [Ржига, с. 374–385].

стом красноречиво свидетельствует о качестве новгородской религиозности. Подобного рода всеядность новгородского священноначалия, разделявшего со своей паствой народную веру в географическую достигаемость иного мира, мало способствовала качественной перестройке религиозного сознания верующих на основах христианского вероучения. Пережитки двоеверия, фиксировавшиеся книжными и археологическими источниками, закономерный результат в том числе и того синтеза, который был фактом религиозного сознания в середине XIV в.

Список литературы

- Александрия : Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / изд. подг. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М. ; Л. : Наука, 1955. 269 с.
- Алексеев А. И. Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности. СПб. : Алетей, 2002. 347 с.
- Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1889. Т. 1–2. 207 с.
- Баранкова Г. С., Мильков В. В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб. : Алетей, 2001. 972 с.
- Ванеева Е. И. Александрия Сербская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI – первая половина XIV в. Л. : Наука, 1987. С. 21–25.
- Веселовский А. Н. Из истории романа и повести : Материалы и исследования. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1886. 511, 80 с. (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 40. № 2).
- Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Вып. 6. XVIII–XXIV. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1891. [2], 230, 174 с. (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 53. № 6).
- ГИМ. Синод. собр. № 548, 638, 817 (№ 806 по старой нумерации), 951; Собр. А. С. Уварова. № 566; Собр. А. И. Хлудова. № 195.
- Демкова Н. С. Комментарии к «Посланию Василия Новгородского Федору Тверскому о рае» // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 1999. Т. 6. С. 517–519.
- Дергачева И. В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М. : Круг, 2004. 351 с.
- Елеонская Е. Н. Представления «того света» в сказочной традиции // Сказка, заговор и колдовство в России. М. : Индрик, 1994. С. 42–50.
- Истрин В. М. Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе : в 3 т. Пг. : Рос. гос. акад. тип., 1920. Т. 1. Текст. XVIII, 612, III с.
- Книга нарицаема Козьма Индикоплов : Древнерусский перевод по рукописи 1495 г. / изд. подг. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М. : Индрик, 1997. 776 с.
- Космологические произведения в книжности Древней Руси : в 2 ч. / изд. подг. В. В. Мильков, С. М. Полянский. СПб. : Мир, 2009. Ч. 2. Тексты плоскоотно-комарной и других космологических традиций. 623 с.
- Культура Византии. IV – первая половина VII в. / отв. ред. З. В. Удальцова. М. : Наука, 1984. 723 с.
- Левкиевская Е. Е. Представления о «том свете» у восточных славян // Славянский альманах. 2003. М. : Индрик, 2004. С. 342–364.
- Лончакова Г. А. Послание Василия Калики Федору Доброму // Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск : Гос. публ. науч.-тех. б-ка Сиб. отд. Акад. наук СССР, 1975. Вып. 19. С. 83–104.

Лончакова Г. А. О круге чтения новгородского писателя архиепископа Василия Калики (XIV в.) // Библиосфера. 2007. № 4. С. 67–71.

Лурье Я. С. Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе // Александрия : Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / изд. подг. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М. ; Л. : Наука, 1955. С. 145–168.

Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб. : Изд-во РХГИ, 1999. 885 с.

Мильков В. В. Древнерусские представления об ином мире // Россия XXI. 2015. № 5. С. 64–91.

Мильков В. В. Тема земного рая в древнерусских апокрифах. 1. Хождение Зосимы к рахманам // Язык и текст. Т. 3. 2016а. № 4. С. 44–71. DOI 10.17759/langt.2016030405.

Мильков В. В. Тема земного рая в древнерусских апокрифах. 2. Сказание о Макарии Римском // Язык и текст. Т. 3. 2016б. № 4. С. 72–101. DOI 10.17759/langt.2016030406.

Мильков В. В. Апокрифические образы иного мира в апокрифах «Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху» // Язык и текст. Т. 4. 2017. № 4. С. 85–118. DOI 10.17759/langt.2017040407.

Мочульский В. Н. Следы народной Библии в славянской и в древнерусской письменности. Одесса : Тип. шт. войск Одесского воен. округа, 1893. 281 с.

Никифоров А. И. Минейные и проложные тексты апокрифа о Макарии Римском в славяно-русских переводах // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань : Тип. «Красный печатник», 1923. Т. 32. Вып. 2. С. 131–186.

Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. СПб. : Тип. П. А. Кулиша, 1862. [6], 180 с.

Пиотровская В. К. «Христианская топография Козьмы Индикоплова» в древнерусской письменной традиции. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. 248 с.

Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М. : Синод. тип., 1872. [10], X, 664, 54 с.

Послание Василия Новгородского Федору Тверскому о рае / подг. текста и пер. Н. С. Демковой // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 1999. Т. 6. С. 42–49.

РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 1, 53.

РГБ. Собр. И. Д. Беляева. № 54 (бывшее Собр. Румянцевского музея. № 1548); Собр. Е. Е. Егорова. № 202; Собр. Г. Г. Юдина. № 2.

Ржига В. Ф. Новая версия легенды о земном рае // Byzantinoslavica. 1930. Roč. II. S. 374–385.

РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 4/1081, 11/1088; Собр. Соловецкого монастыря. № 860/970, 861; Собр. Софийской библиотеки. № 1450, 1449.

Седельников А. Д. Мотив о рае в русском средневековом прении // Byzantinoslavica. 1937–1938. Roč. VII. S. 164–173.

Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы: в 2 т. М. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1863. Т. 2. 457 с.

Федоровская Н. А. Риторические традиции аргументации в «Послании о рае» Василия Калики // Изв. Владивосток. гос. пед. ун-та. 2013. № 1. С. 56–59.

Чистяков В. А. Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX–XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор / отв. ред. В. К. Соколова. М. : Наука, 1982. С. 114–127.

Des Hl. Johannes von Damascus. Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes / Hrsg. von L. Sadnik. Wiesbaden – Freiburg : Verlag Otto Harrassowitz, 1981. Bd. 2. 412 S. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris: fontes et dissertationes. T. XIV).

Sedel'nikov A. D. Vasilij Kalika: L'histoire et la legende // Rev. des etudes slaves. T. 7. Fasc. 3–4. 1927. P. 224–240.

References

Alekseev, A. I. (2002). *Pod znakom kontsa vremen. Ocherki russkoi religioznosti* [Under the Sign of the End of Times. Essays on Russian Religiosity]. St Petersburg, Aleteiya. 347 p.

Arkhangel'skii, A. S. (1889). *Tvoreniya otsov tserkvi v drevnerusskoi pis'mennosti* [Works of the Church Fathers in Old Russian Writing]. Kazan', Tipografiya Imperatorskogo universiteta. Vols. I–II. 207 p.

Barankova, G. S., Milkov, V. V. (2001). *Shestodnev Ioanna ekzarkha Bolgarskogo* [The Hexaemeron of John, Bulgarian Exarch]. St Petersburg, Aleteiya. 972 p.

Botvinnik, M. N., Lourié, Ya. S., Tvorogov, O. V. (Eds.). (1955). *Aleksandriya. Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoi rukopisi XV v.* [Alexandria. A Novel about Alexander the Great in the Russian Manuscripts of the 15th Century]. Moscow, Leningrad, Nauka. 269 p.

Chistyakov, V. A. (1982). Predstavleniya o doroge v zagrobnyi mir v russkikh pokhoronnykh prichitaniyakh XIX–XX vv. [Ideas about the Road to the Afterlife in Russian Funeral Lamentations of the 19th–20th Centuries]. In Sokolova, V. K. (Ed.). *Obyady i obryadovy fol'klor*. Moscow, Nauka, pp. 114–127.

Demkova, N. S. (1999b). Kommentarii k “Poslaniyu Vasiliya Novgorodskogo Fedoru Tverskomu o rae” [Comments on the *Epistle from Vasily of Novgorod to Fyodor of Tver about Paradise*]. In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi v 20 t.* St Petersburg, Nauka. Vol. 6, pp. 517–519.

Demkova, N. S. (Ed.). (1999a). Poslanie Vasiliya Novgorodskogo Fedoru Tverskomu o rae [Epistle from Vasily of Novgorod to Fyodor of Tver about Paradise]. In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi v 20 t.* St Petersburg, Nauka. Vol. 6, pp. 42–49.

Dergacheva, I. V. (2004). *Posmertnaya sud'ba i “inoi mir” v drevnerusskoi knizhnosti* [Posthumous Fate and the “Other World” in Old Russian Literature]. Moscow, Krug. 351 p.

Des Hl. Johannes von Damascus. (1981). *Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes* / Hrsg. von L. Sadnik. Wiesbaden – Freiburg, Verlag Otto Harrassowitz. Bd. 2. 412 S. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris: fontes et dissertationes. T. XIV).

Eleonskaya, E. N. (1994). Predstavleniya “togo sveta” v skazochnoi traditsii [Ideas about the “Other World” in the Fairytale Tradition]. In *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii*. Moscow, Indrik, pp. 42–50.

Fedorovskaya, N. A. (2013). Ritoricheskie traditsii argumentatsii v “Poslanii o rae” Vasiliya Kaliki [Rhetorical Traditions of Argumentation in the *Epistle about Paradise* by Vasily Kalika]. In *Izvestiya Vladivostokskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1, pp. 56–59.

GIM [State Historical Museum]. (Sinodal'noe sobranie). No. 548, 638, 817 (No. 806 po staroi numeratsii), 951; (Sobranie A. S. Uvarova). No. 566; (Sobranie A. I. Khlu-dova). No. 195.

Golyshenko, V. S., Dubrovina, V. F. (Eds.). (1997). *Kniga naritsaema Koz'ma Indikoplov. Drevnerusskii perevod po rukopisi 1495 goda* [The Book is Called Cosmas Indicopleustes. Old Russian Translation of the Manuscript from 1495]. Moscow, Indrik. 776 p.

Istrin, V. M. (1920). *Knigy vremennyya i obraznyya Georgiya Mnikha. Khronika Georgiya Amartola v drevnem slavyano-russkom perevode* [Temporal and Figurative Books by George Mnich. The Chronicle of George Hamarthol in an Old Slavic-Russian Translation.]. Petrograd, Rossiiskaya gosudarstvennaya akademicheskaya tipografiya. Vol. 1. Tekst. XVIII, 612, III p.

Levkievskaya, E. E. (2004). Predstavleniya o “tom svete” u vostochnykh slavyan [Representations of the “Other World” among the Eastern Slavs]. In *Slavyanskii al'manakh*. 2003. Moscow, Indrik, pp. 342–364.

Lonchakova, G. A. (1975). Poslanie Vasiliya Kaliki Fedoru Dobromu [Message from Vasily Kalika to Fyodor the Kind]. In *Voprosy istorii knizhnoi kul'tury*. Novosibirsk, Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tehnicheskaya biblioteka Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Iss. 19, pp. 83–104.

Lonchakova, G. A. (2007). O krughe chteniya novgorodskogo pisatelya arkhiepiskopa Vasiliya Kaliki (XIV vek) [On the Reading Circle of Vasily Kalika – a Novgorod Archbishop and Writer (14th Century)]. In *Bibliosfera*. No. 4, pp. 67–71.

Lourié, Ya. S. (1955). Srednevekovyi roman ob Aleksandre Makedonskom v russkoi literature [A Medieval Novel about Alexander the Great in Russian Literature]. In Botvinnik, M. N., Lourié, Ya. S., Tvorogov, O. V. (Eds.). (1955). *Aleksandriya. Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoi rukopisi XV v.* Moscow, Leningrad, Nauka, pp. 145–168.

Milkov, V. V. (2017). Apokrificheskie obrazy inogo mira v apokrifakh “Videnie apostola Pavla”, “Khozhdenie Bogoroditsy po mukam”, “Voprosakh i otvetakh svyatogo Afanasiya knyazyu Antiokhu” [Apocryphal Images of the Other World in the Apocrypha *The Vision of Paul the Apostle, Descent of the Virgin into Hell, Questions and Answers of St Athanasius to Antiochus*]. In *Iazyk i tekst*. Vol. 4. No. 4, pp. 85–118. DOI 10.17759/langt.2017040407.

Milkov, V. V. (1999). *Drevnerusskie apokrify* [Old Russian Apocrypha]. St Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta. 885 p.

Milkov, V. V. (2016a). Tema zemnogo raya v drevnerusskikh apokrifakh. 1. Khozhdenie Zosimy k rakhmanam [The Theme of the Earthly Paradise in Old Russian Apocrypha. 1. Zosima's Journey to Rahmans]. In *Iazyk i tekst*. Vol. 3. No. 4, pp. 44–71. DOI 10.17759/langt.2016030405.

Milkov, V. V. (2016b). Tema zemnogo raya v drevnerusskikh apokrifakh. 2. Skazanie o Makarii Rimskom [The Theme of Earthly Paradise in Old Russian Apocrypha. 2. The Legend of Macarius the Roman]. In *Iazyk i tekst*. Vol. 3. No. 4, pp. 72–101. DOI 10.17759/langt.2016030406.

Milkov, V. V., Polyanskii, S. M. (Eds.). (2009). *Kosmologicheskie proizvedeniya v knizhnosti Drevnei Rusi v 2 ch.* [Cosmological Works in the Literature of Old Rus'. 2 Parts]. St Petersburg, Mir. Part 2. Teksty ploskostno-komarnoi i drugih kosmologicheskikh traditsii. 623 p.

Milkov, V.V. (2015). Drevnerusskie predstavleniya ob inom mire [Old Russian Ideas about the Other World]. In *Rossiya XXI*. No. 5, pp. 64–91.

Mochul'skii, V. N. (1893). *Sledy narodnoi Biblii v slavyanskoi i drevnerusskoi pis'mennosti* [Traces of the Folk Bible in Slavonic and Russian Literature]. Odessa, Tipografiya shtatnykh voisk Odesskogo voennogo okruga. 281 p.

Nikiforov, A. I. (1923). Mineinye i prolozhnye teksty apokrifa o Makarii Rimskom v slavyanorusskikh perevodakh [Menaion and Prolog Texts of the Apocrypha about Macarius the Roman in Slavic-Russian Translations]. In *Izvestiya obschestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. Kazan', Tipografiya “Krasnyi pechatnik”. Vol. 32. Iss. 2, pp. 131–186.

Pamyatniki starinnoi russkoi literatury, izdavaemye grafom Grigoriem Kushelevym-Bezborodko [Texts of Old Russian Literature Issued by Grigory Kushelev-Bezborodko]. (1862). St Petersburg, Tipografiya P. A. Kulisha. Iss. 3 Lozhnye i otrechennye knigi russkoi stariny, sobrannye A. N. Pypinym. [6], 180 p.

Piotrovskaya, V. K. (2004). “*Khristianskaya topografiya Koz'my Indikoplova*” v drevnerusskoi pis'mennoi traditsii [The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes in the Old Russian Written Tradition]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 248 p.

Popov, A. (1872). *Opisanie rukopisei i katalog knig tserkovnoi pechati biblioteki A. I. Khludova* [Description of Manuscripts and Catalogue of the Church Books of A. I. Khludov's Library]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya. [10], X, 664, 54 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 181. List 1. No. 1, 53.

RGB [Russian State Library]. (Sobranie I. D. Belyaeva). No. 54 (byvshee Sobranie Rumyantsevskogo muzeya. No. 1548); (Sobranie E. E. Egorova). No. 202; (Sobranie G. G. Yudina). No. 2.

RNB [National Library of Russia]. (Sobranie Kirillo-Belozerskogo monastyrya). No. 4/1081, 11/1088; (Sobranie Solovetskogo monastyrya). No. 860/970, 861; (Sobranie Sofiiskoi biblioteki). No. 1450, 1449.

Rzhiga, V. F. (1930). Novaya versiya legendy o zemnom rae [A New Version of the Legend of Earthly Paradise]. In *Byzantinoslavica*. Roč. II, s. 374–385.

Sedel'nikov, A. D. (1927). Vasilij Kalika: L'histoire et la legende. In *Revue des etudes slaves*. Vol. 7. Fasc. 3–4, pp. 224–240.

Sedel'nikov, A. D. (1937–1938). Motiv o rae v russkom srednevekovom preni [The Motif of Paradise in the Russian Medieval Debate]. In *Byzantinoslavica*. Roč. VII, s. 164–173.

Tikhonravov, N. S. (1863). *Pamyatniki otrechennoi russkoi literatury v 2 t.* [Texts of Heretical Russian Literature. 2 Vols.]. Moscow, Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”. Vol. 2. 457 p.

Udal'tsova, Z. V. (Ed.). (1984). *Kul'tura VizantiI. IV – pervaya polovina VII v.* [The Culture of Byzantium. 4th – First Half of 7th Centuries]. Moscow, Nauka. 723 p.

Vaneeva, E. I. (1987). Aleksandriya Serbskaya [Serbian Alexandria]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Iss. 1. XI – pervaya polovina XIV v. Leningrad, Nauka, pp. 21–25.

Veselovsky, A. N. (1886). *Iz istorii romana i povesti. Materialy i issledovaniya* [From the History of the Novel and Story. Materials and Research]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 511, 80 p. (Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 40. No. 2).

Veselovsky, A. N. (1891). *Razyskaniya v oblasti russkogo dukhovnogo stikha* [Studies in the Field of Russian Spiritual Verse]. Iss. 6. XVIII–XXIV. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. [2], 230, 174 p. (Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 53. No. 6).

The article was submitted on 23.07.2019

БЫТИЙНАЯ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА СЛОВА В ПОУЧЕНИЯХ КОНЦА XVII ВЕКА*

Анастасия Нестерова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE EXISTENTIAL AND ANTHROPOLOGICAL SEMANTICS OF THE WORD IN LATE 17th-CENTURY SERMONS**

Anastasia Nesterova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article describes the semantics of the *word* concept, which is represented in late 17th-century homiletic texts. It is defined by the topics of sermons in terms of their ontological and anthropological content, which is characterised by specific features depending on the author. The article mostly focuses on *Statir*, an extensive and little-studied collection of sermons written by an anonymous author on the Stroganov patrimonial estate. The text is of considerable scholarly interest because of its high artistic level and the author's fresh view on the traditional aspects of religious life. His sermons actualise the concept of the word on three levels: *the Divine Word – the word of the Church Fathers – the sermon word of the clergyman*. The three levels are arranged in a hierarchical chain, whose first link is the Word spoken by God the Father (God the Son) and the Gospel, while the next is represented by the teachings of the Holy Fathers. Each new link is the priest's word, which is reflected in sermons addressing the parish and readers of the collections. These levels are fully represented in the sermon *Word 35. Teaching for the Day of the Three Hierarchs: Basil the Great, Gregory the Theologian*,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00186 «"Культура духа" vs "Культура разума": интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.) »).

** Citation: Nesterova, A. (2020). The Existential and Anthropological Semantics of the Word in Late 17th-Century Sermons. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 36–55. DOI 10.15826/qr.2020.1.446.

Цитирование: Nesterova A. The Existential and Anthropological Semantics of the Word in Late 17th-Century Sermons // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 36–55. DOI 10.15826/qr.2020.1.446 / Нестерова А. Бытийная и антропологическая семантика слова в поучениях конца XVII века // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 36–55. DOI 10.15826/qr.2020.1.446.

and John Chrysostom. Praise of their Care for the Flock. And about the False Shepherds, and on Heretics, and on the Existing Schismatics. The reader joins in the praise of the three hierarchs and theologians to whom the sermon is devoted. It dwells on the topics of the teaching word, the transformative word, and the role of the clergyman in the process of relaying the truth and criticism of tendencies deviating from the Church and offering an alternative interpretation of its dogma. The word concept is also studied in *Food for the Soul* (Rus. *Obed Dushevnyi*), a sermon collection written by Simeon Polotsky, which was familiar to the author of *Statir* as can be seen from the references. The author of the article carries out comprehensive text analysis and examines the historical and cultural content of the preaching texts. Features of the thematic content of the sermon are examined through the rhetorical structure of a separate work. The study demonstrates that for the author of *Statir*, the semantics of the multi-level word concept is primarily associated with the categories of continuity, transmission of true knowledge, and transformation of reality. The word is a key to salvation capable of confronting the unrighteous word and directing believers' lives (in contrast to the word in *Food for the Soul* where it appears as a resource, a specific fuel required for the spiritual development of the recipient). In the sermon *Teaching for the Day of the Three Hierarchs*, the author builds a complex system of arguments designed to convince the readers of the need to learn the word of truth through sacred texts and curb the spread of false teachings. Using extensive metaphors and creatively processing sources, the author engages the recipients in the space of teachings and convinces them to adopt his point of view. The sermon resembles a fluent multidimensional conversation, whose themes form a network and are combined into an integrated system by the word concept.

Keywords: sermon; handwritten collection *Statir*; 17th-century literature; word concept; image of the author; Simeon Polotsky.

В статье раскрывается семантика концепта *слово*, репрезентированная в проповеднических памятниках конца XVII в. Она конкретизируется тематикой проповедей в аспекте онтологического и антропологического содержания, которое обладает своими особенностями для каждого отдельного автора. Основное внимание уделяется обширному малоисследованному сборнику проповедей «Статир», составленному в Строгановской вотчине анонимным автором. Интерес к нему обусловлен высоким уровнем художественной выразительности рукописи и фигурой автора, для которого характерен свежий самобытный взгляд на традиционные аспекты религиозной жизни. В его проповедях концепт реализуется на трех уровнях: *Слово Божественное – слово отцов церкви – слово-проповедь священнослужителя*. Три уровня выстраиваются в иерархическую цепь, первым звеном которой является изреченное Богом Отцом Слово (Бог Сын) и евангельское благовествование, следующим – поучения святых отцов, и каждым вновь возникающим звеном – слово священников, которое реализуется в проповеди, адресованной пастве прихода и читателям сборников. Продемонстрировать каждый из трех уровней в полной мере

позволяет проповедь «Слово 35. Поучение на д(е)нь триехъ с(вя)т(ите)лей: Василия Великаго, Григория Б(о)гослова, Иоанна Златаустаго. Похвала о пастве прилежания ихъ. И о лживыхъ пастырехъ, и на еретики, и на н(ы)-нѣшнии расколники». Читатель приобщается к восхвалению трех святителей-богословов, на день памяти которых написана проповедь, в ней развиваются темы слова учения, слова преображающего, роли священнослужителя в процессе ретрансляции истины и критика течений, отпадающих от церкви и предлагающих альтернативную трактовку ее догматов. Наряду с поучениями «Статира», рассматривается отражение концепта в сборнике проповедей Симеона Полоцкого «Обед душевный», с которым, судя по упоминанию, автор рукописи был знаком. Используется комплексный текстовый анализ, представлено исследование исторического и культурологического контента проповеднических текстов. Особенности тематического наполнения проповеди рассматриваются через обращение к риторической структуре отдельного сочинения. Исследование показало, что семантика многоуровневого концепта *слово* для автора «Статира» связана в первую очередь с категориями преемственности, трансляции истинного знания и преображения окружающей действительности. Слово является ключом к спасению, оно способно противостоять слову несправедному и направлять жизнь верующего (в отличие от семантики слова в «Обеде душевном», где оно предстает в качестве ресурса, специфического топлива, необходимого для духовного развития реципиента). В проповеди «Поучение на д(е)нь триехъ с(вя)т(ите)лей» автор выстраивает сложную систему аргументации, направленную на утверждение необходимости познания слова истины через священные и поучительные тексты, а также на пресечение распространения ложных учений. Посредством использования объемных живых метафор и творческой переработки источников автор вовлекает адресатов поучения в пространство текста и убеждает их в своей позиции. Проповедь напоминает живую многоаспектную беседу, тематические центры которой образуют сеть и объединяются в целостную систему концептом *слово*.

Ключевые слова: проповедь; рукописный сборник «Статир»; литература XVII в.; концепт «слово»; образ автора; Симеон Полоцкий.

Среди памятников гомилетики XVII в. особое место занимает обширный малоизученный сборник проповедей «Статир» [РГБ. Собр. Румянцева. № 411 (Сборник слов и поучений «Статир»)]¹. Он был создан в конце столетия в Орле-городке, вотчине Строгановых, и по самобытности и художественной выразительности сопоставим с творениями выдающихся авторов своей эпохи, таких как Симеон Полоцкий и про-

¹ Конец XVII века. 815 л. 4° (30 x 25), п/у одного почерка, авторская нумерация листов: 1–17 (I счета), 1–517 (II счета), 1–279 (III счета). Сбой нумерации: пропущены л. 474 (II сч.), 187 (III сч.); нумерованы дважды л. 439, 443 (II сч.), 189 (III сч.). Утрачены л. 250, 251 (III сч.). Далее ссылки на «Статир» даются в круглых скобках с указанием номеров листов.

топоп Аввакум. Особенность сборника состоит в том, что его автор предпочел остаться анонимным [Соболева, Мангилев], и на сегодняшний день нельзя с научной достоверностью назвать его имя [Буланин]. Исследование особенностей графики и поэтики рукописи позволяет предполагать, что по уровню владения словом автор мог относиться к кругу высокообразованных проповедников, являя собой редкий случай сочетания творческого переосмысления библейских текстов и новизны выводов при опоре на существовавшую традицию гомилетики.

Написан «Статир» на 815 листах и разделен автором на две части, первая из которых включает 111 «слов» на праздники пасхального и послепасхального цикла, а вторая – 45 поучений, приуроченных к дням памяти святых и событиям жизни прихожан, связанным с церковной практикой. «Статир» изучался ранее в текстологическом аспекте [Востоков; Алексеев], немногие поучения рассматривались в ключе заданной темы (например, богатства и бедности [Сгибнева]), однако комплексное исследование, затрагивающее основные черты сборника и раскрывающее его художественную, содержательную и культурную ценность, пока отсутствует. В данной статье будет затронут лишь один из аспектов изучения рукописи – риторическая структура проповеди, позволяющая обнаружить логику построения аргументации и раскрыть центральные для автора темы. Общая теория церковного красноречия (гомилетики) в историческом становлении и теория структуры текстов получила освещение в работах светских [Михальская] и религиозных авторов [Таушев; Феодосий], но проблема особенностей проповеднического искусства конкретных авторов, несмотря на важность жанра для всего XVII в., отмеченную Л. В. Левшун [Левшун, с. 777–808], остается недостаточно исследованной, за исключением внимания к творчеству Симеона Полоцкого, преимущественно к сборнику «Обед душевный» [см., например: Попов; Еремин; Елеонская; Киселева и др.]. Между тем, именно на жанр проповеди возлагались немалые надежды в процессе формирования общенационального идеала.

Центральную позицию в проповедях «Статира» занимает аспект, имеющий для создателя сборника основополагающее значение и как бы выстраивающий вокруг себя все остальные темы. Это концепт слова и учения как воплощения слова действенного. Слово как таковое, и особенно слово книжное, обладает в понимании автора действенной силой, способной созидать и трансформировать окружающую реальность через воздействие на души слушателей. Основное внимание в данном исследовании уделяется комплексному рассмотрению проповеди второго цикла (неподвижных праздников) сборника – «Слово 35. Поучение на д(е)нь триехъ с(вя)т(ите)лей: Василия Великаго, Григория Б(о)гослова, Иоанна Златаустаго. Похвала о пастве прилежания ихъ. И о лживыхъ пастырьехъ, и на еретики, и на н(ы)нѣшния расколники» (л. 193–200 об.). Поучение в силу значимости для автора фигур трех святителей-богословов, напрямую

связанных с проблемой слова учения, репрезентирует заявленный концепт в аспекте его Божественной сущности, антропологической семантики и эстетического воплощения.

Этот концепт имеет трехуровневую иерархическую структуру.

Высшую ступень занимает слово, дарованное христианам Богом через Священное Писание, и в поучениях этот уровень ощущается в тексте благодаря прямому скрытому цитированию, образам, заимствованным из центральных для автора книг. Этот уровень является несущей основой поучений, фундаментом авторской мысли, который служит ее оправданию и обоснованию. В религиозной литературе Словом именуются Бог Отец и Бог Сын. Оно имеет сложную природу и требует философского осмысления как сущность порождающая и являющаяся [см.: Иоанн Златоуст, беседы 2–4]. Бог Отец рождает Сына, Сын творит слово, Сам являясь Словом, и слово Сына, зафиксированное в Священном Писании, созидает царство Божие в душах верующих, преображает, творит окружающую действительность и делает их способными, в свою очередь, рождать слово. К цепи, все звенья которой сложно сплетены и взаимосвязаны, к этому процессу возникновения и транслирования слова оказывается причастен и сам автор.

Следующий уровень – слово, изреченное святыми отцами церкви. Они являются непререкаемым авторитетом для автора, и особенное почтение он выказывает выдающимся проповедникам Иоанну Златоусту, Василию Великому и Григорию Богослову. Обращение к их фигурам и учению дает возможность автору рассуждать о значимости пастырского слова и утверждать свою проповедническую роль, подчеркивать ценность и необходимость поучения как словесного вразумления.

И, наконец, третий уровень – слово, произносимое самим автором. Несмотря на последнюю позицию в этой цепи, данный уровень обладает невероятным значением для автора сборника и, соответственно, для исследования. В составлении поучений автору видится ключ ко многим проблемам современников, именно здесь проявляется его вера в созидательную силу слова и возможность с его помощью изменить окружающую действительность. Стоит отметить, что на уровне собственного слова автор осуществляет взаимодействие с Божественным Словом и трудами учителей церкви, расширяя смысловое пространство текста. В «Предисловии» автор «Статира» расшифровывает название сборника и эксплицирует его связь с первым уровнем концепта:

Статиръ же есть камень честенъ, иже в Сирии родится, или четвертая часть златицы, д(у)х(о)внѣ же разумѣтся Статиръ – исповѣдие *слова Б(о)жия* (л. 8).

Для выявления специфики авторского видения сущности *слова* необходимо обратиться к одному из самых распространенных во второй половине XVII в. сборников поучений, с которым автор «Статира» был хорошо знаком и на который он часто ссылается, –

к «Обеду душевному» Симеона Полоцкого. Уже в «Предисловии к читателю» Полоцкий предлагает свою интерпретацию феномена учения: проповедь, то есть *обед душевный* – это подготовленное автором для восприятия читателей Божие слово. Используя яркие сравнения и метафоры, Полоцкий обращается к пищевым образам, слово Божие становится хлебом небесным, необходимым для утоления духовного голода – так же, как хлеб земной необходим для поддержания тела. В тексте автора не просматривается некой вневременной цепи, иерархии уровней слова – его собственная проповедь является буквально способом *приготовления* первослова:

Умыслихъ азъ гладнымъ православнымъ душамъ д(у)ховную трапезу, обѣдъ душевный отъ пищи слова Б(о)жия пре(д)ставить во дни воскресныя, на вселѣтное поприще, въ насыщение спасенное [Симеон Полоцкий, л. 7 об.].

Божественное слово нуждается в упрощении и истолковании для более широкой аудитории, поэтому Полоцкий «приготавливает» обед из хлеба небесного и обращается к читателю с руководством, что следует делать с этой духовной пищей. Сравнение с пищей Симеон подкрепляет аллегориями из Писания и отцов церкви, дабы не вызвать недоумение читателя.

В системе, которую моделирует Полоцкий, праведное слово не противостоит какой-либо ереси, в отличие от системы автора «Статира». В сборнике первого «животворный хлеб небесный» в сфере духовного противопоставляется «душетлѣнному геенскому брашну», то есть различным порокам, губительным для души, которыми она также может питаться, – сребролюбию, блудодеянию, гневу, честолюбию, гордости и т. д.:

Да отвергше брашна бесполезная душетлѣнная, ядятъ сей обѣдъ душецѣлѣбный, душекрѣпительный, и душеспасенный, отъ брашен бл(а)-гихъ уготованный [Там же].

В оппозиции «дух – тело» слово учения сопоставляется с пищей земной, не имеющей отрицательной коннотации. Сравнение с телесной категорией дает автору возможность более ясно выразить и донести до читателя смысл категории духовной:

Брашно укрѣпляетъ плоть, слово Б(о)жие д(у)шу. Брашно есть нужно въ путь житейский, слово Б(о)жие въ путь духовный. Хлѣбъ вои крѣпитъ во брани гражданстей, слово Б(о)жие на брани духовнѣй² [Там же].

² Симеон Полоцкий ссылается здесь на «Григория ветхаго Рима первопрестольника» – судя по всему, один из трудов папы римского Григория I.

Так, слово в проповеди Симеона Полоцкого становится материалом, источником и топливом, необходимым для возрастания души и ее спасения, а сам проповедник предстает учителем, которому доступны тайны мудрости и который готов поделиться душеспасительным знанием с читателями сборника. В «Статире» же слово предстает скорее как сам путь возрастания души верующего, ключ к истине и, соответственно, к раю, к спасению души человека и преобразованию окружающей действительности. Автор сборника при этом ощущает свою преемственность, принадлежность цепи проповедников, берущей начало от апостолов и включающей каждого нового рукоположенного священнослужителя. Сознывая свое призвание и высоту священнического сана, автор выражает глубокое смирение и осторожность в своем начинании, его включенность в ряд проповедников дает возможность влиять на мир и транслировать слово истины, но вместе с тем накладывает большую ответственность.

И Симеон Полоцкий, и автор «Статиры» не разделяют разумное восприятие слова и духовную составляющую учения: слово передается и усваивается благодаря разуму, способности человека *осмысливать* духовные категории. Чем более просветлен учением человек, тем скорее он продвигается по пути спасения души. В «Предисловии к читателю», проводя параллель между пищей для тела и словом Божиим для души, Полоцкий описывает состояние голода как показатель телесного здоровья. Желание пищи духовной свидетельствует о здравии души, причем ее восприятие напрямую связано с разумом:

Не имѣяй же алканія брашенъ, немощенъ есть плотски. Подобнымъ обычаемъ алкоту имѣяй слова Б(о)жия, знамение показываетъ здравія си душевнаго: не желаяй паки прияти его во стомахъ разума си, явствуется болѣзнуяй духомъ. Болѣзнуяй же ко смерти, иже что либо приметъ, то скоро извергаетъ из сирища памяти и разума [Симеон Полоцкий, л. 7].

Приведенная ранее цитата также изобилует метафорами, связанными с телесной образностью, и раскрывает процесс усвоения учения через категории разума: «Яждь взимая рукама ума твоего, прежувай зубами разсуждения, поглощай въ стомахъ памяти твоея, и будетъ ти ко ползу» [Там же, л. 8]. Образ «зубов рассуждения» появляется и ближе к концу проповеди, когда Полоцкий предупреждает читателя, что содержание книги может быть иногда горьким, но польза поучений неизменно сладка: «Яже вся аще прежуете разсуждения зубами, сладкий медъ устамъ вашимъ будетъ» [Там же, л. 8 об.].

Неотделимость разумного начала от духовного познания наблюдается во многих проповедях сборника «Статир» и тексте «Предисловия». В метафорической мотивировке выбора автором названия для сборника фигурируют категории *ума* и *смысла*:

...рече ми Б(о)жия бл(а)годать: «Не унывай, ч(е)л(о)в(ѣ)че! Что влачешься унынием, яко безгласная рыба в мори непостояннаго вѣка? Верзи, яко удицу, ума твоего внутрь многоятежнаго смысла своего – и обрящещи Статирь, даждь его во сл(а)ву имени Моего и в свое искупление» (л. 2).

Здесь происходит отсылка к евангельской притче, и отчасти – к толкованию Феофилакта Болгарского, о чем упоминает и сам автор. В исследуемой проповеди значимость разума и даже институционального образования проявляется в системе авторских оценок «ученых» и некнижных мужей, в определении недостаточной образованности священства в качестве причины нравственного упадка. Веру в разумное начало и обращение к нему как к оплоту нравственности можно назвать явлением второй половины XVII в., предвещающей масштабные преобразования следующего столетия и эпоху классицизма. Разум в проповедях предстает инструментом познания добра и истины, не вызывающим недоверия и не противопоставленным духу – эта дихотомия возникнет значительно позже.

В поучении на день Трех святителей можно выделить три тематических центра: *прославление святителей, критика недостойных священников и осуждение «еретиков»*. Макротемы, дробящиеся на более мелкие, неразрывно связаны между собой, органично перетекают друг в друга и ведут за мыслью автора слушателя, который все больше убеждается в правоте говорящего. Если рассматривать их в контексте трехуровневого концепта слова, то первой части соответствуют первый и второй уровни: здесь происходит взаимодействие слова отцов церкви и слова Божественного – при восхвалении святителей автор часто обращается к литургическому и евангельскому текстам. Второй центр – критика недостойных священников – являет собой второй и третий уровни: праведное слово автора сборника направлено на вразумление современных иереев посредством обращения к текстам богословов, их жизнь рассматривается на контрасте с праведной жизнью отцов церкви. Наконец, третья часть – осуждение «еретиков» – представляет собой авторское слово в действии, ее целями являются убеждение паствы в несправедности еретического течения и предотвращение отпадения от официальной церкви. Рассмотрим подробнее содержание каждой из трех частей.

Начинается «Слово» с восхваления трех святителей, и эта часть представляется исключительно значимой для автора: в объемных и замечательных по красоте сравнениях, метафорах, обращениях и сопоставлениях фигур святителей с образами Писания и окружающей природы автор являет действительно высокое мастерство. Приведем фрагмент первой части:

И тако пресвѣтлии ерарси,
 велиции свѣтилници
 яко с(о)лнце на тверди
 ц(е)р(ко)внаго н(е)ба просияша.
 И яко звезды нелестии миру явишася,
 паче чювственныхъ звезд и денницы,
 просияша зарею Д(у)ха С(вя)т(а)го,
 и житиемъ своимъ чюднымъ,
 чистымъ и безгрѣшнымъ.
 На земли яко а(н)г(е)ли пожиша,
 а на н(е)б(е)сѣхъ умъ свой выну имѣша,
 ни на что же земное зрящи,
 но всегда н(е)б(ес)ная желаючи,
 и нетлѣнная созидаху,
 яко странницы и бездомницы пребываху
 (л. 194).

Масштаб святителей является в метафоре, воссоздающей пространство христианского космоса. Святые проповедники отождествляются с небесными светилами – солнцем и звездами, сияющими на церковном небосклоне. Эпитет «нелестии» указывает на истинность, правдивость их света, который оказывается ярче света объектов чувственного, то есть материального мира:

И яко звезды нелестии миру явишася, // паче чювственныхъ звезд и денницы, // просияша зарею Д(у)ха С(вя)т(а)го, // и житиемъ своимъ чюднымъ, // чистымъ и безгрѣшнымъ (там же).

Для автора их принадлежность миру небесному, метафизическому безусловна: телом они пребывали на земле, но жили «яко ангели», ум их всегда был обращен к неземному («на н(е)б(е)сѣхъ умъ свой выну имѣша, // ни на что же земное зрящи, // но всегда н(е)б(ес)ная желаючи» (там же)). Творения святых проповедников нетленны («нетлѣнная созидаху») и через вневременное слово переносят его авторов в сферу, находящуюся вне пространства – на небосклон христианского космоса. Свет учения богословов с этой позиции достигает всех, вне зависимости от эпохи и места пребывания. Характеристика святителей как «странников» и «бездомных» указывает на расширение границ возможного земного пристанища: пространство дома размыкается и охватывает собой всю вселенную. Их странничество напоминает движение небесных светил по орбитам – динамика вечного характера сопровождается излучением света, достигающим и жителей мира иного, и жителей земли через материальное воплощение – в первую очередь слово, явленное в текстах книг, литургических молениях и проповедях священников. Свет учения проникает и в слово автора «Статира», преобразуясь согласно авторской интенции и обретая

силу в новом преломлении. Благодаря слову, изреченному и зафиксированному в определенный момент времени и простирающемуся в вечность, учение святителей обретает вселенское значение. Через соединение обращения к святителям и своего творения слова, основанного на духовном опыте и постижении священных текстов, автор как бы включает себя в ряд проповедников, берущий начало от Иисуса Христа и апостолов.

Первая часть обладает самостоятельной ценностью для автора, что ощущается в каждой ее детали и в общей интонации, но вместе с тем она подготавливает читателя отдельными вкраплениями к восприятию суждений на более насущные темы. Так, в характеристике святителей особое внимание уделяется праведности их жизни, совершенному знанию текстов Писания и дару толкования: «От сокровища с(е)рдца своего, // в нем же обита Д(у)хъ С(вя)тый // многия книги изнесоша. // И неудоборазумѣвательная писания // ясно протолковаша» (л. 194), их борьбе с ересью («Нелѣпая и ложная выклады // б(о)гохулныхъ еретикъ обличиша, // и посрамиша, и нивочто вмѣниша» (л. 194)) и принадлежности единому организму церкви («Истиннии пастыри, а не наемницы, // не самовольствомъ приидоша, // но от Хр(ис)та избрани быша, // по степенемъ с(вя)щенства // чиновнѣ возведены быша» (л. 195)). Эти аспекты окажутся значимыми при построении аргументации в двух следующих частях «Слова».

От превозношения святителей как идеала пастырского служения происходит постепенный переход ко второй части, посвященной порицанию священников, ведущих неподобающий образ жизни. Центральной становится цитата из труда Иоанна Златоуста, из которой вычитывается острая критика современных святителю иереев³. Критические пассажи автор обращает на своих современников, опираясь на авторитет одного из самых почитаемых учителей церкви⁴.

Основной акцент в обличительном пассаже делается на противопоставлении должного и имеющегося, где должным выступает в первую очередь изучение священниками книг и наставление паствы,

³ Автором на боковом поле рукописи дана ссылка: «Иоанн Златоуст, "Слово о лживых учителях"». Верность указания данного источника спорна и требует отдельного рассмотрения, поскольку цитаты, приведенные автором, наиболее близки к сочинению под названием «Слова о лжепророках, и лжеучителях, и об еретиках, и о знамениях кончины века сего» раздела «Spuria» [Иоанн Златоуст, кн. 2], однако тоже не являются точными. Принадлежность обоих сочинений перу Иоанна Златоуста спорна, оба из них переписывались и претерпевали изменения в течение нескольких веков, и установить, на какой вариант текста опирался автор сборника при цитировании, пока что представляется затруднительным.

⁴ В XVII в. существовало большое число изданий сборников поучений – как современных создателю «Статира» авторов («Обед душевный» и «Вечеря душевная» Симеона Полоцкого, «Щит веры», подробнее см. [Панич], «Евангелие учительное» Кирилла Транквилиона и др., так и проповедников минувших эпох («Евангелие учительное», сборник «Мерило праведное», переиздания трудов Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григорий Богослова и т. д.)). Это позволяло автору конца XVII в. ориентироваться на широкий контекст при составлении собственных проповедей, обращаться к цитированию и развивать свои идеи на основе авторитетных источников.

а имеющимся – забота об обогащении и устройстве материальной стороны жизни. Нерадение иереев к изучению священных и поучительных книг, которое должно приводить к праведности жизни, имеет в понимании автора поистине губительные последствия:

Они книгами красящееся и заповѣдми, сии же ризами и кощунами... Оныя силни быша словомъ и дѣломъ. Сии же имѣниемъ и скотомъ, и конми... Слостолюбия ядениемъ и питиемъ исполнени, и о сихъ точию дню и нощию бесѣдуютъ: а о словеснѣмъ стадѣ бесловесни суще... Аще ли кто ихъ вопрошаетъ о книгахъ, то отвѣщаютъ гл(агол)ющи: убози есмы, не имамъ чимъ книгъ стяжати. Ходятъ же не яко убози... (л. 196–196 об.).

Критический пассаж завершается самостоятельным выводом автора, содержащим образное сравнение и отсылку к Евангелию (Лк 18 : 25), что усиливает убедительность его речи в семантически сильной позиции – конце смыслового фрагмента:

Ибо невозможно без оружия идущу на брань спастися, тако невозможно некнижнему противу враговъ хр(ис)товыхъ, стояти, ниже о своей д(у)ши исправить. Яко невозможно велбуду сквозѣ иглинѣ уши проити, тако азъ мню, нево(з)можно в дебелую плотъ бл(а)г(ода)ти д(у)х(о)вной внити, иже д(у)ша вонями пишными смердитъ, не обитаетъ ту чистота н(е)б(ес)ной прем(уд)р(о)сти (л. 196 об. –197).

Вывод еще раз обнаруживает значимость для автора книжного слова – от необразованного с точки зрения религиозной книжной культуры священника укрыто видение истинного пути, он оказывается не способным окормлять свою паству и направлять ее движение в сторону спасения.

Нужно отметить, что сам сан священства ставится автором неимоверно высоко – выше достоинства ангелов и земных царей, подтверждения чему можно встретить в проповедях сборника:

А к тому и самъ ц(а)рь покланяетъ главу свою ко с(вя)тителю, и с(вя)щеннику, и проситъ бл(а)гословения, и посему болши суть с(вя)ти(те)ли ц(а)ря и князя (л. 195 об. и проч.).

Драматичность несоответствия высокого призвания пастыря и образа жизни некоторых иереев вызывает у автора сборника глубокое сокрушение и побуждает его к попыткам «вразумить» пастырей. В основу построения проповеди ложится антитеза: первая часть являет высокий образец священства и контрастирует с другими частями. Драматизация содержания проповеди отражает драматичность эпохи ее создания: во второй половине XVII в. происходит постепенная секуляризация культуры, внутри церкви развивается полемика грекофилов и латинян [см. подробнее: Панич], общество переживает

потрясения раскола. И в слове учения, обращенном к святоотеческому наследию, автору сборника видится возможность создания среди хаоса нестабильности и изменчивости точки опоры, которая способна задать вектор движения в сторону спасения.

Невежество иереев, недостаточное знание священных и поучительных книг обозначается как причина другого губительного явления – игнорирования обсуждения высоких богословских вопросов в среде простого необразованного народа, что приводит к искажению положений вероучения, их профанации. Отмечается несоответствие как субъектов бесед их предмету, так и топосов, в которых ведутся толки на религиозные темы:

Увы мнѣ бѣдному, горе окаянному, ибо н(ы)нѣ о б(о)гословии и о с(вя)тыхъ таинствахъ истязание творять блудницы и корчемницы, и бабы, и не на мѣсте достойномъ, но в блудилище и в корчемницѣ о вере бесѣдуютъ, не на ползу, но на соблазнъ простѣйшимъ (л. 197–197 об.).

Подводя итог своим рассуждениям, автор открывает новую животрепещущую тему еретичества:

Того ради н(ы)нѣ мнози въ ереси и во отступство впадоша. И на ц(е)рковь с(вя)тую хулная гл(аголю)тъ, и архиеревъ б(о)жиихъ всячески укоряють (197 об.).

Во всю полноту он раскрывает ее в третьей части проповеди через описание несправедности самого еретического течения и его представителей. Главная цель пассажа – предотвращение отпадения паствы от церкви, для чего автору требуется убедить слушателей в порочности и неправоте «еретиков».

В «Слове» наряду с понятием «еретики» используются понятия «раскольники», «капитоны» и «капитонствующие». Какое религиозное течение стоит за этими именованиями, определить довольно сложно. К концу XVII в. система религиозных течений, отпавших от церкви, усложняется: группировки сливаются, расходятся и эволюционируют. Имело ли упоминаемое течение отношение к секте капитоновцев в современном историческом понимании, или речь идет об одной из группировок, возникших на основе раскольнического движения, определить довольно трудно. В статье используются авторские обозначения.

Автор последовательно обозначает слабые стороны «раскольников», причем касается при этом не вероучения, а образа жизни и отношения отступников к традиционной церкви. На первый план выводится отпадение «отступников» от организма церкви. Это выражается в несоответствии топоса их пребывания сакральному и в отсутствии рукоположения у многих лиц, выполняющих функции священнослужителей, что прерывает цепь преемственности, идущую от Христа и апостолов:

Иже по лесамъ по кустамъ, по пещерамъ крыются ложныя учители и непоставлении с(вя)щенная дѣйствуютъ по простымъ домѣхъ слу-
жать, и приношение приносятъ (л. 198).

Все это приводит к невозможности пребывания на них Святого Духа как обязательного условия жизни и функционирования церкви. Во-вторых, автор наделяет представителей данного течения всеми возможными пороками, что приземляет их роль и выставляет в самом неблагоприятном свете перед слушателями: «И учать всякому растлѣнию, пьянству, объядению, и блудный грѣхъ вменяють ни во что» (там же). В-третьих, особо отмечается их вольное толкование Священного Писания и трудов святых отцов – это область ответственности «мудрых мужей», обладающих компетентностью в вопросах богословия и способных адекватно истолковать священные тексты:

И многая писания о(те)ческая, и пр(о)р(о)къ с(вя)тыхъ протолковали по своему мнѣнию и темному разуму, по научению диаволу, ниже древнии еретицы тако мудрѣствовали. А здраваго учения не приемлють, и мудрыхъ мужей, и вѣдущихъ с(вя)тое Писание, иже д(е)нь и ношѣ тру-
жаются в книжномъ чтании, и от пеленъ м(а)т(е)рнихъ во училищахъ пребыша. И они ихъ не слушають (там же).

Высшей точки накала и экспрессии достигает обличительный пафос в четвертом пункте, когда автор пишет о том, что, отвергая учение церкви и ее пастырей, «раскольники» таким образом отвергают и все церковное наследие, и саму жертву Христа:

И во всемъ ц(е)ркви с(вя)тѣй, иже на камени вѣры основаной, за ню же Хр(ис)тось С(ы)нъ Б(о)жий, и Б(о)гъ Иаковъ кровь свою излиялъ, о ней же с(вя)тии ап(ос)т(о)лы многия болѣзни и труды прияша, и мученицы с(вя)тии д(у)шы своя положиша. А они проклятии отметни-
цы противятся, и рать сотворяють (л. 198–198 об.).

И, наконец, пятым обвинительным пунктом является осуждение «капитонами» архиереев, что представляется недопустимым и дерзостным для автора:

Архиереевъ же, иже образъ Хр(ис)товъ на себѣ имуть, а они всячески укаряють, и неистовеѣ лають, яко нелѣпо есть истинному хр(ис)тианину таковая и слышати, не точию гл(агол)ати (л. 198 об.).

Автор емко формулирует вывод из всего сказанного:

И тако велми возмутиша простую чадь людей и вслѣдъ своя погубе-
ли отведоша б(о)г(о)проклятаго отступства (там же).

Все перечисленные доводы повторяются в третьей части проповеди вновь, но уже в ином контексте, закрепляясь в сознании адресатов. Специфика авторской аргументации состоит в отсутствии большого внимания к разногласиям в аспектах вероучения, эта проблема лишь намечается автором: «И многая писания о(те)ческая, и пр(о)р(о)къ с(вя)тыхъ протолковали по своему мнѣнию и темному разуму» (л. 198). Автор не пытается доказать ложность их позиции через рассмотрение разночтений богословского характера – принципиальное значение обретает образ жизни еретичествующих, факт их отпадения от единого церковного организма и нарушения апостольской преемственности.

Фрагмент проповеди, предваряющий ее завершение, представляет собой назидание слушателей. Это прямое обращение к адресатам с наставлением, которое насыщено еще более выразительными образами, оригинальными метафорами и приемами риторического убеждения. Логика построения проповеднического текста, предполагающая извлечение нравственного урока из всего сказанного, соответствует духу большинства проповедей византийских святителей, и в первую очередь Иоанна Златоуста.

Самим автором фрагмент разделен на две части: «Ибо первѣе ...» (л. 199), «Второе...» (л. 199 об.). В первой части автор подчеркивает необходимость послушания верующих пастырю и доверия ему в вопросах веры – здесь вновь возникает аспект разума:

Ибо первѣе познайте яко Хр(ис)товы суть: и яко немощни в разумѣ, и не можете себе сами пасти, на пажити бл(а)г(о)честия. Сего ради дарова вамъ Хр(ис)тосъ пастырей, да вы слушайте гласа ихъ, не своя бо гл(агол)-ють, но Б(о)жия. Ибо удалившаяся овцы от пастыря, скоро снѣдь волку губителю бываетъ (л. 199–199 об.).

Довод подкрепляется образным сравнением с обращением к посланиям апостолов (Иак. 4 : 6–7) и использованием экспрессивных характеристик «непокорных» мирян:

Тѣмже не уповайте о своемъ разумѣ, и не возносите высокоумиемъ над пастырей: аще величается овца над пастыремъ, нѣсть овца кроткая Хр(ис)-това стада, но козель смрадный и свирѣпый и непокоривый (л. 199 об.).

Замечательное обращение в сочетании с евангельской цитатой (Мф 11 : 28–30) демонстрирует совмещение в пространстве проповеди священного текста и разговорного бранного обращения:

Аще тако твориши, о смрадный козле и надутый баране, или не вѣси яко гордымъ Б(о)гъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать. Ибо смирение есть Хр(ис)тово учение: той бо Самъ былъ кротокъ и смиренъ. А гордость есть диаволе исчадие: той бо гордости ради с высоты н(е)б(е)-сная спаде (л. 199 об.).

Для усиления доводов и, следует полагать, для устрашения и вразумления паствы первая часть завершается картиной Страшного суда из евангельской притчи (Мф 25 : 32–34; 41), где гордые (подобные козлищам) встанут по левую руку Христа, а смиренные (подобные овцам) – по правую:

Ибо смиреннии в д(е)нь страшнаго суда Хр(ис)това одесную Его стануть, во свѣтлости и славѣ. А гордии ошуию, во ужасѣ и страсѣ. Ибо сего ради овцею назвася да знаеши своего Пастыря гласъ, якоже выше рѣхомъ (л. 199 об.).

Выстраивается целая система образов животного мира, которые служат воздействию как на воображение слушателей (при этом подключаются контексты других сочинений, где фигурируют эти образы), так и на их эмоциональный настрой. Отступники именуются «волками», «разбойниками», что усиливается образом их жизни и местами пребывания («в корчемнице, и по лесамъ, и по кустамъ»), они «лаютъ», осуждая архиереев, то есть уподобляются псам. Чуть позже появляются образы «козлов» и «баранов», которые противопоставлены образу «овец» внутри паствы: это непокорные и горделивые ее члены, наиболее подверженные влиянию учения «капитонов». Интересно, что к хищникам (как «раскольники») они не приравниваются, а остаются в системе образов животных, нуждающихся в пастыре. Эти образы логично соотносятся с образами овец, которые становятся объектом воздействия «отступников», и духовно-социальная ситуация предстает в образах мира животных, более простого для слушателей и позволяющего посмотреть на происходящее как бы со стороны и дать этому более трезвую оценку (то есть согласиться со взглядом автора).

Вторая часть начинается с яркого ряда сравнений, где каждому животному приписывается свой порок, и происходит назидание от противоположного:

И да не будеши горделива яко велбудъ, ниже лѣнива яко козелъ, ниже чревообъятлива яко вепрь или яко медвѣдь. Ниже нечиста яко козелъ, ниже завидлива и гнѣвлива яко песь, ниже лакома яко вокль, ниже лукава яко лисица (л. 199 об. –200).

Этим отрицательным сравнениям противостоит образ овцы, которой стоит во всем подражать, и даже форма для его обозначения использована уменьшительно-ласкательная – проповедник выказывает свое умиление и старается расположить к нему читателей:

Но во всемъ буди подобенъ кроткому и бесловесному овчатѣ: ибо тая приносить господину своему: волну, млеко, и тучная, и паки совершенное смирение (л. 200).

Смысл этой объемной метафоры обнаруживается в толковании:

Принеси же и волну, дай нищимъ, и одѣй я, то бо есть уды Хр(ис)-товы. И млеко, и тучная дай по силѣ: на здания ц(е)рк(о)внея, в монастыри, на размножение хвалы Б(о)жия (л. 200).

Автор указывает и на Божьи дары, которые во много раз превосходят посильные для верующих приношения:

И самъ приноси Хр(ис)ту истинному Пастырю моления, хваления и бл(а)годарения за толика дары Его: иже приведе тя от небытия в бытие, изыть тя от усть лва, и породи тя паки с(вя)тымъ крещениемъ в с(ы)-н(о)в(с)тво Б(о)жие (там же).

От темы смирения и необходимости послушания пастырям автор переходит к бытовым, насущным вопросам, в частности к необходимости оказания материальной поддержки священнику:

Кая бо полза, аще ты овца сый, питаешися и во всемъ изъобилуеши, а пастырь алчеть, и нищенствуетъ. Ибо с(вя)тый Павел гл(аголе)тъ: кто пасай стадо и от млека его не ясть, или дѣлаяй виноградъ и от плода его не ясть (там же).

Но такой поворот не выглядит прагматично, поскольку «Слово 35» завершают возвышенные метафоры, связанные с необходимостью помощи пастырю, например:

Ты бо дай ему земная, а онъ подаетъ н(е)б(ес)ная. Ты бо тлѣнная, а онъ нетлѣнная. Не будетъ твое равно даяние ко оному, яко н(е)бо от земли отстоитъ, тако и твое даяние от его (там же).

Этим автор подчеркивает, что оказание помощи духовному наставнику служит спасению души жертвователя. Также апелляция к священному тексту – к Посланию апостола Павла – возвышает обращение автора к пастве и в его сознании, и в сознании слушателей, ведь подобные вопросы поднимались и самим апостолом:

Кто воинствуетъ своими оброки когда? Или кто насаждаетъ виноградъ, и от плода его не ясть? Или кто пасеть стадо, и от млека стада не ясть? <...> Аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ? (Кор. 9 : 7, 11).

Подытоживая сказанное в заключительном фрагменте, автор прибегает к трансформации евангельского текста. Торжественно и значительно звучат высказывания, перекликающиеся или дословно цитирующие 25-ю главу Евангелия от Матфея, на которую уже

ссылался автор и в которой описывается картина страшного суда («Тогда рече́тъ Ца́рь су́щымъ одесну́ю его́: прииди́те, благословенни́и Отца́ моего́, наслѣ́дуйте уготованное ва́мъ ца́рствіе от сложе́нія мі́ра» (Мф. 25 : 34)). Но в конце проповеди делается акцент на положительном аспекте этого события, и авторская речь завершается жизнеутверждающей нотой:

Сего ради возлюбленнии, почитайте пастырей вашихъ, да и вы почтены от Хр(ис)та будете, дайте имъ: да и вы мзду от Хр(ис)та восприимете. Истиннии овцы стада Его избраннаго будете, и в д(е)нь Его пришествия одесную станете, и бл(а)женный Его гласъ услышите: приидите бл(а)гословеннии О(т)ца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ ц(а)р(с)твие прежде сложения мира (л. 200 об.).

Вновь оратор обращает слушателей к вечности – проповедь начинается на возвышенной ноте и ею же завершается. Фрагмент содержит вывод, итог всей проповеди: в нем отражены и тема священства, и необходимость послушания пастырям, которые ограждают своих духовных чад от еретических учений, и обязательность ощутимой помощи иереям, и тема спасения души. Завершается проповедь в лучших традициях гомилетики кратким молитвенным пассажем, в котором возникают и образ Бога, и образы трех святителей, и заключительная молитвенная формула:

Егоже сподоби и насъ бл(а)годатию Своего человеколюбия, // и м(о)-л(и)тва триехъ с(вя)т(ите)лей // вся вселенныя предстателей // яко благословенъ еси // во вѣки вѣковъ // Аминь (там же).

Создатель сборника касается и духовных, и насущных вопросов, соединяя их в неразрывное целое, и при обращении к бытовым темам выстраивает свою речь так, что оказывается в одном ряду с апостолами и святителями-проповедниками, не приравнивая себя к ним, но ощущая себя звеном единой цепи, что придает вес его словам в сознании слушателей и позволяет с большей силой воздействовать на их взгляды и духовную жизнь.

Таким образом, проповедь напоминает живое рассуждение, многоаспектную беседу, выстроенную нелинейно, однако обладающую четкой логикой. Каждая из тем имеет от одного до нескольких тезисов, которые аргументируются иллюстрациями из евангельских текстов и окружающей действительности, прямым и скрытым цитированием текстов Библии и трудов учителей церкви, а также при помощи ярких образных сравнений. Как правило, каждый микротематический пассаж завершается емким выводом, который одновременно содержит информацию, служащую введением к следующему смысловому фрагменту. При том, что крупные темы последовательно вытекают друг из друга, включая в себя более мелкие, практически каждая из них

имеет точки соприкосновения со всеми остальными темами проповеди – образуется своеобразная тематическая сеть, имеющая, кроме того, в своем центре объединяющий все темы концепт слова. Каждая тематическая область имеет свои задачи, и в первой части проповеди происходит приобщение слушателей к восхвалению святителей с сопутствующим утверждением авторитета священнослужителя, во второй – доказательство недостойности жизни современных автору священников, а в третьей – убеждение паствы в несправедности движения «еретиков», имевшее целью отвратить ее от примыкания к последнему. Сверхзадачей проповедей являлось преобразование жизни слушателей и окружающей действительности, и вера в преобразующую силу слова и возможность достижения цели через донесение слова истины до слушателей отличает создателя рукописи как представителя своей эпохи.

Список литературы

- Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М. : Наука, 1997. 343 с.
- Алексеев П. Т.* «Статир»: описание анонимной рукописи XVII века // Археографический ежегодник за 1964 год. М. : Наука, 1965. С. 92–101.
- Буланин Д. М.* Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей // Рус. лит. 1980. № 3. С. 137–142.
- Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1842. 903 с.
- Елеонская А. С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М. : Наука, 1990. 222 с.
- Еремин И. П.* Поэтический стиль Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. Т. 6. С. 125–153.
- Иоанн Златоуст.* Творения Святого отца нашего Иоанна Златоуста : в 12 т. Свято-Успенская Почаевская лавра, 2005. Т. 8. 1080 с.
- Киселева М. С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М. : Прогресс – Традиция, 2011. 472 с.
- Корзо М. А.* Образ человека в проповедях XVII века. М. : Ин-т философии РАН, 1999. 189 с.
- Левашун Л. В.* О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. Минск : Белорус. православ. церковь, 2009. 895 с.
- Михальская А. К.* Русский Сократ : Лекции по сравнительно-исторической риторике. М. : Academia, 1996. 192 с.
- Панич Т. В.* Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2004. 332 с.
- Попов В. Е.* Симеон Полоцкий как проповедник. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1886. 98 с.
- РГБ. Собр. Румянцева. № 411 (Сборник слов и поучений «Статир»). Кон. XVII в. 815 л.
- Сгибнева Н. Ф.* «Яко не просто нищета спасает и богатство погубляет...»: о богатстве и нищете в сборнике проповедей конца XVII в. «Статир» // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2011. № 2 (90). С. 223–237.
- Симеон Полоцкий.* Обед душевный. М. : Тип. Верхняя, 1681 [7190]. 771 л.
- Соболева Л. С.* Авторский код рукописного сборника «Статир» (Орел-городок, 1683–1684 годы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. Т. 10. 2011. Вып. 8. Филология. С. 175–186.

Соболева Л. С., Мангилев П., прот. Исторический контекст создания сборника проповедей «Статир» и личность автора // Церковь. Богословие. История : материалы II Всерос. науч.-богослов. конф. (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.). Екатеринбург : Информ.-изд. отд. ЕДС, 2014. С. 134–145.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1912.

Тайшев А., арх. Руководство по гомилетике. М. : Изд-во Правосл. Свято-Тихон. богосл. ин-та, 2001. 144 с.

Феодосий, еп. Гомилетика : Теория церковной проповеди. Сергиев Посад : Моск. духов. акад., 1999. 324 с.

References

Alekseev, P. T. (1965). “Statir”: opisanie anonimnoi rukopisi XVII veka [Statir: A Description of an Anonymous Manuscript of the 17th Century]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1964 god*. Moscow, Nauka, pp. 92–101.

Averintsev, S. S. (1997). *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature]. Moscow, Nauka. 343 p.

Bulanin, D. M. (1980). Nekotorye trudnosti izucheniya biografii drevnerusskikh pisatelei [Some Difficulties in Studying the Biography of Medieval Russian Writers]. In *Russkaya literatura*. No. 3, pp. 137–142.

Eleonskaya, A. S. (1990). *Russkaya oratorskaya proza v literaturnom protsesse XVII veka* [Russian Oratorical Prose in the Literary Process of the 17th Century]. Moscow, Nauka. 222 p.

Eremin, I. P. (1948). Poeticheskii stil' Simeona Polotskogo [The Poetic Style of Simeon Polotsky]. In *TODRL*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 6, pp. 125–153.

Feodosii, Bp. (1999). *Gomiletika. Teoriya tserkovnoi propovedi* [Homiletics. The Theory of Church Preaching]. Sergiev Posad, Moskovskaya dukhovnaya akademiya. 324 p.

John Chrysostom (2005). *Tvoreniya Svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatousto v 12 t.* [Works of the Our Holy Father John Chrysostom. 12 Vols.]. Svyato-Uspenskaya Pochaevskaya Lavra. Vol. 8. 1080 p.

Kiseleva, M. S. (2011). *Intellectual'nyi vybor Rossii vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII veka: ot drevnerusskoi knizhnosti k evropeiskoi uchenosti* [The Intellectual Choice of Russia in the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries: From Old Russian Book Writing to European Scholarship]. Moscow, Progress – Traditsiya. 472 p.

Korzo, M. A. (1999). *Obraz cheloveka v propovedyakh XVII veka* [The Image of Man in the Sermons of the 17th Century]. Moscow, Institut filosofii RAN. 189 p.

Levshun, L. V. (2009). *O slove preobrazhennom i slove preobrazhayushchem: teoretiko-analiticheskii ocherk istorii vostochnoslavianskogo knizhnogo slova XI–XVII vekov* [About the Transformed Word and the Word Transforming: Theoretical and Analytical Essay on the History of the 9th–17th Centuries East Slavic Book Word]. Minsk, Belorusskaya pravoslavnaya tserkov'. 895 p.

Mikhail'skaya, A. K. (1996). *Russkii Sokrat. Lektsii po sravnitel'no-istoricheskoi ritorike* [Russian Socrates. Lectures on Comparative Historical Rhetoric]. Moscow, Academia. 192 p.

Panich, T. V. (2004). *Kniga “Shchit very” v istoriko-literaturnom kontekste kontsa XVII veka* [The Book *Shield of Faith* in the Historical and Literary Context of the End of the 17th Century]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 332 p.

Popov, V. E. (1886). *Simeon Polotskii kak propovednik* [Simeon Polotsky as a Preacher]. Moscow, Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana. 98 p.

RGB [Russian State Library]. *Sobranie Rumyantseva*. No. 411 (Sbornik slov i pouchenii “Statir”). Konets XVII v. 815 fol.

Sgibneva, N. F. (2011). “Yako ne prosto nishcheta spasaet i bogatstvo pogublyayet...”: o bogatstve i nishchete v sbornike propovedei kontsa XVII v. “Statir” [“It's Not Just Poverty that Saves and Ruins Wealth...”: About Wealth and Poverty in the Sermon of the

Late 17th Century *Statir*]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki*. No. 2 (90), pp. 223–237.

Simeon Polotsky (1681) [1790]. *Obed dushevnyi* [Food for the Soul]. Moscow, Tipografiya Verkhnyaya. 771 sheets.

Soboleva, L. S. (2011). Avtorskii kod rukopisnogo sbornika “Statir” (Orel-gorodok, 1683–1684 gody) [Author's Code of the Hand-Written Collection “Statir” (“Orel-gorodok”, 1683–1684)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 10. Iss. 8. Filologiya, pp. 175–186.

Soboleva, L. S., Mangilev P., Archp. (2014). Istoricheskii kontekst sozdaniya sbornika propovedei “Statir” i lichnost' avtora [The Historical Context of the Creation of the Sermon Collection *Statir* and the Personality of the Author]. In *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya. Materialy II Vserossiiskoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii (Ekaterinburg, 12 fevralya 2014 g.)*. Yekaterinburg, Informatsionno-izdatel'skii otdel Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii, pp. 134–145.

Sreznevsky, I. I. (1893–1912). *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam v 3 t.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Artefacts. 3 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk.

Taushev, A., Archp. (2001). *Rukovodstvo po gomiletike* [Homiletics Guide]. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo bogoslovskogo instituta. 144 p.

Vostokov, A. Kh. (1842). *Opisanie russkikh i slovenskikh rukopisei Rummyantsevskogo muzeuma* [Description of Russian and Slovenian Manuscripts of the Rumyantsev Museum]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 903 p.

The article was submitted on 18.11.2019

**РУКОПИСНЫЙ ПАМЯТНИК КОМИ-ЗЫРЯН
СОБОРНЫЙ ЧИН: ПОУЧЕНИЕ
И ОСНОВЫ ВЕРОУЧЕНИЯ***

Павел Лимеров

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН,
Сыктывкар, Россия

**CATHEDRAL RANK, A HANDWRITTEN DOCUMENT
OF THE KOMI-ZYRIANS: INSTRUCTION
AND FOUNDATIONS OF FAITH**

Pavel Limerov

Institute for Komi Language, Literature and History,
Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia

The literary tradition of the Komi-Zyrians dates back to the first translations of liturgical books into the Komi language by Stefan Permsky. These translation practices remained uninterrupted, becoming the basis for the literary language in the nineteenth century. In the late nineteenth century, an independent handwritten tradition developed in the Upper Vychegda region associated with the activity of Stefan Ermolin, the religious leader of the Singers of Good movement. The movement branched off from the official Orthodox Church and created its own literature in the Verkhnevychegod dialect of the Komi language. This article describes a work of literature created by the Singers, a liturgical text outlining the basics of their faith; it concerns everything a follower of *bursylsyas* (Singers of Good) needs to know about salvation and, most importantly, the path which leads them to God. The manuscript is called *Cathedral Rank* (Komi-Zyrian *Сѹбйрайтчан рад*) and is introduced into scholarly circulation for the first time.

Keywords: Stefan Ermolin; dogmas of faith; religious literature; mysticism; Komi-Permyak literature.

* *Citation:* Limerov, P. (2020). *Cathedral Rank, a Handwritten Document of the Komi-Zyrians: Instruction and Foundations of Faith*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 56–70. DOI 10.15826/qr.2020.1.447.

Цитирование: Limerov P. *Cathedral Rank, a Handwritten Document of the Komi-Zyrians: Instruction and Foundations of Faith* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 56–70. DOI 10.15826/qr.2020.1.447 / Лимеров П. Рукописный памятник коми-зырян *Соборный чин: поучение и основы вероучения* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 56–70. DOI 10.15826/qr.2020.1.447.

Литературная традиция коми-зырян восходит к первым переводам Стефаном Пермским богослужебных книг на коми язык. Переводческая деятельность с этого времени не прерывалась и в XIX в. стала основой для литературного языка. В конце XIX в. на Верхней Вычегде складывается самостоятельная рукописная письменная традиция, связанная с деятельностью Стефана Ермолина, лидера религиозного движения «Певцы Добра» (*бурсьылысьяс*). Движение отпочковывается от официальной православной церкви и создает свою литературу на верхневычегодском диалекте коми языка. В статье рассмотрен памятник литературы «певцов», представляющий собой богослужебный текст, в котором излагаются основы их вероучения: в нем говорится обо всем, что должен знать последователь *бурсьылысьяс* о спасении, но более всего – о пути, который ведет его к встрече с Богом. Рукопись называется *Сѡбирайтчан рад* («Соборный чин») и вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Стефан Ермолин; вероучение; религиозная литература; мистицизм; коми-пермяцкая литература.

Зарождение коми-зырянской литературы приходится на конец XIV в. и связывается с переводами Стефаном Пермским на коми язык богослужебных книг. Начиная с этого времени переводческая деятельность не прерывалась и сыграла основополагающую роль в развитии коми литературного языка [Федюнева, с. 33]. В XIX в. переводы на коми язык религиозной литературы получают поддержку православной церкви и государства, и начинается массовое издание церковной литературы на нем. Также издаются первые зырянские грамматики, задающие нормы коми литературного языка. К концу XIX в. переводческая деятельность уже имеет статус официальной программы, и на коми язык переводят не только церковную литературу, но и тексты светского содержания. В конце XIX в. на Верхней Вычегде происходит рождение автохтонной литературно-письменной традиции, независимой от развития официальной линии. Эта новая литературная традиция связана с появлением в верхневычегодских волостях Мыелдино, Усть-Нем Пожег секты *бурсьылысьяс* (в переводе – «Певцы Добра»). Основателем секты был крестьянин с. Мыелдино Стефан Артемьевич Ермолин, поначалу переводивший на коми язык проповеди священника Мыелдинской церкви, но вскоре переключившийся на самостоятельное религиозное творчество. Для этого была необходима соответствующая литература на коми языке, и Ермолин переводит на верхневычегодский диалект коми языка различные богослужебные тексты: Псалтырь, акафисты, каноны, а также духовные стихи. Кроме того, он составляет проповеди на коми языке, и возможно, что он автор многих духовных песен [Гагарин, с. 218]. Деятельность Ермолина получает поддержку среди местного населения, и с этого времени переводы религиозных текстов на коми язык обретают массовый характер. Формируются рукописные сборники,

включающие духовные песни, стихи, молитвы, акафисты на русском и коми языках, сборники передаются по наследству, переписываются, как правило, в ученические тетради. Эта массовая рукописная литература до настоящего времени имеет хождение в ряде верхневьчегодских сел, но остается малоизученной, как остается неизученным и само вероучение секты *бурсьылысьяс*, в своей мистической основе расходившееся с учением Русской православной церкви.

В ходе экспедиционных исследований 2000-х гг. были получены новые материалы, проливающие свет на богословие «певцов». Особенно это касается рукописи *Сѣбирайтѣм рад* («Соборный чин»), представляющей собой оригинальный литературный текст, созданный, возможно, самим Стефаном Ермолиным. Цель настоящей работы – ввести памятник в научный оборот и уточнить аспекты учения новоявленных богоискателей, аргументировать авторство.

Сведения о *бурсьылысьяс* в научной и краеведческой литературе

Возникновение секты *бурсьылысьяс* фиксируется в ряде доносов священника с. Мыелдино в епархиальное ведомство, где излагаются жалобы на Стефана Артемьевича Ермолина, крестьянина села Мыелдино Усть-Сысольского уезда, устраивавшего самостоятельные духовные беседы, отвлекавшие прихожан от богослужений. В 1905 г. епархиальное ведомство запрещает Ермолину «учительство», с него берется письменное обязательство не проводить в дальнейшем собраний, а также налагается штраф [Гагарин, с. 219]. Однако Ермолин продолжил свою деятельность, и в 1912 г. в Усть-Сысольский уезд была направлена специальная миссия, которая должна была на месте расследовать его активность. По ее итогам была опубликована статья в «Вологодских епархиальных ведомостях», автор которой подписал статью псевдонимом «Вологжанин» [Вологжанин, № 19, 20, 21, 22]. Статья содержит множество фактических сведений о самом Стефане Ермолине и о характере его деятельности. Очевидно, что Ермолин был личностью религиозно одаренной, хорошо говорил по-русски, знал Священное Писание и имел представление о литургике. Возможно, какое-то время он жил в русских губерниях, где мог ознакомиться с деятельностью русских мистических сект¹. Во всяком случае, к началу самостоятельной религиозной деятельности в 1895 г. Ермолин имел представление о богослужебных собраниях русских сектантов – так называемых «беседах» и «радениях»². Поэтому он называет свои

¹ Нельзя исключать, что Ермолин был знаком с духовными практиками старообрядцев соседней Керчомской волости и старообрядческих сел Верхней Печоры.

² Под «радением» понимаются торжественные моления с последующими экстатическими плясками, а также вся совокупность обрядового церемониала сектантов [Панченко, с. 235].

собрания *буркывзѡм*. Это слово не совсем верно с легкой руки того самого Вологжанина переводят как «беседа» [Вологжанин, № 19, с. 478]. Аналогом русскому слову «беседа» в коми языке является слово *серни* («беседа, разговор»). Вполне вероятно, что Ермолин не мог называть свои радения нейтральным *серни*, поэтому придумал неологизм *буркывзѡм*, соединив два слова – *бур* + *кывзѡм* («добро», «благо» + «слушание»). Это словосочетание не употребляется в разговорном коми языке, но в религиозном контексте приобретает необходимые коннотации. *Буркывзѡм* буквально переводится как «благодарение» – иными словами, «слушание Благовестия», то есть Евангелия³. Соответственно, сам Ермолин называет себя *бурвисьталысь* – «рассказывающий о Благой вести, благовестник». Такими же неологизмами являются и обозначения всей группы сподвижников Ермолина: *бурсьылысьяс*, букв. – «благопоющие», иначе – «певцы Благовестия», а также прихожан Ермолина *буркывзысьяс* – «слушающие Благовестие»⁴.

Переводы и самостоятельное творчество на коми языке в дальнейшем становятся характерной особенностью деятельности не только самого Ермолина, но и последующих приверженцев вероучения *бурсьылысьяс*. Его проповеди на зырянском языке понимались прихожанами, что было важно, так как в конце XIX в. исчезли сословные привилегии зырянского духовенства, и на зырянские приходы все чаще стали распределяться русские священники, не знавшие коми языка. Если священники-зыряне могли сами объяснить прихожанам слова проповеди, переведя ее на коми язык, то русский священник этого сделать не мог. Проповедь Ермолина на родном для прихожан языке становилась более приемлемой, чем храмовая служба на непонятном церковнославянском.

Однако языковой фактор едва ли был единственным. Немаловажную роль играла религиозная харизма самого Стефана Ермолина. Призванный расследовать феномен Ермолина «Вологжанин» пишет:

Стефан имеет какую-то особенную силу, которая притягивает к нему народ. Как тянет ко греху какому-нибудь или к вину, так тянет к Стефану. Женщины оставляют дом, детей, скот без всякой жалости и проводят время до полночи... Один мужчина говорил о своей жене: «Женщина она грамотная. У меня есть Евангелие, молитвослов и другие книги. Молись, говорю ей, дома, так нет, дома ведь нет никакого усердия» [Вологжанин, № 19, с. 480].

Религиозный авторитет Ермолина поддерживался и его даром прозорливости: будто бы он слышит мысли других, может узнать о событиях в отдаленном от него месте, определяет степень греховно-

³ Ср: современный перевод слова «Евангелие» – *Бурвисьталѡм*.

⁴ В современной научной литературе *бурсьылысь* переводится как «певцы добра».

сти стоящего перед ним человека. Отвечая на вопросы Вологжанина, крестьяне отмечали, что после проповедей Ермолина у них изменилась жизнь. Так, один из его последователей указывал, что прежде вел «жизнь худую и грешную», а после того, как стал слушать Стефана, полностью переменялся, почувствовал на душе радость [Вологжанин, № 20, с. 506]. Авторитет Ермолина поддерживался и верой прихожан в его святость и благодать от Бога. Святость его подтверждалась слухами, что его одежда сама по себе светится, а над головами последователей Стефана будто бы видят «светящиеся кружки» (нимбы). Признаком святости Ермолина были и его видения. В своей беседе с Вологжанином он признавался, что его служение началось после того, как ему было явлено видение двух крестов, простого и восьмиконечного – это видение и дало ему веру [Там же, с. 511].

В основе учения Стефана Ермолина лежит понятие о «сердечных очах», то есть о *духовном зрении* – особой благодати, ниспосланной Богом достойным адептам *бурсьылысьяс*, наиболее значимом компоненте мистической составляющей бесед *буркывзём*. «Сердечными очами» можно видеть Иисуса Христа, ангелов, а также незримые кресты, которые даются в горнем мире устроителям бесед, нимбы над головами наиболее верных сподвижников Ермолина. На замечание Вологжанина, что видения креста могут быть искушением – «преlestью», Ермолин отвечал, что дьявол не может показаться в виде креста. С представлениями о духовном зрении связан и обычай *бурсьылысьяс* опускать глаза, не глядеть прямо на человека при разговоре, а для женщин – прикрывать лица платком («Если будешь смотреть на человека, то не увидишь ни Иисуса, ни ангелов»).

Изначально беседы-*буркывзём* Ермолина ограничивались чтением и толкованием переведенных на коми язык Псалтыри и Священного Писания. Однако некоторое время спустя появляется определенная структура бесед-*буркывзём*, предполагающая чередование чтения и толкования богослужебных текстов, пения духовных стихов и проповеди самого Ермолина. Соответственно, беседа-*буркывзём* растягивалась по времени на весь день с небольшими перерывами на прием пищи и отдых проповедника. Общий распорядок бесед известен из записей епархиальных миссионеров, более детально он рассмотрен в работе Ю. В. Гагарина: «общая утренняя молитва, чаепитие, проповедь и толкование Писания, обед, пение духовных песен, чай, беседа проповедника, пение, чай и ужин, вечерняя молитва, акафист» [Гагарин, с. 253]. Сам Ермолин сидел в красном углу на подушке, рядом с ним располагались его певчие – собственно, *бурсьылысьяс*. Собеседники сидели на лавках лицом к проповеднику и иконам. Очевидно, что все желающие послушать Ермолина на лавках не помещались, по данным того же вологодского миссионера, на беседу собиралось от 30 до 60 чел. Всех их надо было кормить, и крестьянской семье беседа обходилась довольно дорого, порядка трех-пяти рублей. Считалось, что в качестве компенсации за материальные затраты семья

приобретала духовные дары: хозяин, устроивший одну беседу, получал невидимый медный крест, за вторую – серебряный, а за третью – золотой. При этом третья беседа приравнивалась к паломничеству в Иерусалим, и за нее отпускались грехи всего семейства. Сама же беседа равнялась обедне.

Важно отметить экстатическое воздействие бесед. Вологжанин пишет, что люди во время беседы «теряют душевное равновесие» и выглядят сумасшедшими. Это состояние непонятного веселья, радости они называют *Ен кодён кодалём* – «пьянством от Бога». На них будто бы снисходит Святой Дух, и они становятся от этого пьяны: «веселье их во имя Христово». Причем с виду эти люди производили то же впечатление, как и от употребления алкоголя [Вологжанин, № 19, с. 481]. Гагарин объясняет религиозный экстаз тем, что во время беседы верующие находились в полной отрешенности, совершали длительные «изнурительные моления», слушали или исполняли «заунывное пение» [Гагарин, с. 219]. Эти компоненты, конечно, оказывали воздействие на собеседников, но едва ли были основными. Природа вхождения в экстатическое состояние непонятна, хотя, по сообщению этнографа И. Н. Ильиной, в 1981 г. один из информантов указывал, что приехавшая из с. Мыелдино в начале 1906-х гг. в деревню Дзоль женщина-*бурсылысь* учила молиться *кружением*, но ни у кого не получалось. Этот факт красноречиво свидетельствует, что у *бурсылысья* практиковались специальные действия, подобные радельным хождениям или кружениям в христовщине [Панченко, с. 235–311].

Техникой вхождения в экстатическое состояние владел, видимо, и Стефан Ермолин. «Духовное пьянство» и состояние общей сопричастности Святому Духу, как говорит один из свидетелей бесед – состояние общей радости, были привлекательнее церковной службы. Крестьяне приходили на беседы послушать пророков из среды *бурсылысья*. Пророчество изначально занимало важное место в движении, но в 1920-е гг., очевидно, в связи с возросшими эсхатологическими настроениями в обществе, пророчествующих стало особенно много. В донесениях ОГПУ за 1925 г. сообщалось, что среди *бурсылысья* насчитывается уже около 80 пророков [Чувыров, 2001, с. 78].

Содержательная часть «бесед» *буркывзём* соответствовала в основном порядку чинопоследования молитв, чтений и песнопений Службеника православной церкви. При этом значительная часть чтений совершалась на коми языке, а в состав песнопений включались неканонические духовные песни на русском и коми. Совместная трапеза «певцов» и прихожан имела символическое значение связи собравшихся с Богом, функционально заменяла таинство евхаристии. Важными были толкования священных текстов самим Ермолиным и его проповеди, хотя в сведениях миссионеров и исследователей не содержится информации о специальных служебных текстах, в которых бы системно излагалось его учение.

Аспекты вероучения «певцов добра» в рукописи *Сѣбирайтчѡм рад* («Соборный чин»)

Пролить свет на основы вероучения Ермолина могли бы рукописные памятники *бурсьылысьяс*, распространенные в верхневычегодских селах. Однако для исследователей советского периода они не представляли интереса ввиду их религиозного содержания. Только в конце 1990-х – начале 2000 гг. благодаря трудам А. А. Чувьурова они стали достоянием исследователей [Чувьуров, 2002, с. 62–69; Чувьуров, 2004, с. 385–415]. В недавней работе Е. В. Прокуратовой рассмотрены евангельские сюжеты в рукописной традиции верхневычегодских коми [Прокуратова, с. 458–481]. Опубликованные этими исследователями тексты духовных стихов и прозы в основном переведены из рукописных сборников русской традиции. Соответственно, содержание их не отражает богословие «певцов». Между тем, в ходе полевых исследований начала XXI в. (2000, 2004, 2005 гг.) были обнаружены новые рукописные материалы – две тетради, ранее принадлежавшие Текусе Ивановне Зайковой и ее мужу Ефиму Егорьевичу Зайкову, в 1950–1970 гг. руководившим религиозной общиной с. Мыелдино [*Сѣбирайтчан рад* («Соборный чин»)].

В своей основной части тексты обеих тетрадей идентичны, при этом в тетради № 1 отсутствуют вступление, духовные песни, есть также различия в содержании текста⁵. Таким образом, текст тетради № 1 по отношению к тетради № 2⁶ неполон и имеет некоторые искажения. Название *Сѣбирайтчѡм рад* состоит из двух искаженных русских слов, но по смыслу его надо переводить как «Соборный чин», поскольку слово *рад* (рус. «ряд») здесь употреблено как синоним слова *арт* – «порядок, чин». Это служебный текст *бурсьылысьяс*, скорее всего он был составлен для чтения или пения на беседах. По сведениям информантов, в настоящее время *Сѣбирайтчѡм рад* (далее – Чин) читают при похоронно-поминальной церемонии.

По композиции *Сѣбирайтчѡм рад* состоит из вступления и основной части. Вступление состоит из трех частей на трех листах, озаглавленных как «Песнь», основной текст представляет собой последование 37 отдельных песней. В отличие от вступления, песни основного текста пронумерованы: песнь 1, песнь 2 и т. д. В их состав также включены несколько духовных песней, обозначенные в тетради как «Молитвы». *Песнь* в данном случае противопоставлена обычной песне, для этого жанра в коми языке есть слово *сьыланкыв* («песня»), а исполнение духовных песен отражено в самоназвании секты – *бурсьылысьяс*. По всей видимости, пелись *Сѣбирайтчѡм рад* одним чтецом или несколькими во время богослужения. Тексты песней не имеют

⁵ Ученическая тетрадь с синей обложкой 12 л., на обложке запись: «Сѣбирайтчѡм рад». Скоропись на верхневычегодском диалекте коми языка с использованием русской церковной лексики.

⁶ Сборник состоит из 30 листов, сшитых ниткой. Переплет – картон.

синтаксического оформления в предложениях, точки и запятые не несут пунктуационного значения, они вкупе с вертикальными черточками разделяют текст на ритмические паузы. К примеру:

Помнитѡй Господлис. / Терпитсяся переменитчасни и крепосте. / Бордасасни кыдчи и ороляс. Сполняя веритчей Господ сетас крепост ас-ласи йозли («Помните Господа. Терпеливые переменятся и окрепнут. / Окрылятся как орлы. Сполна верьте, Господь даст крепость своим людям») (л. 1)⁷.

Многочисленные вставки союза «и» между словами служат для удобства исполнения и также не имеют смыслового значения. В целом автор текста не имел понятия о современной коми грамматике, в том числе и об орфографии. Например, он употребляет «щ» вместо «дж», «дч» вместо «дз», «е» вместо «э», «и» вместо «ы», не знает разделительных свойств мягкого знака. Подобные «ошибки» говорят о том, что автор писал этот текст до принятия грамматических норм коми языка в 1920-х гг. Подражание печатному полууставу, использование знака «ъ» в конце слов в некоторых местах основной части также позволяют предположить, что текст переписан с более раннего протографа. К числу особенностей текста следует отнести множественные включения слов русской и церковнославянской лексики в структуру текста:

Благословен же вед эм Кристос Ен и миян, коди зев мудрей кыйсисясѡи явитис, ытис нали Духи Святеес («Благословен же есть Христос Бог и наш, кто очень мудро ловителей и явил, послал им Духа и Святого») (л. 2).

В данном предложении шесть слов церковнославянской лексики – при том, что им можно найти соответствующие по значению аналоги в коми языке. Подобное включение церковнославянских слов говорит о намерении приблизить текст к церковному богослужебному формату. С этой же целью автор придает коми словам дополнительные христианские религиозные оттенки смысла, к примеру, в приведенном предложении слово *кыйсьысь* буквально переводится как «охотник», но в данном контексте имеет значение «ловец».

Все эти детали позволяют предположительно датировать текст началом XX в., и его автором мог с большой долей вероятности быть сам Стефан Ермолин. В тексте «Чина» обнаруживаются ключевые положения его учения. Это, во-первых, представление о получении религиозного знания Ермолиным непосредственно от Бога. Об этом Вологжанин пишет со слов самого Ермолина: «Стефан получает от Бога знание, Бог ему открывает. Сам же Бог дал

⁷ Здесь и далее текст «Чина» приводится по рукописи [Сѡбирайтчан рад («Соборный чин»)] в переводе с коми языка автора статьи, номера листов указываются в круглых скобках.

ему власть учить» [Вологжанин, № 20, с. 512]. Во-вторых, это положение о незримом обычному зрению кресте, которое Вологжанин называет «основным учением Стефана» [Там же, с. 511]. В-третьих, положение о внутреннем зрении – «сердечных очах» [Там же]. Эти три аспекта вероучения «певцов» известны в литературе, но в первых трех песнях вступления они раскрываются во всей полноте. В первой песни, например, говорится о необходимости непосредственного восприятия Закона Господа через слушание учения Сына:

Помните Господа. Терпеливые переменятся и окрепнут, окрылятся как орлы. Сполна веруйте, Господь даст крепость своим людям. Господь благословит своих людей покоем. Когда вы укрепитесь Великим Духом, тогда твой дух долгожданная радость обнимет. Людей любящий Господь, Истина же Твоя была и Глагол. Легко мне, сын мой, и хорошо. Хорошо же мне [от] Закона из Твоего рта, лучше тысяч золотников и серебряников. На Фаворе было сказано: Он есть Сын Мой возлюбленный, слушайте Его. Вот как было угодно Небесному Отцу. Пусть мы станем слушать учение возлюбленного Сына. Через Него человек станет приятным Богу (л. 1).

Здесь говорится о том, что постижение Закона требует известных усилий, поэтому автор изначально акцентирует внимание на понятиях *терпения и веры*: только терпеливым и «сполна» верующим дается дар Святого Духа. Терпение и вера позволяют достичь того, что с точки зрения богословия *бурсьылысьяс* определяется как *радость* – духовный подъем, прямое воздействие Божественной благодати, позволяющее перейти на следующий уровень – к *слушанию* учения Иисуса Христа. Это завет Небесного Отца, через Сына передающего людям свою *премудрость*. Слушание учения происходит во время бесед-*буркывзъм*, при этом предполагается мистическое участие Иисуса Христа в беседе, как будто бы Он Сам излагает Свое учение слушающим *бурсьылысьяс*, как некогда апостолам, ставшим пророками. В песни 5 это положение получает законченную форму:

Среди нас Сам Христос Своей любовью и Своей благодатью, Своей готовностью услышать нашу молитву наши просьбы исполняет. Господу Богу угодно и приятно, потому что мы с любовью к Нему и своей верой, надеждой на Его милость собираемся с Его святым именем. Как, например, приятно бывает отцу, когда дети с разных сторон собираются в его избу, чтобы отметить его день рождения или какой-то иной праздник. Во время беседы и близок к нам со Своей милостью Господь Бог, и мы близки к Нему – и своими сердцами, и своими мыслями... Господь наш, Иисус Христос, наставляет нас. Сказано Им: «Если где-нибудь собираетесь вдвоем и втроем и по Имени Моему, тогда и Я среди вас». Но если так, то без сомнения и среди нас Сам Христос (л. 5–5 об.).

Подразумевается, что Иисус незримо присутствует на беседе, но также очевидно, что предполагается и его непосредственное участие в ней через кого-либо из наиболее подготовленных адептов. Таковым был сам Стефан Ермолин – отсюда признаки его богоподобия и его авторитет в толковании Священного Писания. Были и носители образа Христа: Вологжанин упоминает о женщине-*бурсьылысь*, назвавшей себя Христом [Вологжанин, № 20, с. 482]. Но наиболее распространенным было все же проникновение Святого Духа в некоторых членов секты, обретавших вследствие этого особые дары прозорливости, предвидения будущего, знания о посмертных судьбах родственников. Именно этих людей «Чин» называет «друзьями Богу», пророками, уподобляя их апостолам-«ловителям», которым Христос послал Духа Святого.

Таким образом, дар пророчества проявляется как следствие терпеливого и непрестанного слушания учения Христа во время бесед и служит показателем максимальной приближенности человека к Богу. Мотив слушания дополняется образом *духовного зрения* – зрения сердца. О нем сообщается в третьей песни вступления:

Господи и Иисус Христос, открой мои *глаза сердца* (коми – *син съӧлӧм*).
Твои слова слышать и разуметь. Стараться по ним [жить], потому что я есть на земле странник. Не закрывай от меня Свои повеления, но открой мои глаза, и уразумею чудеса от Твоего Закона (л. 2 об.).

Правильное понимание и усвоение Божественной Премудрости возможно только при наличии зрения сердца. Это внутреннее зрение, зрение *глазами сердца*, противопоставлено физическому зрению как слушание истины, предполагающее мистический слух, отличаемый от физического. В этом противопоставлении семантической пары истинного *слушания* и *сердечного зрения* физическому, слуху и зрению угадывается противопоставление высокой духовной жизни в Законе Божиим низкому мирскому существованию (ср.: «Бог дал им дух усыпления, глаза, которыми не видят, и уши, которыми не слышат» (Рим. 11 : 8)).

Истинные слух и зрение являются даром Иисуса Христа, отсюда обращение к нему в третьей песни: «Господи и Иисус Христос, открой мои *глаза сердца*...» Но этот дар ценен не сам по себе, он не более как инструмент, раскрывающий человеческий ум к восприятию *разума* Иисуса Христа:

Прославь мой ум и думы Своим светлым разумом, потому что Ты и во тьме пребывающих высветил. Любой дар от Тебя добро, любое дарование и сполна. Господи Иисусе Христе, Праздник и Свет (л. 2 об.).

Прославление разумом открывает собственно ум человека, его способность воспринять учение Сына:

Твое мудрое учение помоги нам осмыслить и понять, сладко вкушать. Спокойно веселиться и радоваться Твоей чистой беседой, заботой и старанием, свое и поведение изменить по этой беседе. Неоткуда больше такой легкий и ясный путь нам найти, как от сверкающего зеркала и от Тебя. К Святому Евангелию наклони мое сердце своим свидетельством. Открой мой слух из Твоего рта беседой, поверни мои глаза, чтобы не видели они суету (л. 3).

Истинный разум открывает внутреннему зрению доступ к Святому Евангелию, но одного чтения текста недостаточно, для адекватного его понимания необходимо живое *собеседование* с самим Иисусом Христом, Его непосредственное свидетельство правильности понимания. Только так можно выйти на путь, ведущий к спасению.

Важным аспектом вероучения *бурсьылысьяс* было учение о кресте. О нем говорится во второй песни вступления:

Радуйтесь, русские православные люди: глубокое, прекрасное, бесценное дарование вам послано Господом. Вот еще древние отцы бродили во тьме, глубоко [в нее] погружаясь от незнания, а вы поставлены хранить истину, избраны вы молиться кресту. Но не забывайте истину даже на время, [не думайте], что есть дар больше этого, должен [ты] из глубины души благодарить, этим [даром] мудро пользоваться, больше стараться, и нужно заботливо хранить этот [дар]. Несите же достойно знамя креста Христа, будьте чистой посудой Божьей благодати. Без сна нужно хранить этот дар. Этой песни научил Андрей Первый Званный, поставил перед собой крест – всегда креститесь (л. 1 об.).

Созерцание креста, видение креста, моление кресту – такой же дар, как и внутреннее зрение. Вологжанин пишет, что Ермолин учил постоянно «запечатлевать в сердце» крест, сам же он будто бы постоянно видел его «сердечными очами» в своем сердце и «в воздухе» [Вологжанин, № 20, с. 511]. Автор обращается к авторитету Андрея Первозванного, якобы утвердившего крестное знамение перед образом креста, открывающегося внутреннему зрению.

Следует отметить, что церковь обвиняла Ермолина не в отступлении от православных догматов, а в «восхищении» учительского звания, в самозванном, без благословения учительстве. Из восьми пунктов предъявленных Ермолину обвинений его самозванное учительство стоит на первом месте, тогда как «начала мистицизма», как их называет тот же Вологжанин, на последнем [Вологжанин, № 22, с. 561]. Между тем, точкой расхождения учения Ермолина с официальным православием как раз и было то, что миссионер назвал мистицизмом. Вологжанин сам не раз упоминал о видениях Христа, Богородицы и ангелов, будто бы доступных Ермолину и другим *бурсьылысьяс*, но относился к этому факту с долей снисходительности. Однако суть учения заключалась в том, что оно давало его последователям воз-

возможность непосредственного богообщения. Это значит, что любой из последователей *бурсьылысьяс* мог получить живой отклик Бога в ответ на свои молитвы или просьбы. Путь к этому открывался через собрания-беседы *бурсьылысьяс*, на которых исполнялся текст «Чина». Судя по всему, этот текст не только выполнял служебные функции, но и был руководством для внутреннего духовного обучения.

Если вступление является репрезентацией основных положений вероучения «певцов», то в последующих 37 песнях изложено все, что должен знать христианин о Боге и спасении, но более всего о пути, который ведет его к богообщению, к встрече с Богом. Начало этого пути полагается в духовном собрании, беседе – об этом сообщается в первой песни:

Придите же и собирайтесь на большое Божественное сидение. Чтобы все люди спаслись, достигли истинного знания. Обернуться, чтобы ожить, перемениться. И своей беседой, весельем хвалите Бога, трудитесь Господу веселием. Придите к Нему с радостью (л. 4).

Беседа *бурсьылысьяс* соответствует небесному первообразу: Закон был передан Небесным Отцом Сыну, который, в свою очередь, передал его в виде учения своим апостолам-пророкам, так что духовное собрание наследует образец бесед апостолов с Иисусом Христом в 9-й песни:

Безумные мирские места бесполезных бесед. Много помог мне, Господи, небесной беседой, плотно закрыл мои уши, чтобы суетные разговоры не слышать; от бесполезных шатаний по широкой дороге и торговых мест (л. 7).

В девятой песни духовные беседы противопоставлены мирским как нечистым разговорам, и это противопоставление концептуально: отныне участники правильных духовных бесед как будто отсечены от остального мира, который устремлен во тьму, а они, обозначенные светом, идут по тернистой небесной дороге к встрече с Господом. Не все могут передвигаться по этому пути, это путь подвижничества, большинство предпочитает как раз «широкую дорогу», более того, оно нетерпимо к тем, кто избрал небесный путь: «Кому много даровано, тот должен в этой жизни часто страдать, огорчаться и быть гонимым все время» (там же). Это путь пророческого служения, пройденный некогда апостолами – учениками Иисуса Христа, соответственно, учительство *бурсьылысьяс* обосновано самыми высокими образцами. Певцы призваны возвестить учение Спасителя зырянскому народу, отсюда постоянные поездки самого Стефана Ермолина за пределы своей волости, а также поездки его адептов по другим волостям – их с полным основанием можно причислить к миссионерским.

Последующие песни содержат наставления о том, как не сбиться с правильного, ведущего в Небесный Иерусалим пути. Адепт должен отречься от суетных связей и различных грешных помышлений. Уму нужен самоконтроль, а душе требуется непрерывная связь с Богом, поэтому человек должен пребывать в состоянии постоянной молитвы:

Не только в церковь приходя, но и в другие часы не оставляй этого старания: работаешь, или спишь, или идешь по дороге, ешь, или пьешь, или лежишь – не прерывай молитвы, потому что не знаешь, когда потребуют твою душу, не жди дня Воскресения или праздника, не выбирай отдельных мест, а в разных местах молись внутренним воплем – греху нет и места (л. 13).

«Внутренний вопль» – это не просто фигура речи. Навык *внутреннего вопля* или *крика* достигается через длительную духовную работу, или, если можно так выразиться, через долгие психофизические упражнения. Это значит, что адепт полностью отказался от своих земных греховных пристрастий, которые толкают его во тьму:

...жертва, приятная Богу, есть внутренний крик. Кто имеет печаль о Боге, кто отжимает от себя грехи и тяжело дышит, тот хотя и свой век прожил, не справляясь со своими делами, в последний свой день увидит благодать (л. 18).

Избавившаяся от грехов душа человека становится его «внутренним учителем», который и соединяет его с Богом. Внешним проявлением внутреннего крика является духовное пение, обретающее смысл только в этой связи:

Сильнее внутреннего крика оружия нет ни на земле, ни на небесах. Внутренний крик никогда не победят недобрые думы, духовного пения бояться бесы (л. 26).

В последней, 37-й песни «Чина» происходит возвращение к теме духовной беседы, с которой начинался сюжет. Однако это уже не духовное собрание на земле, это беседа с Самим Богом, и вступает в эту беседу очищенная от земного душа:

Душа моя, любящая Бога, ничто так не сладко, как мысли о Божественной беседе, кому пришло время, тому Божественная беседа сладка. Если предашься Богу, Бога и увидишь. Истинная любовь приводит к охраняемой пристани, это свершится с Христом. Где любовь, там и просто-та, в простых сердцах и Бог отдыхает. Это свершится с Христом (л. 30 об.).

Таким образом, текст рукописи *Сѡбирайтѣмъ рад* («Соборный чин») является образцом богословской литературы «певцов добра».

Исполнение его во время богослужения на «беседе» имело также функцию поучения, в котором излагались основные аспекты верования последователей Стефана Ермолина. Это идея получения истинного знания непосредственно от Бога, положения о внутреннем зрении и невидимых обычному глазу духовных крестах. Основной текст составлен как сотериологический сюжет, по ходу развертывания которого ищущая спасения душа адепта проходит путь от земной беседы к беседе небесной. На этом пути она обретает новые качества (такие как зрение очей, внутренний крик), подготавливающие ее к встрече с Богом. Помимо богословского, текст «Чина» имеет ценность как образец народного литературного творчества религиозного характера.

Список литературы

Вологжанин. Новый «братец» Стефан Вологодский : Материалы для истории новейшего мистического сектанства // Вологодские епархиальные ведомости. 1912. № 19. С. 477–483; № 20. С. 504–512; № 21. С. 531–532; № 22; С. 557–561.

Газарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. М. : Наука, 1978. 326 с.

Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М. : ОГИ, 2002. 544 с.

Прокуратова Е. В. Духовные стихи на евангельские сюжеты в рукописной традиции крестьян верхней Вычегды // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12 (90). Ч. 3. С. 458–461. DOI 10.30853/filnauki.2018–12–3.7.

Собирайтчан рад («Соборный чин») // ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Фольклорный фонд. Р. 1205, 1206. Тетради № 1, 2 Текусы Ивановны Зайковой. С. Мыелдино Усть-Куломского р-на РК.

Федюнева Г. В. Письменность и становление коми литературной традиции // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности / под ред. Т. А. Снигиревой и Е. К. Созиной. Екатеринбург ; Ижевск ; Сыктывкар : Изд-во УМЦ УПИ, 2014. С. 28–45.

Чувьуров А. А. Гендерные отношения в религиозно-мистических сообществах // Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. СПб. : Алетейя, 2001. С. 76–84.

Чувьуров А. А. Духовные стихи в религиозной и обрядовой жизни вычегодских и печорских коми // Духовная культура Севера: итоги и перспективы исследований / отв. ред. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2002. С. 62–69.

Чувьуров А. А. Рукописные традиции вычегодских коми // Русский Север : Аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции. СПб. : Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2004. Вып. 6. С. 385–415.

References

Chuv'yurov, A. A. (2001). *Gendernye otnosheniya v religiozno-misticheskikh soobshchestvakh* [Gender Relations in Religious and Mystical Communities]. In *Mifologiya i povsednevnost': gendernyi podkhod v antropologicheskikh distsiplinakh*. St Petersburg, Aleteiya, pp. 76–84.

Chuv'yurov, A. A. (2002). *Dukhovnye stikhi v religioznoi i obryadovoi zhizni vychegodskikh i pechorskikh komi* [Spiritual Poetry in the Religious and Ritual Life of the Vychegda and Pechora Komi]. In Volkova, T. F. (Ed.). *Dukhovnaya kul'tura Severa: itogi i perspektivy issledovaniy*. Syktывkar, Izdatel'stvo Syktывkarskogo universiteta, pp. 62–69.

Chuv'yurov, A. A. (2004). Rukopisnaya traditsiya vychegodskikh komi [The Manuscript Tradition of the Komi People of the Vychegda River]. In *Russkii Sever. Aspekty unikal'nogo v etnokul'turnoi istorii i narodnoi traditsii*. St Petersburg, Muzei antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN. Iss. 6, pp. 385–415.

Fedyuneva, G. V. (2014). Pis'mennost' i stanovlenie komi literaturnoi traditsii [Writing and Development of the Komi Literary Tradition]. In Snigireva, T. A., Sozina, E. K. (Eds.). *Permskie literatury v kontekste finno-ugorskoj kul'tury i russkoj slovesnosti*. Yekaterinburg, Izhevsk, Syktyvkar, Izdatel'stvo Uchebno-metodicheskogo tsentra Ural'skogo politekhnicheskogo instituta, pp. 28–45.

Gagarin, Yu. V. (1978). *Istoriya religii i ateizma naroda komi* [The History of Religion and Atheism of the Komi People]. Moscow, Nauka. 326 p.

Panchenko, A. A. (2002). *Khristovshchina i skopchestvo: fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Christ and Loneliness: The Folklore and Traditional Culture of Russian Mystical Sects]. Moscow, OGI. 544 p.

Prokuratova, E. V. (2018). Dukhovnye stikhi na evangel'skie syuzhety v rukopisnoi traditsii krest'yan verkhnei Vychegdy [Spiritual Poems on Gospel Subjects in the Manuscript Tradition of the Upper Vychegda Peasants]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 12 (90). Part 3, pp. 458–461. DOI 10.30853/filnauki.2018–12–3.7.

Söbiraitchan rad “Sobornyi chin” [Cathedral Rank]. (N. d.). In *IYaLI Komi NTs UrO RAN* [Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Fol'klornyi fond. R. 1205, 1206. Tetradi No. 1, 2 Tekusy Ivanovny Zaikovoi. S. Myeldino, Ust'-Kulomskogo raiona RK.

Vologzhanin. (1912). Novyi “bratets” Stefan Vologodskii. Materialy dlya istorii noveishego misticheskogo sektantstva [New “Brother” Stefan of Vologda. Materials on the History of Modern Mystical Sectarianism]. In *Vologodskie eparkhial'nye vedomosti*. No. 19, pp. 477–483; No. 20, pp. 504–512. No. 21, pp. 531–532; No. 22, pp. 557–561.

The article was submitted on 04.10.2019

DOI 10.15826/qr.2020.1.448

УДК 821.161.1-3Тургенев+94(470)"18"+316.7

НОВЫЕ ЛЮДИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ (НОВЬ ИВАНА ТУРГЕНЕВА)*

Ольга Жукова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

NEW PEOPLE IN RUSSIAN HISTORY (IVAN TURGENEV'S VIRGIN SOIL)**

Olga Zhukova

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

This paper discusses a controversial statement of some Russian critics about the “failure” of Turgenev’s *Virgin Soil* and its interpretation in Russian intellectual and political history. These views are revised with reference to Turgenev’s philosophical ideas on the Russian Enlightenment project, Russia’s historical development, its national culture and spiritual ideals. The author considers the national tradition of reading *Virgin Soil* and determines the intellectual context which impeded the understanding of Turgenev’s historical position, concluding that the views on the novel were mostly ideological. The article examines the problem of “new people” in *Virgin Soil*. According to the author’s opinion, Turgenev, inspired by the philosophical ideas of the Russian Enlightenment, created an original concept of the historical dynamics of Russia. He shows both the social utopianism and real political alternatives in Russian history. The writer gives a critical assessment of the moral philosophy of the “new people”, whose emergence is welcomed by the revolutionary democrat Chernyshevsky. Turgenev

* Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

** Citation: Zhukova, O. (2020). *New People in Russian History (Ivan Turgenev’s Virgin Soil)*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 71–84. DOI 10.15826/qr.2020.1.448.

Цитирование: Zhukova O. *New People in Russian History (Ivan Turgenev’s Virgin Soil)* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 71–84. DOI 10.15826/qr.2020.1.448 / Жукова О. *Новые люди в российской истории (Новь Ивана Тургенева)* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 71–84. DOI 10.15826/qr.2020.1.448.

reveals the inner contradictions in Russian society and predicts a revolutionary catastrophe in Russia.

Keywords: Ivan Turgenev; *Virgin Soil*; “new people”; revolutionary populism; Russian Enlightenment project; sociology of culture.

Рассматриваются спорный тезис русской критики о неудаче романа «Новь», а также его интерпретации в русской интеллектуальной и политической истории. Данные взгляды подвергаются ревизии с позиции философских идей Тургенева о проекте русского Просвещения, об историческом развитии России, о национальной культуре и ее духовных идеалах. Изучая российскую традицию прочтения романа «Новь» и определяя интеллектуальный контекст, препятствующий осмыслению исторической позиции Тургенева, автор делает вывод об идеологическом характере трактовок романа. В работе анализируется проблема «новых людей» в романе «Новь». По мнению автора, вдохновленный идеями русского Просвещения, Тургенев создает оригинальную концепцию исторической динамики России. Он показывает как социальный утопизм, так и реальные политические альтернативы в российской истории. Писатель дает критическую оценку моральной философии «новых людей», появление которых приветствует революционный демократ Чернышевский. Тургенев выявляет внутренние противоречия в русском обществе и предсказывает революционную катастрофу в России.

Ключевые слова: Иван Тургенев; роман «Новь»; «новые люди»; революционное народничество; русское Просвещение; социология культуры.

Философско-историческая оптика Тургенева в свете дискуссии о романе «Новь»

Двухсотлетний юбилей И. С. Тургенева (1818–1883) дает повод вновь обратиться к наследию великого русского романиста, оживить дискуссию о литературно-эстетических и политических взглядах писателя, выраженных в его ключевых произведениях. В рамках этой задачи проблематизация идейно-философской позиции Тургенева в его последнем романе «Новь»¹ оказывается наиболее трудной. История отношений между автором, читателями и критиками последнего романа писателя представляет собой отдельный сюжет, развивающийся в интеллектуальном пространстве русской культуры [Куликов, с. 121–136; Назарова, с. 165–166; Затева, Ленхобоева, с. 80–86; Финько, с. 215–218].

Отношение к роману современников, среди которых были литературные конкуренты Тургенева и его профессиональные критики, выступавшие с разных идеологических и политических позиций, вы-

¹ Черновая рукопись романа была закончена Тургеневым в июле 1876 г. в Спаском-Лутовиново. Первая журнальная публикация состоялась в «Вестнике Европы» (1877, № 1, с. 5–136; № 2, с. 465–580).

сказанные ими большей частью негативные, нежели сочувственные суждения способствовали устойчивой трактовке «Нови» как творческой неудачи писателя². Как представляется, для современного читателя оптика восприятия романа может быть иной. Учитывая борьбу идеологических дискурсов, развернутую вокруг романа, продемонстрированную участниками полемики явную политическую ангажированность, а иногда и откровенное личное неприятие романиста, мы можем с полным основанием поставить перед собой задачу пересмотра сложившегося консенсуса оценок последнего романа Тургенева. Для этого стоит посмотреть на «Новь» глазами историка и философа культуры, чтобы выявить исходную философскую и художественную стратегию писателя, определившую идеологический и эстетический комплекс романа. Возобновление дискуссии позволит заново оценить значение романа в наследии писателя, его место и роль в русской литературе и политической истории России в рамках как литературоведческих, так и философско-исторических исследований.

В этом контексте специально отметим, что философские и политические воззрения Тургенева, исповедовавшего, по его собственному признанию, либерализм «старого покроя в английском, династическом смысле» [Тургенев, 1879], под воздействием ленинской историософской схемы, толковавшей умеренную оппозиционность писателя сквозь призму революционного движения в России, не были значимым предметом отечественных исследований³. Характерно, что в русской дореволюционной и эмигрантской литературе философским и политическим воззрениям писателя большого внимания также не уделялось⁴. По нашему мнению, трактовка им современных событий русской жизни проистекает непосредственно из его философского видения исторического процесса в духе идей русского европеизма. У истоков этого направления находятся создатели великой русской классики, ее художественной и интеллектуальной традиции – Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский,

² Если сторонники демократического лагеря посчитали, что в романе Тургенев изобразил народников-революционеров – «новых людей» русской пореформенной эпохи [Лавров, 1967, с. 197–207], то почвенник Ф. М. Достоевский, ранее высказавшийся на тему метафизики русской революции в «Бесах», категорически не принял идею романа [Достоевский, с. 380]. Л. Н. Толстой, находясь под воздействием отрицательной оценки Н. Н. Страхова, посчитал роман скучным и даже банальным [Толстой, т. 18, с. 798]. Религиозный философ В. С. Соловьев был убежден, что тургеневский психологизм и реализм в оценке русской действительности уступают метафизическому видению Достоевского, и отказал автору «Нови» в историческом чутье [Соловьев, с. 39]. Показательно, что отношение к «Нови» как к неудаче прославленного романиста было высказано и более поздними интерпретаторами. См.: [Мазон, с. 105].

³ Либеральные идеи Тургенева в подобных интерпретациях, как правило, подвергались критике с революционно-демократических позиций. См.: [Буданова].

⁴ Об отсутствии работ, характеризующих нравственно-философские и социально-политические воззрения Тургенева, писал историк русской мысли В. В. Зеньковский, готовый рассматривать его в одном ряду с такими социальными мыслителями, как Герцен, Михайловский, Кавелин [Зеньковский, с. 288].

Н. В. Станкевич [Жукова, с. 33–40]. Идеалы русского Просвещения с его стремлением к осуществлению синтеза ценностей национальной культуры и европейского модерна с опорой на принципы личности, универсализма и свободы [Лихачев, с. 15] определяют взгляды Тургенева на национальную историю и культуру, что находит непосредственное выражение в замысле «Нови». Для более полного понимания идейно-эстетической позиции Тургенева в этом романе стоит внимательнее отнестись к проявляемой писателем склонности к философской рефлексии, к его рано сформировавшемуся интересу к философии истории. Во многом он был задан профессиональным философским образованием, полученным в Петербургском университете и, что особенно важно, в Берлине, где в годы учения Тургенева безраздельно господствовали последователи Гегеля [Клеман, с. 22, 25]. Аналитический метод, сформированный благодаря ранним философским штудиям, побуждал Тургенева и в дальнейших творческих опытах относиться к истории как к сложному процессу развития общества и личности. Тургенев-художник наблюдал, фиксировал и анализировал многообразные стороны духовного и социального бытия русской нации в развитии идей и идеалов, Тургенев-философ преследовал цель выявить глубинные мотивы нравственных и политических действий как индивидов, так и различных социальных групп. Таким образом, в трактовке Тургенева-писателя роман становился аналитическим способом изучения современной истории – опытом ее художественно-философского постижения.

Уже в раннем критическом сочинении, рецензии о Фаусте (1845), Тургенев формулирует центральный философско-исторический тезис, который создаст основу своеобразной интеллектуальной программы его романного творчества. Он пишет: «Историческое изыскание может иногда с успехом заменить чисто логические рассуждения, потому что ничего не может быть логичнее исторического развития, ясно и добросовестно представленного» [Тургенев, 1978–2014, т. 1, с. 199]. В этом опыте художественно-аналитического постижения истории возможности романа оказались наиболее подходящими, способными дать не только психологически достоверные портреты-образы национальной культуры, но и социологически точные зарисовки-наблюдения, позволяющие вычленить момент зарождения новых духовных и социальных явлений в жизни русского мира [Лотман, с. 120].

Романы Тургенева действительно обладают особой жанровой спецификой, и дело не только в узнаваемой и неповторимой стилистике великого прозаика. С известной долей допущения их можно назвать социально-философскими очерками русской культуры. Они достоверно раскрывают не только типологию характеров и идейно-ценностные профили личностей, создавая широкую картину общественных и индивидуальных устроений, но и дают представление о направленности и вероятностном сценарии социокультурных

процессов в России, что наиболее значимо для позиции социолога и философа истории⁵.

Талант Тургенева как наблюдателя и исторического аналитика в горизонте уже свершившейся истории России конца XIX – XX в. кажется очевидным. Вслед за российскими и зарубежными авторами, отмечавшими способность романиста не только описать зарождающиеся явления, но и спрогнозировать возможный результат их развития, я буду настаивать на необходимости уделить особое внимание творческому подходу Тургенева, его философско-исторической установке, обозначая тем самым новую перспективу восприятия наследия писателя. Исходя из данных посылок, я предлагаю посмотреть на «Новь» как на опыт социального анализа важнейшего культурно-психологического феномена русской истории пореформенного периода, связанного с появлением новой генерации социальных агентов русской культуры – *новых людей*.

«Новые люди» или срыв русской истории?

Данный Тургеневым художественный анализ социальной структуры пореформенного общества в России не был по достоинству оценен современниками, как не была воспринята и созданная писателем типология героев, в то время как роман был посвящен *новой теме* – новой по существу. Нова и не исследована была молодежь, все сильнее подпадавшая под обаяние революционных идей и пропаганды радикализма⁶. Новыми были и люди, готовые осваивать и внедрять современные формы хозяйствования, жить в условиях модернизировавшегося правового и социального порядка в эпоху реформ, начатых царем-освободителем. Так почему же не была прочитана нравственная и историческая метафора «Нови» с ее образами *новых людей*? Этот вопрос можно поставить иначе: кого Тургенев опознает в *новых людях*, опасается ли их, связывает ли надежды с появлением новых акторов русской истории? Каким видит осуществление русского исторического проекта и какой дает прогноз о его развитии?

В «Нови» Тургенев пишет историю русской интеллигенции, делая предметом анализа закат дворянской культуры и старой имперской бюрократии, показывая нарождающуюся активность новых социальных сил – разночинной интеллигенции и буржуазии. Социально-философская составляющая романа заключается в создании социальной типологии русской культуры, представленной взаимо-

⁵ По этому поводу в работе «Русские мыслители» И. Берлин замечает: «Сам факт, что Тургенев был художником до мозга костей и понимал универсальные аспекты сложности человеческого характера, не должен заслонять от нас то, что он полностью принял обязанность писателя говорить объективную правду – социальную не меньше, чем психологическую – публично, и не предавать ее» [Berlin, p. 148].

⁶ В этом контексте укажем на полемику между П. Ткачевым и П. Лавровым как представителями радикального и умеренного направлений русского революционно-народничества. См.: [Ткачев; Лавров, 1874].

действиями между различными группами, классами, индивидами, социально-культурный и интеллектуальный профиль которых создается посредством изображения идей – исповедуемых героями идеалов, ценностей и убеждений. В «Нови» Тургенев отражает логику социальных изменений русской культуры в пореформенной России, указывая на зарождающиеся в воображении героев представления о ее будущем. «Новь» обладает глубоким видением российской социальной и культурной истории. Последний роман Тургенева можно назвать мысленным экспериментом писателя-аналитика, проигранным как сценарий и обладающим свойством *прогноза-предсказания* развития русского исторического проекта.

По этому поводу стоит заметить, что прогноз-предсказание можно обнаружить не только в романах Тургенева, но и в его произведениях малой формы. Россию, которая чревата бунтом, гениальным чутьем художника и исторического визионера Тургенев предсказал еще в цикле охотничьих рассказов в 1857 г., описывая смутные настроения крестьян⁷. В 1876-м, завершив роман «Новь», писатель увидел Россию уже стоящей на пороге тревожной неизвестности. Если Достоевский, прозревая мистическую суть русского бунта, сбивался на пророческий пафос, Толстой во спасение русского народа выступал с антицерковной моралистической проповедью, то Тургенев наблюдал за русской действительностью. В отличие от своих великих современников, он избежал соблазна быть пророком или идеологом-проповедником. Как писатель и философ истории он обращал внимание на момент зарождения еще не артикулированных идей, социальных мечтаний и ожиданий, зреющих в толще русского социума, и его вариант прогностического сценария, данного в «Нови», оказался верным.

Примечательный факт, говорящий в пользу уникальной способности Тургенева давать обобщение, поднимающееся до предвидения, связан с историей публикации «Нови» в «Вестнике Европы». Когда роман вышел в свет, писателя, по его собственному признанию, сначала обвинили в отрыве от русской жизни, в ее непонимании, а затем в сговоре с революционерами, в участии в их «неблагодетельных замыслах» [Тургенев, 1978–2014, т. 9, с. 394–395]. Удивление читателей «Нови» вызвало то, насколько Тургенев смог все так точно предви-

⁷ Обратим внимание на вывод, сделанный российским философом и историком А. А. Кара-Мурзой, по поводу одного из «охотничьих» рассказов писателя. Исследователь отмечает, что рассказ из цикла «поездок в Полесье» («День второй»), написанный в 1857 г., во время совместной поездки со Львом Толстым в Дижон, «наметил контуры принципиально нового подхода к описанию кризисных явлений в русской деревенской жизни» [Кара-Мурза, с. 18]. Рассказ стал первым за полвека до русской катастрофы изображением ««грядущего русского хама» – в лице некоего «вора Ефрема» – человека, с одной стороны, предельно десоциализированного, а с другой – потенциального лидера русской жизни, лишь поджидающего до поры «своего часа» [Там же, с. 25]. Тургенев испугался своего собственного прозрения и порывался несколько раз уничтожить рассказ, боясь «возвести поклеп» на «Святую Русь», но все же отправил его в Россию для печатания [Там же].

деть и предсказать⁸. Психологически становится понятным, почему немалая часть читающей публики была готова признать писателя заговорщиком – едва ли не «автором» революционного сценария. Тургенев, с явным разочарованием воспринявший критику романа, писал об этом не без горькой иронии.

Писатель, будучи противником революции, видел свою задачу совсем в другом – в изучении национальной жизни и направлении ее в русло культуры и социального развития. Наблюдая за жизнью русского социума, он старался в своем романно-философском исследовании России аналитически схватить новое явление в момент возникновения и откристаллизовать его в художественный образ. В «Нови» Тургенев сосредоточился на типе «романтиков реализма», считая его культурно значимым, специфически русским типом социально обеспокоенных идеалистов, сочетавших утопизм во взглядах с жадной реальной деятельностью. По Тургеневу, это были люди, которые «тоскуют о реальном и стремятся к нему, как прежние романтики к идеалу» [Тургенев, 1978–2014, т. 9, с. 399]. Поскольку они несчастные и исковерканные, не могущие найти себе применения в настоящем, то смысл их жизни, по Тургеневу, состоит в том, чтобы быть пророками и проповедниками новой России – России будущего. Как полагал автор «Нови», на смену «романтикам реализма» приходит тип делателей революции, которые все определеннее отказываются от моральной рефлексии и культурных идеалов, прежде вдохновлявших русских идеалистов и социальных мечтателей. «Процесс пятидесяти», связанный с революционным народничеством, как культурный и духовный феномен *новых людей* подтверждал факт появления русского типа социальных радикалов, своего рода мутации русских социальных идеалистов-романтиков. «Новь», тем самым, оказывалась ответом Тургенева на роман о *новых людях* Чернышевского.

Наблюдая за молодым поколением, находившимся под большим влиянием идей Чернышевского и уже жившим философией новых дел, приближавших, по его замыслу, радикальный переворот косной русской жизни, в «Нови» Тургенев диагностировал болезнь зарождения чреватой внутренним конфликтом России. Он предсказал явление «безымянной Руси» – той Руси, которая еще не обрела голос, не вышла на авансцену истории, но обязательно должна была себя проявить как-то странно и страшно. В преддверии этой новой эпохи «романтик реализма» Нежданов погиб, покончив с собой, а влюбленная в него революционерка Машурина растворилась в пространстве «безымянной

⁸ В конце зимы 1877 г. в столице широко освещалось «Дело 50 пропагандистов». Процесс слушался с 21 февраля по 14 марта (ст. ст.) 1877 г. На суде выступили рабочие П. А. Алексеев, С. И. Бардина, Г. Ф. Зданович. Судебное разбирательство по времени совпало с первой журнальной публикацией «Нови». Русское общество было впечатлено сходством героев и их воззрений, описанных в романе «Новь», с реальными участниками процесса. П. В. Анненков, пораженный художественной точностью и прозорливостью Тургенева, в письме к М. М. Стасюлевичу назвал его пророком [М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. 3, с. 340].

Руси» под удивленно-горестное восклицание Паклина, повисающее нотой тревожного предчувствия в конце романа [Там же, с. 389].

«Безымянная Русь», увиденная Тургеневым, была предвестием революционного пожара, случившегося в стране. Немое большинство русского мира в лице крестьянства и рабочего класса вооружилось идеологией революционной борьбы, которую проповедовала интеллигенция. Деятели разночинной интеллигенции и революционного народничества, выведенные Тургеневым в романе «Новь» как больной симптом времени, пройдя через горнило политической борьбы, отказались от культурной сложности либеральных отцов, исключив духовную рефлексию, еще свойственную «романтикам реализма» типа Нежданова, из своего нравственного горизонта. Произошла культурно-психологическая и моральная деформация идеи свободы, ранее сформулированной эпохой Просвещения как культурный и политический императив европейского модерна.

Справедливо утверждать, что в «Нови» Тургенев выступает оппонентом Чернышевского. Радикалам и социальным утопистам последнего он противопоставляет образ постепеновца Соломина, вслед за Паклиным почти убеждая читателя в том, что сейчас нужны «Соломины, серые, простые, хитрые Соломины!» [Тургенев, 1978–2014, т. 9, с. 388]. Тургенев показывает Соломина как новый тип практического деятеля, умного, осторожного человека из народа, обладающего большим здравомыслием, владеющего новыми знаниями и способного к разумному управлению производством и совестливому отношению к людям. Тургеневский Соломин, сын дьячка, рекрутируемый из священнического сословия в «новых русских» предпринимателей, сочувствовал молодежи, ищущей лучшего будущего для своего народа. В революцию не верил, но присматривался к ее негласным лидерам Нежданову и Маркелову: «не желая навязывать свое мнение другим, не мешал им попытаться и посматривал на них – не издали, а сбоку» [Там же, с. 225].

Можно с уверенностью говорить, что именно эта двойственность позиции Соломина – осторожной отстраненности и сочувствующего любопытства, которые сам Тургенев демонстрировал в отношениях к социальным движениям и умонастроениям, возникающим в русском обществе, – вызвала неприятие Достоевского и заслонила для него подлинный философско-исторический горизонт романа. С Соломиным – человеком дела, наделенным знанием и волей, Тургенев явно связывает какие-то надежды, свое видение пореформенной России, предоставляя новым силам искать собственные пути устройства жизни и недосказывая за них судьбу. Однако автор не питает социальных иллюзий. Свой скептицизм по поводу пореформенной России Тургенев вкладывает в слова Паклина – не резонера и не идеалиста, персонажа, лишённого всякого героизма и подвижничества, по своей моральной сути обывателя, имеющего некоторые собственные суждения, до известной степени наблюдателя и хрониста событий,

которые разворачиваются на страницах романного повествования. Человеку без особых заслуг, не мнящему себя философом и моральным авторитетом, Тургенев делегирует право говорить о настоящем и будущем России. Тем самым он словно намекает читателю: автор не может быть судьей истории, но он может дать свое видение и понимание процесса как включенный в него наблюдатель.

Этот социологический объективизм Тургенева, в котором нет надрывной экстатичности пророческого пафоса Достоевского, нет философского морализаторства и религиозного доктринерства Толстого, оказывается более информативным с точки зрения социально-исторического прогноза. «Серые Соломины», которые создают завод на просторах империи [Тургенев, 1978–2014, т. 9, с. 384], это и есть возможный сценарий развития русского капитализма, по Тургеневу. Как можно понять писателя, в строительстве экономической основы пореформенной России он усматривает историческую перспективу. Поэтому для Тургенева в «деле Соломиных» есть некоторая надежда, но нет уверенности, что эти новые люди практического смысла смогут благоустроить Россию и решить все проблемы русского общества. Ведь этим пока еще не очень многочисленным постепенцам, рекрутируемым из третьего сословия, противостоят и новые революционеры, наследники «романтиков реализма» типа Нежданова и Машуриной, и радикализированные «новые люди» – революционные народники и демократы, воспринявшие как программу действий роман Чернышевского «Что делать?» Соломиним противостоят и морально обанкротившиеся русские аристократы типа Сипягина, «и славянофилы, и чиновники, и простые, и махровые генералы, и эпикурейцы, и подражатели, и чудаки...» [Там же, с. 388]. Да и народ не выглядит бенефициаром реформ. Он «бедствует страшно, подати его разорили вконец, и только та и совершилась реформа, что все мужики картузы надели, а бабы бросили кички» [Там же, с. 386]. Застарелые русские социальные болезни – голод, пьянство, кулаки – страшны, по словам Паклина, не менее, чем «леность, вялость и недомыслие», отравляющие и парализующие моральный дух и волю к действию в русском обществе [Там же, с. 385].

Роман – прогноз: возможный сценарий русской истории

Главная беда, устойчиво проявляющая себя в ментальности русского народа, о которой прямо говорит Тургенев словами Паклина, это желание и ожидание внезапного исцеления «общественных ран». Это надежда на то, что *кто-нибудь* или *что-нибудь* явится, и все недуги будут вырваны с корнем, «как больной зуб» [Тургенев, 1978–2014, т. 9, с. 385]. В этой психологической установке Тургенев отражает не только идеологический настрой революционеров 1860–1870-х гг. Он дает прогноз куда более длительный и поразительно точный, рас-

крывая психологическую и метафизическую установку народа, которая была с максимальной исторической эффективностью конвертирована в русскую революцию начала XX в.: «Кто будет этот чародей? Дарвинизм? Деревня? Архип Перепентьев? Заграничная война? Что угодно! Только, батюшка, рви зуб!» – с горькой досадой восклицает Паклин [Тургенев, 1978–2014, т. 9, с. 385].

Формула утопистов и радикалов, данная Тургеневым в выражении «только, батюшка, рви зуб» и вложенная в тираду Паклина, есть окончательное, бесповоротное и мгновенное решение колоссальной общественной проблемы. В русской истории она проявляет себя многолико. На почве жажды радикального переустройства мира получают свое развитие и безрелигиозность интеллигенции, и антигосударственный уклон левых либералов, и революционный анархизм, и прагматика политического террора русских марксистов-большевиков. Предсказанный Тургеневым «чародей» – *революционный лидер* – явился на фоне «заграничной» мировой войны. Он поднял на восстание деревню и «освободил» народ от царя, Бога и церкви. В тургеневском «Что угодно! Только, батюшка, рви зуб!» слышится революционный радикализм масс, возглавляемых новыми вождями с их inferнальной прагматикой бунта и хаоса – все, что угодно, только «Долой самодержавие!», долой власть и старый порядок!

Предъявивший русскому обществу образ новых людей, Тургенев был чрезвычайно озабочен отношением к роману молодежи. Публицист-народник С. Н. Кривенко, сотрудник «Отечественных записок», в беседе с Тургеневым сформулировал основную претензию молодых интеллектуалов к «Нови» в том, что все персонажи изображены «ниже обыкновенного умственного уровня» [И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. 1, с. 420]. Тургенев парировал Кривенко, подчеркнув, что его задачей было «показать некоторую умственную узость людей, в сущности, вовсе не глупых» [Там же]. Как передает в своих воспоминаниях Кривенко, Тургенев дал ему впечатляющую характеристику понижения умственного и нравственного состояния *новых людей*:

Так ведь это и есть на самом деле: люди до того уходят в борьбу, в технику разных своих предприятий, что совершенно утрачивают широту кругозора, бросают даже читать, заниматься, умственные интересы уходят постепенно на задний план, и получается в конце концов нечто такое, что лишено духовной стороны и переходит в службу, в механизм, во что хотите, только не в живое дело. Где нет движения мысли, там нет и прогресса [Там же].

Тургенев остался верен своей философской, по существу, просветительской формуле понимания истории как прогресса, совершающегося прежде всего в умственном и духовном строе общества. Понятна его большая досада, что эту главную идею романа, написанного с мыслью о молодом поколении, не смогли прочесть и оценить: «По-

чему же никто не хочет посмотреть так на вопрос, что я потому указал на эту слабую сторону, что желал добра молодежи?» [И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. 1, с. 420]. Тем самым, проявляя заботу о русской молодежи, идейно и нравственно Тургенев продолжал линию русского Просвещения. Писатель призывал молодых людей равняться на русских гениев-просветителей в надежде увидеть появление новых Пушкиных, Гоголей, Грановских и Белинских [Тургенев, 1978–2014, т. 12, с. 337]. В романе действительно не содержится тотального осуждения молодежи. Вот и был удивлен Тургенев, почему никто не заметил, что «“Новь” ведь у меня не закончена» [И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. 1, с. 420].

Тургенев боялся срыва русской истории, отказа от культурной эволюционной работы и, словно бы желая предупредить русское общество, собирався продолжить «Новь», о чем сообщил в письме к К. Д. Кавелину от 17/29 декабря 1876 г. Главным героем нового романа должен был стать «будущий народный революционер» – рабочий Павел, эпизодически появляющийся в «Нови» [Тургенев, 1978–2014, т. 15, с. 262]. Поражает, что Тургенев точно предсказал, как в русской литературе, под пером уже другого писателя, появится «крупный тип» нового революционного деятеля. В письме к Кавелину он прозорливо заметил, что этот тип «станет – со временем (не под моим, конечно, пером – я для этого слишком стар – и слишком долго живу вне России) – центральной фигурой нового романа. Пока – я едва назначил его контуры» [Там же, с. 262]. «Будущий народный революционер» тридцатью годами позже появится как главный герой в романе Максима Горького «Мать» (1906). Глубоко символично, что образ Павла Михайловича Власова, потомственного рабочего, ставшего профессиональным революционером, помогающего своей матери Ниловне обрести достоинство, морально возродиться через участие в революционной борьбе сына, соединил в себе действенную энергию Соломина и аскезу героев романа Чернышевского «Что делать?»

Тургенев сожалел, что «Новь» с ее способом изображения процессов, происходящих в идеально-ценностной сфере национальной души и общественно-культурной жизни, главный вопрос романа, по выражению писателя, остался не замеченным и не понятым. Тургенев не только создал целостное полотно жизни русского общества в его исторической динамике, но и дал свой прогноз, точность которого подтвердила сама история. Писатель, признавая огромную трудность исторической и художественной задачи своего последнего романа, посчитал ее все же выполненной, радуясь, что хорошо изобразил Соломина – человека, которого, не приукрашивая его морально, мог действительно считать новым лицом русской истории [Там же, с. 262]. Тем значительнее для нас оценка выдающегося историка и философа К. Д. Кавелина, адресата переписки Тургенева, который назвал «Новь» *великим произведением* [Там же, с. 556].

Роман «Новь» стал художественным обобщением и анализом бытия новой России, зафиксировав историческую развилку на важнейшем этапе ее существования в виде альтернативных сценариев развития русского общества – революционного и эволюционного. К несчастью, опасениям Тургенева суждено было сбыться, как и трагическому сценарию «безымянной Руси», в который сорвалась Россия, не успевающая завершить свой модернизационный проект, основанный на культурных ценностях и идеалах русского Просвещения. В течение 20 лет с момента написания первого романа «Рудин» Тургенев наблюдал за молодежью, прослеживая судьбу нового поколения строителей России. Русской молодежи, ищущей применения своим интеллектуальным силам и социальной энергии, он посвятил роман «Новь». Стремясь к правдивости изображения характеров и обстоятельств, Тургенев изучал культурно-психологический феномен русских нигилистов, которые постепенно от теории переходили к действию, из носителей социального протеста становясь революционерами, осуществляющими не только программу «хождения в народ», но и политический императив противодействия власти, морально оправдывающий убийство и террор. Как глубокий художественно-философский опыт самопознания национальной жизни роман-прогноз «Новь» стоит в одном ряду с романом-предсказанием «Бесы» и в своих опасениях и исторических предчувствиях во многом совпадает с философским и моральным выводом Достоевского. Если смотреть на последний роман писателя в подобном ключе, то оказывается, что по силе предвидения предостережение Тургенева о *новых русских людях*, выбирающих революционный, а не эволюционный сценарий для России, не уступает пророчеству Достоевского, наиболее точно дополняя его с социологической и философско-исторической точки зрения.

Список литературы

- Буданова Н. Ф. Роман И. С. Тургенева «Новь» и революционное народничество 1870-х гг. Л. : Наука, 1983. 174 с.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя : Избранные страницы. М. : Современник, 1989. 557 с.
- Жукова О. А. Избранные работы по философии культуры. Культурный капитал. Русская культура и социальные практики современной России. М. : Согласие, 2014. 536 с.
- Затеева Т. В., Ленхобоева Т. Р. Особенности рецепции романа И. С. Тургенева «Новь» в отечественном литературоведении второй половины XX в. // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2014. № 10 (2). С. 80–86.
- Зеньковский В. В. Миросозерцание И. С. Тургенева // Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М. : Республика, 2005. С. 287–300.
- И. С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. / сост. и подг. текста С. М. Петрова и В. Г. Фридлянда. М. : Худ. лит., 1983. Т. 1. 527 с.
- Кара-Мурза А. А. «Ура! Городу Дижону», или Пять дней в Бургундии (о короткой поездке Ивана Тургенева и Льва Толстого весной 1857 года) // Филология. Научные исследования. 2017. № 1. С. 18–27. DOI 10.7256/2454-0749.2017.1.22119.

Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. М. ; Л. : Academia, 1934. 374 с.

Куликов Б. П. Русские писатели и народовольческое движение // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение : реферат. журн. 1995. № 2. С. 121–136.

Лавров П. Л. Русской социально-революционной молодежи. По поводу брошюры «Задачи революционной пропаганды в России». Лондон : [Б. и.], 1874. 60 с.

Лавров П. Л. Статья о романе «Новь» // Лит. наследство. 1967. Т. 76. С. 197–207.

Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Наше наследие. 1991. № 6 (24). С. 15–16.

Лотман Ю. М. И. С. Тургенев // История русской литературы : в 4 т. Л. : Наука, 1980–1983. Т. 3. Расцвет реализма : История русской литературы. С. 120–159.

Мазон А. Парижские рукописи И. С. Тургенева / пер. с фр. Ю. Ган. М. ; Л. : Academia, 1931. 257 с.

М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке : в 5 т. / под ред. М. К. Лемке. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1912. Т. 3. 789 с.

Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности Тургенева его современниками // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 165–166.

Романова Г. И. «Злободневный роман» и его интерпретация («Новь» И. С. Тургенева в народнической критике) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1991. № 1. С. 58–66.

Соловьев В. С. Литературная критика. М. : Современник, 1990. 422 с.

Ткачев П. Н. Задачи революционной пропаганды в России : Письмо к редактору журнала «Вперед». Лондон : [Б. и.], 1874. 43 с.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. М. : Худ. лит., 1978–1985. Т. 17–18. Публицистические произведения, 1886–1908. Письма, 1842–1881. 910 с.

Тургенев И. С. Ответ «Иногороднему обывателю» // Молва. 1879. № 358. 29 дек. С. 3.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1978–2014.

Финько Ю. С. Народничество в исторических взглядах классиков русской литературы (И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского) // Молодой ученый. 2016. № 25 (129). С. 215–218.

Berlin I. Russian Thinkers. 2nd Ed. / ed. by H. Hardy and A. Kelly. L. : Penguin Books, 2008. 412 p.

References

Berlin, I. (2008). *Russian Thinkers*. 2nd Ed. / ed. by H. Hardy and A. Kelly. L., Penguin Books. 412 p.

Budanov, N. F. (1983). *Roman I. S. Turgeneva "Nov'" i revolyutsionnoe narodnichestvo 1870-kh gg.* [I. S. Turgenev's Novel *Virgin Soil* and Revolutionary Populism in the 1870s]. Leningrad, Nauka. 174 p.

Dostoevsky, F. M. (1989). *Dnevnik pisatelya. Izbrannye stranitsy* [A Writer's Diary. Selected Pages]. Moscow, Sovremennik. 557 p.

Fin'ko, Yu. S. (2016). Narodnichestvo v istoricheskikh vzglyadakh klassikov russkoi literatury (I. S. Turgeneva, L. N. Tolstogo i F. M. Dostoevskogo) [Narodnichestvo in the Historical Views of Classics of Russian Literature (I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, and F. M. Dostoevsky)]. In *Molodoi uchenyi*. No. 25 (129), pp. 215–218.

Kara-Murza, A. A. (2017). "Ura! Gorodu Dizhonu", ili Pyat' dnei v Burgundii (o korotkoi poezdke Ivana Turgeneva i L'va Tolstogo vesnoi 1857 goda) ["Hurray! To Dijon City", or Five Days in Burgundy (about a Short Trip of Ivan Turgenev and Leo Tolstoy in the Spring of 1857)]. In *Filologiya. Nauchnye issledovaniya*. No. 1, pp. 18–27. DOI 10.7256/2454-0749.2017.1.22119.

Kleman, M. K. (1934). *Letopis' zhizni i tvorchestva I. S. Turgeneva* [A Chronicle of the Life and Work of I. S. Turgenev]. Moscow, Leningrad, Academia. 374 p.

Kulikov, B. P. (1995). Russkie pisateli i narodovol'cheskoe dvizhenie [Russian Writers and the Narodnaya Volya Movement]. In *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura*. Seriya 7. Literaturovedenie. Referativnyi zhurnal. No. 2, pp. 121–136.

Lavrov, P. L. (1874). *Russkoi sotsial'no-revolutsionnoi molodezhi. Po povodu broshyury "Zadachi revolyutsionnoi propagandy v Rossii"* [For the Russian Social-Revolutionary Youth. About the Brochure *The Tasks of Revolutionary Propaganda in Russia*]. L., S. n. 60 p.

Lavrov, P. L. (1967). Stat'ya o romane "Nov" [An Article on the Novel *Virgin Soil*]. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 76, pp. 197–207.

Lemke, M. K. (Ed.). (1912). *M. M. Stasyulevich i ego sovremenniki v ikh perepiske v 5 t.* [M. M. Stasyulevich and His Contemporaries in Their Correspondence. 5 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya M. Stasyulevicha. Vol. 3. 789 p.

Likhachev, D. S. (1991). Tri osnovy evropeiskoi kul'tury i russkii istoricheskii opyt [Three Foundations of European Culture and Russian Historical Experience]. In *Nashe nasledie*. No. 6 (24), pp. 15–16.

Lotman, Yu. M. (1982). I. S. Turgenev [I. S. Turgenev]. In *Istoriya russkoi literatury v 4 t.* Leningrad, Nauka. Vol. 3. Rastsvet realizma. Istoriya russkoi literatury, pp. 120–159.

Mazon, A. (1931). *Parizhskie rukopisi I. S. Turgeneva* [Paris Manuscripts of I. S. Turgenev] / transl. by Yu. Gan. Moscow, Leningrad, Academia. 257 p.

Nazarova, L. N. (1958). K voprosu ob otsenke literaturno-kriticheskoi deyatel'nosti Turgeneva ego sovremennikami [On the Question of the Evaluation of Turgenev's Literary and Critical Activity by His Contemporaries]. In *Voprosy izucheniya russkoi literatury XI–XX vekov*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 165–166.

Petrov, S. M., Fridlyand, V. G. (Eds.). (1983). *I. S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov v 2 t.* [I. S. Turgenev in His Contemporaries' Memoirs. 2 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1. 527 p.

Romanova, G. I. (1991). "Zlobodnevnyi roman" i ego interpretatsiya ("Nov" I. S. Turgeneva v narodnicheskoi kritike) [A "Political Novel" and Its Interpretation (*Virgin Soil* by I. S. Turgenev in Narodnik Criticism)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 9. Filologiya. No. 1, pp. 58–66.

Solovyov, V. S. (1990). *Literaturnaya kritika* [Literary Criticism]. Moscow, Sovremennik. 422 p.

Tkachev, P. N. (1874). *Zadachi revolyutsionnoi propagandy v Rossii. Pis'mo k redaktoru zhurnala "Vpered"* [The Tasks of Revolutionary Propaganda in Russia. A Letter to the Editor of the *Vpered* Magazine]. L., S. n. 43 p.

Tolstoy, L. N. (1984). *Sobranie sochinenii v 22 t.* [Collected Works. 22 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 18. Pis'ma 1842–1881. 297–911 p.

Turgenev, I. S. (1879). Otvet "Inogorodnemu obyvatelyu" [An Answer to a "Nonresident"]. In *Molva*. No. 358. December 29, p. 3.

Turgenev, I. S. (1978–2014). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 t.* [Complete Works and Letters. 30 Vols.]. Moscow, Nauka.

Zateeva, T. V., Lenkhoboeva, T. R. (2014). Osobennosti retseptsii romana I. S. Turgeneva "Nov" v otechestvennom literaturovedenii vtoroi poloviny XX v. [Features of the Reception of Turgenev's Novel *Virgin Soil* in Russian Literary Studies of the Second Half of the 20th Century]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 10 (2), pp. 80–86.

Zen'kovskii, V. V. (2005). Mirosozertsanie I. S. Turgeneva [Turgenev's World Outlook]. In *Zen'kovskii, V. V. Russkie mysliteli i Evropa*. Moscow, Respublika, pp. 287–300.

Zhukova, O. A. (2014). *Izbrannye raboty po filosofii kul'tury. Kul'turnyi kapital. Russkaya kul'tura i sotsial'nye praktiki sovremennoi Rossii* [Selected Works on the Philosophy of Culture. Cultural Capital. Russian Culture and Social Practices of Contemporary Russia]. Moscow, Soglasie. 536 p.

The article was submitted on 06.08.2018

DOI 10.15826/qr.2020.1.449
УДК 821.161.1(076.6)+37.016:82

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ХРЕСТОМАТИЯХ 1843–1904 ГОДОВ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАНОН*

Алексей Вдовин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE IN READING ANTHOLOGIES (1843–1904) AND THE LITERARY CANON**

Alexey Vdovin

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

This article studies the quantitative and qualitative status and cultural functions of modern literature in 46 Russian reading anthologies designed for two major types of high schools (“gymnasia” and “nonclassical secondary schools”) from 1843 to 1904. Such analysis is relevant due to an outdated understanding of the importance of Minister Dmitrii Tolstoy’s conservative reforms between the 1870s and 1880s. Using genealogical, institutional, and historical and functional methods to study the history of education, the author explores the function and consequences of both the exclusion of modern literature from the school curriculum and its presence in some readers. As a result, curriculum classicisation after the 1871 reform and the preservation of the literary curriculum were less unambiguous than was considered previously. The ban on the study of literature written after 1842 and the

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–312–20003.

** *Citation*: Vdovin, A. (2020). Contemporary Russian Literature in Reading Anthologies (1843–1904) and the Literary Canon. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 85–101. DOI 10.15826/qr.2020.1.449.

Цитирование: Vdovin A. Contemporary Russian Literature in Reading Anthologies (1843–1904) and the Literary Canon // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 85–101. DOI 10.15826/qr.2020.1.449 / Вдовин А. Современная русская литература в хрестоматиях 1843–1904 годов и литературный канон // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 85–101 DOI 10.15826/qr.2020.1.449.

concurrent significant expansion of texts from Old Russian literature led to a paradoxical and unpredictable sacralisation of the “Russian classics” and discredited many important texts in the eyes of the younger generation. The article demonstrates that in such a situation, educational readers played an important role, being a buffer zone between a strictly limited curriculum and modern literature that was prohibited in class. Quantitative and qualitative analysis of the content of the readers demonstrates that from 1860 to 1900, the share of texts by contemporary authors (i. e. those published 20–30 years before the publication of a reading book) increased from 4 to 35 %. Similarly, starting with 1861, the number of new readers on the educational market increased significantly. Qualitative analysis allows the author to identify the writers whose works were most frequently included in textbooks between the 1860s and 1890s. By the beginning of the 1900s, many fragments of frequently reproduced texts became canonical, were memorized, and, although they could not give a complete picture of the whole text, performed an important cultural function, attracting teenagers to modern texts and often still living authors. As a buffer zone between the official curriculum, the school historical and literary narrative, and the current literary process, readers thus made an important contribution to the canonisation of modern literature in Russian society in the 19th century, even in spite of the ministerial ban on its study.

Keywords: history of education in 19th-century Russia; literary canon; history of Russian literature; literary education; reading books.

Исследуются количественный и качественный статус и культурные функции современной литературы в 46 русских хрестоматиях 1843–1904 гг., предназначенных для гимназий и реальных училищ. Актуальность работы обусловлена устаревшим представлением о значении консервативных реформ Д. А. Толстого 1870–1880-х гг. («толстовского классицизма»). Используя генеалогический, институциональный и историко-функциональный методы изучения истории образования, автор исследует функцию и последствия как исключения современной литературы из школьной программы, так и ее присутствия в некоторых хрестоматиях. Феномен классикализации учебных планов после реформы 1871 г. и консервация программы по литературе оказываются не столь однозначными. Запрет на изучение литературы, созданной после 1842 г., и одновременно значительное расширение текстов древнерусской словесности парадоксальным образом привели к сакрализации русской классики и дискредитации многих программных текстов в глазах молодого поколения. В этой ситуации важную роль сыграли учебные хрестоматии – буферная зона между жестко ограниченной программой и современной литературой, какую не позволялось обсуждать в классе. Количественный и качественный анализ содержания хрестоматий 1843–1904 гг. показал, что с 1860 к 1900 г. доля текстов авторов, опубликованных в течение 20–30 лет до выхода

хрестоматии, повысилась с 4 до 35 %. Равным образом с 1861 г. существенноросло число новых пособий на образовательном рынке. Качественный анализ выявляет авторов и тексты, наиболее часто включавшиеся в хрестоматии 1860–1890-х гг. Многие фрагменты часто воспроизводимых произведений к началу 1900-х стали каноническими, заучивались наизусть и, хотя и не могли дать полного представления о целом тексте, выполняли важную культурную функцию, привлекая подростков к современным им текстам и авторам. Оказываясь своего рода буферной зоной между официальной программой, школьным историко-литературным нарративом и актуальным литературным процессом, хрестоматии внесли важный вклад в канонизацию современной литературы в русском обществе XIX в. даже вопреки министерскому запрету ее изучать.

Ключевые слова: история образования в России XIX в.; литературный канон; история русской литературы; литературное образование; хрестоматии.

Реформы гимназического образования 1871 г., инициированные и проведенные министром народного просвещения графом Д. А. Толстым, на протяжении более ста лет трактовались исследователями самых разных политических убеждений как одна из самых консервативных страниц в истории российского образования [см.: Sinel, p. VIII–IX]. С другой стороны, некоторые современные адепты классических гимназий, напротив, ностальгически описывают их расцвет в конце XIX в. и видят в них модель для современной российской школы [Любжин]. Равно дистанцируясь от апологетического или дискредитирующего подходов, предлагаемое исследование использует институциональный и генеалогический методы анализа, цель которых – объяснить, почему система сложилась именно такой и к каким последствиям это привело.

Преподавание словесности (составной части предмета «русский язык») с 1872 по 1905 г. исходило из ее консервации рамками 1842 г., и тексты, написанные после Гоголя, в программу изучения не попадали. Согласно выдвинутой нами гипотезе, целенаправленная архаизация изучения литературы в сочетании с деполитизацией техники анализа литературных произведений в «толстовской» гимназии, вопреки целям реформаторов, привела к существенной сакрализации отечественной словесности – превращению ее в объект культа [Vdovin, p. 134–135]. Задача статьи – выяснить, как современная русская литература от Гоголя до Льва Толстого и Достоевского проникала в гимназический обиход и тем самым повышалась в символической цене, заставляя гимназистов подпольно читать толстые журналы, романы и запрещенные публицистические, политэкономические и естественнонаучные работы западных интеллектуалов. Рассматривается феномен хрестоматии и книги для чтения, широчайшее распространение которых при-

шлось на 1860–1890-е гг., поскольку унифицированная и пополнявшаяся новыми учениками имперская школа остро нуждалась в пособиях [Стаферова, с. 330–341; Sinel, p. 172–176]. Уточним, что под современной, или «новейшей» литературой мы понимаем тексты авторов, опубликованные в интервале 30 лет до выбранной даты, но с некоторыми исторически сложившимися оговорками. Так, для периода с 1843 по 1871 г. современной литературой считалась словесность, созданная после «Мертвых душ» Гоголя, то есть с 1842 г. Для следующего большого периода с 1872 по 1890 г. (ограничен обновлявшимися программами) – с 1861 по 1890 г. Наконец, для периода с 1890 по 1905 г. – литература, созданная с 1871 по 1904 г. В итоге устаревание современной литературы напоминало «движущуюся границу», которая каждые десять лет оставляла позади и делала более каноничными уходящие в прошлое тексты.

Основной вопрос заключается в том, свидетельствует ли содержание хрестоматий, выпущенных в постпушкинскую и постгоголевскую эпоху и во времена «толстовского классицизма» (с 1843 по 1904 г.), о постепенном проникновении современных русских авторов в школьный обиход, или же министерство, контролируя и эту сферу, не допускало тексты целого ряда писателей (И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого и др.) в хрестоматию. Необходимо понять, насколько современная словесность хотя бы синекдохически, в виде отрывков из недавних произведений, могла быть знакома гимназистам и ученикам реальных училищ, а также сделать более широкие обобщения о едва приметном механизме пополнения литературного канона не только через официальную школьную программу и учебники, но и через фрагментарное и обрывочное («клиповое») чтение канонических отрывков.

Проблема перечитывания и реинтерпретации одних и тех же фрагментов известных текстов в школьной и университетской практике была поставлена Френком Кермоудом в 1970–е гг. [Kermode]. В 1990–2000-е гг. в англоязычном и немецкоязычном литературоведении и культурной истории сформировалось целое направление исследований литературных антологий (*Anthology Studies*), которые с тех пор рассматриваются не только как педагогический инструмент, но и как важнейший медиум для трансляции символических смыслов, моделей и образов, а в конечном счете и для программирования представлений о прошлом той или иной культуры [Korte; Mole, chapt. 13–15]. Такой подход, обогащенный фундированным институциональным измерением (массовый и часто обязательный характер пользования хрестоматиями), дает возможность увидеть в хрестоматиях не просто быстро устаревающие пособия, но важный инструмент и канал перманентной трансляции культурных и эстетических ценностей в мир подростка.

Рынок хрестоматий и национализация образования

Возрастающая социокультурная роль хрестоматии наиболее ярко проявилась в художественной словесности, куда именование проникает в начале 1840-х гг. («Записки одного молодого человека» А. И. Герцена, «Обыкновенная история» И. А. Гончарова), но все еще обозначает собрания образцовых сочинений преимущественно старых авторов. Лишь в начале 1860-х гг. упоминание этого жанра постепенно начинает отсылать читателя к самой известной русской литературной хрестоматии, к тому времени выдержавшей уже несколько переизданий, – «Русской хрестоматии» А. Д. Галахова (первое издание – 1843, последнее, 35-е – 1912¹). Так, например, В. С. Курочкин в пародийной «Рапсодии о нигилизме» (1863) упоминает фамилию Галахова, отсылающую к его «исторической хрестоматии по русской словесности»: «На священных скрижалях оной (истории. – А. В.) бесстрашный Галахов изобразит приводящие во ужас сердце кровопролитные войны для поучения воспитанников средних учебных заведений в новом издании своей хрестоматии» [Поэты искры, с. 164]. В романе В. П. Авенариуса «Бродящие силы. Поветрие» (1867) героиня Дуня Бреднева, устроившая народную библиотеку для просвещения простолюдинов, запаслась, помимо басен Крылова, хрестоматией Галахова [Авенариус, с. 186]. После школьных реформ 1860–1870-х гг. к 1880-м гг. хрестоматии настолько прочно врастают в школьный быт, что часто становятся не требующим пояснений знаком, по которому читатель может судить о характере и быте персонажей. Так, герой романа Вас. И. Немировича-Данченко «Сластенские миллионы» (1893) восклицает: «О, дружба... это – ты! Помилуйте, Боголюб Боголюбович, во всех хрестоматиях... О, дружба – это ты!» – апеллируя к тому факту, что стихотворение В. А. Жуковского известно любому школьнику благодаря тиражированию через хрестоматии [Немирович-Данченко, с. 267]. Таким образом, из факультативного пособия по изучению языка образцовых, преимущественно древних авторов хрестоматия к 1880-м гг. превращается в символ современной системы литературного образования, основной технологией развития личности в которой становится эстетический и исторический анализ текстов национальной литературы, а целью – социализация и индоктринация будущего гражданина нации (см. об этом: [Hunter, p. 3–4; Guillory]).

Это не могло бы случиться без резкого расширения книжного рынка хрестоматий, государственного заказа (министерского и на уровне учебных округов), а также частной инициативы. Из полученных нами данных следует, что за одно десятилетие с 1861 по 1871 г. вышло в два раза больше новых хрестоматий и книг для чтения, чем за предшествующие 17 лет, поскольку требовалось удовлетворять все возрастающие потребности образовательного рынка, покрывшего огромную часть крестьянского населения (такие книги составляли от 55 до 65 % всех учебных пособий) (табл. 1).

¹ Об истории хрестоматии Галахова см.: [Вдовин, Лейбов, с. 13–18].

Таблица 1

**Издание новых хрестоматий по периодам развития
школьного образования, 1843–1904 [Вдовин, с. 302–309]**

Период	1843–1860	1861–1871	1872–1890	1891–1904
Число изданий новых хрестоматий (всего, ед.)	9	18	27	17

Министерские программы 1872 и 1890 гг.

Новая программа, составленная по заказу Д. А. Толстого [Sinel, p. 168–170], опиралась не предшествующую практику – в первую очередь программу 1852 г., разработанную А. Д. Галаховым при участии Ф. И. Буслаева. Они попытались как зафиксировать уже бытовавшие в хрестоматиях тексты, так и включить новые (например, «Записки ружейного охотника» С. Т. Аксакова). Ядро составляли тексты конца XVIII – начала XIX в., Карамзин и Пушкин, древнерусская словесность фигурировала лишь фрагментарно (как материал для изучения древнерусского языка и в специальном классе, к тому же она еще только начала осознаваться как полноценная часть русской словесности). В середине 1860-х гг. министерство делегировало педагогическим советам самим корректировать программу 1852 г., поэтому школьники, судя по различным источникам, могли читать и новейшую литературу – от «Героя нашего времени» до статей Добролюбова. Так, А. И. Георгиевский – «правая рука» Д. А. Толстого – сокрушался, что свобода 1860-х гг. приводила к тому, что попечитель одного из южных учебных округов сам рекомендовал учителям держать наготове критические статьи не только Белинского, но Писарева и Добролюбова [Георгиевский, с. 37]. Известный педагог К. Петров и многие другие делегаты учительских окружных съездов 1865–1866 гг. выступали за масштабное пополнение списков для чтения современной литературой (произведениями Тургенева, Гончарова, Достоевского) [Петров, с. 175].

Обсуждение программы по словесности приняло новое направление после вступления в должность Д. А. Толстого и начала его политики «классикализации» гимназического образования. В результате толстовская программа по русскому языку и словесности 1872 г. впервые включила несколько важных произведений древнерусской прозы разных жанров (былина об Илье Муромце, отрывки из «Повести временных лет», «Слова о полку Игореве» и «Истории Ивана Грозного» И. Курбского), литературу классицизма (сатиры А. Кантемира, оды М. Ломоносова и Г. Державина, «Недоросля» Д. Фонвизина), отрывки из «Пи-

сем русского путешественника» и «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, баллады В. А. Жуковского, басни И. А. Крылова, лирику, драмы, «Евгения Онегина» А. С. Пушкина и «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Послепушкинская литература оказалась представлена лишь «Старосветскими помещиками», «Тарасом Бульбой», «Мертвыми душами» и «Ревизором» Гоголя и «Песней о купце Калашникове», «Мцыри» и несколькими стихотворениями Лермонтова [Учебные планы предметов, с. 76–83]. Таким образом, новая программа на 30 лет «заморозила» изучение литературы в пределах пушкинско-гоголевской эпохи.

Программа 1872 г., впрочем, предусматривала опору на одобренные министерством хрестоматии. В списке текстов Лермонтова говорилось: «несколько лирических стихотворений (из тех, которые обыкновенно помещаются в хрестоматиях)» [Там же, с. 82]. Особое примечание в пояснительной записке предполагало, что учитель гимназии в идеале должен дать ученикам два типа обзора – истории русской литературы «по родам и видам» и фактологический, то есть характеристику творчества крупных писателей [Там же, с. 83]. При этом программа жестко предписывала исключить из гимназических занятий «разборы всякого другого вида и направления, известные под именем критики эстетической или художественной, социальной и т. п., так как ее место в университете, а не в среднем учебном заведении» [Там же, с. 74].

Это был наиболее консервативный момент в истории русских школьных стандартов. С тех пор в скорректированной программе 1877 г. и в обновленной, уже «деляновской» программе 1890 г. (министерство пошло на уступки под давлением разных общественных сил, в первую очередь педагогических советов и представителей академического мира) допетровская словесность существенно расширилась текстами XV–XVII вв. Новый период русской литературы обогатился «Бедной Лизой» Карамзина, стихотворениями Батюшкова, «Капитанской дочкой» Пушкина, ранее не публиковавшимися в учебной литературе стихотворениями Лермонтова и его «Героем нашего времени» (главами «Бэла» и «Максим Максимыч»), а также стихотворениями А. В. Кольцова [Учебные планы и примерные программы, с. 35–36]. Установка и задачи программы 1890 г. в той же степени исключали обращение к современной литературе и любым актуальным формам ее критического анализа. Соответственно, и одобренные ученым комитетом министерства учебные пособия (например, «История русской словесности» Галахова для средних учебных заведений, 1868) заканчивались Пушкиным и Гоголем. Таким образом, новейшая литература 1840–1870-х гг. могла проникнуть в круг чтения гимназистов и реалистов лишь тремя способами – через первичное знакомство с отрывками в хрестоматиях и книгах для чтения, со слов учителя (если он выходил за пределы программы) или благодаря самостоятельному/внеклассному/домашнему чтению. В отличие от неплохо изученного в советское время внепрограммного чтения [Житомирова],

современная литература, официально впущенная в школу через хрестоматии, никогда специально не изучалась, но может многое сказать как о потенциальном круге чтения гимназистов, так и о складывавшемся в те годы каноне новейшей русской литературы 1840–1870-х гг.

Литература 1840–1890-х гг. в хрестоматиях

Чтобы проверить гипотезу о постепенном пополнении хрестоматий современными авторами и текстами, мы разделили исследуемый период 1843–1904 гг. на четыре промежутка, по каждому из которых была сделана выборка из составленной нами базы данных [База данных]. Ниже представлена выборка из хрестоматий для гимназий и реальных училищ, изданных с 1843 по 1904 г., по периодам, исторически маркированным введением новых образовательных стандартов и программ (1843 – публикация «Русской хрестоматии» Галахова; 1861 – отмена крепостного права и начало публичного обсуждения новой программы по словесности; 1872 – новая программа Д. А. Толстого; 1890 – обновление программы при министре Делянове) (табл. 2).

Таблица 2

Число вхождений авторов «новейшей литературы» в хрестоматии и книги для чтения по периодам [База данных]²

№ п/п	Автор (с датой смерти)	Период и процент текстов современных авторов от общего числа текстов в хрестоматиях				
		1843–1860 (4 %)	1861–1871 (18 %)	1872–1890 (22 %)	1891–1904 (35 %)	Итого
1	А. Н. Майков (1897)	33	35	37	43	148
2	Л. Н. Толстой (1910)	–	4	41	46	91
3	И. С. Тургенев (1883)	–	11	47	32	90
4	Н. А. Некрасов (1877)	1	12	23	42	78
5	Ф. И. Тютчев (1873)	3	16	26	30	75
6	А. К. Толстой (1875)	3	6	39	20	68
7	И. С. Никитин (1861)	4	9	33	20	66
8	А. А. Фет (1892)	9	18	26	12	65
9	И. А. Гончаров (1891)	–	6	41	14	61
10	С. Т. Аксаков (1859)	–	5	15	40	60
11	А. Н. Плещеев (1893)	2	8	13	17	40
12	Я. П. Полонский (1898)	4	15	1	16	36
13	Н. П. Огарев (1877)	7	18	4	–	29
14	В. И. Даль (1872)	4	3	10	10	27
15	Л. А. Мей (1862)	2	6	12	4	24

² Под «вхождением» понимается единичная публикация одного текста/фрагмента в учебной хрестоматии или книге для чтения. Ранжировано по частотности (общее число вхождений – 15 и более).

Окончание табл. 2

№ п/п	Автор (с датой смерти)	Период и процент текстов современных авторов от общего числа текстов в хрестоматиях				
		1843–1860 (4 %)	1861–1871 (18 %)	1872–1890 (22 %)	1891–1904 (35 %)	Итого
16	Д. В. Григорович (1899)	–	3	9	6	18
17	Ф. М. Достоевский (1881)	–	2	1	14	17
18	И. С. Аксаков (1886)	–	3	10	3	16
19	А. Печерский (Мельников) (1883)	–	1	10	4	15

Из приведенных данных видно, что в первый период с 1843 по 1860 г. из-за отсутствия единой стандартизированной программы хрестоматий выходило мало, и они репрезентировали в основном некоторых авторов современной поэзии (Майкова, Огарева, Фета, Мея и др.).

Ситуация меняется с 1861 г., когда в хрестоматии попали произведения многих новых пишущих авторов. Однако в 1870–1890-е гг. их судьба складывалась по-разному: можно говорить о двух траекториях – «вымирании» текстов и их авторов, не переживших десяти лет и переизданий, и выживании и канонизации через школьный обиход. К первой группе единожды попавших в хрестоматии современных авторов можно отнести П. В. Анненкова, В. Г. Белинского, В. П. Боткина, А. М. Жемчужникова, Н. С. Кохановскую, Н. П. Огарева, А. Ф. Писемского, А. Ф. Погосского, М. П. Розенгейма, Н. Ф. Щербину. Хорошо известно, что некоторые из них (Белинский, Огарев) выпали из обихода по политическим причинам, поскольку до 1905 г. их тексты были запрещены в школе. В основном же в этом списке оказались поэты и прозаики второго и даже третьего ряда, которые, пережив кратковременный успех в критике и у читателя, сходили со сцены и не закреплялись в большом культурном каноне.

Более многочисленна группа постепенно канонизировавшихся авторов, частотность включения в хрестоматии которых с годами лишь росла (см. табл. 2, № 1–12). Но и эта группа далеко не однородна, внутри нее отчетливо выделяются девять авторов (№ 1–9), наиболее часто фигурировавших в хрестоматиях (с 20 и более вхождениями). Как видно, только двое из них (С. Т. Аксаков и Ф. И. Тютчев) относятся к более старшему поколению литераторов, рожденных в 1790–1800-е гг., рано вступивших в литературу, но в 1850-е гг. продолжавших публиковаться. Остальные писатели вступили в литературу в 1840-х – начале 1850-х гг. и достигли признания в критике и места в синхронной литературной иерархии в 1860–1870-е гг., когда за многими из них закрепилась репутация ведущих прозаиков (И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой) и поэтов (А. А. Фет, А. Н. Майков, А. К. Толстой).

Таким образом, если до 1860 г. в хрестоматиях содержалось всего 4 % текстов современных авторов, то в первое пореформенное десяти-

летие 1861–1871 их процент вырос до 18, затем в годы «толстовского классицизма» до 22, и в последнюю декаду до реформы 1905 г. до 35. Остальной процент составляли тексты XVIII в. и русской литературы 1800–1842 гг. Процесс неуклонного роста доли текстов современных авторов в гимназических хрестоматиях, вопреки политике министерства, может объясняться естественной ориентацией составителей хрестоматий на образцы более современного литературного языка, в первую очередь в прозе и ее ключевых реалистических жанрах – повести и романе, расцвет которых пришелся как раз на 1850–1870-е гг. Отсюда – возрастающее число авторов-романистов (Тургенев, Гончаров, Толстой, Григорович и др.). Кроме того, составители, разумеется, учитывали возрастные особенности учащихся: в бурно развивающейся в 1860–1870-е гг. демократической педагогике (К. Д. Ушинский, В. Я. Стоюнин, В. В. Водовозов) наиболее подходящими для решения воспитательных задач считались современные прозаические жанры.

Иной срез и иной взгляд на распространение текстов современных авторов дает подсчет включения каждого из них в новые хрестоматии. Ниже они отсортированы по числу новоизданных хрестоматий, в каких перепечатывались их тексты (табл. 2). Как видно, первая дюжина авторов перепечатывалась в 40–60 % всех хрестоматий для гимназий и реальных училищ (всего в нашей выборке за 1846–1904 гг. их 46): это семь поэтов (Майков, Некрасов, А. К. Толстой, Никитин, Тютчев, Фет и Мей) и пять прозаиков (Тургенев, Гончаров, Л. Толстой, Аксаков и Григорович)³. Именно с этой группой современных авторов школьник мог чаще всего познакомиться, пролистывая хрестоматии, вышедшие начиная с 1861 г. Их тексты включались как в наиболее известные, переиздаваемые и рекомендованные министерством пособия за авторством А. Д. Галахова, А. Г. Филонова, П. Н. Полевого, так и в менее популярные книги, какие составляли до 50 % рынка хрестоматий.

Таблица 3

Новые хрестоматии с отрывками из текстов современных авторов

№ п/п	Автор (с датой смерти)	Период				Итого
		1843–1860	1861–1871	1872–1890	1891–1904	
1	А. Н. Майков (1897)	5	3	12	7	27
2	И. С. Тургенев (1883)	–	5	14	5	24
3	И. А. Гончаров (1891)	–	5	13	5	23
4	Н. А. Некрасов (1877)	1	2	11	6	20
5	А. К. Толстой (1875)	2	4	10	4	20
6	Л. Н. Толстой (1910)	–	3	11	6	20
7	И. С. Никитин (1861)	1	2	10	5	18
8	Ф. И. Тютчев (1873)	2	2	6	6	16
9	А. А. Фет (1892)	2	2	7	3	14

³ Полный список хрестоматий, вошедших в нашу базу, см.: [Вдовин, с. 302–309].

Окончание табл. 3

№ п/п	Автор (с датой смерти)	Период				Итого
		1843–1860	1861–1871	1872–1890	1891–1904	
10	Д. В. Григорович (1899)	–	3	7	3	13
11	С. Т. Аксаков (1859)	–	2	7	3	12
12	Л. А. Мей (1862)	1	2	7	2	12
13	В. И. Даль (1872)	1	3	4	2	10
14	А. Н. Плещеев (1893)	1	1	5	3	10
15	Я. П. Полонский (1898)	3	2	1	4	10

Соотнесение данных, приведенных в таблицах 2 и 3, то есть наложение численности текстовых фрагментов и числа хрестоматий, в которых они публиковались, показывает почти полное совпадение списка одних и тех же писателей (топ 9): А. Н. Майков, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой, А. К. Толстой, И. С. Никитин, А. А. Фет, Ф. И. Тютчев, С. Т. Аксаков, Д. В. Григорович и А. Н. Плещеев образуют переходную зону от наиболее популярных хрестоматийных авторов к менее популярным. Сопоставив абсолютную частотность попадания различных авторов в хрестоматии с частотностью их включения в как можно большее число пособий, мы получаем список современных русских писателей 1850–1880-х гг., с которыми гимназисты и «реалисты» чаще всего могли столкнуться.

Формы циркуляции: частотные фрагменты

Теперь возникает вопрос, какие именно тексты указанных авторов наиболее часто попадали в хрестоматии 1850–1890-х гг. Ниже приведен рейтинг наиболее часто перепечатаваемых текстов или их фрагментов (табл. 4). Из него следует, что поэтические и прозаические тексты оказывались представленными в хрестоматиях по-разному. Если поэтический текст (любые короткие жанры, кроме поэмы или романа в стихах) представал в полном виде, большие прозаические жанры (роман, повесть, рассказ) и в силу объема, и в силу действия авторского права не могли попасть на страницы пособий целиком. Размер отрывка, его статус, расположение и форма подачи зависели от класса или возрастных особенностей учащихся. В хрестоматиях для младших классов гимназий и училищ фрагменты часто печатались без указания названия произведений, но с упоминанием автора. В пособиях же для старших классов, как, например, в хрестоматиях Галахова или Филонова, обязательно было указано произведение автора, а затем следовали его фрагменты (часто несколько) или же рассказ целиком (например, «Бежин луг» Тургенева). Этим объясняется, что в одной хрестоматии можно было встретить по несколько фрагментов из романа, скажем, Гончарова «Обломов» или повести Л. Н. Толстого «Детство», и, соответственно, прозаические

произведения по частотности опережают поэтические. Первые четыре позиций в таблице занимают рассказы, травелоги и романы Гончарова, С. Т. Аксакова и Л. Н. Толстого. Пользуясь удачным определением Ф. Кермоуда, можно считать эти наиболее частотные отрывки если не «сакральными фрагментами», то по крайней мере ультраканоническими для культуры второй половины XIX в. сегментами известных текстов, поскольку их циркуляция, использование в диктантах при обучении русскому языку, а также заучивание наизусть приводили к прочному закреплению этих единиц в личной, коллективной и – шире – культурной памяти нескольких поколений школьников Российской империи [Kermode, p. 180].

Таблица 4

**Наиболее частотные тексты/фрагменты современных
авторов в хрестоматиях (1843–1904)**

№ п/п	Автор	Текст/фрагмент	Число (ед).
1	И. А. Гончаров	«Фрегат Паллада» («Смерч»)	34
2	С. Т. Аксаков	«Записки ружейного охотника» («Воды», «Лес»)	20
3	Л. Н. Толстой	«Детство» («Классная комната»)	19
4	И. А. Гончаров	«Обломов» («Детство Обломова», «Комната»)	17
5	И. С. Аксаков	«Бродяга» («Жар свалил...»)	16
6	И. С. Тургенев	«Бежин луг»	14
7	Л. Н. Толстой	«Война и мир» («В гостях у дядюшки»)	11
8	С. В. Максимов	«Год на Севере» («Белое море»)	10
9	И. С. Тургенев	«Лес и степь»	9
10	А. Н. Майков	«Вхожу с смущением в забытые палаты...»	8
11	А. Н. Майков	«Искусство»	8
12	А. Н. Майков	«Кто он?»	8
13	Л. Н. Толстой	«Отрочество» («Гроза»)	8
14	А. А. Фет	«Печальная береза»	8
15	В. П. Боткин	«Письма об Испании»	8
16	Н. А. Некрасов	«Внимая ужасам войны...»	7
17	А. К. Толстой	«Малороссия»	7
18	Д. В. Григорович	«Рыбаки» («Берег Оки»)	7
19	Ф. М. Достоевский	«Записки из Мертвого дома» («Гнедко»)	7
20	А. Н. Майков	«Картина вечера»	6
21	А. Н. Майков	«Нива»	6
22	Н. А. Некрасов	«Влас»	6
23	Н. А. Некрасов	«Мороз Красный нос»	6
24	Ф. И. Тютчев	«Есть в осени первоначальной...»	6

Окончание табл. 4

№ п/п	Автор	Текст/фрагмент	Число (ед).
25	А. А. Фет	«Рыбка»	6
26	И. С. Тургенев	«Касьян с Красивой Мечи» («Полдень в роще»)	5
27	Н. А. Некрасов	«Несжатая полоса»	5
28	Н. А. Некрасов	«Школьник»	5
29	А. К. Толстой	«Василий Шибанов»	5
30	И. С. Никитин	«Вырыта заступом яма глубокая...»	5
31	И. С. Никитин	«Русь»	5
32	Ф. И. Тютчев	«Весенние воды»	5
33	Ф. И. Тютчев	«Весенняя гроза»	5
34	Я. П. Полонский	«Вечер»	5
35	Н. П. Огарев	«Деревенский сторож»	5
36	Н. П. Огарев	«Изба»	5

Следует обратить внимание на характер представленного в хрестоматии текста. Фрагмент как часть целого отсылает к полному тексту, приглашая читателя познакомиться с ним от начала и до конца. В школьном обиходе встречались разные типы фрагментов, в зависимости от уровня обучения и типа пособия. Чем ниже был уровень, тем чаще фрагмент выбирался для грамматического разбора или иллюстрации какого-либо типа речи (описание, рассуждение, повествование). В таких случаях отрывок мог быть сюжетно никак не связан с основной линией повествования романа или рассказа, как, например, пейзажные отрывки из «Записок ружейного охотника» Аксакова или «Фрегата “Паллада”» Гончарова или описание грозы из «Отрочества» Толстого, не говоря уже о романах Григоровича, который, как можно судить, был главным поставщиком пейзажных описаний для хрестоматий XIX в. Чем старше оказывался адресат пособия, тем чаще отрывок был связан с каким-либо ярким эпизодом произведения: так произошло, например, с романом «Война и мир» Толстого, из которого чаще всего попадали в хрестоматии эпизоды гощения Наташи у дядюшки, вступления французской армии в Москву, молебна перед Смоленской иконой. Однако совершенно очевидно, что эти эпизоды мало связаны с судьбами главных героев романа. Точно так же из романа «Обломов» перепечатывались лишь описательные фрагменты о воспитании Илюши и Штольца или отрывки из сна Обломова. В этом смысле хрестоматии не давали школьникам представления о субъектах повествования и их психологической жизни. Иными словами, самая сущность романного повествования – судьба человеческой личности в социуме и истории – оказывалась вытесненной из школьного обихода, а представление о главных романах русской литературы – размытым и нечетким. Нужно ли говорить, что

такой эффект хорошо сочетался с целью министерства не допустить в школу современную литературу в лице ее главного жанра – романа, проблематизирующего общественную жизнь и современность.

Культурная функция

Итак, выросший в России в 1860–1890-е гг. рынок хрестоматий и книг для чтения выполнял сразу несколько взаимосвязанных функций, подчас конфликтовавших между собой. С одной стороны, к 1890-м гг., в самый консервативный период «толстовского классицизма», доля текстов современных авторов 1850–1880-х гг. в хрестоматиях достигла 35 %, то есть трети от всех текстов, что немало. При этом разрыв между датой публикации текста и актуальным моментом вхождения в пособие обычно составлял 20–30 лет. Случаи, когда гимназические хрестоматии после 1871 г. включали бы совсем недавно опубликованный текст, единичны (например, тексты В. М. Гаршина или Ф. М. Достоевского). Тем не менее, будучи основанием пирамидальной структуры любого школьного канона, согласно М. Гини [Guiney, p. 102], хрестоматийные тексты репрезентировали небольшую, но уже проверенную временем часть современной и недавней словесности, пусть и не передовой ее край, но корпус текстов, относительно которых у разных акторов литературного поля (издателей, критиков, педагогов, университетских профессоров) уже сложился хотя бы какой-то консенсус, в итоге определявший попадание того или текста в хрестоматию. Важнейшим его результатом оказывался двойной эффект: авторский текст повышал свою каноничность благодаря вхождению (пусть и фрагментарно) в хрестоматию, а школьник получал к нему доступ сверх официальной программы. Полуофициальный статус таких текстов делал их серой зоной – пространством повышенной неопределенности, где как учителя, так и их воспитанники могли экспериментировать (читать; обсуждать; не читать; не обсуждать; обсуждать, не читая; прочесть, но так и не узнать источник; прочесть и найти полный текст и т. д.).

С другой стороны, в том виде, в каком современные романы и повести представляли в хрестоматиях, они давали школьникам лишь ограниченный доступ к современности, поскольку редуцировали содержание текстов до нескольких эпизодов, из которых было практически невозможно составить впечатление об истинном содержании и проблематике (ср. выше случай «Войны и мира» или иной пример – отрывок «Наступление весны» из «Анны Карениной»). Однако это обстоятельство могло иметь непредсказуемые последствия: фрагмент мог разжигать интерес ребенка к автору и тексту благодаря интригующим именам персонажей или своеобразию авторской манеры. В качестве примера сошлемся на два показательных случая, число которых явно можно умножить. Математик С. В. Ковалевская так вспоминала о роли, какую хрестоматия Филонова сыграла в ее знакомстве с русской классикой (середина 1860-х гг.):

Баллады Жуковского долго были единственными известными мне образцами русской поэзии. В доме у нас никто особенно этою отраслью литературы не интересовался, и хотя у нас была довольно большая библиотека, но она состояла преимущественно из иностранных книг; ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова в ней не было. Я никак не могла дожидаться того дня, когда в первый раз досталась мне в руки хрестоматия Филонова, купленная по настояниям нашего учителя. Это было настоящим откровением для меня. В течение нескольких дней спустя я ходила как сумасшедшая, повторяя строфы из «Мцыри» или из «Кавказского пленника», пока гувернантка не пригрозила, что отнимет у меня драгоценную книгу [Ковалевская, с. 31].

В отличие от Ковалевской, известный писатель Е. Л. Шварц перед поступлением в реальное училище читал в хрестоматиях отрывки из «Детства», «Отрочества» и «Кавказского пленника» Толстого, «Сон Обломова» из романа Гончарова, «Несжатую полосу» Некрасова [Шварц, с. 78–79]. Оба примера показывают, что хрестоматия служила важнейшим каналом знакомства с классической и современной литературой еще в дошкольном возрасте, поскольку была доступна малообеспеченным семьям. Купить хрестоматию было выгоднее во всех смыслах: за невысокую плату ребенок знакомился с корпусом канонических и отобранных современных текстов, поэтических – полностью, а прозаических и драматических – в отрывках. Фрагмент, следовательно, мог становиться катализатором в поиске искомой книги в школьной или домашней библиотеке, статьи о ней в толстом журнале или среди сверстников и в кружках. Оказываясь той самой буферной зоной между официальной программой, школьным историко-литературным нарративом и запрещенной литературой, хрестоматии, таким образом, медленно и подчас незримо вносили свой скромный вклад в сакрализацию современной литературы в русском обществе XIX в. даже вопреки министерскому запрету ее изучать.

Список литературы

Авенариус В. П. Бродящие силы. Две повести : в 2 ч. Berlin : B. Behr's Buchhandlung (E. Bock), 1874. Ч. 2. Поветрие. 255 с.

База данных по русским хрестоматиям и книгам для чтения // Русский литературный канон. Материалы и таблицы : [сайт]. URL: <http://ruthenia.ru/canon/> (дата обращения: 02.06.2019).

Вдовин А. Приложение 1. Список хрестоматий и книг для чтения, изданных на территории Российской империи и вошедших в базу данных «Русская литература в школе (1805–1912)» // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / под ред. А. Вдовина, Р. Лейбова. Тарту : Тартус. ун-т, 2013. С. 302–309.

Вдовин А., Лейбов Р. Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / под ред. А. Вдовина, Р. Лейбова. Тарту : Тартус.

ун-т, 2013. С. 7–34.

Георгиевский А. И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб. : Сенат. тип., 1902. 202 с.

Житомирская Н. Н. Читательские запросы и круг чтения учащихся средней школы предреволюционной России XIX и начала XX века // История русского читателя. Л. : Лен. гос. ин-т культуры, 1976. Вып. 2. С. 67–82.

Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М. ; Л. : Наука, 1974. 559 с.

Любжин А. И. История русской школы : в 2 т. М. : Никея, 2014–2017. Т. 2. Кн. 2. 948 с. Кн. 3. 955 с.

Немирович-Данченко В. И. Сладостенские миллионы. М. : Тип. И. Д. Сытина, 1893. 319 с.

Петров К. Практический взгляд на программу русского языка и словесности // Журн. Министерства народного просвещения. 1862. Т. 113. № 2. Отд. 1. С. 168–190.

Поэты «Искры» : в 2 т. Л. : Сов. писатель, 1987. Т. 1. 383 с.

Стафорова Е. Л. А. В. Головин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х годов). М. : Канон+, 2007. 512 с.

Учебные планы и примерные программы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1890. 208 с.

Учебные планы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях Министерства народного просвещения // Журн. М-ва народного просвещения. 1872. Т. 162. № 7. С. 35–161.

Шварц Е. Л. Мемуары. Париж : La Presse Libre, 1982. 248 с.

Guillory J. Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1993. 408 p.

Guiney M. M. Teaching the Cult of Literature in the French Third Republic. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2004. 268 p.

Hunter I. Culture and Government. The Emergence of Literary Education. London : Palgrave Macmillan, 1988. 317 p.

Kermode F. Shakespeare, Spenser, Donne. London : Routledge : Kegan Paul, 1971. 316 p.

Korte B. Flowers for the Picking: Anthologies of Poetry in (British) Literary and Cultural Studies // Anthologies of British Poetry : Critical Perspectives from Literary and Cultural Studies / ed. by B. Korte, R. Schneider and S. Lethbridge. Amsterdam : Rodopi, 2000. P. 1–32.

Mole T. What the Victorians Made of Romanticism. Material Artefacts, Cultural Practices, and Reception History. Princeton : Princeton Univ. Press, 2017. 317 p.

Sinel A. The Classroom and the Chancellery: State Educational Reform in Russia under Count Dmitry Tolstoi. Cambridge : MA : Harvard Univ. Press, 1973. 358 p.

Vdovin A. “Dmitry Tolstoy's Classicism” and The Formation of the Russian Literary Canon in the High School Curriculum // Ab Imperio. 2017. № 4. P. 108–137. DOI 10.1353/imp.2017.0078.

References

Avenarius, V. P. (1874). *Brodyashchie sily. Dve povesti v 2 ch.* [Roaming Forces. Two Tales. 2 Parts]. Berlin, B. Behr's Buchhandlung (E. Bock). Part 2. Povetrie. 255 p.

Baza dannykh po russkim khrestomatiyam i knigam dlya chteniya [Database of Russian Readers]. In *Russkii literaturnyi kanon. Materialy i tablitsy* [website]. URL: <http://ruthenia.ru/canon/> (mode of access: 02.06.2019).

Georgievskii, A. I. (1902). *K istorii Uchenogo komiteta Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [On the History of the Scientific Committee of the Ministry of Public Education]. St Petersburg, Senatskaya tipografiya. 202 p.

Guillory, J. (1993). *Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation*. Chicago, Univ. of Chicago Press. 408 p.

Guiney, M. M. (2004). *Teaching the Cult of Literature in the French Third Republic*. N. Y., Palgrave Macmillan. 268 p.

Hunter, I. (1988). *Culture and Government. The Emergence of Literary Education*. L., Palgrave Macmillan. 317 p.

- Kermode, F. (1971). *Shakespeare, Spenser, Donne*. L., Routledge, Kegan Paul. 316 p.
- Korte, B. (2000). Flowers for the Picking: Anthologies of Poetry in (British) Literary and Cultural Studies. In Korte, B., Schneider, R., Lethbridge, S. (Eds.). *Anthologies of British Poetry: Critical Perspectives from Literary and Cultural Studies*. Amsterdam, Rodopi, pp. 1–32.
- Kovalevskaya, S. V. (1974). *Vospominaniya. Povesti* [Memoirs. Stories]. Moscow, Leningrad, Nauka. 559 p.
- Lyubzhin, A. I. (2014–2017). *Istoriya russkoi shkoly v 2 t.* [A History of Russian School. 2 Vols.]. Moscow, Nikeya. Vol. 2. Book 2. 948 p. Book 3. 955 p.
- Mole, T. (2017). *What the Victorians Made of Romanticism. Material Artefacts, Cultural Practices, and Reception History*. Princeton, Princeton Univ. Press. 317 p.
- Nemirovich-Danchenko, V. I. (1893). *Slastenovskie milliony* [Slastenov's Millions]. Moscow, Tipografiya I. D. Sytina. 319 p.
- Petrov, K. (1862). Prakticheskiy vzglyad na programmu russkogo yazyka i slovesnosti [A Practical View of the Russian Language and Literature Curriculum]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Vol. 113. No. 2. Section 1, pp. 168–190.
- Poety "Iskry" v 2 t. [Poets of Iskra. 2 Vols.]. (1987). Leningrad, Sovetskii pisatel'. Vol. 1. 383 p.
- Shvarts, E. L. (1982). *Memuary* [Memoirs]. Paris, La Presse Libre. 248 p.
- Sinel, A. (1973). *The Classroom and the Chancellery: State Educational Reform in Russia under Count Dmitry Tolstoi*. Cambridge, MA, Harvard Univ. Press. 358 p.
- Staferova, E. L. (2007). *A. V. Golovnin i liberal'nye reformy v prosveshchenii (pervaya polovina 1860-kh godov)* [A. V. Golovnin and the Liberal Reforms in Education (First Half of the 1860s)]. Moscow, Kanon+. 512 p.
- Uchebnye plany i primernye programmy predmetov, prepodavaemykh v muzhskikh gimnaziakh i progimnaziakh Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Curricula and Provisional Syllabi of Courses Delivered in High Schools of the Ministry of Public Education]. (1890). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 208 p.
- Uchebnye plany predmetov, prepodavaemykh v muzhskikh gimnaziakh Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Curricula of High Schools of the Ministry of Public Education]. (1872). In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Vol. 162. No. 7, pp. 35–161.
- Vdovin, A. (2013). Prilozhenie 1. Spisok khrestomatii i knig dlya chteniya, izdannykh na territorii Rossiiskoi imperii i voshedshikh v bazu dannykh "Russkaya literatura v shkole (1805–1912)" [Appendix 1. A List of Readers Published in the Russian Empire and Included in the Database "Russian Literature at School (1805–1912)"]. In Vdovin, A., Leibov, R. (Eds). *Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Literaturovedenie, IX. Khrestomatiinye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX v. i poeticheskii kanon*. Tartu, Tartuskii universitet, pp. 302–309.
- Vdovin, A. (2017). "Dmitry Tolstoy's Classicism" and the Formation of the Russian Literary Canon in the High School Curriculum. In *Ab Imperio*. No. 4, pp. 108–137. DOI 10.1353/imp.2017.0078.
- Vdovin, A., Leibov, R. (2013). Khrestomatiinye teksty: russkaya poeziya i shkol'naya praktika XIX stoletiya [Anthologised Texts: Russian Poetry and School Practices of the 19th Century]. In Vdovin, A., Leibov, R. (Eds). *Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Literaturovedenie, IX. Khrestomatiinye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX v. i poeticheskii kanon*. Tartu, Tartuskii universitet, pp. 7–34.
- Zhitomirova, N. N. (1976). Chitatel'skie zaprosy i krug chteniya uchashchikhsya srednei shkoly predevolyutsionnoi Rossii XIX i nachala XX veka [Reading Inquiries and Circle of Reading of Russian Pupils in the 19th and Early 20th Centuries]. In *Istoriya russkogo chitatel'ya*. Leningrad, Leningradskii gosudarstvennyi institut kul'tury. Iss. 2, pp. 67–82.

**РУССКАЯ ИДЕЯ В ИСТОРИОСОФИИ
МАРГАРИТЫ САБАШНИКОВОЙ-ВОЛОШИНОЙ***

Патрик Варга

Университет им. Палацкого,
Оломоуц, Чехия

**THE RUSSIAN IDEA IN THE HISTORIOSOPHY
OF MARGARITA SABASHNIKOVA-VOLOSHINA****

Patrik Varga

Palacký University,
Olomouc, Czech Republic

This article aims to single out and interpret ideas connected with the role of Russia and the Russian people in world history and the development of humanity and space in the literary heritage of Margarita Sabashnikova-Voloshina, a Russian artist, poet, and representative of anthroposophy. This article examines her biography of St Serafim of Sarov and her autobiography *The Green Snake*, first released in German in 1954. Although Sabashnikova-Voloshina does not use the expression "Russian idea" in any works to denote her historiosophic ideas relating to the mission of Russia and Russians, the author argues that she has a complex of ideas about Russia's mission. The article looks at texts of Rudolf Steiner that reflect his views on humanity's development by means of a consecutive alternation of cultural epochs, pointing out the presence of such ideas in the works of Sabashnikova-Voloshina. According to the article, she continued to refer to them into the Soviet period when interpreting certain facts connected with Russian history

* Исследование выполнено при поддержке гранта Министерства образования Чешской Республики № IGA_FF_2016_055 «Избранные темы немецкоязычной культуры в творчестве авторов Серебряного века – антропософские контексты творчества Маргариты Васильевны Волошиной».

Príspevek vznikl za podpory MŠMT, grant IGA_FF_2016_055 Recepcie vybraných témat soudobé německojazyčné kultury v dílech ruských autorů „stříbrného věku“ – antroposofické kontexty tvorby Margarity Vasiljevny Vološinové.

** Citation: Varga, P. (2020). The *Russian Idea* in the Historiosophy of Margarita Sabashnikova-Voloshina. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 102–118. DOI 10.15826/qr.2020.1.450.

Цитирование: Varga P. The *Russian Idea* in the Historiosophy of Margarita Sabashnikova-Voloshina // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 102–118. DOI 10.15826/qr.2020.1.450 / Варга П. Русская идея в историософии Маргариты Сабашниковой-Волошиной // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 102–118. DOI 10.15826/qr.2020.1.450.

and the Russian people. She considered the Soviet state a tragedy, a disaster, and a betrayal of the "Russian idea".

Keywords: anthroposophy; Rudolf Steiner; M. Sabashnikova-Voloshina; Russian idea; Serafim of Sarov.

Цель работы – выявление в литературном наследии русского художника, поэта и антропософа Маргариты Сабашниковой-Волошиной представлений о роли России и русского народа в мировой истории, в развитии человечества и космоса – о «русской идее», а также их интерпретация. Исследование проведено на материале опубликованного ею в 1913 г. на русском языке жизнеописания преподобного Серафима Саровского «Святой Серафим» и ее автобиографии «Зеленая змея», вышедшей впервые в 1954 г. на немецком языке. Несмотря на то, что ни в одном из вышеприведенных сочинений она не употребляет понятие «русская идея» в качестве обобщения своих историософских взглядов, касающихся призвания России и русских, автор приводит аргументы, обосновывающие применение к ним именно его. У М. Сабашниковой-Волошиной выработался определенный конгломерат взглядов по поводу исторической миссии России. С опорой на избранные тексты Рудольфа Штейнера в рамках намеченного им пути развития человечества посредством смены культурных эпох указывается на осмысление данных идей М. Сабашниковой-Волошиной и на их применение для толкования тех или иных фактов, связанных с русской историей, русским человеком вплоть до становления советского строя. Его возникновение представлялось ей трагедией, катастрофой, изменой «русской идее».

Ключевые слова: антропософия; М. Сабашникова-Волошина; Р. Штейнер; «русская идея»; Серафим Саровский.

Отдавая себе отчет в том, что термин «русская идея» не имеет и не может в силу своей расплывчатости и неопределенности иметь единой всеохватывающей дефиниции, зависящей на практике, как правило, от точки зрения употребляющего этот термин, я буду в дальнейшем рассматривать его в общих чертах вслед за Ф. М. Достоевским [Мочалов] и В. С. Соловьевым, заложившим во многом дискурсивные основы интереса к этой проблематике у ищущей новых духовных путей части русской интеллигенции и деятелей русского (и не только) религиозного ренессанса рубежа XIX и XX вв. Прежде всего я здесь имею в виду прочитанную им в 1888 г. в Париже лекцию «Русская идея». В ней эта идея представлена как «смысл существования России во всемирной истории» [Соловьев], центр тяжести которого следует искать не в имперски настроенном панславизме и прочих отчасти политически оттененных идеологиях, а в религиозной сфере, в духовности русского народа.

М. В. Сабашникова. 1905.
Фото М. Волошина

M. V. Sabashnikova. 1905.
Photograph by M. Voloshin

Важным моментом для рассмотрения «русской идеи» у Сабашниковой-Волошиной представляется эсхатологический и апокалиптический характер, присущий отчасти философии В. Соловьева и его последователей (А. Блока и А. Белого). Положительную эсхатологичность «русской идеи» у В. Соловьева, ее устремление в идеальное будущее и предчувствие конечной, реально осуществимой цели космического масштаба видит в своей работе А. Гулыга [Гулыга].

Сабашникова-Волошина в своей автобиографии несколько раз упоминает о влиянии В. Соловьева на свое интеллектуальное и духовное становление в молодости:

Через Соловьева мне открылся сознательный путь к христианству. Но в его аскетических идеалах я не видела средства преображения современной культуры [Woloschin, s. 201]¹.

Данное интеллектуальное настроение – поиски нового подхода к религии (в случае Сабашниковой-Волошиной речь идет исключительно о поисках осовремененного подхода к христианству и центральной для европейской духовности фигуре Христа) и идущее параллельно резкое ощущение культурного кризиса, необходимости коренных изменений в мироустройстве – приводит ее в конечном счете к учению Р. Штейнера:

Так и я не могу сказать, почему именно в этом, 1911 году, прослушав в Карлсруэ цикл «От Иисуса ко Христу», я внезапно и безошибочно поняла, что должна связать свою жизнь с духовной работой Рудольфа Штейнера [Woloschin, s. 332].

На страницах «Зеленой змеи» можно проследить и очень важную для настоящего исследования связь между впечатлением от христологии В. Соловьева и Р. Штейнера, как она представлялась Сабашниковой-Волошиной в годы составления данных мемуаров, то есть определенное развитие ее понимания центральных моментов христианства:

¹ Здесь и далее указаны в качестве ссылок на места в автобиографии Сабашниковой-Волошиной «Зеленая змея» страницы, соответствующие новейшему изданию немецкого оригинала: [Woloschin]. Перевод на русский язык принадлежит М. Н. Жемчужниковой и дается по изданию 1993 г.: [Волошина].

Через Владимира Соловьева ощущение Христовой силы, жившее в моей душе, было мною осознано мыслительно. Христология же Рудольфа Штейнера показывала эту центральную мистику в полнейшей конкретности, в соотношении с каждой ступенью мировой эволюции, с каждым явлением в истории и в природе. В этом свете отдаленное во времени и пространстве связывалось с интимным, глубочайшим в своем собственном существе [Woloschin, s. 288].

Говоря о центральной мистике, Сабашникова-Волошина имеет в виду ключевой момент антропософского учения, который Р. Штейнер кладет в «событие Христа и мистику Голгофы как центральное событие в истории человечества», выходя путем его переосмысления «за рамки всех конфессиональных представлений» [Свасьян, с. 140]. Она окончательно находит в антропософии сознательный и современный путь к возможности реально внедрить начало Христа в свою жизнь в начале XX в., которую она не до конца обнаруживала у В. Соловьева.

Решение посвятить жизнь делу антропософии она принимает в 1911 г. после посещения цикла лекций Р. Штейнера, где было представлено понимание Христа и значения импульса, привнесенного им в мир (*Christus-Impuls*). После одной из лекций, посвященных этой теме, она пишет в своих мемуарах:

...И он (Р. Штейнер. – П. В.) заговорил о событии Голгофы как о центральном, неповторимом событии мировой истории. Именно через духовную науку можно правильно понять Библию и каждое ее слово оценить на вес золота. Услыхав это, я поняла, что нашла то, чего искала: новый, сознательный, свободный путь к живому Христу [Woloschin, s. 217].

Если относительно философии В. Соловьева можно говорить всего лишь об определенном этапе в становлении мировоззрения Сабашниковой-Волошиной, то в случае антропософского учения следует уже вести речь о прочных духовных координатах, через призму которых она рассуждает о мире и воспринимает его. С точностью утверждать, что она была знакома с текстом «Русской идеи» Соловьева, не представляется возможным, но становление ее размышлений происходило в духовной атмосфере его сочинений.

Небезынтересен тот факт, что Р. Штейнер, прекрасно разбиравшийся в трудах В. Соловьева, сам не раз упоминал в своих лекциях его личность и значение, причем особенно важна его 10-я лекция из 11, прочитанных в Кристиании (Осло) в 1910 г., посвященных призваниям-миссиям отдельных народов. С опорой на свою концепцию мировой эволюции человеческого духа посредством чередования культурных эпох он представляет свои взгляды, касающиеся задач народов в развитии человечества [Steiner, 1982, GA, S. 121]. Согласно им, каждый народ управляется посредством народного духа или души (*Volksgeist/Volksseele*) – духовного существа, принадлежащего к иерархии

архангелов, ведущего тот или иной народ к выполнению своего призвания-миссии² [Steiner, 1982, GA, S. 121]. Так, если Р. Штейнер и его современники жили, согласно его учению и тезисам антропософской духовной науки, в пятой по счету послеатлантической эпохе, характеризующейся царствованием коренящейся в развитии индивидуалистического мировосприятия души сознательной (*Bewusstseinseele*), носителем которой является западная цивилизация под предводительством германо-англосаксонского духа времени (*Zeitgeist*) и квинтэссенцию которой представляет философия Гегеля, то в мышлении В. Соловьева следует усматривать уже зародыши новой грядущей шестой послеатлантической культурной эпохи [Ibid.]. В учении Р. Штейнера она охарактеризована как эпоха славянская – эпоха Самодуха (*Geistselbst*), вошедшего в подготовленную душу, в которой человек сможет осознать свою двуликость в плане высшей (творческой и духовной) и низшей природы и поэтому сможет сознательно управлять последней [Ibid.].

О знакомстве Сабашниковой-Волошиной с учением Штейнера о развитии человечества путем смены культурных эпох свидетельствует ее письмо, направленное Максимилиану Волошину в феврале 1915 г. В нем она связывает «миссию Германии» с антропософией и повторяет слова Штейнера насчет смены пятой и шестой культурных эпох [Волошин, т. 11, кн. 2, с. 657]. В качестве доказательства призвания именно жителей Восточной Европы (*Osteuropäer*) подготовить путь Самодуху в сознательную сферу человеческого существования (Р. Штейнер в принципе отождествляет духовный типаж восточного европейца с представителями русского народа, представляющего, по его суждениям, наиболее ярко выраженные черты характера и призвания европейского Востока) приводится феномен мышления В. Соловьева как человека, формально далекого от сознательно познаваемых истин духовной науки Р. Штейнера, но обладающего самым продвинутым, устремленным в будущее понятием Христа (*Christus-Begriff*), понимающим, что импульс Христа (*Christus-Impuls*) содержит в себе процесс постепенного раскрытия и осуществления самого себя [Steiner, 1982, GA, S. 121]. Его значение должно со временем возрастать, и шестая (славянская) эпоха должна ознаменоваться в сфере социального устройства мира осуществлением проникнутого духом Христовым общества братства и любви – апокалиптической Филадельфии, упоминаемой в Откровении Иоанна Богослова. Цель грядущей эпохи человеческой истории, таким образом, заключается, согласно Штейнеру, именно в одухотворении социального мироустройства, в подготовке сошествия Самодуха в человеческое «я».

² Замечу, что в настоящем исследовании я не буду вдаваться в решение спорного терминологического вопроса касательно нерегулярности употребления и тождественности/разнородности значения, в котором Р. Штейнер использует слова «дух» и «душа» [Prokoffief], так как для поставленных мною целей вышеприведенное различие не является релевантным, главным образом в силу того, что сама Сабашникова-Волошина данной разницы нигде не усматривает.

Все, что мы обнаруживаем на Востоке, начиная с нравов народа вплоть до философии, представляется нам как что-то, что несет в себе зародыши будущего развития... [Steiner, 1982, GA 121, S. 184].

Важным моментом нужно признать как положительный эсхатологический фактор содержание в русской народной душе зародышей грядущей эпохи – «ядро будущего развития, пророческое чудо зорь наступающей культуры» [Steiner, 1982, GA 121, S. 182]. Оно переключается с соловьевской философией апокалиптики (выражающей, по Штейнеру, постепенно раскрывающийся характер русской народной души), столь родной кругам той части русской интеллигенции, с которыми поддерживала контакт Сабашникова-Волошина:

Люди, с которыми я познакомилась весной 1910 года в Москве, принадлежали к кругу, находившемуся под влиянием идей Владимира Соловьева... Среди этих моих новых друзей были сильны апокалиптические настроения и искание нового Откровения, духовного знания, конкретного эзотерического христианского пути [Woloschin, S. 336].

Штейнерианские мысли у нее естественным образом наслаивались на известные ей постулаты соловьевской апокалиптики, что должно было привести к прочной установке взглядов на миссию России в истории человечества. Неотъемлемой составной частью «русской идеи» Сабашниковой-Волошиной следует считать убежденность в избранности русского народа.

Данное утверждение не являлось бы в рамках дискуссии о «русской идее» открытием (народ-богоносец Достоевского, замечания по поводу исключительности еврейского и русского народов у Бердяева и т. д.), однако здесь идет речь о несобственно русском происхождении указанного убеждения, что, как мне представляется, является частным ответом на вопрос о причинах столь неимоверной популярности антропософии среди многих видных деятелей искусства в России рубежа веков. Н. Бонецкая посвящает данной проблематике целую главу, в которой она причисляет Сабашникову-Волошину к «сонму просто талантливых людей», нашедших в то время путь к антропософии [Бонецкая, с. 416]. Имеется в виду образование некой двойной убежденности в исключительности русского народа, вытекающей прямо из штейнерианского учения, провозгласившего русский народ, с одной стороны, идеальным носителем постепенно воплощающегося в мире импульса Христа (*Christus-Volk*) [Steiner, 1982, GA, S. 185], а с другой – идеальным носителем и распространителем открытий штейнерианской духовной науки, являющейся одновременно единственным путем к полному расцвету заложенных в русском народе сил [Steiner, 1996]. В реципиентах должно было возникать чувство двойной причастности к посвященным во вселенские тайны избранникам, отвечающим за развитие человечества. Их при-

надлежность к русской нации прочно связывается с антропософской мыслью, и осознание поставленной национальной миссии достигает вселенского масштаба.

Наиболее показательной является рефлексия Сабашниковой-Волошиной по поводу цикла лекций Р. Штейнера, в котором она лично участвовала вместе с группой интересующихся антропософией русских друзей в апреле 1912 г. в Хельсинки. Данная рефлексия озаглавлена в ее мемуарах как «Филадельфия», чем она явно намекает на вышеупомянутое антропософское отождествление шестой – славянской – культурной эпохи с осуществлением библейского общества братства и любви под знаком Христа.

11 апреля 1912 г. Р. Штейнер, согласившись прочесть лекцию именно о России и ее судьбе, собирает аудиторию из русских, интересующихся антропософией³. Данный факт еще раз подтверждает значение, приписываемое Р. Штейнером России и русскому народу в рамках его духовной науки. В размышлениях Сабашниковой-Волошиной отражается исключительность, ощущаемая русскими учениками:

Все мои друзья хотели иметь с Рудольфом Штейнером личные беседы, на них я часто служила переводчиком... В наших душах горело пламя любви к Рудольфу Штейнеру, а также и друг к другу. Это было как бы слабым предвосхищением общины Филадельфии в Откровении Иоанна, которая является прообразом будущей славянской культуры, миссия которой – человеческое братство. Все это было у нас еще очень по-детски, мечтательно, субъективно. Но здесь присутствовала уже некая субстанция, которую я снова встречала между этими друзьями в России [Woloschin, с. 346].

Русские ученики Р. Штейнера восприняли идею ответственности, которую они взяли на себя при решении идти по пути развития духовной формы жизни (здесь она Штейнером называется теософией). Ответственность эта, с одной стороны, индивидуального, а, с другой, национального характера [Engelen I., Engelen R.]. Начиная с русских черт характера теософа Елены Блаватской через обозначение Запада как во всех отношениях сугубо материалистической территории и подчеркнутое упоминание о славянском *genius loci* места своего собственного происхождения (Кралевица, хорватская часть тогдашней Австро-Венгрии), они были призваны внутренне прислушаться и узнать требования предводителя русского народа в духовном мире – русской народной души (*die russische Volksseele*) [Ibid., p. 80]. Русский народ пока не нашел путей объединения с ней и исполнения ее требований, и она, следовательно, еще не получила возможности исполнить свою настоящую миссию, несмотря на индивидуальные подвиги Толстого, До-

³ Краткое содержание лекции зафиксировано в автобиографии Сабашниковой-Волошиной и в письме Б. Григорова жене [Волошин, т. 11, кн. 2, с. 589]. Полный текст обращения от 11 апреля опубликован в антологии текстов, так или иначе посвященных России [Engelen I., Engelen R.].

стоевского или Соловьева. Ее отличительными чертами, в противовес другим народным душам, являются молодость и неслитость со своим народом, и все это залог великого будущего [Ibid.].

Р. Штейнер сообщает своей аудитории о духовной встрече с русской народной душой, жаждущей объективной, не-личной теософии („die Sehnsucht der russischen Volksseele nach der unpersönlichen Theosophie“) [Engelen I., Engelen R., p. 80]. Здесь ярко выделяется феномен двойной избранности русских в его учении. Они в ответе перед своей народной душой, которая, в свою очередь, тесно связана с теософией. Перед ней русские тоже в ответе, так как именно теософию последователи Р. Штейнера должны открыть в самом сокровенном импульсе русской народной души. Только тогда они смогут начать задавать Духу вопросы, которые могут появиться исключительно у русских, слившихся сознательно со своей народной душой. Такое понимание русского народа явно оставило в памяти Сабашниковой-Волошиной неизгладимый след. Несколько десятков лет спустя после этой лекции она подчеркивает в своих мемуарах важность, вытекающую из слов Штейнера, для русской миссии. Значимость данных вопросов усугубляется утверждением, что без ответа на них человечество не сможет существовать в будущем [Engelen I., Engelen R.].

Русская народная душа, содержащая в себе безбрежные глубины и возможности для будущего, предназначенная вдохнуть духу души («Вы должны одушевить духа») [Ibid., p. 81], содержит в себе, однако, опасность застрять в субъективном (душевном), а не подняться в сферу объективного (духовного). Вот почему русским необходимо для исполнения миссии освоить на практике методы и открытия объективной теософии (антропософии) как духовной науки, для чего они, их народная душа, согласно Р. Штейнеру, в отличие от народов Центральной Европы, особенно приспособлены.

Давались не догматы или вероучения, но постоянно указывался путь познания, который каждый мог понять и испытать, и вместе с тем давалась школа морального углубления. <...> Для нас – я могу сказать так обо всем круге моих русских друзей – эти возвышенные и прекрасные истины вызывали чувство вновь обретенной родины, чувство своего собственного Божественного происхождения. В каждом из нас жило это чувство вместе с глубоким благоговением и благодарностью... При встречах с другими слушателями, даже лично не знакомыми, – финны очень замкнуты – каждый знал, что в этом важнейшем, центральнейшем мы едины. А что же есть любовь к другому, если не глубочайшее чувство этой общей основы? [Woloschin, S. 347].

Уникальное положение России, расположенной на двух материках, Штейнер переносит в духовную сферу и наставляет свою русскую аудиторию в том смысле, что Запад должен освоить теософию (антропософию), но это никогда не удастся ему в той степени, в какой

это способны сделать русские для выполнения своей миссии перед миром; одновременно с этим он предостерегает Россию от влияния с Востока (Китай, Индия), который, в отличие от Запада, обладает с древнейших времен глубокой духовностью.

Первой – западной – опасностью является материализм, гнетущий любые духовные стремления. Штейнер подчеркивает влечение многих деятелей русской культуры именно в эту сторону, что приводит к измене настоящей русской народной душе. Многие плоды русской культуры, таким образом, нужно относить не к исконно русскому творению, а к вторичному западному влиянию.

Другая – восточная – опасность заключается, по Штейнеру, в тяготении русских к восторгу по отношению к восточной мудрости и попыткам приобщиться к ней. Это опасно, потому что русская народная душа молода, ей не стоит увлекаться старой, коренящейся в прошлом культуре, а нужно смотреть вперед, обращаться к своей задаче преобразования наследства именно европейской духовной культуры посредством несения импульса Христа [Engelen I., Engelen R.].

Очень важной составной частью штейнерианской мысли на счет русской миссии, звучащей в мемуарах Сабашниковой-Волошиной, нужно считать ее (миссии) привязанность, даже зависимость от среднеевропейских – подразумевается, немецких – духовных начал. Без них, по Штейнеру, России при осуществлении своих задач не обойтись. Автор развивает мысль о тотальной непродуктивности талантливой русской души, в силу которой она представляет собой в духовном мире на данном этапе своего развития сугубо женский элемент, ждущий своего оплодотворения. Оно же может произойти в сочетании с мужским элементом – продуктивным, устремленным к развитию самого себя среднеевропейским импульсом.

Данные тезисы были озвучены Штейнером в 1915 г. в Нюрнберге, во время Первой мировой войны. Противостояние Германии и России в этой войне он полагал неразумным отказом от того, что должно произойти, и возможную победу России над Германией считал опасностью для России, которая может потерять возможность к духовному развитию [Steiner, 1980].

Примечательно, что при почти всеобщем размахе патриотизма среди русского населения того времени, основывавшемся отчасти на усиленном антигерманизме, Сабашникова-Волошина продолжала считать противостояние этих двух наций трагедией и не смирилась с негативным образом Германии, причину чего, как я полагаю, следует искать именно в идеях ее духовного учителя. Она сама подтверждает такое видение ситуации, передавая в автобиографии впечатления от разговора с ним:

Я видела, как интенсивно следил Рудольф Штейнер за сообщениями о ходе военных действий. <...> Я спросила его, не может ли и здесь получиться так, как это не раз бывало в истории: побежденный народ сможет

привить победителю свою культуру. И Германия, если даже будет разбита, победит духовно. На это он ответил приблизительно так: «Теперь положение иное. Военное поражение Германии будет большим несчастьем для человечества, особенно если она будет завоевана Россией и германская культура будет последней разрушена. Это будет роковым для обеих сторон, ибо если Восточная Европа выполнит свою миссию, то это может произойти, только если она будет оплодотворена духовной культурой Германии. Без этого Восток не сможет выполнить своей миссии, как женщина без мужчины не может родить ребенка» [Woloschin, s. 424–425].

Об исключительной значимости духовных отношений между Германией и Россией для русских антропософов свидетельствует и высказывание Аси Тургеневой, первой жены Андрея Белого, вспоминавшей в своих мемуарах разговоры в Мюнхене на рубеже 1912–1913 гг., в которых Р. Штейнер убедительно настаивал на необходимости принятия Россией из всех немецких импульсов именно гетевского понимания природы в целях ее будущего развития, ради получения единственно возможного, отсутствующего у нее пока инструмента для интеллектуального освоения естественного мира [Turgenieff].

Темой, заслуживающей пристального рассмотрения, является отношение Сабашниковой-Волошиной к феномену русской революции 1917 г., в котором наблюдается непосредственная связь с рассуждениями Р. Штейнера. В них выявляются незримые причины зримых «физических» последствий, коренящихся в духовном мире, учиться познавать которые призваны антропософы. Ее высказывания о приходе большевиков к власти позволяют не сомневаться в штейнеровской основе ее рефлексии. Природа советской власти, запретившей уже в начале 1920-х гг. российское антропософское общество, основателем которого она была в 1913 г., представляется ей демонической:

Что сейчас в России говорит, даже кричит – это демоны России. Ее истинное существо надо искать в символах, подобию [Woloschin, с. 370].

Стоит обратить внимание на использование слова «истинное». В мышлении Сабашниковой-Волошиной существовало понятие истинного существа России, на фоне которого ей можно было строго определить, что развитие России по пути большевизма является чем-то вроде упомянутой выше измены настоящей русской идее, что ее сближает с многими представителями первой волны русской эмиграции.

В подобном духе, хотя вне антропософского контекста, размышлял на страницах эмигрантского журнала «Новый град» Ф. Степун в ответе на анкету Пореволюционного клуба, касающуюся национально-исторических идей великих народов, под говорящим названием «Идея России и формы ее раскрытия» [Степун]. Он прямо

говорит о религиозном характере «русской идеи» и характеризует ситуацию как измену ей, чем подтверждается, как я полагаю, присутствие данной темы в широких кругах русской постреволюционной эмиграции.

Итак, ретроспективный взгляд Сабашниковой-Волошиной представляет его в «Зеленой змее» как пророка, предвидевшего грядущую катастрофу в следующем личном разговоре:

Один знакомый, который тогда еще не признавал антропософии, написал мне, что он верит, что «Дева Радужных Ворот» – образ Соловьева, символ России – охранит себя от всего ей чужого – он подразумевал антропософию. Я перевела Штейнеру это письмо. Он, смотря прямо перед собой, – никогда не забуду потрясающей серьезности этого взгляда и звука его голоса – сказал: «Да охранит эта Дева Россию от того ужасного, что на нее надвигается, ибо над Россией скапливается ужасное». Это было в конце 1911 года [Woloschin, S. 336–337].

Штейнер обсуждает положение дел послереволюционной России в лекциях 1920 г. о духовной науке как познании основных импульсов социальной организации. Он рассматривает большевистский захват власти как начало ложного пути России по «восточному сценарию», с фанатичной религиозностью ставшей проповедовать самую радикальную форму не свойственного ей материализма – большевизм. Россия парадоксальным образом использует свои уникальные духовные способности для распространения идеологии, враждебной духовным делам [Steiner, 1985]. Ленин и Троцкий представляют собой, согласно его толкованию, самых больших врагов духовного развития человечества [Steiner, 1991].

Участвуя в одном из народных судов, свидетелем на котором выступал как раз Лев Троцкий, глумившийся в своей речи над историософскими взглядами подсудимого Валериана Муравьева, руководившего политическим кабинетом министерства иностранных дел Временного правительства, Сабашникова-Волошина усмотрела в нем одно из демонических лиц. Не случайно она подбирает в качестве сравнения с Троцким злого духа, соблазняющего людей и сбивающего их с правильного пути: «При этом Троцкий скорчил издевательскую гримасу – вылитый Мефистофель!» [Woloschin, S. 499].

Сцены и комментарии Сабашниковой-Волошиной по случаю суда над В. Муравьевым, зафиксированные в «Зеленой змее», позволяют также вернуться к приведенной выше составляющей «русской идеи» в мышлении Р. Штейнера относительно осуществления утопического общества братства и любви, то есть апокалиптической Филадельфии, и рассмотреть ее восприятие новой российской действительности как измену настоящей русской идее. Она приводит отрывки из показаний В. Муравьева, которые должна была тогда записывать, чтобы предоставить материал для защиты его адвокату:

«...Инок Филофей считал Москву "третьим Римом", и, по его мнению, призвание русского народа заключается в создании государства, в котором братство людей станет правдой». Сам писавший тоже видел миссию России в разрешении социальной проблемы на основах любви и рассматривал коммунизм как попытку осуществить эту задачу – но на ложных основах материализма, видящего в человеческом мире продолжение мира животного и провозглашающего классовую борьбу социальным фактором. «...В этом трагедия нашего времени и вина коммунизма. Он не соответствует подлинным идеалам, живущим в русской душе, но дает ей лишь некий суррогат, обман...» Списав эти рассуждения, которые я воспринимала как свои собственные мысли, я посмотрела на подпись – «Муравьев» [Woloschin, S. 496].

В качестве действенного рецепта для решения проблемы грядущей организации межчеловеческих отношений, теснейшим образом связанной, как показано выше, с русской миссией в шестой послеатлантической культурной эпохе, по Р. Штейнеру, Сабашникова-Волошина предлагает штейнерианскую идею трехчленного социального организма, связывая ее с «русской идеей» В. Соловьева:

Идея трехчленности социального организма, соответствующей трехчленности человеческого существа (дух, душа, тело) и отражающей высшую Троичность, была для меня особенно убедительна. Уже Владимир Соловьев считал, что историческая задача России, идея России – осуществить «совершенную социальную троичность». Он называл ее «церковь – государство – общество» [Woloschin, S. 525].

Социальный вопрос, волновавший Сабашникову-Волошину с юных лет, у нее выступает также как вопрос национального характера: «Сердцу всякого русского особенно близок социальный вопрос» [Woloschin, S. 222].

Выдающимся примером, концентрирующим в себе многие из вышеприведенных элементов «русской идеи» Сабашниковой-Волошиной, можно считать ее носящее интерпретативный характер жизнеописание Серафима Саровского и его сокращенную и несколько актуализированную за счет революционных и послереволюционных событий версию (высказывание о демонах России), помещенную в начале пятой части автобиографии («Открытая тайна») в «Зеленой змее» под заголовком «Таинство молчания».

Текст «Святой Серафим» был написан в 1912 г. и вышел в свет в 1913 г. в издательстве «Духовное знание», основанном в Москве в целях распространения антропософского учения. Сабашникова-Волошина могла при сочинении жизнеописания в 1912 г., а тем более при составлении своих мемуаров применять антропософские взгляды касательно русской миссии, освоенные ей в ходе цикла лекций в Хельсинки, так как в свое путешествие в Саров она отправилась

только в июле 1912 г. Она и здесь придерживается оговоренного выше антропософского метода, усматривая причины явлений физического мира в мире духовном. Размышляя над природой чуда, она утверждает, что в физическом мире мы привыкли считать им то, чему якобы нет причины. Но если по-настоящему войти в высший духовный мир, то окажется, что там на самом деле никаких причин и следствий не бывает, есть только цели, то есть замыслы [Сабашникова].

Важным моментом в сочинении является тема Богородицы, которая у Сабашниковой-Волошиной в беседе с Штейнером отождествляется с Софией: «...я спросила его о Деве Марии, которая вместе с тем Дева София» [Woloschin, S. 350]. Именно ее связь с Серафимом, жизнь которого прошла под знаком повторяющихся видений Богородицы, она называет «тайной всей России» [Сабашникова, с. 15]. Святой Серафим, таким образом, становится знаковой фигурой, впитавшей в себя элементы истинной «русской идеи». Позже в автобиографии она предложит искать проявление этой цели, существующей в высшем духовном мире и неразрывно связанной с Серафимом, в рамках физического мира «в символах, подобиюх» [Woloschin, S. 370].

Центральным символом, относящимся к «русской идее» Сабашниковой-Волошиной в ее размышлениях, стала основанная старцем мельница Дивеевского монастыря, небесной игуменьей которой считалась в согласии с замыслом Серафима сама Богородица, для Сабашниковой-Волошиной – Дева Мария-София. Именно Дивеевский женский монастырь (вернее, его духовное существование) она считает «оплотом будущей России», акцентируя его миссию в будущем [Сабашникова, с. 62]. В дивеевской мельнице символически работали 12 монахинь, среди которых выделялась любимица Серафима Мария. Сабашникова развивает свою интерпретацию феномена Серафима и Дивеевского монастыря в сторону «русской идеи», комментируя связь Серафима и монахини Марии словами: «Ей он сообщал тайны России» [Там же, с. 70].

Ее понимание тайн и будущего России особенно ярко раскрывается в послесловии. Мистическая связь Серафима с русским народом и грядущей Россией осуществляется за счет его любви, которая подарила народу силу и утешение. Носителя духовного завещания старца писательница видит в простом верующем народе, о котором она говорит: «Он, как и его Россия, не здесь. Ибо не здесь, не на земле этот народ...» [Там же, с. 88]. Он не смог дать народу учение, а именно духовную силу. Здесь Сабашникова-Волошина явно откликается на напутственные слова Р. Штейнера, произнесенные в качестве реакции на ее замысел написать жизнеописание Серафима:

Рудольф Штейнер все знал о нем и сказал: «Святой Серафим – одна из величайших индивидуальностей. Но в этой инкарнации он действовал не через мысль. Нужно посмотреть в его деяния...» [Woloschin, S. 350].

Руководствуясь высказыванием Штейнера о том, что в России физическое и духовное существуют отдельно, Сабашникова-Волошина, отличает Россию физическую, не объединившуюся еще с русской народной душой, от России духовной, путь к которой ведет через Серафима [Волошина, прим.]. Русский народ, как она полагает, это интуитивно чувствует, осуществляя паломничество в Саров и Дивеево, в чем она усматривает прообраз будущего объединения. Серафим и его духовная невеста монахиня Мария станут вместе «стражей над грядущей Россией» [Сабашникова, с. 91–92].

Лейтмотивом обеих версий жизнеописания преподобного Серафима является связанный с его образом и с «русской идеей» феномен молчания: «Молчание есть тайна, таинство будущего века» [Там же, с. 47]. Еще раньше она интерпретирует молчание как предел между старой и новой жизнью, пространство, в котором «дает душа созреть в себе новому» [Там же, с. 16–17]. Таким образом, она постепенно выстраивает в тексте систему взаимосвязанных элементов (Серафим – молчание – грядущее – Россия). Как и позже в «Зеленой змее», она ставит в «Святом Серафиме» метафизический диагноз: «Россия молчит» [Woloschin, S. 370]. Основание для такого взгляда на положение вещей, видимо, не изменилось за 41 год, протекший между двумя изданиями текста о святом. Применяя штейнеровский тезис о несоответствии между русским народом и его народной душой, она в тексте 1913 г. утверждает, что дух России еще не снизошел в ее тело, что он «над ней» [Сабашникова, с. 92].

Россия представляется ей душой, ожидающей стяжания Духа Святого, очищения через страстный огонь, душой, предназначенной слиться с чистой Девой – чистой Премудростью, Софией. Она же «светится через голубые глаза убогого Серафима» [Сабашникова, с. 94]. Здесь просвечивает, кроме штейнерианского мышления, и соловьевская софиология, вплоть до метафоричности голубых глаз. Оправданно, следовательно, утверждение А. Софьиной о размышлениях в «Святом Серафиме», что они основаны «не только и не столько на ортодоксальном православном учении, сколько на антропософии Р. Штейнера и на философии В. Соловьева» [Софьиная, с. 15].

В символическом значении фигура Серафима становится олицетворением будущего России, посредником между физическим и духовным мирами. Первый переводчик «Зеленой змеи» в России М. Жемчужникова, однако, говорит в своих примечаниях и комментариях к книге о «ряде авторских расхождений» в обоих текстах.

Для данного исследования является весомым отсутствие в тексте 1913 г. ссылки на штейнеровскую теорию смены культурных эпох и значение славянского народа, содержащейся в «Зеленой змее», где интерпретация образа святого дается в границах сугубо антропософского миропонимания, теряя соловьевские элементы. Так, Сабашникова-Волошина связывает жизненную силу Серафима с духом Земли, ставшей, согласно Р. Штейнеру, после мистерии Голгофы телом Христо-

вым (*Christi-Leib*) [Woloschin, S. 371]. В отличие от «Святого Серафима», она здесь озвучивает приведенный выше призыв Р. Штейнера подготавливать мир для снисхождения Самодуха. Такую «подготовку» она со временем усмотрела в русском народе, вспоминая поездку в Дивеево [Ibid., S. 372]. В тексте 1913 г. данного заключения еще нет:

Когда во время крестного хода белые свитки холста волнами неслись по воздуху над головами толпы ко гробу святого, я думала о руках, ткавших их темными вечерами в избах по всей России в дар святому, – образ Души России, ткущей облачение Духу [Ibid.].

Это свидетельствует об определенной динамике в развитии ее историсофских взглядов, связанных с личностью Серафима Саровского и «русской идеей».

* * *

В заключение можно сказать, что, несмотря на некоторые расхождения в текстах «Святой Серафим» и «Зеленая змея», коренящиеся главным образом в постепенном укреплении антропософского мировоззрения автора, ядро ее размышлений о судьбах и призвании России и русского народа остается, на мой взгляд, неизменным. Не создавая оригинальной систематической концепции «русской идеи» и толкуя явления мира физического как манифестацию сущностей в мире духовном, она атомизированно высказывается по данной теме в обоих текстах, придерживаясь прежде всего штейнерианских мыслей относительно России, что проявляется в положительной эсхатологичности и двойном мессианизме (русский + антропософ), начало которого следует усматривать в ее восприятии толкований Р. Штейнером смысла своей духовной науки и ее связи с Россией.

Россия пока еще одержима молчанием – переходом от старого к новому, она готовится к величайшему подвигу смены культурных координат, ее душа молода и не слита со своим народом. Он же интуитивно тянется к духовной сущности Серафима Саровского, ставшего вместе с Богородицей – Софией на защиту Христу в духовном мире. Именно Россия призвана помочь импульсу Христа развиваться, чего русские могут достичь, остерегаясь влияния материализма Запада и устаревшей восточной духовности посредством открытия в себе и принятия в себя антропософии.

Полное отрицание советского строя Сабашниковой-Волошиной убедительно свидетельствует о восприятии послереволюционной действительности в России под знаком мышления Р. Штейнера в качестве измены «русской идее» и о демоническом характере большевистской власти и ее видных представителей, что до известной степени роднит ее с белой эмиграцией. «Русская идея» Маргариты Сабашниковой-Волошиной представляет собой интересное доказа-

тельство жизненности мыслей Р. Штейнера, оттененных метафорикой В. Соловьева, на протяжении многих лет после его (Р. Штейнера) смерти выявляя вселенскую миссию, приписываемую им России и ее народу в развитии человечества.

Список литературы

Бонецкая Н. К. Дух Серебряного века (феноменология эпохи). М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2016. 720 с.

Волошин М. А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой, 1906–1924 // Волошин М. А. Собр. соч. / под. общ. ред. А. В. Лаврова. М. : Эллис Лак, 2015. Т. 11. Кн. 2. 784 с.

Волошина М. А. Зеленая змея : История одной жизни / пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой. М. : Энигма, 1993. 411 с.

Гулыга А. В. Творцы русской идеи. М. : Молодая гвардия, 2006. 316 с.

Мочалов Е. В. Ф. М. Достоевский и русская идея // Интеграция образования. 2001. № 1. С. 41–43.

Сабашникова М. В. Святой Серафим. М. : Духовное знание, 1913. 94 с.

Свасьян К. А. Антропософия // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 1. С. 139–142.

Соловьев В. С. Русская идея // Вехи : б-ка рус. религ.-филос. и худож. лит. : [сайт]. URL: <http://www.vchi.net/soloviev/russianidea.html> (дата обращения: 19.05.2018).

Софьина А. В. Творчество М. В. Сабашниковой в контексте литературного процесса конца XIX – начала XX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань : [Б. и.], 2016. 20 с.

Степун Ф. А. Идея России и формы ее раскрытия // Октябрь. 2001. № 6. С. 141–144.

Engelen I., Engelen R. Rudolf Steiner über Russland. Beiträge zur Orientierung in den Zeitfragen. Stuttgart : Internat. Vereinigung der Waldorfkindergrärten, 1975. Bd. 1. 91 S.

Prokoffief S. O. Die geistigen Aufgaben Mittel- und Osteuropas / aus dem Russischen von U. Preuß. Dornach : Verlag am Goetheanum, 1993. 383 S.

Steiner R. Die Mission einzelner Volksseelen im Zusammenhange mit der germanisch-nordischen Mythologie (GA 121). Dornach/Schweiz : Rudolf Steiner Verlag, 1982. 214 S.

Steiner R. Die geistigen Wesenheiten in den Himmelskörpern und Naturreichen (GA 136). Dornach/Schweiz : Rudolf Steiner Verlag, 1996. 248 S.

Steiner R. Das Geheimnis des Todes Wesen und Bedeutung Mitteleuropas und die europäischen Volksgeister (GA 159/160). Dornach/Schweiz : Rudolf Steiner Verlag, 1980. 388 S.

Steiner R. Erdensterben und Weltenleben. Anthroposophische Lebensgaben. Bewußtseins-Notwendigkeiten für Gegenwart und Zukunft (GA 181). Dornach/Schweiz : Rudolf Steiner Verlag, 1991. 480 S.

Steiner R. Geschichtliche Symptomatologie (GA 185). Dornach/Schweiz : Rudolf Steiner Verlag, 1982. 254 S.

Steiner R. Geisteswissenschaft als Erkenntnis der Grundimpulse sozialer Gestaltung (GA 199). Dornach/Schweiz : Rudolf Steiner Verlag, 1985. 316 S.

Turgenieff A. Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum. Stuttgart : Verlag Freies Geistesleben, 1993. 113 S.

Woloschin M. Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen. Stuttgart : Verlag Freies Geistesleben, 2009. 560 S.

References

Bonetskaya, N. K. (2016). *Dukh Serebryanogo veka (fenomenologiya epokhi)* [The Spirit of the Silver Age (A Phenomenology of the Period)]. Moscow, St Petersburg, Tsentr humanitarnykh initsiativ. 720 p.

Engelen, I., Engelen, R. (1975). *Rudolf Steiner über Russland. Beiträge zur Orientierung in den Zeitfragen*. Stuttgart, Internat. Vereinigung der Waldorfkindergrärten. Bd. 1. 91 S.

Gulyga, A. V. (2006). *Tvortsy russkoi idei* [The Creators of the Russian Idea]. Moscow, Molodaya gvardiya. 316 p.

Mochalov, E. V. (2001). F. M. Dostoevskii i russkaya ideya [F. M. Dostoevsky and the Russian Idea]. In *Integratsiya obrazovaniya*. No. 1, pp. 41–43.

Prokoffief, S. O. (1993). *Die geistigen Aufgaben Mittel- und Osteuropas* / aus dem Russischen von U. Preuß. Dornach, Verlag am Goetheanum. 383 S.

Sabashnikova, M. V. (1913). *Svyatoi Serafim* [St Serafim]. Moscow, Dukhovnoe znanie. 94 p.

Sofina, A. V. (2016). *Tvorchestvo M. V. Sabashnikovoi v kontekste literaturnogo protsessa kontsa XIX – nachala XX v.* [The Works of M. V. Sabashnikova in the Context of the Literary Process of the Late 19th and Early 20th Centuries]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan, S. n. 20 p.

Solovyov, V. S. (1888). Russkaya ideya [The Russian Idea]. In *Vekhi. Biblioteka russkoi religiozno-filosofskoi i khudozhestvennoi literatury* [website]. URL: <http://www.vehi.net/soloviev/russianidea.html> (mode of access: 19.05.2018).

Steiner, R. (1980). *Das Geheimnis des Todes Wesen und Bedeutung Mitteleuropas und die europäischen Volksgeister (GA 159/160)*. Dornach/Schweiz, Rudolf Steiner Verlag. 388 S.

Steiner, R. (1982). *Die Mission einzelner Volksseelen im Zusammenhange mit der germanisch-nordischen Mythologie (GA 121)*. Dornach/Schweiz, Rudolf Steiner Verlag. 214 S.

Steiner, R. (1982). *Geschichtliche Symptomatologie (GA 185)*. Dornach/Schweiz, Rudolf Steiner Verlag. 254 S.

Steiner, R. (1985). *Geisteswissenschaft als Erkenntnis der Grundimpulse sozialer Gestaltung (GA 199)*. Dornach/Schweiz, Rudolf Steiner Verlag. 316 S.

Steiner, R. (1991). *Erdensterben und Weltenleben. Anthroposophische Lebensgaben. Bewußtseins-Notwendigkeiten für Gegenwart und Zukunft (GA 181)*. Dornach/Schweiz, Rudolf Steiner Verlag. 480 S.

Steiner, R. (1996). *Die geistigen Wesenheiten in den Himmelskörpern und Naturreichen (GA 136)*. Dornach/Schweiz, Rudolf Steiner Verlag. 248 S.

Stepun, F. A. (2001). Ideya Rossii i formy ee raskrytiya [The Idea of Russia and the Forms of Its Interpretation]. In *Oktyabr'*. No. 6, pp. 141–144.

Svas'yan, K. A. (2010). Antroposofiya [Anthroposophy]. In *Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4 t.* Moscow, Mysl'. Vol. 1, pp. 139–142.

Turgenieff, A. (1993). *Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum*. Stuttgart, Verlag Freies Geistesleben. 113 S.

Voloshin, M. A. (2015). Perepiska s Margaritoy Sabashnikovoi, 1906–1924 [Correspondence with Margarita Sabashnikova, 1906–1924]. In Voloshin, M. A. *Sobranie sochinenii* / ed. by A. V. Lavrov. Moscow, Ellis Lak. Vol. 11. Part. 2. 784 p.

Voloshina, M. A. (1993). *Zelenaya zmeya. Istoriya odnoi zhizni* [The Green Snake. The Story of One Life] / transl. by M. N. Zhemchuzhnikova. Moscow, Enigma. 411 p.

Woloschin, M. (2009). *Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen*. Stuttgart, Verlag Freies Geistesleben. 560 S.

The article was submitted on 17.06.2019

DOI 10.15826/qr.2020.1.451

УДК 821.111-3Тартт+821.161.1-3Достоевский+808.1

ДОСТОЕВСКИЙ, СИБИРЬ И РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В РОМАНЕ ДОННЫ ТАРТТ *ЩЕГОЛ**

Ольга Турышева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

DOSTOEVSKY, SIBERIA, AND THE RUSSIAN PERSON IN DONNA TARTT'S NOVEL *THE GOLDFINCH*

Olga Turysheva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the Russian motifs present in the narrative of *The Goldfinch* (2014), a novel by the American author Donna Tartt. These include the depiction of the main character's Russian friend, allusions to the creative work of Dostoevsky, the interpretation of his novel *The Idiot* made by the characters, and a detail testifying to the Siberian descent of the second main character. The author makes an attempt to analyse previously unstudied motifs connecting the story of the character with the Russian context. More particularly, she substantiates the importance of Boris Pavlikovsky's Siberian roots. The author concludes that Tartt portrays the Russian person not only as a complex of stereotypes found in culture but in close connection with the Russian literary tradition. The article combines immanent analysis of text with hermeneutic, mythopoetical, intermedial, and intertextual methods. The author concludes that by referring to the Siberian descent of the second main character, Tartt introduces the Siberian myth into the receptive context of her novel formed on the basis of the whole corpus of Russian literature. It is a myth of Siberia as a space of liminal death and Christological initiation (acc. to V. I. Tyupa). It is proved that relying on this mythologeme makes it possible for the reader to decode the underlying semantics of the novel. It relates to the idea of the resurrection of the character facing the tragedy of death. The plot of *The Goldfinch* is interpreted as a plot of returning to life through the experience of staying in the land of the dead, crime, and dying. Additionally, the author

* Citation: Turysheva, O. (2020). Dostoevsky, Siberia, and the Russian Person in Donna Tartt's Novel *The Goldfinch*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 119–131. DOI 10.15826/qr.2020.1.451.

Цитирование: Турышева О. Достоевский, Сибирь и русский человек в романе Донны Тартт *Щегол* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 119–131. DOI 10.15826/qr.2020.1.451 / Турышева О. Достоевский, Сибирь и русский человек в романе Донны Тартт *Щегол* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 119–131. DOI 10.15826/qr.2020.1.451.

analyses the function of motifs connected with Dostoevsky's novel *The Idiot*. It is not only present as an allusion in Tartt's work but as an object of the characters' reflection. For Theo Decker, this reflection results in the acceptance of Dostoevsky's idea of the resurrection of a great sinner. It is demonstrated that relying on his perception of Dostoevsky's works, the character realises the circular plot of accepting life and redemption. This interpretation makes it possible to reconstruct the evangelical subtext of the novel. The novel's ekphrastic aspect also proves it by means of the character's reflection on *The Goldfinch*, a painting by Carel Fabritius. Apart from the liminal chronotope, the author analyses other chronotopes of the character that are also of considerable importance: the Christmas chronotope and the road chronotope. The poetological peculiarities revealed prove that Tartt's works belong to the genre tradition of *Bildungsroman* (initiation novel). This is illustrated by other images of Dostoevsky's works, including the ones Tartt used in her first novel *The Secret History* (1992).

Keywords: Donna Tartt; *The Goldfinch*; the Russian person in the American novel; Siberian myth; *Bildungsroman*; circular plot; Dostoevsky's novel *The Idiot*.

Рассматриваются русские мотивы, фигурирующие в романе американской писательницы Донны Тартт «Щегол» (2014). Среди них – изображение русского друга главного героя романа, аллюзии на творчество Достоевского и трактовка его романа «Идиот», предпринятая героями, а также указание на сибирское происхождение второго главного героя. В такой совокупности мотивы, связывающие историю героя с русским контекстом, анализируются впервые. Обосновывается важность сибирских корней Бориса Павликовского и делается вывод, что русский человек изображен у Д. Тартт не только в комплексе фигурирующих в культуре стереотипов, но и в тесной связи с русской литературной традицией. В исследовании сочетаются имманентный анализ текста, герменевтический, мифопоэтический, интермедиаальный и интертекстуальный методы. Автор приходит к выводу, что, ссылаясь на сибирские корни второго главного героя, Д. Тартт вводит в рецептивный контекст романа сибирский миф, выработанный целым корпусом произведений русской литературы как пространство «лиминальной смерти» и «христологической инициации» (В. И. Тюпа). Доказывается, что опора на эту мифологию позволяет читателю осуществить декодирование глубинной семантики романа. Она связана с идеей возрождения героя, пережившего трагедию встречи со смертью. Сюжет романа «Щегол» трактуется как сюжет возвращения к жизни через опыт пребывания в стране мертвых, преступления и умирания. Отдельно анализируется функция мотивов, связанных с романом Достоевского «Идиот». Он присутствует у Д. Тартт не только в аллюзивной форме, но и как объект рефлексии самих героев. Результатом этой рефлексии для Тео Деккера становится принятие «достоевской» идеи возрождения великого грешника. Доказывается, что в опоре на опыт Достоевского герой осуществляет циклический сюжет принятия жизни и искупления вины. Такая трактовка позволяет реконструировать евангельский подтекст романа. Его наличие подтверждается и экфрастиче-

ским его аспектом, связанным с рефлексией героя о картине К. Фабрициуса «Щегол». Помимо лиминального, анализируются и другие важнейшие хромотопы истории героя: рождественский и дороги. Выявленные поэтологические особенности подтверждают принадлежность произведения Д. Тартт к жанровой традиции романа воспитания (романа инициации).

Ключевые слова: Донна Тартт; «Щегол»; русский человек в американском романе; сибирский миф; роман воспитания; циклический сюжет; роман Ф. Достоевского «Идиот».

Роман американской писательницы Донны Тартт «Щегол», лауреат Пулитцеровской премии 2014 г., дает много поводов для размышлений о проблеме художественной презентации Другого как носителя национального менталитета, в первую очередь в поэтологическом аспекте, касающемся семантической функции образа в структуре романного нарратива.

В жанровом плане «Щегол» представляет собой роман воспитания, или его разновидность – роман инициации (и это уже было отмечено в исследовательской литературе [Анцыферова; Фомина; Шалимова, 2017а; Шалимова, 2017б; Corrigan; Cuenca; Heineman]): он изображает становление Теодора Деккера – героя, переживающего в процессе взросления драму самопонимания. Важнейший элемент этой драмы – взаимоотношения героя с Борисом Павликовским, его русским другом. Строго говоря, Борис по происхождению русским не является: его отец – украинец, а мать – полька. Однако в романе акцентированно подчеркнута его принадлежность к русскому миру: он родился в России, читает русскую литературу, активно пользуется русским наряду с другими языками, ругается, используя русскую обценную лексику, заинтересовывается русским языком своего американского друга.

В его изображении Д. Тартт опирается на готовый арсенал стереотипных черт, в массовом сознании обычно соотносящихся с образом русского человека. Среди них – парадоксальное смешение безрассудства и прагматизма, жестокости и нежности, готовности преступать правила, «хочоча, отдаться священному безумию» [Тартт, 2015, с. 817] и самоотверженная верность законам дружбы. При этом Д. Тартт, моделируя образ русского человека, использует, на первый взгляд, совершенно незначительную деталь. Она связана с упоминанием Сибири: в описании сцены знакомства Тео Деккера с Борисом Павликовским в скобках сообщается, что отец Бориса родился в сибирском Новоангарске и в должности горного инженера работал в самых разных странах – от России до Папуа – Новой Гвинеи. Вместе с ним Борис исколесил все континенты и научился говорить на самых разных языках.

По нашим наблюдениям, эта деталь кодирует важнейшие смыслы романа, связанные с содержанием истории становления героя Тео Деккера. Чтобы их восстановить, напомним, что сибирский поселок Новоангарск, основанный в конце 50-х годов XX в. в связи с открыти-

ем свинцово-цинкового месторождения, расположен на левом берегу Ангары, вверх по течению которой в городе Усолье с XVIII в. находилась ссыльно-каторжная тюрьма. Она была знаменита коротким пребыванием в ней декабристов А. Якубовича и Е. Оболенского, какое-то время здесь отбывал наказание Н. Г. Чернышевский, а в сталинские времена усольская каторга входила в состав ГУЛАГа.

Конечно, Д. Тартт не обязана знать такие подробности. Но, ссылаясь на сибирские корни второго главного героя (а Борис Павликовский, безусловно, является таковым), она очевидно вводит в рецептивный контекст своего романа сибирский миф. Сознательно или вне сознательной воли автора это происходит, представляется неважным, важно, что на базе этой детали текст позволяет читателю осуществить декодирование глубинных смыслов произведения в опоре на мифологему, созданную русской литературой. Эта мифологема хорошо знакома и иностранному реципиенту – в силу того, что она является важнейшим элементом мифа о России и русском человеке, нашедшим свое художественное воплощение в классических текстах русской словесности.

Реконструкцию этого мифа находим у ряда российских литературоведов. Так, В. И. Тюпа пишет: «Сибирь в российском культурном сознании обрела характеристики и свойства мифологической страны мертвых. <...> Уникальное взаимоположение геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни» [Тюпа, с. 28]. В более ранней реконструкции Ю. М. Лотмана Сибирь прямо отождествлялась со страной мертвых: «Сюжетное звено смерть – ад – воскресение в широком круге русских сюжетов подменяется другим: преступление (подлинное или мнимое) – ссылка в Сибирь – воскресение» [Лотман, с. 723–724].

Как поясняет В. И. Габдуллина, «говоря о “широком круге русских сюжетов”, Ю. М. Лотман имеет в виду прежде всего произведения Достоевского, который наиболее выразительно воплотил коллизия возрождения героя Сибирью, недописанную Гоголем. Но, в отличие от Гоголя, идея воскресения связана у Достоевского с собственным сибирским опытом каторги и ссылки. Между тем Ю. Лотман пишет об отсутствии сюжета воскресения в “Записках из Мертвого дома” Достоевского: “...в единственном романе, где Сибирь показана в реально-бытовом освещении, – в “Записках из Мертвого дома”, – хотя в самом заглавии Сибирь приравнена смерти, – сюжет воскресения отсутствует”» [Габдуллина, с. 102]. Однако цитируемый исследователь находит логику «от ада к возрождению» и в этом произведении Достоевского, в свою очередь, опираясь на его трактовку японским ученым Коити Итокава: «Сибирь у Достоевского – место физических и духовных страданий – представляет собой пространство смерти (воплощенное в образе острога), пройдя через которое, его герои возвращаются к жизни. <...> Герой повторяет путь Христа: от рождения

через смерть (условную) и ад к воскресению» [цит. по: Габдуллина, с. 104]. Миф о Сибири как пространстве «христологической инициации» (В. И. Тюпа) подтверждают и другие исследования, находя лиминальную логику сибирского хронотопа не только у Достоевского, но и в древнерусской литературе, в творчестве Л. Толстого, А. Чехова, В. Короленко, И. Гончарова и других [Шатин; Гудкова; Рыбальченко; Собенников; Ташлыков; Эртнер].

Сюжетно-жанровая логика романа Д. Тартт абсолютно соответствует логике, выявленной названными исследователями в корпусе русских текстов о Сибири. Мы не настаиваем на том, что американская писательница целенаправленно использовала сибирскую деталь в рассказе о происхождении Бориса для введения в текст инициальной проблематики (для подобного умозаключения потребовалась бы ссылка на прямое свидетельство об этом самого автора). Наша методология базируется на выявлении того смыслового потенциала текста, который мог бы быть сформирован читателем на почве обнаружения отмеченной нами повествовательной особенности. Поэтому поэтика романа «Щегол» анализируется в аспекте ее рецептивной направленности, а именно сквозь призму присутствия в ней варианта такого имплицитного прочтения, которое за повествованием реалистического типа подразумевает наличие универсальной архетипической логики – логики инициации. Такой вариант рецепции поддерживается в романе сюжетной и нарративной организацией, а также целой системой литературных и мифологических аллюзий, подразумевающих особую эстетическую активность читателя.

Сюжет «Щегла» – это сюжет приятия жизни во всех ее катастрофических смыслах и возвращения к ней через опыт пребывания в стране полусмерти, преступления и умирания. Фаза умирания героя Теодора Деккера стремительно разворачивается после потери матери (в гибели которой он винит самого себя), а ее кульминация приходится на техасский период его жизни. Это период полугодного наркотического существования в доме отца, исполненный жгучей скорбью, одиночеством, чувством вины в связи с невольным похищением и утаиванием картины кисти Фабрициуса, а также ужасом разоблачения.

Лас Вегас, во всяком случае, та его область, где обитает герой, описан в романе как ад, место обитания живых мертвецов. Но именно здесь в жизни героя появляется Борис, выброшенный на свет из ада сибирских рудников, где начинал свой профессиональный путь его отец. Это герой, образ которого заряжен архетипическим знанием, выработанным корпусом сибирских текстов русской литературы, утверждающей, что переход через пространство смерти – необходимый элемент личного возрождения. Поэтому, с одной стороны, Борис символически усугубляет смерть героя, приобщая его к алкоголю и наркотикам, вовлекая в воровство и обворовывая его самого, а в финале и превращая в соучастника преступления, но, с другой стороны, он выводит Тео к жизни: поддерживает его побег из Техаса, открывает ему Достоев-

ского – писателя, прошедшего опыт смерти-возрождения, а в финале пытается облегчить Тео бремя совершенных им преступлений.

Важнейший элемент повествования составляют фрагменты рефлексии героев о Достоевском. Вот замечание Бориса по мотивам чтения «Идиота», произнесенное в одну из самых тяжелых для Теодора минут, когда тот после невольного убийства обдумывает уход из жизни – «пустой, тщетной, невыносимой»:

Even the wise and good cannot see the end of all actions. Scary idea! Remember Prince Myshkin in *The Idiot*? <...> Myshkin ever did was good... unselfish... he treated all persons with understanding and compassion and what resulted from this goodness? Murder! Disaster! <...> Very dark message to this book... But – this is what took hold on me last night, riding here in the car. What if – is more complicated than that? What if maybe opposite is true as well? Because, if bad can sometimes come from good actions? where does it ever say, anywhere, that only bad can come from bad actions? Maybe sometimes – the wrong way is the right way? <...> I have to say I personally have never drawn such a sharp line between ‘good’ and ‘bad’ as you. For me: that line is often false. The two are never disconnected. One can’t exist without the other. As long as I am acting out of love, I feel I am doing best I know how. But you – wrapped up in judgment, always regretting the past, cursing yourself, blaming yourself, asking ‘what if,’ ‘what if.’ ‘Life is cruel!’ ‘I wish I had died instead of.’ <...> What if all your actions and choices, good or bad, make no difference to God? What if the pattern is pre-set? No no – hang on – this is a question worth struggling with. What if our badness and mistakes are the very thing that set our fate and bring us round to good? What if, for some of us, we can’t get there any other way? [Tartt, p. 828]¹.

Это совершенно верный вывод из чтения Достоевского, восходящий к его идее возрождения великого грешника. Благодаря Борису Тео признает свой порок одномерного восприятия мира и сам называет себя идиотом². В финале повествования герой, уже готовый

¹ «Даже самые мудрые, самые прекрасные люди не могут предусмотреть, во что выльются их поступки. Подумать страшно! Помнишь князя Мышкина в «Идиоте»? <...> Мышкин всем делал только добро... и к чему привела вся эта его доброта? К убийствам! Катастрофам! <...> Очень мрачный смысл у этой книги... Но – вот что мне в голову-то вчера пришло... А что если ... все гораздо сложнее? Что, если и в обратную сторону все тоже правда? Потому что если от добрых намерений иногда бывает вред? То где тогда сказано, что от плохих бывает только плохое? А вдруг иногда неверный путь – самый верный? <...> Сам я лично никогда... не разделял плохое и хорошее. По мне так любая граница между ними – одна видимость. Эти две вещи всегда связаны. Одна не может существовать без другой. И я для себя знаю – если мной движет любовь, значит, я все делаю как надо. Но вот ты – ты вечно всех осуждаешь, вечно жалеешь о прошлом, кланешься себя, винишь себя, думаешь: “А что, если?”, “Как несправедлива жизнь!”, “Лучше бы я тогда умер!” <...> А что, если эта наша нехорошость, наши ошибки и есть то, что определяет нашу судьбу, то, что и выводит нас к добру? Что, если кто-то из нас другим путем туда просто никак не может добраться?» [Тартт, 2015, с. 789–799] (пер. А. Завозовой).

² Одна из глав романа и называется «Идиот», и ее наименование присваивается самому Теодору, так как он изображается автором того произведения, которое мы читаем – правда, узнаем мы об этом в заключительной главе романа.

было уйти из жизни, принимает ее противоречия, отказывается от страшных выводов о бессмысленности существования, не сходит с ума, признав в себе убийцу (как князь Мышкин), и в конце концов отказывается «покидать мир».

Иную интерпретацию этой аллюзии из «Идиота», предпринятой Борисом, осуществляет Е. Бутенина, считая, что Борис отождествляет Теодора с Мышкиным [Бутенина]. Думается, однако, что Борис не столько идентифицирует своего друга с героем Достоевского, сколько пытается его приобщить к своему пониманию романа, который, в свою очередь, раскрыл ему положительный – инициальный – потенциал страдания и ошибок, так же, как, возможно, и отрицательный потенциал добросердечия и жертвы. Первоначально Теодор сам отождествляет себя с Мышкиным (глава «Идиот» предшествует монологу Бориса о романе), поскольку считает героя русского романа носителем недостаточно объемного мировосприятия, лелеющим иллюзии в отношении других – как сам Тео в отношении Бориса, не подозревая, что стал жертвой его жестокого обмана. Но в завершающих главах Мышкин для него оказывается антипримером – в силу того, что история того завершается катастрофически: чувство вины пожирает разум Мышкина, констатируя его фактическую смерть. Примечательно, что такая интерпретация образа князя Мышкина как героя, не способного к осуществлению сюжета преображения, получила свое развернутое обоснование в американской науке о Достоевском. О «мрачном» пафосе «Идиота» пишет, например, Линда Иванец, чья монография вышла в свет в период работы Д. Тартт над романом «Щегол» [Ivanits]. В ее исследовании Мышкин выразительно противопоставлен Раскольникову по признаку принадлежности к сюжетной схеме совершенно иного типа: в отличие от героя «Преступления и наказания», чья история завершается возможностью возрождения, хриstopодобный герой «Идиота» регрессирует в состояние утраты сознания.

Теодор Деккер тоже готов был соскользнуть в смерть и безумие, не выдержав собственной вины («Я загасил свет в самом сердце мира», – говорит он), но в конце концов, в отличие от героя «Идиота», он осуществляет циклический сюжет – сюжет возрождения и принятия себя и жизни в условиях самого катастрофического расклада, а мы проникаем в его мифологическую суть благодаря сибирской детали, влекущей за собой не только шлейф важных смыслов, но и вектор осуществления фабулы инициации. Сибирская деталь, использованная Тартт, позволяет вести литературный генезис образа Тео Деккера и от Раскольникова: он мучается виной за убийство и готовится к саморазоблачению, при этом «выясняя отношения» со своей «идеей» катастрофичности любой человеческой жизни.

Борис Павликовский выведен в романе и как непосредственный спаситель героя: он является к Тео, когда тот готовится свести счеты с жизнью в день Рождества. Сцены в номере амстердамской гостиницы, закольцовывающие историю, составляют самые трагические страницы повествования: здесь герой признается себе в бессмысли-

це человеческого существования, которую он сам усугубил своими преступлениями. Однако явившийся Борис рассеивает мрак: он рассказывает, как вернул картину властям, при этом называя ее спасителем именно Теодора, и сравнивает его с пилотом, который «посадил самолет на воду и всех спас» и которого «все на руках носили» («Как по мне... люди... аплодируют... тебе» [Тартт, 2015, с. 796]).

В рамках этой рождественской сцены происходит возрождение героя: заряженный уверенностью Бориса в том, что противоречивость жизни – это ее онтологическое качество, а плохое может привести к хорошему, он начинает трудиться над искуплением своей вины перед Хоби. Хоби – реставратор мебели, приютивший Тео после побега из Техаса, обучивший его ремеслу и парадоксальным образом обворованный им. Искупление вины перед ним – символ принятия жизни, признание того, что она не бессмысленна и при всей своей жестокости содержит в себе «высшую истину», «триумф» и «почет». Недаром рождественский хронотоп романа сменяется в финале хронотопом дороги: возрожденный герой отправляется в путешествие, знаменующее не только искупление вины, но и отказ от ухода из жизни. Но начало этому возрождению положил русский друг Тео – и в том числе своими размышлениями о русском романе, метафорой Сибири, связанной с его автором.

Сибирский миф в своей семантике возрождения сопрягается с евангельским подтекстом романа. На более очевидном уровне этот подтекст формируется благодаря экфрастической символике, что также уже было описано в научной литературе (см., например: [Ищенко, Попова]). Так, образ Тео с изображенным на холсте щеглом напомнил исследователям образ Христа-младенца, которого в живописной традиции часто изображали с щеглом в руке, символизирующим назначенные страдания («Мадонна Литта» Леонардо да Винчи, «Мадонна с вишнями» Боутс Дирка, «Мадонна с щегленком» Рафаэля Санти и др.). Тео, как и Христу, назначены свои страсти и свой крестный путь, связанный с любовью к погибшей матери, к любимой девушке, к картине Фабрициуса, которую он прячет. Он отказывается от притязаний вопреки привязанности и любви, но ради того, чтобы не отягощать жизнь возлюбленной Пипы, также пережившей близость смерти и ужас потери. Евангельские смыслы романа связаны и с образом самого щегла, который, согласно христианской легенде, извлек терновую иглу из брови несущего крест Христа и был отмечен каплей крови Спасителя. Обращает на себя внимание и этимология имени героя: Теодор (*греч.*) – дар Бога, Божий дар. Наконец, романное имя героя, данное ему Борисом – Поттер, а евангельский заряд образа Гарри Поттера не нуждается в развернутом комментарии (см. об этом, например: [Касаткина]). Правда, в отличие от Поттера, его близость Христу определяется не позицией противостояния злу или искупления чужой вины, а степенью назначенных страданий. Хотя представляется, что в монологе Бориса, произнесенном в амстердамской гостинице, содержится скрытое сравнение Теодора с Христом.

В русской классике сибирский миф органично включает в себя евангельские смыслы. У Д. Тартт, пожалуй, наоборот – евангельский сюжет включает в себя сибирский миф русской литературы. Русский человек, в изображении писательницы озаменованный причастностью к этому сюжету, погружая героя в ад, его из ада и выводит. Он изображен как проводник (в дантовском смысле) и помощник [Пропп], и эти фабульные роли, повторим, особенно подчеркнуты его сибирским происхождением: он родом из ада. Но этот ад в рамках сибирского мифа трактуется как начало пути. В связи с этим русский человек изображен у Д. Тартт не только в совокупности фигурирующих в культуре стереотипов, но и в тесной связи его образа с русской литературной традицией. Сибирское происхождение второго главного героя романа – маркер топоса возрождения.

На этой почве возможна полемика с мнением о том, что в романе доминирует пессимистический пафос. Признание трагизма человеческой жизни в нем согласуется с евангельской идеей преодоления смерти. Недаром финальный фрагмент рукописи Теодора заканчивается монологом, в смысловом плане коррелирующим с идеей Бориса о том, что судьба рождает «нечто возвышенное» через опыт отчаяния и умирания:

And I feel I have something very serious and urgent to say to you, my non-existent reader, and I feel I should say it as urgently as if I were standing in the room with you. That life — whatever else it is — is short. That fate is cruel but maybe not random. That Nature (meaning Death) always wins but that doesn't mean we have to bow and grovel to it. That maybe even if we're not always so glad to be here, it's our task to immerse ourselves anyway: wade straight through it, right through the cesspool, while keeping eyes and hearts open. And in the midst of our dying, as we rise from the organic and sink back ignominiously into the organic, it is a glory and a privilege to love what Death doesn't touch [Tartt, p. 864]³.

В этом монологе, завершающем роман, обращает на себя внимание и символ брошенного в почву зерна, также содержащий аллюзию на Достоевского, который использовал этот евангельский образ в эпиграфе к «Братьям Карамазовым» («Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется

³ «И, кажется, мой несуществующий читатель, я хочу сказать тебе что-то очень серьезное, очень настоящее и чувствую, что должен сказать это таким настоящим тоном, как будто мы с тобой находимся в одной комнате. Мне нужно сказать, что жизнь – какой бы она ни была – коротка. Что судьба жестока, но, может быть, не слепа. Что Природа (в смысле – Смерть) всегда побеждает, но это не значит, что нам следует склоняться и пресмыкаться перед ней. И что даже если нам здесь не всегда так уж весело, все равно стоит окунуться поглубже, отыскать брод, переплыть эту сточную канаву с открытыми глазами, с открытым сердцем. И в разгар нашего умирания, когда мы проклевываемся из почвы и в этой же почве бесславно исчезаем, какой же это почет, какой триумф – любить то, над чем Смерть не властна» [Тартт, 2015, с. 827–828] (пер. А. Завозовой).

одно; а если умрет, то принесет много плода») [Достоевский, т. 9, с. 5]. И носителем этой идеи в персонажной системе романа является русский друг героя.

В романе есть еще одна глубинная аллюзия на Достоевского. Она встречается в отчаянном воспоминании Тео о смерти матери: «Мама лежит на мраморном полу». Для знающего читателя должно быть заметно сходство этой фразы со знаменитой дневниковой записью Достоевского от 16 апреля 1864 г. «Маша лежит на столе. Увижу ли с Машей?» [Достоевский, т. 15, с. 715–717]. Допустимость этого наблюдения поддерживается не только структурным подобием этих фраз, но и ситуативным контекстом переживания смерти близкого человека. В свою очередь, обнаружение этой аллюзии наполняет роман Д. Тартт содержанием, связанным с теми фундаментальными вопросами, которые поставлены в русской литературно-философской мысли (и, в частности, в данной дневниковой записи Достоевского) – о смысле существования, о несовершенстве человеческого существа и о том направлении его развития, которое могло бы преодолеть власть жестокой природы и смерти. В связи с этим обратим внимание на совпадение имени героя «Щегла» с именем русского писателя (Теодор – Федор) и вновь почеркнем то, что он тоже выведен в романе как романист – автор того романа, который мы читаем.

Наша интерпретация подтверждается и обращением к первому роману Д. Тартт «Тайная история» (1992), который также демонстрирует связь с русской литературной традицией [Тартт, 2008]. Как и в «Щегле», повествователь в рассказе о трагических событиях апеллирует к своему читательскому опыту – опыту чтения Достоевского. В данном случае цитируется роман «Преступление и наказание»: для героя, причастного к убийству, он становится тем источником, по которому тот верифицирует свои переживания, убеждаясь в чудовищности и необратимости произошедшего. Слезы отца убитого им с друзьями сокурсника вызывают в его памяти монолог Раскольникова: «Это я убил тогда старуху-чиновницу и сестру ее Лизавету топором и ограбил». Причем воспоминание о Раскольникове настигает не только самого героя-нарратора, но и других героев романа, участвовавших в преступлении. Так, идеолог убийства, образ которого позволяет провести прямые параллели с героем русского романа, требует от своего оппонента, терзаемого совестью, «прекратить достоевщину». Однако в последнем романе Д. Тартт «Щегол» присутствие русской литературной аллюзии обладает не только характерологической функцией, но и функцией насыщения сюжета глубинными смыслами «христологической инициации». Эту семантику поддерживает и сибирская деталь, «работающая» в романном нарративе.

Список литературы

- Анциферова О. Ю. Культурные идеологемы в творчестве Донны Тартт // Литература и идеология. Век двадцатый / под ред. О. Ю. Пановой, В. М. Толмачева. М. : Макс Пресс, 2016. Вып. 3. С. 313–321.
- Бутенина Е. М. Исповедальность Достоевского и современный американский роман о подростке // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2016. № 2 (34). С. 94–100. DOI 10.17072/2037–6681–2016–2–94–100.
- Габдуллина В. И. Мотив смерти – воскресения в тексте Ф. М. Достоевского // Сюжетология и сюжетография. 2015. № 2. С. 101–108.
- Гудкова Е. Ф. Хронотоп Сибири в русской классической литературе XVII–XIX вв. // Сайт Евгении Гудковой : [сайт]. 27.08.2007. URL: <http://guuu7.narod.ru/HS.htm> (дата обращения: 05.06.2019).
- Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. Л. : Наука, 1988–1996. Т. 9. Братья Карамазовы. 570 с. Т. 15. Письма. 1834–1881. 861 с.
- Ищенко Е. Н., Попова М. К. Экфрасис как структурообразующий элемент художественного мира и маркер современного отношения общества к искусству в романе Д. Тартт «Щегол» // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. 2016. № 2. С. 66–73.
- Касаткина Т. А. «Смерть как критерий и камертон в «Гарри Поттере» : лекция. 23.04.2019. Москва, Библиотека им. Ф. М. Достоевского. Лекторий «Живое общение» : Аудиозапись // Youtube : [интернет-портал]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SZQQj2AfjsA> (дата обращения: 06.08.2019).
- Краснова Т. В. Реальное и фантастическое в сибирских рассказах В. Г. Короленко // Проблемы нравственно-психологического содержания в литературе и фольклоре Восточной Сибири. Иркутск : [ИГПИ], 1982. С. 102–110.
- Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. Избр. ст. : в 3 т. Таллинн : Александра, 1993. Т. 3. С. 91–106.
- Пропл В. Я. Морфология волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2001. 192 с.
- Рыбальченко Т. Л. Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX века // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства : науч. докл. междунар. науч. конф. (Иркутск, 24–26 сентября 2004 г.). Иркутск : Иркутск. гос. ун-т, 2004. С. 291–303.
- Собенников А. С. Миф о Сибири в творчестве А. П. Чехова («Очерки из Сибири») // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства : науч. докл. междунар. науч. конф. (Иркутск, 24–26 сентября 2004 г.). Иркутск : Иркутск. гос. ун-т, 2004. С. 278–282.
- Тартт Д. Тайная история / пер. с англ. Д. Бородкина, Н. Ленцман. М. : Иностранка, 2008. 704 с.
- Тартт Д. Щегол / пер. с англ. А. Завозовой. М. : АСТ, 2015. 827 с.
- Ташлыков С. А. Образ Сибири в древнерусской литературе // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства : науч. докл. междунар. науч. конф. (Иркутск, 24–26 сентября 2004 г.). Иркутск : Иркутск. гос. ун-т, 2004. С. 257–263.
- Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сиб. филол. журн. 2002. № 1. С. 27–35.
- Фомина Е. М. «Щегол» Д. Тартт как роман воспитания // Новый филологический вестник. 2017. № 4 (43). С. 261–271.
- Шалимова Н. С. Жанровая атрибуция романа инициации на примере произведения Д. Тартт «Щегол» // Вестн. Красноярск. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2017а. № 1 (39). С. 163–166.
- Шалимова Н. С. Хронотоп Рождества в поэтике романов Д. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и Д. Тартт «Щегол» // XVII Красноярские краевые рождественские образовательные чтения «1917–2017: уроки столетия» : материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Красноярск, 16–18 января 2017 г.). Красноярск : Вост. Сибирь, 2017б. С. 454–461.

Шатин Ю. В. Путешествие Нехлюдова в Сибирь. К проблеме инициации // Сиб. филол. журн. 2016. № 2. С. 11–15. DOI 10.17223/18137083/55/2.

Эртнер Е. Н. Образ Сибири в русской литературе XIX века // Язык и литература. 1999. № 6. URL: <http://www.utmn.ru/frgf/No6/text16.htm> (дата обращения: 21.05.2005).

Corrigan Y. Donna Tartt's Dostoevsky: Trauma and the Displaced Self // *Comparative Literature*. Vol. 70. 2018. Iss. 4. P. 392–407. DOI 10.1215/00104124-7215462.

Cuenca M. “To Love What Death Doesn't Touch”: Questioning Capitalist Masculinity in Donna Tartt's *The Goldfinch* // *Masculinities and Literary Studies: Intersections and New Directions* / ed. by J. M. Armengol, M. Bosch-Vilarrubias, À. Carabí, T. Requena-Pelegri. N. Y. : Routledge, 2017. P. 181–189.

Heineman H. K. David Copperfield and the Goldfinch: The Coming of Age Novel in Two Centuries // *Midwest Quarterly*. Vol. 57. 2015. № 1. P. 23–36.

Ivanits L. *The Idiot: Where Have All the People Gone?* // Ivanits L. Dostoevsky and the Russian People. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2008. P. 77–105.

Tartt D. *The Goldfinch*. L. : Abacus, 2014. 864 p.

References

Antsyferova, O. Yu. (2016). Kul'turnye ideologemy v tvorchestve Donny Tartt [Cultural Ideologies in the Creative Work of Donna Tartt]. In Panova, O. Yu., Tolmachev, V. M. (Eds.). *Literatura i ideologiya. Vek dvadtsatiy*. Moscow, Maks Press, pp. 313–321.

Butenina, E. M. (2016). Ispovedal'nost' Dostoevskogo i sovremennyy amerikanskii roman o podroste [Dostoevsky's Confessionality and the Modern American Teenage Novel]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. No. 2 (34), pp. 94–100. DOI 10.17072/2037-6681-2016-2-94-100.

Corrigan, Y. (2018). Donna Tartt's Dostoevsky: Trauma and the Displaced Self. In *Comparative Literature*. Vol. 70. Iss. 4, pp. 392–407. DOI 10.1215/00104124-7215462.

Cuenca, M. (2017). “To Love What Death Doesn't Touch”: Questioning Capitalist Masculinity in Donna Tartt's *The Goldfinch*. In Armengol, J. M., Bosch-Vilarrubias, M., Carabí, À., Requena-Pelegri, T. (Eds.). *Masculinities and Literary Studies: Intersections and New Directions*. N. Y., Routledge, pp. 181–189.

Dostoevsky, F. M. (1988–1996). *Sobranie sochinenii v 15 t.* [Collected Works. 15 Vols.]. Leningrad, Nauka. Vol. 9. Brat'ya Karamazovy. 570 p. Vol. 15. Pis'ma. 1834–1881. 861 p.

Ertner, E. N. (1999). Obráz Sibiri v russkoi literature XIX veka [The Image of Siberia in the Russian Literature of the 19th Century]. In *Yazyk i literatura*. No. 6. URL: <http://www.utmn.ru/frgf/No6/text16.htm> (mode of access: 21.05.2005).

Fomina, E. M. (2017). “Shchegol” D. Tartt kak roman vospitaniya [*The Goldfinch* by D. Tartt as a Bildungsroman]. In *Novyi filologicheskii vestnik*. No. 4 (43), pp. 261–271.

Gabdullina, V. I. (2015). Motiv smerti – voskreseniya v tekste F. M. Dostoevskogo [The Motif of Death – Resurrection in the Text of F. M. Dostoevsky]. In *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. No. 2, pp. 101–108.

Gudkova, E. F. (2007). Khronotop Sibiri v russkoi klassicheskoi literature XVII–XIX vv. [The Chronotope of Siberia in Russian Classical Literature of the 17th – 19th Centuries]. In *Sait Evgenii Gudkovo* [website]. 27 August. URL: <http://guuu7.narod.ru/HS.htm> (mode of access: 05.06.2019).

Heineman, H. K. (2015). David Copperfield and the Goldfinch: The Coming of Age Novel in Two Centuries. In *Midwest Quarterly*. Vol. 57. No. 1, pp. 23–36.

Ishchenko, E. N., Popova, M. K. (2016). Ekfrasis kak strukturoobrazuyushchii element khudozhestvennogo mira i marker sovremennogo otnosheniya obshchestva k iskusstvu v romane D. Tartt “Shchegol” [Ekphrasis as a Structure-Forming Element of the Art World and a Marker of the Contemporary Attitude of Society to Art in D. Tartt's Novel *The Goldfinch*]. In *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta. Seriya Filologiya, pedagogika, psikhologiya*. No. 2, pp. 66–73.

Ivanits, L. (2008). *The Idiot: Where Have All the People Gone?* In Ivanits L. Dostoevsky and the Russian People. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 77–105.

Kasatkina, T. A. (2019). Lektsiya "Smert' kak kriterii i kamerton v 'Garri Pottere'". 23.04.2019. Moskva, Biblioteka imeni F. M. Dostoevskogo. Lektorii "Zhivoe obshchenie". Audiozapis' [Lecture "Death as a Criterion and Tuning Fork in *Harry Potter*". 23.04.2019. Moscow, F. M. Dostoevsky Library. Live Communication Lecture Hall. Audio Recording]. In *YouTube* [internet-portal]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SZQQj2AfjsA> (mode of access: 06.08.2019).

Krasnova, T. V. (1982). Real'noe i fantasticheskoe v sibirskikh rasskazakh V. G. Korolenko [The Real and the Fantastic in the Siberian Stories of V. G. Korolenko]. In *Problemy нравственно-психологического содержания в литературе и фольклоре Восточной Сибири*. Irkutsk, [Irkutskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut], pp. 102–110.

Lotman, Yu. M. (1993). Syuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya [The Plot Space of the Russian Novel of the 19th Century]. In Lotman, Yu. M. *Izbrannye stat'i v 3 t.* Tallinn, Aleksandra. Vol. 3, pp. 91–106.

Propp, V. Ya. (2001). *Morfologiya volshebnoi skazki* [The Morphology of a Fairy Tale]. Moscow, Labirint. 192 p.

Rybal'chenko, T. L. (2004). Mifologemy obraza Sibiri v russkoi proze vtoroi poloviny XIX veka [Mythologems of the Image of Siberia in the Russian Prose of the Second Half of the 19th Century]. In *Sibir': vzglyad izвне i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva. Nauchnye doklady Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Irkutsk, 24–26 sentyabrya 2004 g.)*. Irkutsk, Irkutskii gosudarstvennyi universitet, pp. 291–303.

Shalimova, N. S. (2017a). Zhanrovaya atributsiya romana initsiatsii na primere proizvedeniya D. Tartt "Shchegol" [Genre Attribution of the Initiation Novel with Reference to D. Tartt *The Goldfinch*]. In *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. P. Astaf'eva*. No. 1 (39), pp. 163–166.

Shalimova, N. S. (2017b). Khronotop Rozhdestva v poetike romanov D. D. Selindzhera "Nad propast'yu vo rzhi" i D. Tartt "Shchegol" [The Chronotope of Christmas in the Poetics of J. D. Salinger's *The Catcher in the Rye* and D. Tartt's *The Goldfinch*]. In *XVII Krasnoyarskie kraevye Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniya "1917–2017: uroki stoletiya"*. Materialy mezhtsebnogo nauchno-prakticheskoi konferentsii (Krasnoyarsk, 16–18 yanvarya 2017 g.). Krasnoyarsk, Vostochnaya Sibir', pp. 454–461.

Shatin, Yu. V. (2016). Puteshestvie Nekhlyudova v Sibir'. K probleme initsiatsii [Nekhlyudov's Trip to Siberia. On the Issue of Initiation]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 11–15. DOI 10.17223/18137083/55/2.

Sobennikov, A. S. (2004). Mif o Sibiri v tvorchestve A. P. Chekhova ("Ocherki iz Sibiri") [The Myth of Siberia in the Creative Work of A. P. Chekhov (*Essays from Siberia*)]. In *Sibir': vzglyad izвне i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva. Nauchnye doklady Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Irkutsk, 24–26 sentyabrya 2004 g.)*. Irkutsk, Irkutskii gosudarstvennyi universitet, pp. 278–282.

Tartt, D. (2008). *Tainaya istoriya* [The Secret History] / transl. by D. Borodkin, N. Lentsman. Moscow, Inostranka. 704 p.

Tartt, D. (2014). *The Goldfinch*. L., Abacus. 864 p.

Tartt, D. (2015). *Shchegol* [The Goldfinch] / transl. by A. Zavozova. Moscow, AST. 827 p.

Tashlykov, S. A. (2004). Obraz Sibiri v drevnerusskoi literature [The Image of Siberia in Old Russian Literature]. In *Sibir': vzglyad izвне i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva. Nauchnye doklady Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Irkutsk, 24–26 sentyabrya 2004 g.)*. Irkutsk, Irkutskii gosudarstvennyi universitet, pp. 257–263.

Tyupa, V. I. (2002). Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoi literatury [The Mythologeme of Siberia: On the Issue of the "Siberian Text" of Russian Literature]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 1, pp. 27–35.

ПОСЛАНИЕ ПОТОМКАМ В КАПСУЛЕ ВРЕМЕНИ КАК ЖАНР СОВЕТСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ*

Вадим Дементьев

Саратовский государственный университет,
Саратов, Россия

TIME CAPSULE MESSAGES TO FUTURE GENERATIONS AS A GENRE OF SOVIET PUBLIC TEXTS**

Vadim Dementyev

Saratov State University,
Saratov, Russia

This article considers a special genre of Soviet lore, i. e. *time capsule messages* addressed to future generations who were thought to be living in a communist society at the time they received the message. In the USSR, time capsules were actively laid between the late 1960s and early 1970s, and many of them were unearthed in 2017 and 2018. The author analyses 148 published messages found in time capsules, making up around 250 pages of text. The article examines the general characteristics of the Soviet language, ideologemes, journalistic and bureaucratic clichés, and censorship; also, it focuses on the peculiarities of the texts and intertextual connections. The author reveals the sources of different levels of text typical of the traditions of world, Russian, and Soviet literature and films, futuristic science fiction of socialist realism, journalistic texts, and the media (reports about achievements, memoirs, and speeches made at meetings and congresses). The author also analyses the images of the addresser (a Soviet person) and the addressee. The texts not only have an explicit addressee in the form of a descendant but an implicit one too, in the form of power. This combination was typical of all Soviet official writings. However, in this case, the direct addressee (a descendant) was unusual, and so were their relations with the

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по проекту 34.8128.2017/8.9.

** Citation: Dementyev, V. (2020). *Time Capsule Messages to Future Generations as a Genre of Soviet Public Texts*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 132–149. DOI 10.15826/qr.2020.1.452.

Цитирование: Dementyev V. *Time Capsule Messages to Future Generations as a Genre of Soviet Public Texts* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 132–149. DOI 10.15826/qr.2020.1.452 / Дементьев В. *Послание потомкам в капсуле времени как жанр советской словесности* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 132–149. DOI 10.15826/qr.2020.1.452.

implied addressee (power). Ideologically, the latter was surprisingly dependent on the direct addressee despite them being non-material, both functioning equally as bearers of ideology. The author analyses three aspects, i. e. direct addressee (future generations), implied addressee (power), and relations between the addressees.

Keywords: time capsule; message for descendants; Soviet literature; speech genre; image of the author; image of the addressee.

Статья посвящена особому жанру советской словесности – «капсуле времени», содержащей текстовое послание, адресованное потомкам, которые, как представлялось, будут жить в коммунистическом обществе. В СССР «капсулы времени» активно закладывали в конце 1960-х – начале 1970-х гг., с 2017–2018 гг. происходит их массовое вскрытие. Материал из обнаруженных и обнародованных источников составил 148 текстов «капсул времени», переведенных в текстовый формат общим объемом 250 страниц. В статье анализируются общие признаки «советского языка» – идеологемы, публицистические штампы, канцелярит, цензура, а также жанровое своеобразие текстов, интертекстуальные связи. Выявляются истоки разных уровней текста, свойственные традициям мировой, русской и советской литературы и кино, футуристической фантастике соцреализма, публицистике, СМИ (отчет/рапорт о достижениях, мемуары, выступления на митингах/съездах); образы адресанта (советского человека) и адресата. Кроме прямо обозначенного адресата – потомка, в тексте капсулы есть скрытый адресат – власть. Такое сочетание было присуще всей советской официальной словесности. Однако в случае «капсулы времени» прямой адресат был необычен (потомок), как и его отношения со скрытым адресатом (властью): в идеологическом отношении последняя уникальным образом находилась в зависимой позиции от этого прямого, хотя и нематериального адресата, который не меньше, чем она, был носителем идеологии. Анализируются все три аспекта: прямой адресат – потомок, скрытый – власть, а также взаимоотношения адресатов.

Ключевые слова: «капсула времени»; послание потомкам; советская словесность; речевой жанр; образ автора; образ адресата.

В мировой культуре от философии, литературы и искусства до насущного бытоустройства, повседневных отношений между поколениями традиция обращения к потомкам, передачи им информации о себе, о своем времени, опыта, советов и пожеланий очень древняя. Так, в тексте, написанном три тысячи лет назад индейцами майя, читаем:

Ты, который позднее явишь здесь свое лицо! Если твой ум разумеет, ты спросишь: кто мы? Кто мы? Спроси зарю, спроси лес, спроси волну, спроси бурю, спроси любовь. Спроси землю, землю страдания и землю любимую. Кто мы? Мы – земля! (цит. по: [Рерих]).

Традиция закладки «капсул времени» (*англ.* time capsule, далее – КВ) – уже не только и не столько художественный жанр и не только вербальный, она тоже имеет достаточно давние истоки, и тоже в глобальном масштабе¹.

Своеобразным продолжением этой мировой традиции стал особый жанр советской словесности – КВ, содержащая текстовое послание, адресованное потомкам, которые, как представлялось, будут жить в коммунистическом обществе. Традиция закладки КВ была широко распространена в СССР: при знаменательных событиях – возведении крупных строительных объектов, памятников и т. п. – часто закладывались капсулы с посланиями [см.: Берило; Тамарченко] (ил. 1–4 на цв. вклейке).

Хотя, как и на Западе, иногда вместе с посланием потомкам в КВ закладывались различные предметы культуры и искусства, техники и быта, это были преимущественно письменные памятники, относящиеся к вербальной природе и больше всего сближавшиеся с публицистикой. От общемировой советская традиция КВ отличалась, во-первых, идеологичностью: предполагалось, что и автор, и особенно адресат таких посланий – люди, наделенные коммунистической моралью, причем потомки живут в коммунистическом будущем, во-вторых, тем, что являлась частью советской словесности со всем набором присущих ей специфических особенностей, разобранных в лингвистике последних десятилетий [Будаев, Чудинов; Земская; Купина; Нерознак, Горбаневский; Романенко].

Существенное отличие отечественной традиции КВ состоит в том, что не только тексты писались в коммунистическом обществе, в условиях советской цензуры, но и ситуация их прочтения отделена от момента создания глобальнее, чем у аналогичных на Западе. Изменение контекста восприятия обусловлено сменой эпох – с социалистической на капиталистическую, а вместе с ней – изменением множества социальных, аксиологических, лингвистических характеристик социума.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. КВ активно закладывали к разным событиям: 50-летию Советской власти; 50-летию

¹ Например, в Испании в 2009 г. нашли капсулу из 1834 г. под статуей Сервантеса в Мадриде. В ней обнаружили путеводитель и четыре тома «Дон-Кихота» 1819 г. издания. В 1938 г. в Нью-Йорке в рамках подготовки к Всемирной выставке компания *Westinghouse Electric* создала первую в истории «официальную» временную капсулу. В нее положили 35 некрупных предметов, характеризующих эпоху, 75 образцов различных материалов, съедобных и несъедобных, и комплект микрофильмов о быте первой половины XX в. Свои сообщения потомкам в капсуле оставили Альберт Эйнштейн и Томас Манн. Открыть капсулу надлежит в 6939 г., то есть спустя 5 тыс. лет от момента закладки. В 1983 г. Стив Джобс после выступления на конференции в Аспене вложил в «капсулу времени», которую затем закопали на соседнем поле, компьютерную мышь. В 2013 г. команда *National Geographic* нашла капсулу, внутри которой, кроме мыши от компьютера *Lisa* (предшественника *Mac*), были кубик Рубика и восемь кассет с музыкой группы *Moody Blues* (см.: [Скоренко]).

Советской армии и ВЛКСМ; вековому юбилею со дня рождения Ленина; 50-летию образования СССР. Их вскрытие предусматривалось к 100-летию Советской власти и другим круглым датам, так что, начиная приблизительно с 2017–2018 гг., происходит самое массовое обретение КВ, доступных для исследования. Обнаруженные и обнародованные источники составили 148 текстов КВ преимущественно 1967–1972 гг. создания общим объемом порядка 250 страниц.

Этот материал вызывает неизменный интерес у самой широкой аудитории читателей Интернета, сообщения о новых обнаруженных КВ регулярно попадают в топ новостей: это, по сути, соприкосновение с иной эпохой со стороны быта, мыслей, языка. По ряду качеств тексты КВ имеют для современника большую притягательность, чем старые газеты. Во-первых, авторы газеты не писали для потомков, не имели специальной цели передать им отобранную и тщательно обработанную информацию о себе, как авторы КВ. Во-вторых, авторов КВ очень интересуют их потомки: они не только потрудились для нас, но и думали о нас – интенсивно и доброжелательно. В-третьих, имеет значение «эффект тайны»: для современников текст КВ обычно оставался неизвестным (хотя, возможно, он был прочитан и выверен соответственными органами), но иногда обнародовался.

Публицисты, а также социологи, политологи, философы довольно регулярно проявляли интерес к данному феномену, особенно в последние годы, однако практически исключительно со стороны содержания – анализировались образ светлого будущего и идеализированный образ людей, это будущее населяющих, иногда – моральный и психологический облик автора КВ, советского человека, привыкшего к цензуре и определенному «двоемыслию» в СССР, не всегда способного на искренность и откровенность в своей письменной речи [см., например: Гнилорыбов; Кашин; Новоселова; Тамарченко].

Насколько нам известно, КВ еще не становились объектом внимания лингвистов, которые не считали их достаточно интересным самостоятельным феноменом по отношению к советской словесности – публицистике, СМИ. Это вызывает сожаление, так как перед нами доброкачественный исторический текстовый документ, отражающий определенный период советской культуры и словесности: срез языка, стиля, жанровой системы. Еще важнее то, что КВ занимает в советской словесности особое место в силу наличия ряда важных особенностей: образ адресата здесь является не менее, а, пожалуй, более сложным, внутренне противоречивым, чем в советских СМИ [см.: Солганик; Купина], но по ряду параметров качественно от них отличается; кроме того, можно отметить сочетание ритуальности и персональности (бытийной – публичной и бытовой).

Жанровые и интертекстуальные связи КВ

Советский язык

Наиболее очевидным феноменом, определяющим своеобразие КВ, был советский язык, основными отличительными чертами которого были упрощение, канцеляризация и десемантизация. Многие тексты КВ близки к советским публицистическим жанрам и публицистическому стилю в целом, совпадают с ними по ряду признаков ([Романенко; Купина], а именно:

– Наличие цензуры (весьма жесткой и идеологизированной) и/или редактирования со стороны профессиональных партийных журналистов-пропагандистов. Ряд текстов, вероятнее всего, были написаны ими полностью. По этой причине в КВ не говорилось о реальных проблемах жизни советского человека (продуктовом дефиците, закрытых границах, цензуре, бюрократии и т. д.) Набор вещей, которые можно было подать как недостатки, ограничен и тоже идеологизирован (*На нашу долю выпало немало горя, бед и страданий. Мы стойко пережили голод, разруху, войны* [Вскрытые капсулы]). Общепризнанно, что изошренные авторы советского времени умели обходить цензуру, использовали эзопов язык, намеки, аллюзии и т. п. Были ли подобные вещи в КВ, со всей очевидностью сказать нельзя, но пожелания товарного и продуктового изобилия в светлом будущем можно понимать как намек на отсутствие его в настоящем.

– Ключевые слова и понятия эпохи, сосредоточивающиеся вокруг центральных идеологических образов – коммунизма, борьбы, светлого будущего, а также ряда знаковых событий, имен и текстов, выступающих в роли описываемых либо прецедентных. Особо следует отметить образ борьбы близких по времени предков современных людей 1960-х гг. с врагами революции. Предполагалось, что подвиг предков будет иметь сакральное значение и для потомков, но, видимо, только с исторической точки зрения: откуда взяться врагам в коммунистическом будущем? Тем не менее, враги представляются не менее ярко-оценочно, чем в текстах для современников:

Свергнутые эксплуататорские классы пытались задушить социалистическую революцию голодом и разрухой, экономической блокадой и военной интервенцией. Молодая советская республика **в смертельной схватке со своими врагами** отстояла знамя; Советские люди отстояли завоевания Октября **от всякой нечисти, начиная от Антанты и кончая фашизмом**, они первые начали отстаивать мир на земле и ведут **борьбу** за него вот уже 50 лет [Вскрытые капсулы].

Мы пришли на священную землю острова Мудьюг, **политую кровью** славных сынов, пролетариев и крестьян Севера, **замученных в белогвардейских застенках**. Помните этот остров. Письмо это покоится на земле,

принесенной участниками слета со всех уголков нашей области, с самых священных мест – **полей сражений** красноармейцев и партизан, с **братских могил** [Берило].

Новый мир в странах империализма куется классовыми битвами международного пролетариата. Сбросили цепи колониального рабства большинство народов терзаемой Азии и многострадальной Африки. Однако **старый мир, мир капитала не уходит без боя**. Еще льется кровь в далеком Вьетнаме, народ которого ведет священную войну за свободу и независимость с **вооруженной до зубов армией насильников и империалистов США** [Тексты вскрытых капсул].

Мы, поколение комсомольцев 60-х годов, не представляли себе жизни без **борьбы** и творческой работы во имя торжества коммунизма, который стал для вас действительностью [Там же].

Трудно утверждать о присутствии в тексте искренней ненависти: едва ли люди из 1960-х воспринимали условных «белогвардейцев» или «империалистов» как настоящих опасных врагов для себя лично.

– Перегруженность идеологемами: *Великая Октябрьская социалистическая революция; Советская власть; В. И. Ленин; коммунизм; большевик; комсомолец; империализм; красноармеец; белогвардеец; пролетариат; социалистическое общество; социалистическое соревнование; ленинский план электрификации страны; звание «Ударник коммунистического труда»* (список см.: [Купина 2009, с. 35–40]).

– Обилие публицистических и идеологических ш т а м п о в (вождь, руководитель и организатор Коммунистической партии и первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян бессмертный Владимир Ильич Ленин; родная партия; дело коммунизма; материально-техническая база коммунизма; духовные ценности; годовщина Октября; идеалы Ленина; поля сражений; историческое время; соратники по борьбе за преобразование жизни; славные защитники Родины; сохраненные устои; трудовая вахта; труженики коммунистической стройки; красное знамя Октября; дерзкие мечты человечества; белогвардейские застенки; трудовые, революционные и ратные подвиги; борьба и творческая работа во имя торжества коммунизма; во всех концах нашего края героически трудятся во имя счастья людей, во имя мира на планете, во имя коммунизма; великое желание преобразить свой край – главное наше стремление; мы свидетели величайших преобразований, совершаемых трудящимися нашей Родины; с честью и достоинством несем эстафету жизни, эстафету беспокойного человеческого духа; мы не мыслим себе жизни без борьбы и созидательного труда; наша ответственность перед партией, Родиной и народом; прокладываем путь в будущее; смертельная схватка.

– Р и т у а л и з а ц и я : этикет (различные этикетные жанры, в том числе высокаторжественные), реквизиты, лозунговые формулы (подробнее см. ниже).

Жанровые истоки КВ

– Мировая традиция обращения к потомкам (Гораций, Владимир Мономах и т. д.).

– Соответствующая традиция русской классической литературы (Г. Р. Державин, А. С. Пушкин). Исследователи данной традиции отмечают ее генетическую связь с жанром духовного завещания, а также исповедальность как одну из наиболее значимых черт [Уваров, 1998]. Однако эта важная, подкупающая искренностью черта не характерна для КВ, поскольку плохо сочетается с требуемой оптимистической тональностью.

– Советская художественная традиция: стихи (В. В. Маяковский, Р. И. Рождественский и др.), песни, а также жанр советской футуристической фантастики (ср.: И. А. Ефремов, А. П. Казанцев, А. и Б. Стругацкие), фантастические фильмы и др.

– Жанр мемуаров (ср. аудиопослание диктора Юрия Левитана в КВ 1967 г.: [Тексты вскрытых капсул]).

– Жанр выступления на митингах и собраниях, что прямо отмечается в некоторых КВ (ср.: *Текст капсулы утвержден 4 ноября 1967 года на торжественном пленуме райкома КПСС и сессии исполкома Совета депутатов трудящихся Октябрьского района города* [Вскрытые капсулы]; *авторы – Участники второго областного слета комсомольцев и молодежи – победителей похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа* [Берило]).

– Традиционные жанры официальной советской публицистики, СМИ (отчеты/рапорты о достижениях). Содержательное и стилистическое влияние на КВ последнего жанра представляется наиболее значительным. От жанра отчета/рапорта о достижениях (действительных или мнимых) КВ получает оптимистическую торжественную тональность. Влияние жанра проявляется и в отборе информации, факты, не соответствующие установке на прославление достижений, в значительной степени игнорируются.

Годы советской власти неузнаваемо преобразили наш край. Заново созданы отрасли промышленности по производству станков, химического оборудования, часов, дизелей, электронных счетных машин, радиоприборов и других изделий. Объем промышленной продукции возрос за годы советской власти в 76 раз. Теперь на долю нашей области приходится 70 % прядильных машин, 16 % тракторных сеялок, 9/10 картофелесажалок, 20 % наручных часов, 25 % велосипедов от общего производства в СССР. Сейчас продукция с пензенской маркой поставляется в 56 стран мира. В совхозах и колхозах имеется 14 тыс. тракторов, 6 тыс. зерновых комбайнов и много другой техники. Намного возросло производство сельскохозяйственной продукции. В распоряжение трудящихся области предоставлены 1 тыс. 200 домов культуры и клубов, 800 библиотек, почти 1,5 тыс. киноустановок. В области сейчас учится каждый третий. ...За успехи в развитии промышленности, сельского хозяйства и культурном строительстве Пензенская область награждена Орденом Ленина [Тексты вскрытых капсул].

С другой стороны, хотя данное требование – перечисление значительных, имеющих символическое значение достижений, их правильная оценка, использование соответствующего языка и стиля – действительно существовало, оно было не слишком обременительным, формальным, в частности, не требовались искренность и даже... соответствие истинному положению вещей. Все это проявилось в полной мере в жанре советской словесности отчета/рапорта о достижениях (власть можно было обманывать) и проникло в КВ.

Конечно, в жанре отчета о достижениях, например, за пятилетку, за год или, тем более, после какого-то конкретного события было больше конкретики; но, впрочем, в КВ ее находим тоже немало, иногда это даже вызывает удивление (раз автор привел эту информацию, значит, решил, что потомкам она для чего-то будет нужна):

Наш коллектив перевыполнил все показатели взятых на себя обязательств. Родина получила **1688000 тонн угля при плане за 10 месяцев 1645000 тонн**. Годовой план выполнен **26 октября**. По итогам трудовой вахты в честь юбилея Советской власти бюро Обкома КПСС и исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся присвоил **нашему предприятию и школе № 3 почетные звания «Коллектив имени 50-летия Великого Октября»**. В честь Великого Октября 1917 года, в котором В. И. Ленин провозгласил о том, что все имеют право на труд, в честь замечательных тружеников **поселка Широкий воздвигнут на общественных началах обелиск «Слава труду» и заложена юбилейная площадь** [Вскрытые капсулы].

Изготовила обелиск **бригада в составе: Д. Сидоренко, С. Лысенко, С. Чугунова, В. Чуприна, М. Лахижа, Владунского**. Много творческой энергии затрачено на его создание **В. Стебельцовым**. **Около 4000 часов** отработано на площади трудящимися поселка во внеурочное время. Это элементы коммунистического отношения к труду [Там же].

На нашем предприятии работает **108 ударников коммунистического труда и 9 бригад коммунистического отношения к труду**... [Тексты вскрытых капсул].

Иногда целесообразность конкретики прямо обосновывается в соответствующих обращениях к потомкам:

Чертежи обелиска и расчеты сделаны А. Матвеевым и Е. Куцепаловым, они уверяют, что 50 лет простоит, **что же, вы сможете в этом убедиться** [Вскрытые капсулы].

Знакомо ли вам звание «Ударник коммунистического труда»? Оно в наши годы присваивалось лучшим из лучших, и каждый третий комсомолец промышленных предприятий города добился этого почетного звания [Берило].

Жив ли в памяти вашей Павка Корчагин? Мы, наследники Корчагина, достойно несли корчагинскую вахту труда, взяв шефство над строительством автотрассы Полтава – Кишинев [Что писали комсомольцы 1967-го своим потомкам в 2017-й].

От этого же публицистического жанра КВ получает с р е д с т в а э к с п р е с с и и : образные выражения, тропы (эпитеты, метафоры и т. п.), в большинстве случаев ставшие штампами (*прокладываем путь в будущее; смертельная схватка; пионеры освоения космоса; Смоленск – город-солдат, город-труженик, город-сад*), стилистически высокую лексику (*грозные годы фашистского нашествия; революционные и ратные подвиги изложили в памятной скрижали; в ваших делах мы обрели бессмертие, мы живем в биении вашего сердца, в улыбках ваших детей, в ваших мечтах и помыслах; пусть пройдет 50 лет, но все равно на твоей груди будет лететь красный галстук*), разговорные слова и выражения (*мы немножко завидуем вам; давайте присядем, потолкуем; старушка гитара*)².

Адресант и адресат

Образ автора (советского человека)

Прежде всего подчеркнем еще раз наличие советской цензуры и/или редактирования (анонимного), что делает образ адресанта явлением, трудно поддающимся интерпретации: неизвестно, в какой степени он был индивидуальным, даже если указывалось имя (статус и т. д.) писавшего³, тем более в какой степени искренне они говорили о проблемах и достижениях, целях и желаниях, вере и т. д. Мн. ч. адресанта встречается значительно чаще, чем ед. ч.; при этом даже в случае ед. ч. такое явление, как *обращение от имени*, не является редким.

Ц е н н о с т и а д р е с а н т а К В , кажется, только общественные и коллективистские (предполагалось, что автор принадлежит к общности советских людей, разделяя с ними все главные ценности, отсюда – оценка описываемых событий, а также мечты, надежды, представления о «правильном» ходе истории и, следовательно, будущем: завоевания революции и коммунизм, мир во всем мире, технический прогресс, создание идеального человека будущего (героический, умный, физически совершенный) – адресата КВ. Только в авторских (ед. ч. адресанта) и практически только в детских и юношеских КВ декларируются частные ценности: вступление в комсомол, поступление

² Об экспрессии в советской публицистике и СМИ в целом и жанре отчета о достижениях в частности см.: [Будаев, Чудинов; Нерознак, Горбаневский; Романенко; Червиньски].

³ Среди авторов были как простые люди (комсомольцы, рабочие, школьники, военнослужащие), так и известные (Юрий Левитан, Константин Коккинаки, Муслим Магомаев, Лев Ошанин, Михаил Матусовский и др.).

в вуз, отдых в пионерлагере, любовь к мороженому и кино, песни под гитару и т. п. В КВ не отражено практически ничего из тех вещей, которые составляют главные ценности современных россиян, по данным современных социальных опросов: это высокооплачиваемая работа, налаженный быт, досуг, качественное жилье, уровень жизни [см., например: ВЦИОМ узнал главные жизненные ценности россиян].

В той информации, которая сообщалась о себе, самое большое место занимали завоевания социализма (налицо противоречие: зачем о них рассказывать, если есть уверенность, что к этим событиям и в будущем будут относиться как к главным?):

50 лет минуло с тех пор, как власть в нашей стране взял в свои руки народ. Вместе с Лениным шел он к этой исторической победе. Вместе с ним поднял над землей красное знамя социализма, знамя коммунизма. Свергнутые эксплуататорские классы пытались задушить социалистическую революцию голодом и разрухой, экономической блокадой и военной интервенцией. Молодая советская республика в смертельной схватке со своими врагами отстояла знамя Октября [Вскрытые капсулы].

Волею партии и трудового народа отсталая и нищая страна превратилась в передовую индустриально-аграрную державу мира. Во всех уголках нашей Родины выросли могучие гиганты промышленности – фабрики и заводы, новые города, мощные электростанции. На крестьянские поля на смену сохе и деревянной бороне пришли дотоле невиданные машины, техника социалистического сельского хозяйства [Тексты вскрытых капсул].

«Частные» темы занимают в КВ гораздо более скромное место, хотя, безусловно, представляют не меньший, а больший интерес:

У меня короткая биография и совсем нет заслуг. За свою недолгую жизнь я не совершила подвига, но в год пятидесятилетия (Октябрьской революции. – В. Д.) я вступила в ряды ВЛКСМ. Это очень гордо и ответственно: быть комсомольцем. Я должна оправдать доверие, оказанное мне одноклассниками и миллионами людей (14-летняя комсомолка Зоя Скаредина) [Там же].

Я не знаю, каким ты будешь: может быть, как мы, может быть, совсем другим, но ты, как все дети, будешь любить мороженое и ненавидеть рыбий жир. И еще, я знаю, пусть пройдет 50 лет, но все равно на твоей груди будет алеть красный галстук, и ты будешь его носить с такой же гордостью, как носим его сейчас мы, пионеры 1967 года (пионерка Ольга Швыдкова) [Там же].

А знаешь ты, как это здорово – делать прогулки по другим планетам, которые ты мало знаешь! <...> Мальчик ты или девочка, я прошу тебя, исполни мою просьбу, полети на Марс, узнай, есть на Марсе люди? (комсомолка Лидия Никулина) [Вскрытые капсулы].

Во многом фиктивный по причине цензуры и редактирования характер образа адресанта порождает и ф и к т и в н ы е о т н о ш е н и я «адресант – адресат» (как в советской официальной словесности в целом), которые в КВ осложняются рядом дополнительных содержательных компонентов.

С одной стороны, подчеркивалась близость адресанта и адресата: подразумевалось, что и тот, и другой – люди, наделенные коммунистическим мировоззрением и моралью (*Нас с вами объединяет многое. Мы – соратники по борьбе за преобразование жизни, единомышленники в стремлении сделать мир лучше, чем он есть* [Вскрытые капсулы]), причем потомки живут в светлом коммунистическом будущем, во всех отношениях лучше, чем социалистическое настоящее, что вызывает у авторов/предков и зависть, и гордость за «работу на это будущее» (*Мы знаем, что вы будете жить лучше нас, совершите подвиги в мировой галактике и сделаете прекрасной нашу землю. Мы немножко завидуем вам, встречающим столетний юбилей Советской Родины...* [Тексты вскрытых капсул]; *Мы немножко завидуем вам, молодое поколение коммунистического завтра. Цените то, что было добыто кровью, страданиями и потом ваших предшественников; Дорогие друзья! Путь первооткрывателей нелегко, и порой нам было трудно, но мы знали: каждая капля пролитой крови и пота, каждое усилие дадут свои плодотворные ростки* [Берило]).

С другой стороны, как ни странно, отношения «адресант – адресат» в КВ были более похожи на настоящую, а не фиктивную оппозицию, чем в советской официальной словесности в целом. Потомок автора, живущий через полвека или век, быть точно таким же не может; отсюда объективная необходимость объяснять ему хотя бы часть очевидной информации.

Адресат: человек и власть

В КВ, кроме прямо обозначенного адресата – потомка, есть скрытый адресат – власть. Это сочетание было присуще всей советской официальной словесности. Но отличие КВ состояло в том, что прямой адресат был необычным (потомок), и его отношения со скрытым главным адресатом (властью) тоже были необычными.

В л а с т ь была главным адресатом всей советской подцензурной словесности, обладателем идеологии. Однако в КВ власть (современная для автора) как второй адресат иначе, чем в советской словесности в целом, относилась к первому, прямому адресату, который не только не зависел от нее физически, но и в идеологическом плане, так сказать, был с ней на равных, поскольку не меньше, чем власть, был обладателем идеологии. В этом смысле прямой адресат КВ мог даже представлять для нее опасность! Это необычное распределение ролей необходимо объяснить подробнее. Конечно, правила, что и как сообщать потомкам, как обращаться к ним, какими представ-

лять и что думать о них, всецело находились в руках власти. Нетрудно представить ситуацию, когда за нарушение этих неписаных правил автор текста КВ мог быть наказан. Но и для власти эти же правила были не менее обременительны. Можно гипотетически представить и такую ситуацию, когда кто-то из представителей власти мог быть наказан за трансляцию в адрес автора текста КВ неверных инструкций, ограничений или самой информации об образе потомка, каким его следует представлять. Для автора же потомок никак не был властью, скорее наоборот: был, так сказать, младшим родственником и таким же, как автор, обычным человеком, хотя ему и должна была выражаться идеологическая лояльность.

Образ потомка – прямого адресата КВ гораздо менее конкретизирован, чем автор, но вполне четкий и интересный:

– Это коммунистический рыцарь «без страха и упрека», он обладает всеми достоинствами (как истинными, так и декларируемыми), присущими современникам, и многими дополнительными (*Вы гармонически развитые личности, и любой труд, каким бы Вы ни занимались, приносит только радость и удовлетворение; Вы будете жить лучше нас, совершите подвиги в мировой галактике и сделаете прекрасной нашу землю*) [Вскрытые капсулы].

– Одновременно подчеркнуто «простой» человек, носитель «обычных» ценностей, симпатий, вкусов, что особенно ярко наблюдается в КВ, написанных детьми и подростками (*Давайте присядем, потолкуем, как мы в свое время любили собираться где-нибудь, у кого-нибудь и разговаривать о том, что волнует. Всегда с нами была бабушка гитара, чашка кофе и добрая песня. А как у вас? Вижу, улыбаетесь, значит и у вас то же самое. Нисколько не изменились парни и девушки за 50 лет, вот разве умней стали, красивей*) [Вскрытые капсулы].

– Коммунистический потомок склонен к героизму и борьбе, но при этом подчеркивается отсутствие в его жизни трудностей, с которыми сталкивались авторы посланий, живущие в 1960-е гг. (*Вы поколение счастливых: над вами чистое небо, а войны в мире для всех, живущих в 2017 году, стали историей* [Вскрытые капсулы]; *Вы не скандировали: «Позор агрессорам Израиля!», вам не пришлось участвовать в митингах протеста против преступной войны во Вьетнаме, читать в газетах о провокациях против революционной Кубы. Как далеко от вас эти современные нам события!* [Берило]; *Вам уже не придется увидеть деревянные кварталы и мостовые Архангельска* [Тексты вскрытых капсул]). Видимо, только это позволяло авторам КВ добавлять: *Но знаем, что и вы позавидуете нам, нашему беспокойному молодому поколению...*

Образы прошлого и будущего

В известной жанроведческой анкете пункты «образ прошлого» и «образ будущего» относятся к важнейшим [Шмелева], но, пожалуй, только в жанре КВ они имеют столь важное значение, поскольку

ку, во-первых, очень тесно смыкаются с образами адресата (человека из будущего) и автора (человека из прошлого), во-вторых, составляют чуть ли не все содержание жанра: это светлое коммунистическое будущее, в работе на которое состоит смысл жизни и труда людей в настоящем. Настоящее для авторов КВ превращается в прошлое для адресата (потомка) и подается именно как прошлое, о котором следует помнить. Выше нами уже было сказано о том, как эта официальная информация дозировалась и отбиралась, что из описываемых событий подавалось как главное. Частотны прямые императивы (*Помните!*). Значима модальность уверенности при описании будущего.

Как и при изображении самих потомков, в изображении их мира сочетаются утверждения общего характера, зачастую малоинформативные и более конкретные, такие как более справедливое устройство общества, отсутствие насилия, преступности и страданий, наличие развитой науки, техники и т. д.:

Дорогие товарищи потомки! Мы видим наш город через 50 лет с населением в 500 тысяч человек. С 10–20-этажными домами. Стремя институтами, десятью техникумами, с двумя театрами и прекрасным краеведческим музеем. С десятью домами отдыха, разветвленным троллейбусным движением, с цветным телевидением и видеотелефоном. Со стартовой площадкой для сверхзвуковых пассажирских самолетов и ракет. Городсад в зелени и цветах с умными, образованными, душевными, физически развитыми и морально чистыми людьми [Вскрытые капсулы].

Желаю Новороссийску быть лучшим промышленным городом Европы и надежно снабженным хорошей питьевой водой (Дмитрий Дмитриевич Бондарь, участник Гражданской войны) [Берило].

Через 50 лет система существования изменится к лучшему, люди будут чуткими и добрыми в отношениях между собой... (Юрий Замбровский, ученик 9 класса) [Вскрытые капсулы].

Эта конкретизация «идеального будущего» иногда производит трогательное впечатление:

Мы мечтаем о коммунизме, о том времени, когда можно есть бесплатное мороженое и ходить в кино, когда уроки за нас будут делать машины, а учителями станут терпеливые роботы. А ты уже живешь при коммунизме... (Оля Швыдкова, ученица 5 класса) [Тексты вскрытых капсул].

Все это делает КВ во многих отношениях внутренне содержательно противоречивым явлением: «Авторы капсул времени одинаково игнорируют непредсказуемость смены политических и экономических реалий, скорость научно-технического прогресса и банальное обновление языка. С одной стороны, в этом ретрофутуризме отража-

ется линейное мышление эпохи, ориентированной на неизбежность “светлого социалистического будущего”, а с другой – обреченность всяких далеко идущих ожиданий» [Гнилорыбов].

Ритуал и средства выражения лояльности

Ритуальных формул и выражений в КВ было даже больше, чем в советской официальной словесности. Сюда относятся следующие:

– Использование конкретных стереотипов и клише (реквизитов), этикетных жанров – приветствий, поздравлений (*Здравствуйте, наши дорогие потомки! Мы протягиваем вам руку духовного единения и родства. В ваших делах мы обрели бессмертие. Мы спокойны за свой завтрашний день, верим в будущее, верим в вас* [Вскрытые капсулы]; *Дорогие потомки, сегодня у вас необыкновенный день – столетие советской власти. Мы горячо поздравляем вас с великим и славным юбилеем* [Тексты вскрытых капсул]).

– Описания ритуалов, напоминающих военные (*В суровом молчании, как и мы в 1967 году, стоите вы у обелисков погибшим, только так же трепетно, как и полвека назад, замирает сердце, когда ступаете по земле легендарной Крымки*) [Там же].

– Непосредственные (перформативные) лозунговые формулы (*Пусть славится коммунизм на земле!* [Вскрытые капсулы]; *Да будет вечна эстафета жизни, эстафета беспокойного человеческого духа!* [Там же]; *Крепко держите в своих руках славное красное знамя Маркса, Энгельса и Ленина. Помните: под сенью красного знамени в мире свершалось все светлое, доброе и человеческое. Будьте счастливы, дорогие товарищи потомки!* [Тексты вскрытых капсул]).

В целом список этих пафосных средств из нашего материала КВ, даже неполный, производит сильное впечатление:

Дорогие товарищи! Мы обращаемся к вам из 1967 года, года 50-летия Великого Октября, в год 2017-й, венчающий 100-летие Октябрьской социалистической революции. Слушайте наш голос из середины советского века, наши дети, ставшие отцами и дедами, наши внуки и правнуки, наши незнакомые потомки, наследники и продолжатели славного коммунистического дела [Вскрытые капсулы].

Здравствуйте, наши дорогие потомки! Мы протягиваем вам руку духовного единения и родства. В ваших делах мы обрели бессмертие, мы живем в биении вашего сердца, в улыбках ваших детей, в ваших мечтах и помыслах [Тексты вскрытых капсул].

В наших материальных и духовных достижениях, как солнце в капле воды, отразились исторические завоевания Октябрьской революции [Там же].

Мы спокойны за свой завтрашний день, верим в будущее, верим в вас. Мы убеждены, что вы еще больше прославите великое дело коммунизма, с честью понесете красное знамя Октября в будущее, осуществите самые дерзкие мечты человечества [Вскрытые капсулы].

Пусть славится коммунизм на земле! [Там же].

У нас ясная цель, прекрасное будущее, много дел. Есть где приложить руки, ум, сердце, энергию. И в этом – наше счастье [Там же].

Своим трудом, мыслью и борьбой мы прокладываем путь в будущее, навстречу вам, наши наследники. Смысл жизни мы видели в том, чтобы сделать мир красивее, богаче и счастливее [Там же].

Да будет вечна эстафета жизни, эстафета беспокойного человеческого духа! [Там же].

Экспрессия, ритуализация, торжественная и пафосная тональность являются продолжением образов идеального адресата, адресанта и самой коммуникативной значимой ситуации передачи информации о себе потомкам.

Авторы КВ, советские люди 1960-х гг., полагали, что потомки будут более склонны к пафосным речам, чем современники⁴. Почему? Перебор пафоса за пределами собственно военной сферы всегда производит неприятное впечатление. Но все становится на свои места, если предположить, что героические речи соответствуют героическим делам, героическому образу потомка. Представить, в чем конкретно будет проявляться этот героизм, было уже труднее. Ограничиться героическими речами и формулами было проще для советского человека, который был приучен к бессодержательному пафосу в своей жизни. Потомок, живущий при коммунизме, должен был очень серьезно относиться к подобным пафосным ритуалам, что делало его образ более притягательным, а взгляд автора – оптимистичным.

Предварительные итоги и исследовательские прогнозы

Заложенные в 1960-е гг. КВ в определенном смысле выполнили свою задачу: потомки заинтересовались ими и задумались о недавнем прошлом страны, а также с настоящим и о связи времен. Хотя выполнили КВ эту задачу в ином смысле.

Жанр КВ вызывал и вызывает интерес: это заложено в самой природе послания к потомкам; подобные тексты писались и пишутся довольно регулярно. Традиция не прерывается, отсюда сложились не-

⁴ Нередко это оборачивалось весьма высокопарными формами, которые тиражировались, в частности, в советской футуристической фантастике: например, вполне серьезное изображение в «Туманности Андромеды» И. Ефремова и ироническое – в повести «Понедельник начинается в субботу» А. и Б. Стругацких.

которые закономерности построения текста, позволяющие считать КВ жанром (или, возможно, субжанром).

Добавим, что эти сложившиеся традиции дают о себе знать и в текстах КВ, которые закладываются в наше время [Скоренко], когда, казалось бы, нет никаких условий для воспроизведения элементов словесности советского периода. Так, сегодня в Интернете можно найти рекламу КВ, которые могут быть куплены и заложены с той же, что у всех описываемых здесь КВ, целью – осуществить переброс информации в будущее, а это значит, что производство КВ поставлено на промышленные рельсы [Капсула времени]. Интересно было бы сравнить советские и постсоветские особенности КВ, по предварительному впечатлению, отсутствию советского пафоса в новых КВ не исключает победного пафоса в целом.

Еще одно очень интересное возможное сравнение – советские (вернее, просоветские) тексты КВ и неофициальные, возможно (но не обязательно), несоветские или антисоветские, как в единичных сохранившихся «гулаговских КВ» (текст одной такой КВ с фотографией размножен в Интернете: *Эта надпись замурована 15 марта 1954 года не под гром оркестров и шум толпы. Но она расскажет потомству, что этот театр построен не силами комсомольских бригад, как потом будут утверждать летописи, а создан на крови и костях заключенных – рабов XX столетия. Привет грядущему поколению! И пусть ваша жизнь и ваша эпоха не знает рабства и унижения человека человеком. С приветом заключенные И. Л. Кожин, Р. Г. Шарипов, Ю. Н. Нигматулин* [Скоренко]. Однако единичность такого материала пока не позволяет осуществить исследование, и мы ограничились, как уже было сказано, одними советскими/просоветскими КВ.

Возможное исследование, лежащее на поверхности, – рецепция на советские КВ у сегодняшних россиян в разной форме (специальные тематические форумы, комментарии к сообщениям и статьям о КВ, подражания, пародии, демотиваторы и т. п.). Оптимизм при изображении светлого будущего у современного читателя вполне может вызывать смущение и самоуничижение разной степени.

С речежанровой точки зрения наиболее существенно, что КВ занимают в советской словесности особое место. Оно обусловлено особым характером адресатов: прямой – потомки и скрытый – власть. При этом в идеологическом отношении власть уникальным образом находилась в зависимой позиции от прямого адресата. Отличие состоит в роли ритуала: его больше, чем обычно в советской словесности того времени, и он имеет иную качественную природу: по-видимому, предполагалось, что героические речи в будущем будут больше соответствовать реальному героизму, чем это было в советской действительности.

Список литературы

Берило С. Послание потомкам: в Новороссийске открылась выставка писем из 1967 года // РИА Новости : [сайт]. 2017. 04 окт. URL: <https://ria.ru/society/20171004/1506167970.html> (дата обращения: 01.05.2019).

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Лингвистическая советология. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2009. 291 с.

Вскрытые капсулы // ВКонтакте : [сайт]. URL: https://vk.com/topic-95398143_32255339?offset=20 (дата обращения: 12.04.2019).

ВЦИОМ узнал главные жизненные ценности россиян // Взгляд : деловая газета : [сайт]. 2017. 01 июня. URL: <https://vz.ru/news/2017/6/7/873626.html> (дата обращения: 27.12.2019).

Гнилорыбов П. Акт вскрытия : О чем пишут в капсулах времени // Уроки истории : XX век : интернет-журн. : [сайт]. 2017. 17 февр. URL: <http://urokiistorii.ru/article/53679> (дата обращения: 15.05.2019).

Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского времени // Вопр. языкознания. 1996. № 3. С. 23–31.

Капсула времени. Нержавеющая сталь // Гравертон.ру : [сайт]. URL: <http://www.graverton.ru/home/kapsula-pamyati.html?yclid=3110632747675452954> (дата обращения: 28.06.2019).

Кашин О. Капсула времени // Сноб : [сайт]. 2016. 14 дек. URL: <https://snob.ru/selected/entry/118062> (дата обращения: 12.03.2019).

Купина Н. А. Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 35–40.

Нерознак В. П., Горбаневский М. В. Советский «новояз» на географической карте: о штампах и стереотипах речевого мышления. М. : Знание, 1991. 63 с.

Новоселова Е. Мода на «капсулы времени» : Почему нам интересно писать письма в будущее? // Рос. газ. : [сайт]. № 202 (7368). 2017. 07 сент. URL: <https://rg.ru/2017/09/07/reg-ufo/pochemu-nam-interesno-pisat-pisma-v-budushchee.html> (дата обращения: 10.05.2019).

Рерих Н. К. Адамантизм // ЛитМир : электрон. б-ка : [сайт]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=183432&p=1> (дата обращения: 20.05.2019).

Романенко А. П. Советская словесная культура: образ риторика. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 212 с.

Скоренко Т. Капсулы времени: письмо в будущее // Мир фантастики : [сайт]. 2016. 24 янв. URL: <https://www.mirf.ru/science/time-capsule-pismo-v-budushchee> (дата обращения: 09.05.2019).

Солганик Г. Я. Автор как стилиобразующая категория публицистического текста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2001. № 3. С. 22–24.

Тамарченко Е. Вскрытие показало : Чего нам желали предки в «капсулах времени» полвека назад // The Insider : [сайт]. 2017. 07 нояб. URL: <https://theins.ru/obshestvo/78318> (дата обращения: 10.05.2019).

Тексты вскрытых капсул // ВКонтакте : [сайт]. URL: https://vk.com/topic-95398143_34760826 (дата обращения: 11.08.2019).

Уваров М. С. Архитектоника исповедального слова. СПб. : Алетея, 1998. 246 с.

Что писали комсомольцы 1967-го своим потомкам в 2017-й // Комсомольская правда : [сайт]. 2017. 14 сент. URL: <https://www.kp.ru/daily/26730/3757535/> (дата обращения: 14.09.2019).

Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов : Колледж, 1997. Вып. 1. С. 88–98.

References

Berilo, S. (2017). Poslanie potomkam: v Novorossiiske otkrylas' vystavka pisem iz 1967 goda [A Message to Descendants: An Exhibition of Letters from 1967 Opens in Novorossiysk]. In *RIA Novosti* [website]. 4 Oct. URL: <https://ria.ru/society/20171004/1506167970.html> (mode of access: 01.05.2019).

Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2009). *Lingvisticheskaya sovetologiya* [Linguistic Sovietology]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 291 p.

Chto pisali komsomol'tsy 1967-go svoim potomkam v 2017-i [What the Komsomol Members of 1967 Wrote to Their Descendants in 2017]. (2017). In *Komsomol'skaya pravda* [website]. 14 Sept. URL: <https://www.kp.ru/daily/26730/3757535/> (mode of access: 14.09.2019).

Gnilorybov, P. (2017). Akt vskrytiya. O chem pishut v kapsulakh vremeni [Unearthing a Time Capsule. What They Write in Time Capsules]. In *Uroki istorii. XX vek. Internet-zhurnal* [website]. 17 Febr. URL: <https://urokiistorii.ru/article/53679> (mode of access: 15.05.2019).

Kapsula vremeni. Nerzhaveyushchaya stal' [Time Capsule. Stainless Steel]. In *Graverton* [website]. URL: <http://www.graverton.ru/home/kapsula-pamyati.html?yclid=3110632747675452954> (mode of access: 28.06.2019).

Kashin, O. (2016). Kapsula vremeni [Time Capsule]. In *Snob* [website]. 14 Dec. URL: <https://snob.ru/selected/entry/118062> (mode of access: 12.03.2019).

Kupina, N. A. (2009). Sovetizmy: k opredeleniyu ponyatiya [Sovietisms: On the Definition of the Concept]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 2 (28), pp. 35–40.

Neroznak, V. P., Gorbanevskii, M. V. (1991). *Sovetskii "novoyaz" na geograficheskoi karte: o shtampakh i stereotipakh rechevogo myshleniya* [Soviet "Newspeak" on the Geographical Map: About Clichés and Stereotypes of Speech Thinking]. Moscow, Znanie. 63 p.

Novoselova, E. (2017). Moda na kapsuly vremeni. Pochemu nam interesno pisat' pis'ma v budushchee? [Time Capsule Fashion. Why are We Interested in Writing Letters to the Future?]. In *Rossiiskaya gazeta* [website]. No. 202 (7368). September 7. URL: <https://rg.ru/2017/09/07/reg-ufo/pochemu-nam-interesno-pisat-pisma-v-budushchee.html> (mode of access: 05.10.2019).

Roerich, N. K. (N. d.). Adamant [Adamant]. In *LitMir. Elektronnaya biblioteka* [website]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=183432&p=1> (mode of access: 20.05.2019).

Romanenko, A. P. (2000). *Sovetskaya slovesnaya kul'tura: obraz ritora* [Soviet Verbal Culture: The Image of a Rhetorician]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 212 p.

Shmeleva, T. V. (1997). Model' rechevogo zhanra [Speech Genre Model]. In *Zhanry rechi*. Saratov, Kolledzh. Iss. 1, pp. 88–98.

Skorenko, T. (2016). Kapsuly vremeni: pis'mo v budushchee [Capsules of Time: A Letter to the Future]. In *Mir fantastiki* [website]. 24 Jan. URL: <https://www.mirf.ru/science/time-capsule-pismo-v-budushchee> (mode of access: 09.05.2019).

Solganik, G. Ya. (2001). Avtor kak stileobrazuyushchaya kategoriya publitsisticheskogo teksta [The Author as a Style-Forming Category of Journalistic Texts]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10, Zhurnalistika*. No. 3, pp. 22–24.

Tamarchenko, E. (2017). Vskrytie pokazalo. Chego nam zhelali predki v "kapsulakh vremeni" polveka nazad [It Turns out That... What Our Ancestors Wished Us in "Time Capsules" Half a Century Ago]. In *The Insider* [website]. 7 Nov. URL: <https://theins.ru/obshestvo/78318> (mode of access: 10.05.2019).

Teksty vskrytykh kapsul [Texts of Opened Capsules]. In *Vkontakte* [website]. URL: https://vk.com/topic-95398143_34760826 (mode of access: 11.08.2019).

Uvarov, M. S. (1998). *Arkhitonika ispovedal'nogo slova* [The Architectonics of the Confessional Word]. St Petersburg, Aleteiya. 246 p.

Vserossiiskii tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya uznaet glavnye zhiznennye tsennosti rossiyan [All-Russian Centre for the Study of Public Opinion Learns about the Main Life Values of Russians]. (2017). In *Vzglyad. Delovaya gazeta* [website]. 1 June. URL: <https://vz.ru/news/2017/6/7/873626.html> (mode of access: 27.12.2019).

Vskrytye kapsuly [Opened Capsules]. In *Vkontakte* [website]. URL: https://vk.com/topic-95398143_32255339?offset=20 (mode of access: 12.04.2019).

Zemskaya, E. A. (1996). Klishe novoyaza i tsitatsiya v yazyke postsovetskogo vremeni [The Cliché of the Newspeak and Citation in the Post-Soviet Language]. In *Voprosy yazykoznanija*. No. 3, pp. 23–31.

The article was submitted on 16.09.2019

DOI 10.15826/qr.2020.1.453

УДК 94(519)"1950/1953"+94(470)"1950/1953"+316.774:654.19+32.019.5

ОЦЕНКИ АМЕРИКАНСКОЙ РАЗВЕДКОЙ СОВЕТСКОЙ, КОРЕЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ГОДЫ КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЫ*

Валерий Юнгблюд

Денис Садаков

Вятский государственный университет,
Киров, Россия

US INTELLIGENCE ESTIMATES ON THE SOVIET, CHINESE, AND NORTH KOREAN PROPAGANDA CAMPAIGNS DURING THE KOREAN WAR**

Valery Yungblud

Denis Sadakov

Vyatka State University,
Kirov, Russia

During the Korean War of 1950–1953, one of the dimensions of confrontation between the communist countries and the UN camp was information confrontation. The USSR, the PRC, and the DPRK were active in this sphere. Their propaganda exposed real and imaginary war crimes and “atrocities” by the American imperialists. The myth about the use of bacteriological weapons by the United States in Korea was widespread. Also, propaganda supported the legend of Chinese people’s volunteers. At the same time, materials from the propaganda campaigns of the USSR, the People’s Republic of China, and the Democratic People’s Republic of Korea were used by the American special services as a source of information about the enemy’s plans.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00501). Статья является продолжением исследования, опубликованного в предыдущем номере журнала [Юнгблюд, Садаков, 2019].

** *Citation:* Yungblud, V., Sadakov, V. (2020). US Intelligence Estimates on the Soviet, Chinese, and North Korean Propaganda Campaigns during the Korean War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 150–163. DOI 10.15826/qr.2020.1.453.

Цитирование: Yungblud V., Sadakov V. US Intelligence Estimates on the Soviet, Chinese, and North Korean Propaganda Campaigns during the Korean War // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 150–163. DOI 10.15826/qr.2020.1.453 / Юнгблюд В., Садаков Д. Оценки американской разведкой советской, корейской и китайской пропаганды в годы Корейской войны // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 150–163. DOI 10.15826/qr.2020.1.453.

This function was performed by the Foreign Broadcast Information Service (FBIS). This agency's analytical conclusions constituted a significant part of the intelligence information flow received by the country's highest authorities. The article discusses the content and direction of information flows of the socialist states' mass media. Additionally, it considers the main directions of the propaganda activity of the USSR, the PRC, and the DPRK, the "special place" Soviet propaganda occupied in the information war, and the content of radio broadcasts and other media of the socialist countries. The source base of the research includes declassified FBIS documents, mass media materials, documents of the US State Department, and various narrative sources. The authors conclude that although FBIS specialists identified differences between the strategic approaches used by Moscow, Pyongyang, and Beijing, the country's leadership often ignored this information and preferred to follow its own "homework".

Keywords: Korean War; Soviet propaganda; US Intelligence; Foreign Broadcast Information Service; internationalisation of internal conflict; death of Stalin.

В годы Корейской войны 1950–1953 гг. противоборство коммунистических стран и коалиции ООН включало и информационное противостояние. СССР, КНР и КНДР активно действовали на этом направлении. Пропаганда разоблачала реальные и мнимые военные преступления американских империалистов. Широко распространялся миф о применении США бактериологического оружия, советская пропаганда поддерживала легенду о китайских народных добровольцах. Материалы пропагандистских кампаний СССР, КНР и КНДР часто использовались спецслужбами США в качестве источника информации о планах противника. Эту функцию выполняла Информационная служба по радиовещанию из-за рубежа (*Foreign Broadcast Information Service*, FBIS). Выводы аналитиков этого ведомства составляли существенную часть разведывательной информации, поступавшей в распоряжение высшего руководства страны. В статье рассмотрены содержание и направленность информационных потоков СМИ социалистических государств, основные направления пропагандистской активности СССР, КНР и КНДР, обособленное место советской пропаганды, содержательные особенности радиовещания и иных материалов из социалистических стран. Источниковая база исследования – рассекреченные документы FBIS, материалы СМИ, документы Государственного департамента США, разнообразные нарративные материалы. Делается вывод о том, что, хотя специалисты FBIS выявляли различия в стратегических подходах Москвы, Пхеньяна и Пекина к решению многих проблем, руководство страны часто игнорировало эти сведения и предпочитало следовать собственным «домашним заготовкам».

Ключевые слова: война в Корее; советская пропаганда; разведка США; Информационная служба по радиовещанию из-за рубежа; интернационализация внутреннего конфликта; смерть Сталина.

Информационные войны являются неперенной составляющей современных межгосударственных конфликтов, а материалы пропагандистских кампаний становятся объектом для аналитической работы разведслужб. В условиях внутренней закрытости социалистических режимов в годы холодной войны американская разведка пыталась максимально задействовать любые доступные виды информации, свидетельством чему служит работа ЦРУ США по анализу материалов СМИ СССР, КНР и КНДР в годы Корейской войны (1950–1953).

В США системным анализом материалов открытых иностранных источников занималась Информационная служба по радиовещанию из-за рубежа (*Foreign Broadcast Information Service, FBIS*), которая была создана в 1941 г., а в 1947 г. вошла в структуру ЦРУ. В поле зрения этого ведомства попадали не только радиостанции, но и печатные издания – центральные газеты СССР, КНР и КНДР. В аналитических обзорах сотрудников FBIS, как правило, давалась обобщенная информация о публикациях и передачах широкого спектра, не всегда конкретно указанных СМИ. Документы этой службы, относящиеся к 1950–1953 гг., были рассекречены только в 2010 г. Они существенно расширили корпус материалов по данной теме, но до настоящего момента практически не были задействованы в историографии¹.

Среди работ по истории FBIS можно назвать монографию бывшего сотрудника этой службы Дж. Рупа, а также статью С. Меркадо, но оба этих труда посвящены преимущественно периоду Второй мировой войны и не затрагивают вторую половину 1940-х гг. [Roop; Mercado]. В современной российской историографии проблемы эффективности советской пропаганды и ее роли в достижении внешнеполитических целей СССР во время Второй мировой войны и на ранней стадии холодной войны исследовались В. О. Печатновым и В. В. Поздняковым, но также на материалах более ранней истории [Печатнов; Позняков]. Восприятие же пропагандистских кампаний СССР и дружественных ему режимов аналитическими службами разведки западных стран, в том числе и США, предметом специального изучения не становилось.

Данные FBIS за первую половину 1950 г. не давали поводов подозревать скорую атаку коммунистов. Одной из главных тем радиопропаганды Москвы и Пхеньяна в последние мирные недели июня 1950 г. являлись парламентские выборы в Республике Корея, состоявшиеся 30 мая [FBIS. 1950, 1950–06–01, 1950–06–08]. Радио КНДР призывало корейских патриотов способствовать срыву «уничтожающих страну» выборов и заявляло о том, что проживавшие на юге корейцы массово отказывались голосовать и активизировали партизанскую войну против правящего режима [Там же].

¹ Об истории пропаганды участников конфликта см.: [Casey; Gabroussenko; Pickowicz].

Важным направлением коммунистической пропаганды была поддержка выдвинутого Единым демократическим отечественным фронтом² предложения о мирном объединении страны [FBIS. 1950, 1950–06–15, 1950–06–22]. Этот лозунг рассматривался посольством США в Корее как сильный, но чисто пропагандистский шаг, предпринятый с целью создания противовеса результатам недавних выборов. Коренных изменений в военной ситуации на полуострове не ожидалось [FRUS, 1950, vol. 7, p. 99–100].

25 июня 1950 г. началось полномасштабное наступление Корейской народной армии (КНА) на юг. Первый этап Корейской войны (25 июня – середина сентября 1950 г.) характеризовался крупными успехами КНА, взявшей под контроль большую часть полуострова. Эти действия преподносились коммунистами как ответ на агрессию со стороны Республики Корея. Практически сразу последовала интернационализация конфликта, легитимированная резолюциями № 82 (25.06.1950 г.), № 83 (27.06.1950 г.) и № 84 (07.07.1950 г.) Совета Безопасности ООН, предусматривавшими прямое участие в войне на стороне Республики Корея войск США, их союзников и пожелавших присоединиться к ним под флагом ООН государств [см. подробнее: Юнгблюд, Садаков, 2018].

Действия США Пхеньян первое время игнорировал, предпочитая использовать старые клише, клеймя «лисынмановскую банду предателей», организовавшую вторжение на территорию КНДР, которое «заставило» Север предпринять ответные меры. В рамках этого дискурса звучали призывы к свержению режима Ли Сын Мана и освобождению южной части полуострова во имя восстановления единства страны [FBIS. 1950, 1950–06–29]. В Министерстве обороны США признавали успехи пропаганды коммунистов, отмечали, что Ли Сын Ман не пользовался на севере полуострова популярностью, а Пхеньян сумел сформировать враждебное отношение жителей КНДР к южной администрации. Исходя из этих посылок, делался вывод о том, что «политическое воссоединение Кореи (по сценарию Республики Корея. – В. Ю., Д. С.) станет сложным делом» [FRUS, 1950, vol. 7, p. 506].

27 июня 1950 г. американцы впервые сбили северокорейский истребитель. Пхеньян в ответ тут же заявил, что терпение корейского народа заканчивается и «американские империалисты должны немедленно уйти с полуострова» [FBIS. 1950, 1950–06–29]. С точки зрения коммунистов, «злые намерения» Вашингтона в отношении Кореи не были чем-то новым, поскольку США повторяли путь старых колониальных империй, а ООН делила с ними ответственность [FBIS. 1950, 1950–07–07]. Риторика северокорейской пропаганды быстро стала неистовой. Американцев обвинили в стремлении поработить корейский народ, в связи с чем в начале июля Ким Ир Сен

² Созданная в 1946 г. по инициативе командования советских войск в Корее организация, объединявшая политические партии Северной и Южной Кореи.

призвал сограждан «еще беспощадней уничтожать врага» и «стереть американских мародеров и их наймитов с лица отечества» [FBIS. 1950, 1950–07–13].

Еще один тезис, эффективность которого признавали американцы, гласил, что конфликт в Корее является «войной, где белые люди отстреливают азиатов». В Государственном департаменте с тревогой наблюдали за тем, какой широкий резонанс подобные заявления имели в странах Востока, где были живы и действенны образы недавнего колониального прошлого. Рассматривались различные способы нейтрализации политического и психологического эффекта подобных обвинений [Галенович, с. 499; FRUS, 1950, vol. 6, p. 256–257; FRUS, 1950, vol. 7, p. 285–286]. По мере продвижения КНА на юг СМИ Пхеньяна приводили множественные примеры бесчеловечного обращения солдат армии противника с мирным населением и военнопленными. Как варварство квалифицировалось использование американцами стратегической авиации для бомбардировок мирных городов, больниц, ферм, школ и иных гражданских объектов [FBIS. 1950, 1950–07–13, 1950–07–27, 1950–08–10, 1950–08–17, 1950–08–24, 1950–09–08].

Риторика Москвы, по мнению аналитиков ЦРУ, была более спокойной и доказательной, однако по тематике мало отличалась от северокорейской [FBIS. 1950, 1950–08–10, 1950–08–17]. Позиция СССР была обнародована 28 и 30 июня в газете «Правда», на страницах которой американцев обвиняли в незаконной агрессии против КНДР [Правда, 1950, 28 июня; Правда, 1950, 30 июня]. В ответ на происки империалистов, согласно данным советских СМИ, трудящиеся СССР сыпали обвинениями в адрес американских разжигателей войны [FBIS. 1950, 1950–07–07] и отвечали на американскую провокацию в Корее новыми стахановскими достижениями [FBIS. 1950, 1950–07–13]. По мнению посла США в Москве А. Кэрка, заявления СССР означали, что Москва продолжит придерживаться выжидательной тактики и сохранять видимость нейтралитета [FRUS, 1950, vol. 7, p. 253]. Специалисты ЦРУ по советской пропаганде также пришли к выводу, что обвинения СССР по накалу не выходят за рамки обычного для Москвы клеймения американских империалистов [FBIS. 1950, 1950–06–29].

В начале осени 1950 г. усилия США по оказанию помощи властям Республики Корея и конструированию принимающей прямое участие в войне международной коалиции ООН стали приносить свои плоды. 15 сентября началось контрнаступление сил Объединенных Наций, и КНА потерпела серию тяжелых поражений. События на фронте сказались и на характере коммунистической пропаганды. Заявления о победах сменились репортажами о героическом сопротивлении, партизанских акциях и нанесении тяжелых потерь войскам ООН [FBIS. 1950, 1950–09–28, 1950–10–04, 1950–10–18, 1950–11–01]. Помощь Москвы не афишировалась. СССР, согласно пропагандистским материалам, ограничивался моральной поддержкой.

Советские СМИ также были не склонны распространяться о деталях сотрудничества: даже важное радиообращение Ким Ир Сена «Не сдаваться!» ими приводилось в купированном виде – из него исключались отсылки к советской и китайской поддержке Северной Кореи [FBIS. 1950, 1950–10–18, 1950–11–01]. Параллельно продолжались разоблачения американской агрессии. К прежним обвинениям добавилось новое – стремление монополий нажиться на войне [Правда, 1950, 2 окт.; FBIS. 1950, 1950–09–28, 1950–10–04, 1950–10–18, 1950–11–01, 1950–11–15]. Москва и Пхеньян выступили с заявлениями об использовании американцами японских войск в качестве «пушечного мяса»³ [FBIS. 1950, 1950–09–28, 1950–10–18]. Последнее обвинение было рассчитано на внутрикорейскую аудиторию, которая, учитывая колониальное прошлое страны, была чувствительна к новостям о появлении японских войск в стране.

В конце октября 1950 г. в войне наметился новый поворот: подразделения армии КНР под видом народных добровольцев перешли границу с КНДР и вступили в боевые действия. Внезапность вмешательства сделала свое дело – войскам ООН пришлось отступать на юг. Одной из ключевых задач советской пропаганды в этот период стало поддержание легенды о китайских добровольцах. Их участие в войне Москва объясняла близостью Корейского полуострова к КНР и тем, что «американская агрессия на самом деле нацелена на Китай, а не только на Корею» [FBIS. 1950, 1950–11–15]. В то же время советские СМИ распространяли информацию о зверствах «фашистов янки», которые смелы, только находясь в безопасности [FBIS. 1951, 1951–02–08]. Позитивные материалы о китайцах печатались и озвучивались гораздо реже, что позволило ЦРУ сделать вывод о том, что Москва не желает, чтобы ее ассоциировали с вмешательством Пекина в конфликт [FBIS. 1950, 1950–12–29]. Северокорейская пропаганда, напротив, всячески превозносила «братскую помощь» китайских добровольцев, которая воодушевила северокорейскую армию и партизан [FBIS. 1950, 1950–11–29]. Успехи на фронте существенно повысили уровень оптимизма пропаганды коммунистов. В Пхеньяне 1951 г. был объявлен «годом победы».

К середине 1951 г. повышенное внимание в советских СМИ стало уделяться двум темам – доходам монополистов США от войны и внутриамериканской оппозиции продолжению конфликта. Данная проблематика занимала более половины общего объема сообщений о ситуации в Корее [FBIS. 1951, 1951–05–03].

Важное место в пропагандистских материалах СССР, КНР и КНДР занимал вопрос применения американцами оружия массового поражения. Всплеск интереса к этой теме в декабре 1950 г. был вызван тем,

³ В составе коалиции ООН японского корпуса не было. Но после капитуляции Японии в 1945 г. на территории Южной Кореи осталось большое количество японских военнослужащих, в том числе и родившихся на территории Кореи. Они принимали участие в создании армии Южной Кореи и в боевых действиях.

что президент Г. Трумэн во время пресс-конференции 30 ноября сообщил о возможности использования атомного оружия и о том, что решение о его применении будет принимать командующий войсками ООН в Корее генерал Д. Макартур [Brands, p. 1–3]. Позднее президент пытался сгладить эффект своего заявления, но при каждом удобном случае этот фрагмент интервью припоминался советскими, китайскими и северокорейскими СМИ [FBIS. 1951, 1951–10–11]. Для этого имелись основания – заявления о готовности применить ядерное оружие присутствовали в высказываниях руководителей США самого высокого ранга в течение всей войны вплоть до подписания перемирия в июле 1953 г. Современные исследования показывают, что эти заявления не всегда были голословными [Dingman, Hitchcock, p. 103–105].

Существенное распространение в этот период также получила информация об использовании американцами бактериологического оружия. Эти сведения появлялись в советских СМИ, а также в периодической печати и радиовещании Китая и Северной Кореи [Асмолов; Капица, с. 223; Leitenberg]. В качестве доказательства существования этого «бесчеловечного плана, разработанного под руководством генерала Д. Макатура японскими военными преступниками и специалистами по микробиологии», Москва приводила эпидемию оспы в КНДР, затронувшую 3,5 тыс. чел. [FBIS. 1951, 1951–05–17].

Детали якобы имевших место преступлений американцев раскрывало вещание Пхеньяна, согласно которому Макартур использовал Японию в качестве базы для производства бактериологического оружия. Эпидемия оспы объявлялась результатом преднамеренных действий администрации США во время оккупации территории КНДР. В то же время Пхеньян с уверенностью заявлял, что «зверские акты вторгнувшихся американских войск против корейского народа не имели иного результата, кроме укрепления боевого духа подразделений КНА» [FBIS. 1951, 1951–05–24].

Эти обвинения создавали американцам проблемы на дипломатическом фронте⁴ [FRUS, 1952–1954, vol. 15, part 1, p. 211]. В ООН Малик громогласно требовал, чтобы США присоединились к Женевскому протоколу 1925 г. В ответ Вашингтон пытался перехватить инициативу и предлагал Международному комитету Красного Креста провести тщательное расследование всех случаев применения бактериологического оружия [Ibid., p. 343]. Иногда атомная и бактериологическая тематика переплеталась – так, в конце 1951 – начале 1952 г. Пхеньян обвинял американцев в использовании пленных в качестве «морских свинок» для испытания новых образцов оружия массового поражения [FBIS. 1951, 1951–10–25, 1951–12–20; FBIS. 1952, 1952–01–31].

⁴ Хотя Трумэн, Ачесон, Риджуэй и другие официальные лица многократно выступали с опровержениями обвинений в применении армией США бактериологического и химического оружия, эти кампании воздействовали на общественное мнение и создавали американцам существенные имиджевые и дипломатические проблемы. См.: [Condit, p. 126–127].

8 июля 1951 г. на Корейском полуострове в связи с тем, что боевые действия приобрели затяжной позиционный характер, при котором ни одна из противоборствующих сторон не могла достичь значимого перевеса, начался процесс обсуждения условий перемирия. С самого начала этого процесса ЦРУ обращало повышенное внимание на любые свидетельства готовности или неготовности Москвы, Пекина и Пхеньяна идти на урегулирование конфликта. Освещение переговоров в коммунистической прессе было неоднородным. В Москве уделяли мало внимания конкретным аспектам диалога, стремились в первую очередь подчеркнуть значение мирных инициатив СССР и главным препятствием для выработки компромиссных решений называли желание обитателей Уолл-стрит, оказывавших давление на Трумэна, нажиться на войне. По мнению ЦРУ, подобные заявления свидетельствовали о том, что двери для переговоров о перемирии пока остаются открытыми [FBIS. 1951, 1951-04-05, 1951-07-12].

Пекин вел себя более воинственно. В китайской печати сводки о переговорах часто соседствовали с сообщениями о сборе средств на очередной самолет или о новом наборе в военные учебные заведения [FBIS. 1951, 1951-07-12]. Пхеньян, в свою очередь, акцентировал внимание на трудностях, с которыми столкнулись США в Корее, а также на глубоких разногласиях командования американского контингента с сателлитами. В ЦРУ констатировали изменения в риторике КНДР – из пропагандистского контента постепенно ушло слово «объединение», которое сохранилось лишь в вещании на Южную Корею [FBIS. 1951, 1951-07-06, 1951-07-19]. Вероятно, на фоне наметившейся перспективы перемирия громогласные заявления на эту тему в Пхеньяне сочли неуместными.

По мере того, как переговоры постепенно заходили в тупик, северо-корейские и китайские СМИ стали фокусироваться на спорных проблемах [FBIS. 1952, 1952-07-17, 1952-08-14, 1952-11-28; FBIS. 1953, 1953-04-09]. Принципиальное значение в дискуссиях об условиях перемирия занял вопрос о судьбе военнопленных и о процедурах их возвращения на родину после прекращения боевых действий. К началу 1952 г. отказ от принудительной репатриации северо-корейских и китайских узников войны «как по гуманитарным, так и по пропагандистским соображениям» стал неотъемлемой частью американской позиции на переговорах [Foot, p. 96]⁵.

Разоблачения зверств американцев в отношении пленных стали постоянным мотивом репортажей. Большое внимание уделялось

⁵ К февралю 1952 г. в лагерях для военнопленных было сконцентрировано более 130 тыс. северо-корейских и более 20 тыс. китайских военнослужащих и гражданских лиц. Согласно первоначальным американским заявлениям, подавляющее большинство из них после окончания войны не желало возвращаться на родину. Позднее выяснилось, что эти оценки были очень сильно завышены, тем не менее, около половины военнопленных после опроса все же отказались от репатриации в КНР и КНДР. См.: [Condit, 124–125; Foot, p. 96].

информации о восстаниях военнопленных в лагере на острове Коджедо в феврале и марте 1952 г., сопровождавшихся многочисленными жертвами [Condit, p. 125–126]. Данные обстоятельства заставили американцев ввести цензуру в отношении поступающих с острова сведений. Проблематика, связанная с судьбой военнопленных на юге Кореи, занимала большую часть пропагандистского вещания коммунистов фактически до конца 1952 г. [FRUS, 1952–1954, vol. 15, part 1, p. 309–310]. Обвинения в зверствах соседствовали с разоблачениями стремлений США продолжать агрессию под прикрытием мирных заявлений [FBIS. 1951, 1951–11–08].

В 1952 г. американцы продолжили наблюдать рост воинственности в риторике КНР и КНДР. Аналитики ЦРУ отмечали, что Пхеньян демонстрировал более высокую степень самоуверенности, нежели в начале 1951 г. [FBIS. 1952, 1952–02–14, 1952–03–13]. Тема перемирия сохранялась в повестке, однако она сочеталась с новой волной рассказов об американских преступлениях, которые постоянно обрастали подробностями. Так, с подачи коммунистов получила распространение информация о том, что США стали прибегать к бомбежкам конвоев, направлявшихся для участия в переговорах. Главными препятствиями для успеха переговоров назывались американские «порочные намерения» и попытки саботировать диалог [FBIS. 1952, 1952–01–05, 1952–01–31].

Советская пропаганда также активно публиковала свежую информацию об американских зверствах и использовала события на полуострове для продвижения собственных глобальных инициатив, в частности Пакта мира пяти держав⁶ [FBIS. 1951, 1951–09–07, 1951–11–23; FBIS. 1953, 1953–05–02].

Заметное место в пропагандистской кампании КНДР отводилось сотрудничеству и взаимовыручке социалистических стран. Пхеньян не скупился на хвалебные речи в отношении боевых друзей из Китая и на выражение благодарности СССР за помощь и поддержку [FBIS. 1952, 1952–02–14].

К середине 1952 г. примерно 16 % всего объема анализируемого ЦРУ коммунистического радиовещания было посвящено корейской проблематике. Американцы заключали, что пропагандистская кампания, направленная на разжигание ненависти к США, «по интенсивности, свирепости и вульгарности» была сравнима только с информационной войной против Германии в 1941–1945 гг. [FRUS, 1952–1954, vol. 15, part 1, p. 309]. Во второй половине года американцы стали отмечать наличие в пропагандистских материалах признаков готовности коммунистов завершить войну. В частности, китайцы стали уделять больше внимания вопросам внутренней политики, а северные корейцы – привычным разоблачениям Ли Сын Мана и внутренне-

⁶ Проект Пакта мира, подготовленного в СССР в 1949 г., содержал призыв ко всем государствам отказаться от применения силы в качестве инструмента разрешения международных споров.

рейским экономическим проблемам [FRUS, 1952–1954, vol. 15, part 1, p. 445]. Снижения градуса антиамериканизма в советских СМИ в конце 1952 – начале 1953 г. зафиксировано не было.

В начале ноября 1952 г. президентом США был избран Д. Эйзенхауэр. Одним из центральных пунктов своей предвыборной программы он сделал «быстрое, но почетное завершение Корейской войны» [Eisenhower]. С первых же дней пребывания в Белом доме ему пришлось испытать давление коммунистической пропаганды. В Пхеньяне Эйзенхауэра называли не иначе, как «воинственным и преданным слугой Уолл-стрит». Хотя и демократическая, и республиканская партии связывались коммунистами с этой знаменитой улицей, в тот момент северные корейцы заявляли, что американские монополисты ассоциировали с демократами поражение в Корее, в результате чего позволили республиканцам во время выборов капитализировать «ненависть американского народа к демократической партии за развязывание войны» [FBIS. 1952, 1952–11–20].

Пекин, в свою очередь, заявил, что выбранные новым президентом военные советники предлагают различные радикальные пути завершения войны – отправку на полуостров гоминьдановских войск, увеличение числа южнокорейских дивизий и наступление в направлении реки Ялу. Пропагандисты отмечали, что те же цели в свое время преследовал и генерал Макартур, и неготовность нового президента учесть уроки его поражения приведет лишь к очередному разгрому американцев [FBIS. 1952, 1952–11–20].

Существенные коррективы в развитие событий внесла смерть И. В. Сталина 5 марта 1953 г. 14 дней спустя Президиум ЦК КПСС утвердил документ о скорейшем завершении корейского конфликта [К завершению Корейской войны].

Пекин и Пхеньян поначалу продолжали придерживаться прежних пропагандистских стратегий. В эти дни они сделали несколько заявлений о неизбежности новых агрессивных действий со стороны США и их союзников, которые сопровождались противоречившими им публикациями о нехватке боеприпасов, разногласиях в рядах коалиции ООН и растущих сомнениях американцев в том, что они смогут выдержать очередное наступление коммунистов. Также КНР и КНДР попытались использовать находящихся в их распоряжении пленных солдат для давления на ход переговоров. Массовый характер приобрело распространение сообщений, в которых американцы и пленники из других контингентов выражали единственное пожелание – быстрее заключить перемирие и начать процесс репатриации. В ЦРУ предполагали, что эти сообщения тщательно редактировались коммунистами, хотя пленных и знакомили с их содержанием [FBIS. 1953, 1953–03–26].

Однако, как отмечает А. В. Торкунов, китайцы и северокорейцы не скрывали удовлетворения, получив известия о смене внешнеполитической линии Москвы [Торкунов, с. 272]. Соответственно, пропаганда коммунистов стала менять свой характер и была переориенти-

рована на оказание давления на США, дабы те шли на уступки в ходе переговоров [FRUS, 1952–1954, vol. 15, part 1, p. 1028]. К началу июня 1953 г. основные разногласия были преодолены. И Пхеньян, и Пекин объявили прогресс в ходе переговоров победой «лагеря мира, демократии и социализма». 18 июня 1953 г. незадолго до заключения перемирия северокорейцы заявили, что КНДР показала блестящий пример всем народам, борющимся за национальное освобождение [FBIS. 1953, 1953–04–16].

Отдельное место в пропагандистских акциях коммунистов занимали разоблачения деятельности «приспешника американского империализма» Ли Сын Мана. По мере прогресса в ходе переговоров акценты в их освещении смещались с описания деструктивной позиции представителей коалиции ООН на заявления об опасности невыполнения условий перемирия этим южнокорейским политиком [FBIS. 1953, 1953–06–18, 1953–07–30].

Соглашение о перемирии было подписано 27 июля 1953 г. Освещение итогов процесса мирного урегулирования в СССР, КНР и КНДР имело различную окраску. Москва стремилась преподнести прекращение боевых действий на полуострове как победу лагеря мира. Было объявлено о провале агрессивных планов американских империалистов, однако в связи с сохранением угрозы возобновления конфликта предлагалось «проявлять бдительность» и «крепить единство миролюбивых сил». Кроме того, Москва обещала помочь корейскому народу в деле восстановления страны. В ЦРУ, тем не менее, отмечали, что сердечные поздравления КНДР с победой контрастировали с тем, что СССР не удалось ассоциировать себя с успехом переговоров в Пханмунджоме в глазах мировой общественности [FBIS. 1953, 1953–08–06]. Пекин, напротив, продвигал информацию о своем масштабном участии в войне, но избегал комментариев на тему дальнейшей помощи режиму Ким Ир Сена. И Москва, и Пекин поддерживали идею объединения страны путем проведения межкорейской политической конференции [Там же]. Наконец, северокорейцы, наряду с выражением благодарности союзникам, большое внимание уделяли дальнейшему урегулированию. Ким Ир Сен призывал «все патриотические партии и социальные организации» пренебречь политическими и религиозными различиями и сплотиться вокруг Единого демократического отечественного фронта ради объединения Кореи [Там же].

На всем протяжении Корейской войны коммунистическая пропаганда привлекала внимание специалистов ЦРУ, которые отделяли ценную информацию от всевозможных трюков и фальшивок. В целом FBIS в годы Корейской войны выполняла впечатляющую работу, которая, однако, имела относительно малый практический эффект, главным образом из-за того, что выводы этой службы терялись в потоке агентурной и иной разведывательной информации.

История Корейской войны подтверждает мысль В. О. Печатнова о том, что «сложившийся стереотип советской внешней пропаганды

как “грозного оружия в руках партии” (или “Кремля”, в оценках Запада) нуждается в серьезном пересмотре» [Печатнов, с. 130]. Как таковая советская пропаганда «грозной» действительно не была. Данные о восприятии американцами советских материалов свидетельствуют о том, что за океаном чаще всего читали тексты прагматично, отделяя стержневые смыслы от присущего им идеологического шлейфа. Однако на стадии постижения смысла этих текстов дипломаты и государственные деятели США нередко испытывали неудачи. Хотя, казалось бы, многие нюансы взаимоотношений руководителей СССР, КНДР и КНР совершенно очевидным образом читались в пропагандистских материалах, разведка США не всегда могла адекватно их интерпретировать. Материалы FBIS демонстрировали различия в подходах Москвы, Пхеньяна и Пекина к решению многих проблем, однако руководство страны, как правило, предпочитало следовать идеологическим шаблонам и «домашним заготовкам» политиков и не принимало во внимание выводы специалистов по анализу иностранных пропагандистских материалов.

Список литературы

Асмолов К. В. Угрозы применения ядерного оружия и миф о бактериологической войне // Livejournal : [сайт]. 25.08.2010. URL: <https://makkawity.livejournal.com/1460029.html> (дата обращения: 12.05.2019).

Галенович Ю. М. Сталин и Мао. Два вождя. М. : Вост. книга, 2009. 574 с.

К завершению Корейской войны (1950–1953 годов) // Историко-документальный департамент МИД России : [сайт]. URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnyye-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPk1am/content/k-zaverseniu-korejskoj-vojny-1950-1953-godov-?inheritRedirect=false (дата обращения: 12.05.2019).

Капица М. С. На разных параллелях : Записки дипломата. М. : Книга и бизнес, 1996. 480 с.

Печатнов В. О. «Стрельба холостыми»: советская пропаганда на Западе в начале холодной войны (1945–1947) // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М. : Наука, 1999. С. 108–133.

Позняков В. Внешняя политика трех великих держав и образ союзников в советской пропаганде в годы Второй мировой войны, 1939–1945 гг. // Ялта. 1945 год. Проблемы войны и мира / под ред. А. Н. Баженова и О. А. Ржешевского. М. : РАН : Ин-т воен. ист. МО РФ, 1992. С. 165–179.

Правда. 1950. 28 июня, 30 июня, 2 окт.

Торкунов А. В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М. : РОССПЭН, 2000. 328 с.

Юнгблюд В. Т., Садаков Д. А. Дипломатическое обеспечение вмешательства США в Корейскую войну : Опыт кризисного реагирования // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2018. № 4 (61). С. 241–261. DOI 10.24833/2071–8160–2018–4–61–241–261.

Юнгблюд В., Садаков Д. Роль Советского Союза в Корейской войне по оценкам разведки США // Quaestio Rossica. Т. 7. 2019. № 4. С. 1324–1338. DOI 10.15826/qg.2019.4.441.

Brands H. W. The General vs. the President. MacArthur and Truman at the Brink of Nuclear War. N. Y. : Doubleday, 2016. 448 p.

Casey S. Selling the Korean War: Propaganda, Politics, and Public Opinion in the United States, 1950–1953. Oxford : Oxford Univ. Press, 2010. 490 p.

Condit D. M. History of the Office of the Secretary of Defense. Middletown : US Government, Department of Defense, 2018. Vol. 2. Pentagon's Role in the Korean War, the Recall of MacArthur, Hydrogen Bomb, Truman and NATO. 537 p.

Dingman R. Atomic Diplomacy during the Korean War // Intern. Security. Vol. 13. 1988–1989. Winter. No. 3. P. 50–91.

Eisenhower D. Speech, I Shall go to Korea. October 25, 1952 // Eisenhower Presidential Library, Museum, and Boyhood Home : [website]. URL: https://www.eisenhower.archives.gov/education/bsa/citizenship_merit_badge/speeches_national_historical_importance/i_shall_go_to_korea.pdf (mode of access: 17.08.2019).

FBIS. 1950 // Korean War CIA FOIA Release : [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1950/1950.htm> (mode of access: 17.08.2019).

FBIS. 1951 // Korean War CIA FOIA Release : [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1951/1951.htm> (mode of access: 17.08.2019).

FBIS. 1952 // Korean War CIA FOIA Release : [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1952/1952.htm> (mode of access: 17.08.2019).

FBIS. 1953 // Korean War CIA FOIA Release : [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1953/1953.htm> (mode of access: 17.08.2019).

FRUS. 1950. Vol. 1. Wash. : GPO, 1977. 947 p.

FRUS. 1950. Vol. 2. Wash. : GPO, 1976. 1088 p.

FRUS. 1950. Vol. 6. Wash. : GPO, 1976. 1581 p.

FRUS. 1950. Vol. 7. Wash. : GPO, 1976. 1675 p.

FRUS. 1952–1954. Vol. 15. Korea : in 2 Parts. Wash. : GPO, 1984. Part 1. 1151p.

Gabroussenko T. From Developmentalist to Conservationist Criticism: The New Narrative of South Korea in North Korean Propaganda // The J. of Korean Studies. Vol. 16. 2011. No. 1. P. 27–61. DOI 10.1353/jks.2011.0008.

Hitchcock W. The Age of Eisenhower. N. Y. : Simon & Schuster Paperbacks, 2018. 672 p.

Leitenberg M. The Korean War Biological Weapon Allegations: Additional Information and Disclosures // Asian Perspective. Vol. 24. 2000. No. 3. P. 159–172.

Mercado S. FBIS Against the Axis, 1941–1945 : Open-Source Intelligence from the Airwaves // Inside CIA: Lessons in Intelligence. N. Delhi : Lancer Publ., 2009. P. 220–229.

Pickowicz P. Revisiting Cold War Propaganda: Close Readings of Chinese and American Film Representations of the Korean War // The J. of American-East Asian Relations. Vol. 17. 2010. No. 4. P. 352–371. DOI 10.1163/187656111X564298.

Roop J. E. Foreign Broadcast Information Service. History. Part 1. 1941–1947. Langley : Central Intelligence Agency, 1969. 306 p.

References

Asmolov, K. V. (2010). Ugrozy primeneniya yadernogo oruzhiya i mif o bakteriologicheskoi voine [The Threat of Nuclear Weapons Use and the Myth of Bacteriological War]. In *Livejournal* [website]. 25 Aug. URL: <https://makkawity.livejournal.com/1460029.html> (mode of access: 12.05.2019).

Brands, H. W. (2016). *The General vs. the President. MacArthur and Truman at the Brink of Nuclear War*. N. Y., Doubleday. 448 p.

Casey, S. (2010). *Selling the Korean War: Propaganda, Politics, and Public Opinion in the United States, 1950–1953*. Oxford, Oxford Univ. Press. 490 p.

Condit, D. M. (2018). *History of the Office of the Secretary of Defense*. Middletown, US Government, Department of Defense. Vol. 2. Pentagon's Role in the Korean War, the Recall of MacArthur, Hydrogen Bomb, Truman and NATO. 537 p.

Dingman, R. (1988–1989). Atomic Diplomacy during the Korean War. In *Intern. Security*. Vol. 13. Winter. No. 3, pp. 50–91.

Eisenhower D. Speech, I Shall go to Korea. October 25, 1952. In *Eisenhower Presidential Library, Museum, and Boyhood Home* [website]. URL: https://www.eisenhower.archives.gov/education/bsa/citizenship_merit_badge/speeches_national_historical_importance/i_shall_go_to_korea.pdf (mode of access: 17.08.2019).

FBIS. 1950. In *Korean War CIA FOIA Release* [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1950/1950.htm> (mode of access: 17.08.2019).

FBIS. 1951. In *Korean War CIA FOIA Release* [website] URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1951/1951.htm> (mode of access: 17.08.2019).

- FBIS. 1952. In *Korean War CIA FOIA Release* [website] URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1952/1952.htm> (mode of access: 17.08.2019).
- FBIS. 1953. In *Korean War CIA FOIA Release* [website] URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1953/1953.htm> (mode of access: 17.08.2019).
- FRUS. 1950. Vol. 1. (1977). Wash., GPO. 947 p.
- FRUS. 1950. Vol. 2. (1976). Wash., GPO. 1088 p.
- FRUS. 1950. Vol. 6. (1976). Wash., GPO. 1581 p.
- FRUS. 1950. Vol. 7. (1976). Wash., GPO. 1675 p.
- FRUS. 1952–1954. Vol. 15. Korea: in 2 Parts. (1984). Wash., GPO. Part 1. 1151 p.
- Gabroussenko, T. (2011). From Developmentalist to Conservationist Criticism: The New Narrative of South Korea in North Korean Propaganda. In *The J. of Korean Studies*. Vol. 16. No. 1, pp. 27–61. DOI 10.1353/jks.2011.0008.
- Galenovich, Yu. M. (2009). *Stalin i Mao. Dva vozhdya* [Stalin and Mao. Two Leaders]. Moscow, Vostochnaya kniga. 574 p.
- Hitchcock, W. (2018). *The Age of Eisenhower*. N. Y., Simon & Schuster Paperbacks. 672 p.
- K zaversheniyu Koreiskoi voyny (1950–1953 godov)* [For the End of the Korean War (1950–1953)]. In *Istoriko-dokumental'nyi departament Ministerstva inostrannykh del Rossii* [website]. URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnye-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/k-zaverseniu-korejskoj-vojny-1950-1953-godov-?inheritRedirect=false (mode of access: 12.05.2019).
- Kapitsa, M. S. (1996). *Na raznykh parallelyakh. Zapiski diplomata* [On Different Parallels. A Diplomat's Notes]. Moscow, Kniga i biznes. 480 p.
- Leitenberg, M. (2000). The Korean War Biological Weapon Allegations: Additional Information and Disclosures. In *Asian Perspective*. Vol. 24. No. 3, pp. 159–172.
- Mercado, S. (2009). FBIS Against the Axis, 1941–1945. Open-Source Intelligence from the Airwaves. In *Inside CIA: Lessons in Intelligence*. N. Delhi, Lancer Publ., pp. 220–229.
- Pechatnov, V. O. (1999). “Strel'ba kholostymi”: sovetskaya propaganda na Zapad v nachale kholodnoi voyny (1945–1947) [“Shooting Blanks”: Soviet Propaganda for the West at the Beginning of the Cold War (1945–1947)]. In *Stalinskoe desyatiletie kholodnoi voyny: fakty i gipotezy*. Moscow, Nauka, pp. 108–133.
- Pickowicz, P. (2010). Revisiting Cold War Propaganda: Close Readings of Chinese and American Film Representations of the Korean War. In *The J. of American-East Asian Relations*. Vol. 17. No. 4, pp. 352–371. DOI 10.1163/187656111X564298.
- Poznyakov, V. (1992). Vneshnyaya politika trekh velikikh derzhav i obraz soyuznikov v sovetskoj propagande v gody Vtoroi mirovoi voyny, 1939–1945 gg. [The Foreign Policy of the Three Great Powers and the Image of Allies in Soviet Propaganda during the Years of World War II]. In Bazhenov, A. N., Rzheshhevskii, O. A. (Eds.). *Yalta. 1945 god. Problemy voyny i mira*. Moscow, RAN, Institut voennoi istorii Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii, pp. 165–179.
- Pravda* [Pravda]. (1950). 28 June, 30 June, 2 October.
- Roop, J. (1969). *Foreign Broadcast Information Service. History*. Part 1: 1941–1947. Langley, Central Intelligence Agency. 306 p.
- Torkunov, A. V. (2000). *Zagadochnaya voyna: koreiskii konflikt 1950–1953 godov* [The Mysterious War: The Korean Conflict of 1950–1953]. Moscow, ROSSPEN. 328 p.
- Yungblud, V., Sadakov, D. (2018). Diplomacheskoe obespechenie vmeshatel'stva SShA v Koreiskuyu voynu. Opyt krizisnogo reagirovaniya [Diplomatic Support of US Involvement in the Korean War, 25 June – 6 July 1950. Crisis Response Experience]. In *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 4 (61), pp. 241–261. DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-241-261.
- Yungblud, V., Sadakov, D. (2019). Rol' Sovetskogo Soyuza v Koreiskoi voine po otsenkam razvedki SShA [The Role of the USSR in the Korean War as Estimated by US Intelligence]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 4, pp. 1324–1338. DOI 10.15826/qr.2019.4.441.

DIALOGUES WITH POWER: COMMUNICATIVE STRATEGIES

DOI 10.15826/qr.2020.1.454
УДК 94(470)+394.43+316.344.42

ИНОРОДЦЫ НА ЦАРСКИХ КОРОНАЦИЯХ: ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРИИ В РИТУАЛЬНОМ ВОПЛОЩЕНИИ*

Вадим Трепавлов

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия

NON-RUSSIANS AT ROYAL CORONATIONS: THE ETHNIC POLITICS OF THE EMPIRE IN CEREMONIES

Vadim Trepavlov

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

This article considers the participation of representatives of the non-Slavic population of the Russian Empire in the coronation ceremony of the monarch. The author of the article refers both to published and archival sources from the funds of the Russian State Historical Archive and the Russian State Archive of Ancient Acts. On the basis of these documents, it is demonstrated how “alien” deputations were compiled for participation in the “sacred coronation” ceremony; how officials in the centre and periphery selected deputies who they thought were worthy; in which capacity they attended the ceremony; and what value it had for the internal policy of the state. The cooperation with the elites of the peoples that made up the Russian Empire was one of the leading principles of ethnic politics. An important means of involving ethnic elites (as well as the non-Slavic population in general) in the life of the state and implementing government policies was to form a cult

* Citation: Trepavlov, V. (2020). *Non-Russians at Royal Coronations: The Ethnic Politics of the Empire in Ceremonies*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 164–175. DOI 10.15826/qr.2020.1.454.

Цитирование: Трепавлов В. *Non-Russians at Royal Coronations: The Ethnic Politics of the Empire in Ceremonies* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 164–175. DOI 10.15826/qr.2020.1.454 / Трепавлов В. *Инородцы на царских коронациях: этническая политика империи в ритуальном воплощении* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 164–175. DOI 10.15826/qr.2020.1.454.

of the Russian monarch. The convocation of multiethnic masses in the Kremlin and other Moscow celebrations not only marked the national diversity of Russia but was also meant to demonstrate the unity of all its inhabitants around the new autocrat. The research methodology is based on the analysis of the symbolic capital of supreme power. The article reveals how it was maintained and supported in the eyes of different ethnic subjects. Participation in a series of coronation rituals was also important for the non-Russian subjects themselves. It was an opportunity to represent one's people. Gradually, an algorithm was developed for the selection of people invited to the celebration. Representatives of the ethnic elite, aristocracy, and highest clergy were seen as the most desirable, although by the end of the nineteenth century, it was considered reasonable to invite commoners. The participation of representatives of the country's peoples in the ceremony of enthronement was an important element of imperial ethnic policy.

Keywords: Russian Empire; rituals; coronation; ethnic policy; ethnic elites; representation.

Рассматривается привлечение представителей неславянского населения Российской империи к участию в торжественной церемонии коронации монарха. Используются опубликованные и архивные источники из фондов РГИА и РГАДА. На основании документов показано, каким образом составлялись «инородческие» депутации для участия в церемонии «священного коронования», как чиновники в центре и на местах отбирали достойных, по их мнению, членов депутаций, в каком качестве они присутствовали на этой церемонии, какое значение это имело для внутренней политики государства. Сотрудничество с элитами народов, включенных в состав Российской империи, составляло один из ведущих принципов этнической политики. Важным средством вовлечения этнических элит (как и неславянского населения в целом) в участие в жизни государства, в осуществление правительственной политики было формирование культа российского монарха. Собрание разноэтничной массы в Кремле и прочих московских пунктах торжеств знаменовало не только многообразие национального состава России, но было направлено на демонстрацию единения всех ее жителей вокруг самодержца. Методология исследования основана на анализе феномена символического капитала верховной власти. В нем выясняется, каким образом он сохранялся и поддерживался в глазах разноэтничных подданных. Участие в череде коронационных ритуалов было важно и для самих подданных-«инородцев». Это давало возможность репрезентовать свой народ. Постепенно вырабатывался алгоритм подбора людей, приглашаемых на торжество. Наиболее желательными виделись представители этнической элиты – аристократии и высшего духовенства, хотя к концу XIX в. власти сочли разумным приглашать и простолюдинов. Участие представителей российских народов в царской интронизации представляло собой важный элемент имперской этнической политики.

Ключевые слова: Российская империя; ритуалы; коронация; этническая политика; этнические элиты; репрезентация.

Знаково-символическое проявление межэтнических отношений на уровне «правитель – подданные» в области русистики чаще всего раскрывается через участие «иностранцев» в придворных церемониях. Ведущим является исследование Ричарда Уортмана «Сценарии власти», посвященное церемониалу российского императорского двора, в котором содержится описание привлечения представителей российских народов к обряду царской коронации [Уортман, 2004а, т. 1, с. 409–426]. Труд привлекает в том числе семиотическим подходом автора к освещению темы с использованием базовых категорий мифа и ритуала, раскрытием понятия «сценарии власти» как «индивидуальных способов презентации императорского мифа» [Там же, с. 22]. Автор попытался выявить культурный код самодержавия, в котором ритуальная, знаковая составляющая порой преобладала над реальными политическими действиями.

По мнению Уортмана, присутствие «иностранческих» депутатов на коронациях XIX в. знаменовало изменения в трактовке сущности империи¹. При коронации Николая I 1826 г. классическая модель многонациональной элиты, служащей монарху в управлении полиэтническим населением, начала заменяться европейской моделью государства, которая представляет нацию, господствующую над подвластными народами. Коронация Александра II 1856 г. явила следующий этап развития модели национальной империи, когда «отдельные народности как бы сливаются в мифический образ нации, бесконечно любящей своего суверена, что объявляется уникальной особенностью России». При встрече императорского кортежа на въезде в Москву впервые были представлены азиатские народы. Россию как «колониальную державу» отобразила церемония коронации Александра III 1883 г.; русские трактовались как господствующая народность, светоч цивилизации в сравнении с отсталыми азиатами [Уортман, 2004б, с. 414–426]. Эти наблюдения американского автора в целом адекватно описывают диалектику российской имперской концепции по отношению к «экзотическим народам» (термин Уортмана).

Блеск и пышность интронизации имели целью в том числе поразить очевидцев из неславянских регионов. «Какое воспоминание о могуществе и величии России унесут эти люди с собою к своим дальним племенам!» – так отозвался о присутствии восточных депутатов на коронации Александра II корреспондент британской газеты *The Times of London* [цит. по: Уортман, 2004а, т. 2, с. 60]. Предводители туркмен, побывавшие на коронации 1883 г., были

¹ Наиболее общими и частыми обозначениями нерусского и при этом неправославного населения в России служили понятия «иноземцы», «иноверцы», «иностранцы». В XIX в. самым распространенным был термин «иностранцы». С введением «Устава о сибирских иностранцах» 1822 г. он стал общепотребительным, вытеснив прочие наименования. К началу XX в. он уже был близок к тому, чтобы охватить все народы империи, кроме восточных славян.

настолько ошеломлены всем увиденным, что по возвращении на родину убедили соплеменников прекратить сопротивление русским войскам и согласиться войти в состав России [Там же]. Знаток истории, обычаев и психологии кочевых подданных империи, управляющий Областью оренбургских казаков В. В. Григорьев в 1856 г. писал оренбургскому и самарскому губернатору В. А. Перовскому о целесообразности отправления в первопрестольную столицу казахов:

Эта мера в десять раз будет действительнее для внушения ордынцам расположения и уважения к России, чем десять военных экспедиций и всевозможных циркуляров комиссий [цит. по: Сухих, с. 150].

Собрание разноэтничной массы в Кремле и прочих московских пунктах торжеств знаменовало не только многообразие национального состава государства, но и должно было продемонстрировать единение всех его жителей вокруг нового самодержца, без различия языков и религий. Еще до активного привлечения неславян к этим церемониям, в XVIII в., Екатерину II в предместье Москвы встречал новгородский архиерей со словами: «Возведи, Благочестивейшая, окрест очи свои и виждь: се бо приидоша к тебе чада твоя от востока и запада, севера и юга» [Описание вшествия, с. 6]. Вовлечение ритуальное действо подданных со всех сторон света иллюстрировало обширное пространство власти новой правительницы.

Участие deputаций от народов в коронационных мероприятиях XVIII в. ограничивалось стоянием на окол Кремлевских площадях и в проездах во время проведения сакральных ритуалов в Кремле и принесением поздравлений на аудиенциях, которые давались в один из следующих дней после обряда коронования в Успенском соборе. При самом обряде допускалось присутствие малороссийской старшины и немецкого купечества прибалтийских провинций [см.: Обстоятельное описание, 1744, с. 40, 41, 53, 54, 203–205; Обстоятельное описание, [б. г.], с. 48, 59–61; Описание коронации, с. 8]. На коронацию Павла I в 1797 г., наряду с представителями остзейских фабрикантов, купцов и заводчиков, допустили шестерых татарских мурз из недавно присоединенного Крыма (Таврической губернии) [РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1414. Л. 38–40]. У Николая I приглашение в собор представителей регионов (кроме донских казаков) при главных коронационных ритуалах вообще не предусматривалось [РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 241. Л. 4; Д. 242. Л. 5].

Постепенно вырабатывался алгоритм подбора людей, приглашаемых на торжество. Наиболее желательными виделись представители этнической элиты – аристократии и высшего духовенства, хотя со временем, к концу XIX в., сочли разумным видеть среди ликующих зрителей и лиц «подлого сословия». На местах разрабатывались критерии отбора депутатов, составлялись

и переделывались их списки. В преддверии коронации Николая I кавказский командующий А. П. Ермолов прислал такой список в Генеральный штаб. Из лояльных к тому времени областей Северного и Южного Кавказа были отобраны достойные люди с обоснованием их кандидатур. Указывались на знатное происхождение, существенные биографические обстоятельства, заслуги перед Россией; в некоторых случаях генерал добавлял ходатайство о поощрении («достойн быть обласканным», «заслуживает особого внимания», «достойн особенного внимания и благоволения императора», «благоволение к нему императора будет ободрением прочих верных» и т. п.) [Акты, с. 91, 92]. При подготовке к коронации Александра III министр внутренних дел специально передавал ходатайство о приглашении от «грузинского дворянства, всегда отличавшегося непоколебимою преданностью своим государям и оказавшего важные услуги правительству» [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 366. Л. 22]. В целом от этого беспокойного края приглашались лица «высшего сословия», «бекского сословия» и немногие избранные сельские старшины [Там же. Д. 404. Л. 18, 69; Д. 501. Л. 88–115].

Тот же принцип действовал в отношении Средней Азии, но там еще добавлялись правители ханств-протекторатов со свитами. В конце истории царской России в составе туркестанской депутации появился один волостной управитель от недавно присоединенного Памира [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 502. Л. 116]. Что касается казахских претендентов на включение в депутацию, то характеристики на них с описанием служебной деятельности, перечислением правительственных наград и «заслуг правительству» тоже посылались в центр [Там же. Д. 369. Л. 7, 7 об.]. Депутатами от сословий (рыцарства, духовенства, горожан и крестьян) была представлена Финляндия [Там же. Л. 143 об.].

От последней императорской коронации 1896 г. сохранился большой массив документов. Из них следует, что состав приглашавшихся «иностранцев» регулировался военным министерством. Министр П. С. Ванновский детально расписывал в реляциях, адресованных министру двора, представители от каких народов, какого социального положения и в каком количестве должны прибыть в Москву. В частности, указывалось, что от Средней Азии и Кавказа таковых должно быть 40 чел.; бухарцам и хивинцам следовало отвести 11 мест на самой почетной трибуне, остальным – на менее почетной; в распоряжениях генерала расписывался желательный порядок царских аудиенций после коронации [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 369. Л. 47, 47 об., 108].

Задолго до начала московских мероприятий бюрократическая машина наращивала обороты. Между Петербургом и центрами губерний и областей непрерывно шла переписка. Проблема состояла не только в подборе достойных участников, но и в расходах на их содержание. Казна брала на себя эти расходы, резонно представляя

их как «знак монаршего внимания». Для этого Министерство двора испрашивало специальный кредит у министра финансов. Деньги требовались на найм квартир, печатание приглашений и пропускных билетов, гужевого транспорт для доставления депутатов на репетиции коронации и на саму церемонию. В отношении казахов и калмыков ставилось условие выдвигать наиболее почетных лиц (на усмотрение губернаторов), желательно владевших русским языком – чтобы не тратиться на переводчиков [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 369. Л. 3–4 об., 13 об., 20, 20 об.; д. 498. Л. 36, 36 об.²]. Один из казахских султанов назначался «заведывать всеми азиатскими депутациями» [Императорская Россия, с. 103]. В некоторых случаях требовалось дозволение самого императора, так, в марте 1896 г. министр двора получил у Николая II согласие на приезд трех раввинов [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 498. Л. 11; д. 500. Л. 74 об.]. Эти священнослужители попали в список приглашенных по разряду «духовных лиц иностранных вероисповеданий», в который, помимо иудеев, включались католические прелаты, главы протестантских общин, предстоятели армянской церкви, муфтии как главы мусульманских духовных управлений, верховные ламы калмыков и бурят [Там же. Д. 295. Л. 5, 5 об.; д. 404. Л. 28 об.].

Контроль над численностью и составом депутатий удавался не всегда. Когда представители от азиатских протекторатов прибыли на коронацию Николая II, выяснилось, что, кроме 28 «почтенных и уважаемых туземцев», определенных в состав депутатии краевым и областным начальством, в Москву самовольно явились еще 18 чел. В результате спешной переписки между Генеральным штабом и Экспедицией церемониальных дел было решено дать всем им возможность «лицезреть высокаторжественную церемонию священного коронования», присоединив к общей группе представителей сельского населения на Соборной площади Кремля [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 502. Л. 130]. Тогда же объявились несколько бурят и с ними тунгус, гольд и «русскоподданный» китаец, приехавшие сверх официального приглашения из Забайкалья и Приамурья, которые мечтали посмотреть на праздник. Поскольку таких «зайцев» все-таки обнаруживалось немного, чиновники Министерства внутренних дел решили допустить их к зрелищу, «принимая во внимание, что названные инородцы прибыли издалека, понесли значительные издержки на переезд и проживание в Москве вследствие желания присутствовать на торжествах...» Было принято решение «о допущении их в особо отведенные места для представителей сельского населения на площадях Красной и Соборной, во время торжественного въезда и св. коронования» [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 499. Л. 58, 59].

² Здесь составлен перечень московских адресов для поста духовных иерархов разных конфессий, прибывших на коронацию в 1896 г.

Переполюх в правительстве вызвало появление в Москве депутации от якутского казачества. Еще в 1822 г. из якутов был сформирован казачий полк. В нем состояли семь офицеров и 300 рядовых казаков, рассредоточенных по всему огромному Восточно-Сибирскому краю. К концу столетия из-за малочисленности полка, за дальностью расстояний и давностью лет об этой «иностранческой» команде власти благополучно забыли. Когда же якутские казаки объявились на коронации Николая II, выяснилось, что никто в высоких инстанциях не подозревает об их существовании [Подпрятков, с. 42].

Императорскую кавалькаду при въезде в первопрестольную столицу при Александре III и Николае II открывали казаки личного конвоя, за ними ехали вассальные бухарский и хивинский падишахи со своими свитами, затем предводители дворянства, придворные и министры. Замыкали шествие кавказские, казахские и калмыцкие депутаты [Уортман, 2004а, т. 2, с. 275]. В знаменательный день «Священного Коронования» «иностранцы» направлялись к Кремлю занимать предназначенные места. Считалось уместным наряжаться в традиционные костюмы, желательно воинские. Это отражало, во-первых, одну из официальных функций этих народов – стоять на страже империи, во-вторых, готовность служить государю. Бурятский лама отразил в поэме скопление многоплеменной публики:

...Во время проведения ритуала помазания на власть, словно пыль всей земли, собрались тысячи и расплескались гудящей толпой... Мне подумалось, что с этим возложившим лотосовые ступни на головы сотен миллионов двуногих, могущественнейшим и богатейшим среди великих монархов не сможет соперничать сам Махешвара³ [Цыремпилов, с. 70–71].

Именитые зрители, сверяясь с розданными заранее билетами, занимали места на трибунах и галереях, сооруженных на Соборной и Красной площадях, по обе стороны от памятника Минину и Пожарскому. Остальные, в том числе приближенные князцов и нойонов, вместе с «сельскими предводителями» выстраивались вдоль пути шествия перед этими трибунами и в Кремле, между Успенским и Архангельским соборами. Министерство двора разрабатывало очередность расположения: у памятника – великорусские волостные старшины и гминные войты из Западного края, за ними, по направлению к Никольской улице – казачество, затем «представители иноплеменного населения Империи ведомства МВД», затем калмыки и депутаты от Средней Азии и Кавказа [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 498. Л. 25–33, 66, 67; Д. 499. Л. 15, 20, 20 об.].

Непосредственно к участию в коронации приглашенные этого разряда, как правило, не допускались. Присутствие малороссийского

³ Махешвара («Великий властитель») – одно из имен индуистского и буддийского божества Шивы.

гетмана Кирилла Разумовского в эскорте Екатерины II по пути в Успенский собор теоретически можно было бы отнести к категории этнических презентаций. Но, во-первых, украинцы в то время не выделялись из общерусского этнического массива; во-вторых, гетмана включили в шествие, вероятнее всего, благодаря не должности, а родству с влиятельнейшим вельможей Алексеем Разумовским – его старшим братом, которому было доверено нести корону. В XIX в. допускалось присутствие в соборе (но не участие в шествии) грузинских царевичей [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 366. Л. 97].

В последующие дни депутаты удостоивались аудиенций. Это были предельно формальные мероприятия с лстивыми поздравлениями монархам. На такие приемы допускались по очереди, после иностранных послов, представители народов, приехавших в Москву. Первыми из них в зал аудиенции (Грановитую, Золотую или Столовую палаты Кремля) приглашались вассальные правители или послы от них: в конце XVIII в. грузинские цари, через сто лет – бухарский эмир и хивинский хан. Кажется, только Павел I, тяготившийся долгими церемониями, повелел запустить в Грановитую палату на аудиенцию 9 апреля 1797 г. сразу всех:

...депутатов черноморских, уральских, донских, татарских, крымских, горских, персидских, бухарских, здешних: московских купцов и иностранных, а за оными купцов рижских, ревельских, Выборгских, либавских... [Камер-фурьерский журнал, с. 54].

На прочих коронациях торжественный порядок общения с подданными выдерживался, и шли чередой, сменяя друг друга, малороссы и финны, лифляндцы и эстляндцы (немцы), татары и башкиры, калмыки и казахи, кавказские и сибирские «инородцы».

Вернувшись домой, свидетели торжеств делились впечатлениями освоемпутешествии в Москву, расписывали великолепную постановку венчания на царство. Тем более что они располагали свидетельствами своего участия в коронационных церемониях, которое благоговейно описывалось потомками в семейных преданиях [см., например: Башкирские родословные, с. 231, 232]. В доме калмыцкого нойона Тюменя долго, уже после его смерти, висели на стене различные объявления о торжествах, пригласительные и пропускные билеты, привезенные им с коронации Александра II [Победоносцев, Бабст, с. 344, 345]. Бурятского ламу Лубсан-Самдана Цыденова присутствие на коронации Николая II подвигло на создание поэмы под двойным названием – монгольским «Лечу по небу» и тибетским, которое само по себе напоминало стихотворение в прозе:

Новая песнь, вдохновленная великой радостью по случаю окончательного восшествия на нерушимый алмазный трон могущественного чакравартина, божества, установленного небом, царя

Николая, восхваляющая интронизацию, рассказывающая вкратце также и о славе России, обретшей могущество двух столиц, называемая «Многokrатно взирающая на устрашающих бенгальских и африканских львов в садах Джолоки» [Цырепилов, с. 69].

Праздник интронизации проходил и в провинции. Газеты тех лет передавали известия о ликовании в городах и селениях. Конечно, инициатива по большей части исходила от местного чиновного начальства. В честь этого события по всей империи обязательно совершались богослужения. Они сопровождались и вполне светскими официальными торжествами. Это происходило и в регионах с неславянским населением. Мусульмане Уфимской губернии праздновали воцарение Александра III в течение двух дней [Загидуллин, с. 193]. В слободе Нальчик это же событие отмечали три дня. Главным мероприятием стало торжественное собрание в окружной горской школе, куда были приглашены также воспитанницы местной бесплатной женской школы, военные и гражданские чины, представители слободского управления и «кабардинских и горских обществ, находившиеся в то время в Нальчике». Звучали речи, были проведены христианский и мусульманский молебны. После ухода детей устроили ужин, продлившийся до глубокой ночи. Молебнами, народными гуляниями, танцами и пиршествами отмечали эту важнейшую веху в жизни империи и в горных аулах [Из слободы, с. 3; Прасолов, с. 126].

Участие в череде ритуалов было важно для самих подданных-«инородцев». Это была возможность репрезентовать себя, свой народ, напомнить о нем. С особенной остротой и наглядностью подобные намерения проявлялись на рубеже XIX–XX вв., в период отчетливой этнической консолидации и национального подъема в регионах и господства лозунга общероссийского монолитного сплочения вокруг царя. Крымско-татарские интеллектуалы и духовные лица оживленно обсуждали, кому надлежит ехать на коронацию Николая II, «ведь этот представитель явится всенародно в Москве вывеской развития и правоспособности развития татарского народа к единению его с русской национальностью на празднике всей русской земли» [От редакции, с. 2].

Многообразие разноэтничных участников торжеств своей неизбежной натужной официозностью должно было демонстрировать преданность народов государю, обширность и разнообразность Российской державы. Последним общеимперским празднеством такого масштаба перед мировой войной и революцией было 300-летие Дома Романовых.

Список литературы

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. / под ред. А. П. Берге. Тифлис : Тип. гл. управления Наместника Кавказского, 1874. Т. 6. Ч. 1. 1018 с.

Башкирские родословные / сост., предисл., поясн. к пер., пер. на рус. яз., послесл. и указ. Р. М. Булгакова, М. Х. Надергулова ; науч. рук. Р. Г. Кузеев. Уфа : Китап, 2002. Вып. 1. 480 с.

Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи. Мечети в Европейской части России и Сибири. Казань : Татар. книж. изд-во, 2007. 416 с.

Из слободы Нальчик // Терские ведомости. 1883. 4 июня. № 23. С. 3.

Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.) : сб. материалов / сост. и авт. вступ. ст., предисл. и коммент. Д. Ю. Арапов. М. : Наталис, 2006. 480 с.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1797 года. Апрель – июнь. СПб. : Тип. гл. управления уделов, 1897. 502 с.

Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования ее августейшего императорского величества всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб. : Имп. акад. наук, 1744. 168 с.

Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в императорскую древнюю резиденцию, богоспасаемый град Москву, и священнейшего коронования ее августейшего величества всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Екатерины Второй, самодержицы всероссийской, матери и избавительницы отечества, еже происходило вшествие 13, коронование 22 сентября 1762 года. [Б. м.] : [Б. и., б. г.]. 313 с.

Описание коронации ее величества императрицы и самодержицы всероссийской Анны Иоанновны торжественно отправленной в царствующем граде Москве 28 апреля 1730 года. М. : Сенат. тип., 1730. 74 с.

От редакции // Севастопольский листок. 1883. 24 апр. № 33. С. 2.

Победоносцев К. П., Бабст И. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М. : Тип. Грачева и комп., 1864. 578 с.

Подпрятков Н. В. Национальные меньшинства в русской армии в XVIII – начале XX века. СПб. : Нестор, 2004. 332 с.

Прасолов Д. Н. Романовы и проблемы интеграции кабардинского общества в социокультурное пространство Российской империи // Вопр. истории. 2014. № 9. С. 123–127.

РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 241, 242.

РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1414; Ф. 473. Оп. 3. Д. 295, 366, 369, 404, 498, 499, 500, 501, 502.

Сухих О. Е. Империя напоказ, или Имперский опыт воспитания верноподданических чувств у казахской знати в XVIII–XIX вв. // Азиатская Россия: люди и структуры империи : сб. науч. ст. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева / под ред. Н. Г. Суворовой. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2005. С. 142–154.

Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2004а. Т. 1. 608 с. Т. 2. 800 с.

Уортман Р. Символы империи: экзотические народы в церемонии коронации российских императоров // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И. В. Герасимова и др. Казань : Центр исслед. национализма и империи, 2004б. С. 409–426.

Цыремпилов Н. В. Лубсан Самдан Цыденов и идея буддийской теократии в Забайкалье // Восток. 2007. № 6. С. 64–75.

References

Arapov, D. Yu. (Ed.). (2006). *Imperatorskaya Rossiya i musul'manskii mir (konets XVIII – nachalo XX v.). Sbornik materialov* [Imperial Russia and the Muslim World (Late 18th – Early 20th Centuries). A Collection of Materials]. Moscow, Natalis. 480 p.

Berzhe, A. P. (1874). *Akty, sobrannyye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei v 12 t.* [Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission. 12 Vols.]. Tiflis, Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo. Vol. 6. Part 1. 1018 p.

Bulgakov, R. M., Nadergulov, M. Kh., Kuzeev, R. G. (Eds.). (2002). *Bashkirskie rodoslovnye* [Bashkir Genealogies]. Ufa, Kitap. Iss. 1. 480 p.

Iz slobody Nal'chik [From Nalchik Sloboda]. (1883). In *Terskie vedomosti*. June 4. No. 23, p. 3.

Kamer-fur'erskii tseremonial'nyi zhurnal 1797 goda. April' – iyun' [The Camer Fourier Ceremonial Journal of 1797. April – June]. (1897). St Petersburg, Tipografiya glavnogo upravleniya udelov. 502 p.

Obstoyatel'noe opisaniye torzhestvennykh poryadkov blagopoluchnogo vshestviya v tsarstvuyushchii grad Moskvu i svyashchennishego koronovaniya ee avgusteishego imperatorskogo velichestva vsepresvetleishei derzhavneishei velikoi gosudaryni imperatritsy Elisavet Petrovny samoderzhitsy vserossiiskoi, ezhe byst' vshestvie 28 fevralya, koronovanie 25 aprelya 1742 goda [A Detailed Description of the Solemn Order of the Successful Entry into the Reigning City of Moscow and the Most Sacred Coronation of Her Majesty, the Most Distinguished Great Sovereign Empress Elizaveta Petrovna, Autocrat of All Russia, Dated 28 February, Crowning on 25 April 1742]. (1744). St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. 168 p.

Obstoyatel'noe opisaniye torzhestvennykh poryadkov blagopoluchnogo vshestviya v imperatorskuyu drevnyuyu rezidentsiyu, bogospasaemyi grad Moskvu, i svyashchennishego koronovaniya ee avgusteishego velichestva vsepresvetleishei derzhavneishei velikoi gosudaryni imperatritsy Ekateriny Vtoroi, samoderzhitsy vserossiiskoi, materi i izbavitel'nitsy otechestva, ezhe proiskhodilo vshestvie 13, koronovanie 22 sentyabrya 1762 goda [A Detailed Description of the Solemn Order of the Successful Entry into the Imperial Ancient Residence, the Prospering City of Moscow, and the Sacred Coronation of Her August Majesty, the Most Blessed Most Powerful Sovereign Empress Catherine the Second, All-Russian Autocrat, Mother and Deliverer of the Fatherland, Coronation on 22 September 1762]. (N. d.). S. I., S. n. 313 p.

Opisaniye koronatsii ee velichestva imperatritsy i samoderzhitsy vserossiiskoi Anny Ioannovny torzhestvenno otpravlennoi v tsarstvuyushchem grade Moskvu 28 aprelya 1730 goda [Description of the Coronation of Her Majesty Empress and Autocrat of All Russia Anna Ioannovna, Solemnly Carried out in the Reigning City of Moscow, on 28 April 1730]. (1730). Moscow, Senatskaya tipografiya. 74 p.

Ot redaktsii [From the Editors]. (1883). In *Sevastopol'skii listok*. April 24. No. 33, p. 2.

Pobedonostsev, K. P., Babst, I. (1864). *Pis'ma o puteshestvii gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma* [Letters on the Journey of the Sovereign Heir Tsarevich in Russia from St Petersburg to Crimea]. Moscow, Tipografiya Gracheva i kompanii. 578 p.

Podpryatov, N. V. (2004). *Natsional'nye men'shinstva v russkoi armii v XVIII – nachale XX veka* [National Minorities in the Russian Army in the 18th – Early 20th Centuries]. St Petersburg, Nestor. 332 p.

Prasolov, D. N. (2004). Romanovy i problemy integratsii kabardinskogo obshchestva v sotsiokul'turnoe prostranstvo Rossiiskoi imperii [The Romanovs and Integration Problems of Kabardian Society into the Socio-Cultural Space of the Russian Empire]. In *Voprosy istorii*. No. 9, pp. 123–127.

RGADA [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 156. List 1. Dos. 241, 242.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 469. List 2. Dos. 1414; Stock 473. List 3. Dos. 295, 366, 369, 404, 498, 499, 500, 501, 502.

Sukhikh, O. E. (2005). Imperiya napokaz, ili Imperskii opyt vospitaniya vernopoddanicheskikh chuvstv u kazakhskoi znati v XVIII–XIX vv. [The Empire is on Display, or the Imperial Experience of Educating Loyal Feelings among the Kazakh Nobility in the 18th–19th Centuries]. In Suvorova, N. G. (Ed.). *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii. Sbornik nauchnykh statei. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya professora A. V. Remneva*. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 142–154.

Tsyrempilov, N. V. (2007). Lubsan Samdan Tsydenov i ideya buddiiskoi teokratii v Zabaikal'e [Lubsan Samdan Tsydenov and the Idea of Buddhist Theocracy in Transbaikalia]. In *Vostok*. No. 6, pp. 64–75.

Wortman, R. (2004b). Simvoly imperii: ekzoticheskie narody v tseremonii koronatsii rossiiskikh imperatorov [Symbols of the Empire: Exotic Peoples at the Coronation Ceremony of Russian Emperors]. In Gerasimov, I. V., et al. (Eds.). *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva*. Kazan', Tsentr issledovani natsionalizma i imperii, pp. 409–426.

Wortman, R. S. (2004a). *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy]. Moscow, OGI. Vol. 1. 608 p. Vol. 2. 800 p.

Zagidullin, I. K. (2007). *Islamskie instituty v Rossiiskoj imperii. Mecheti v evropeiskoi chasti Rossii i Sibiri* [Islamic Institutions in the Russian Empire. Mosques in the European Part of Russia and Siberia]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 416 p.

The article was submitted on 03.09.2019

ПРОСИТЕЛЬНЫЕ И БЛАГОДАРСТВЕННЫЕ ПИСЬМА СТАРООБРЯДЦЕВ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД*

Александр Пигин

Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия

OLD BELIEVER LETTERS OF REQUEST AND THANKS DURING THE IMPERIAL PERIOD**

Alexander Pigin

Institute of Linguistics, Literature, and History
of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia

This article analyses Old Believer letters from the eighteenth and nineteenth centuries containing requests for financial or other assistance and expressing gratitude for it. The letters originate from various Old Believer settlements (sketes and hermitages) in Northern Russia. The author mostly focuses on letters from the Vyg and Leksa community, the largest Old Believer centre of Russia between the eighteenth and the first half of the nineteenth centuries. The letters are analysed both as historical sources and literary works. They are of historical value because they contain information on little-known Old Believer hermitages, the number of monks in them, and the connection of the hermitages with other centres of Old Belief. The letters contain Old Believer writers' names and autographs. This means that samples of their handwriting can be used to attribute anonymous manuscripts. Letters of request were part of record books that the representatives of Old Believer hermitages took with them when they went to collect donations. The article cites persecution of this activity by the authorities. Also, it considers the literary aspect of the letters, for instance, how the authors used quotations on mercy and compassion from biblical and patristic texts and how they applied

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН.

** Citation: Pigin, A. (2020). Old Believer Letters of Request and Thanks during the Imperial Period. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 176–189. DOI 10.15826/qr.2020.1.455.

Цитирование: Pigin A. Old Believer Letters of Request and Thanks during the Imperial Period // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 176–189. DOI 10.15826/qr.2020.1.455 / Пигин А. Просительные и благодарственные письма старообрядцев в имперский период // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 176–189. DOI 10.15826/qr.2020.1.455.

the form of the parable and employed a self-deprecating vocabulary. The author concludes that the Vyg Old Believer letters fully correspond to the principles of the Vyg rhetorical school.

Keywords: Old Belief; epistolary genre; biblical citations; asking for charity; Vyg and Leksa community.

Анализируются старообрядческие письма XVIII–XIX вв., содержащие просьбы об оказании денежной или иной помощи и благодарения за нее. Материалом служат несколько десятков писем из различных севернорусских старообрядческих поселений (скитов и пустыней). Основное внимание уделяется письмам из Выго-Лексинского общежития – крупнейшего в России старообрядческого центра XVIII – первой половины XIX в. Письма анализируются и как исторические источники, и как литературные памятники. Историческая ценность писем заключается в том, что они дают важную информацию о малоизвестных старообрядческих пустынях, количестве насельников в них, о связи этих поселений с другими центрами староверия. Письма сохранили имена старообрядческих настоятелей и их автографы – образцы почерков, которые могут быть использованы при атрибуции анонимных рукописей. Просительные письма включались в состав сборных книжек, с которыми старообрядческие пустыни отправляли своих представителей за милостыней и в которые заносились записи о пожертвованиях. В статье приводятся сведения о преследовании властями этой деятельности старообрядцев по сбору милостыни. Исследована также литературная основа писем: использование авторами библейских и святоотеческих цитат о нищелюбии и милосердии, притчевой формы, самоуничижительной лексики и т. д. Сделан вывод о том, что в письмах, составленных старообрядцами Выга, в полной мере воплотились принципы выговской литературной риторической школы.

Ключевые слова: старообрядчество; эпистолярный жанр; библейские цитаты; сбор милостыни; Выго-Лексинское общежитие.

Важное место в литературном наследии старообрядцев занимает эпистолярный жанр. Сохранились письма и послания протопопа Аввакума, адресованные царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу, единомышленникам, духовным детям и семье. Эпистолярный жанр нередко использовался старообрядцами разных согласий в полемических целях – для обсуждения актуальных вопросов веры и обряда. Частные письма содержат интересные факты из истории старообрядческой культуры (переписка И. Н. Заволоко и М. И. Чуванова [Юхименко, 2019]), размышления о нравственных проблемах, о смерти, семье и браке (С. А. Носов) [Печорский старообрядческий писатель]; иногда они включают стихи и рисунки (В. И. Третьяков, А. Н. Путина [Новикова, с. 206–216]), в них ярко раскрывается духовный мир авторов.

В обширном корпусе старообрядческой эпистолярной прозы могут быть выделены две взаимосвязанные группы текстов – письма просительные и благодарственные. В первой из них содержатся просьбы, чаще всего коллективные, об оказании денежной помощи. Во второй – благодарения за эту помощь и за некоторые другие услуги и «милости».

В настоящее время нам известно около 70 таких текстов XVIII–XIX вв., которые происходят из севернорусских пустыней, как именовали старообрядцы свои поселения. Письма хранятся в рукописных собраниях Москвы, Петербурга, Петрозаводска и Саратова, многие из них были отмечены в указателях В. Г. Дружинина [Дружинин, № 334, 336, 338 и др.], Е. М. Юхименко [Юхименко, 2002, т. 2, с. 127–136 (№ 485–488, 490, 491 и др.)] и Г. В. Маркелова [Маркелов, 2004, с. 86–89 (№ 171–179)].

Просительные письма распадаются на две группы – с указанием конкретного или некоего коллективного адресата с обращением к «господам всякого чина и звания». Письма второй группы включались в так называемые сборные книжки, с которыми старообрядческие пустыни отправляли своих представителей за милостыней и в которые заносились записи о пожертвованиях. Все благодарственные письма имеют индивидуального адресата.

Следует отметить, что просительных писем сохранилось меньше, чем благодарственных. Сбор милостыни на нужды старообрядческих пустыней преследовался властями, составителей книжек и сборщиков обвиняли в распространении раскола, в жульничестве и бродяжничестве, а сами сборные книжки объявлялись фальшивыми и уничтожались. Расследованием дел по изготовлению старообрядцами просительных писем занимались уездные земские суды, несколько таких документов XIX в. сохранилось в фонде Канцелярии олонекского губернатора в Национальном архиве Республики Карелии [НАРК. Ф. 1 (Канцелярия Олонекского губернатора). Оп. 1. Д. 43/20 (Дело по отношению олонекского архиепископа о найденной приставом Качаловым в доме крестьянина Василья Басаргина книжке для сбора подаяний на распространение раскола, 1868 г.); Оп. 46. Д. 4/70 (Дело о старообрядческой моленной, открытой в Кенорецкой волости Каргопольского уезда, 1838–1841 гг.); Д. 14/365 (Дело канцелярии Олонекского гражданского губернатора секретного стола по представлению Каргопольского уездного суда о сборе денег на раскольнические скиты крестьянином Михайлом Шельгинским и о Шожмозерской пустыни, 1849–1856 гг.)]. В ходе следствия стремились в первую очередь узнать, кто изготавливал эти письма, и с этой целью проводили даже «почерковедческую экспертизу». Так, при расследовании дела об изготовлении сборной книжки на нужды Пертозерской пустыни суд постановил собрать образцы почерка «всех грамотных и бывших прежде в Чаженском раскольническом жилище девок, занимавшихся ка-

ким-либо по Чаженьге письмом...» [НАРК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 4/70. Л. 20–21]. В материалах другого дела сохранились листочки с образцами полуустановных почерков и с заключением чиновника особых поручений: «Почерк руки имеет сходство с просительной книгой. А. Смирнов» [НАРК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 14/365. Л. 49, 50]. Виновных приговаривали к разным видам наказания, в том числе к ударам плетью.

Наибольшее число интересующих нас писем происходят из Выго-Лексинской поморской пустыни как наиболее крупного на Севере старообрядческого центра, располагавшегося к северо-востоку от Онежского озера. По свидетельству выговского историка Ивана Филиппова, уже первые отцы-основатели общежительства братья Андрей и Семен Денисовы, Петр Прокопьев и другие ездили для обустройства пустыни по разным городам: «...и начаша им добрые люди милостивцы подавание давати, ов денгами, ов книгами и иконами, ов хлебом, такожде даваху на псалтырь по умерших и на помяновение...» [Филиппов, с. 136]. Сохранились свидетельства о сборе пожертвований выговцами в 1740-е гг., но особенно широко, по наблюдениям Е. М. Юхименко, к подобной практике стали прибегать на Выгу с 1760-х гг. [Юхименко, 2002, т. 1, с. 478]. Согласно выводам исследовательницы, это объясняется тем, что во второй половине XVIII в. в общежительстве сократилось число работоспособного населения, «наличных денежных средств стало недостаточно для уплаты двойного налога и рекрутской повинности и закупок продовольствия в периоды неурожая» [Там же]. В «Выгорецком чиновнике» отсутствуют установления, регламентирующие деятельность сборщиков [Маркелов, 2008]. Однако эти вопросы на Выгу, несомненно, обсуждались, о чем свидетельствует, в частности, письмо Василия Данилова Шапошникова к Никифору Семенову (настоятель в 1759–1775 гг.) с просьбой «разрешить одновременный сбор милостыни просителям от скитских жителей и от монастырских» [Юхименко, 2002, т. 2, с. 45 (№ 151)].

Наиболее ранние из известных сегодня просительных посланий выговцев датируются 1750–1770 гг., они скреплены подписями выговских отцов Никифора Семенова, Даниила Матвеева, Поликарпа Яковлева и других [Юхименко, 2002, т. 1, с. 478–479; т. 2, с. 92 (№ 347, 348), 96 (№ 366), 127–128 (№ 485–488) и др.]. Более поздним временем – преимущественно первой трети XIX в. – датируется подборка благодарственных писем выговцев на Усть-Цильму и в Великопоженский скит на Пижме в составе Усть-Цилемского собрания Древлехра-нилища им. В. И. Малышева в ИРЛИ.

Просительные и благодарственные письма происходят, кроме того, из Топозерского, Тявтезерского, Шелтопорогского, Чаженьгского скитов, Пертозерской, Шожмозерской, Сумской, Юрье-горской, Пустозерской, Поромской, Каркозерской пустыней. Некоторые из этих старообрядческих поселений хорошо известны

и по другим источникам: Шелтопорогский и Чаженьгский скиты являлись ответвлениями Выговской пустыни; история Топозерского федосеевского и Пертозерского филипповского скитов изложена в книге С. В. Максимова «Год на Севере» [Максимов, с. 263–271, 319–320] и в современных работах [Хрушкая, с. 102–117]. Поромская пустынь была устроена в Каргополье на реке Порме на месте старообрядческих «гарей» конца XVII – первой половины XVIII в. В 1837 г. ее уничтожили по распоряжению губернского начальства [Островский, с. 1–2; Мелютина, Теребихин, с. 135], но позднее она возродилась: из этой пустыни происходит благодарственное письмо конца XIX в. [ИРЛИ. Усть-Цилемское новое собр. № 106]. Каркозерская, Шожмозерская и, по-видимому, Сумская пустыни тоже находились в Каргопольском уезде.

О ряде других пустыней практически ничего не известно. Нам уже приходилось писать о просительной сборной книжке Троицкой Юрьегорской пустыни начала XIX в. [БАН. Собр. В. Г. Дружинина. № 281/327]¹. Очевидно, что она имела такое название в память о святом XVII в. Диодоре Юрьегорском, но на месте упраздненного Юрьегорского монастыря находиться не могла, поскольку в это время здесь существовал православный приход. По предположению А. Н. Старицына, Троицкой Юрьегорской пустынью могло именоваться старообрядческое мирское поселение в Янгорах (Вонгорах) в 40 км на восток от Юрьегорского монастыря (просуществовало как старообрядческое до 1837 г.) [Старицын, с. 18–21]. По-видимому, мемориальное название в память о ссылке и мученической гибели протопопа Аввакума и его союзников имела Пустозерская пустынь: из нее происходят два письма середины – второй половины XIX в. с благодарением за милостыню [БАН. Собр. Ф. А. Каликина. № 31. Л. 5–6 об.]. Одно письмо адресовано некоему Симеону Алексеевичу, другое – «благотворительнице Павле», оба подписаны «убогим старцем» иноком Ксенофонтом. Однако местонахождение этой пустыни остается неизвестным². Ценность писем заключается, таким образом, в том, что они указывают на существование на севере в XVIII–XIX вв. неизвестных старообрядческих скитов и пустыней, но для получения дополнительной информации о них требуются архивные разыскания.

Письма содержат интересные сведения о контактах различных центров староверия и о благотворителях «беззаступных сирот», как именовали себя старообрядцы в этих письмах. Так, в первой половине XIX в. выговские старообрядцы находили поддержку среди жителей Усть-Цильмы. Свои благодарственные письма они

¹ Текст издан и прокомментирован: [Святой преподобный Диодор Юрьегорский, с. 409–411, 458–460].

² С. В. Максимов, побывавший в Пустозерске в 1856 г., отмечал, ссылаясь на слова местных жителей, что «они все православные и что во всей волости нет ни одного раскольника» [Максимов, с. 422].

адресовали представителям известных печорских фамилий, которые жертвовали им кто небольшие денежные суммы, а кто коня, сарафан, чулки, рубахи, различную провизию, – Елене Васильевне Мяндиной, Евдокии Ефимовне Палкиной, наставнику Стефану Никифоровичу Еремину, Варваре Семеновне Вокуевой и другим [Малышев, с. 442–457; Маркелов, 2004, с. 86–89 (№ 171–179)]. Усть-цилемы посылали «святую милостыню» и в другие старообрядческие центры – например, в Каркозерскую пустынь Каргопольского уезда [ИРЛИ. Усть-Цилемское новое собр. № 102. XIX в. (последняя четверть). Благодарственное письмо Якова Козьмича, настоятеля Каркозерской пустыни (Каргопольский уезд) Степану Козьмичу Носову (Усть-Цилемский уезд)].

В 1819 г. выговские старообрядцы отправили письмо в Петрозаводск Харлампию Петровичу Костину с благодарностью за присланные на Выг муку, горох и пшено [ОРК НБ ПетрГУ. № 1004689]³. Х. П. Костин (1771–1825) являлся именитым петрозаводским купцом, поставлял провиант для мастеровых Александровского завода; в 1802–1804 гг. он был бургомистром Петрозаводского магистрата, а в 1811–1813 гг. – городским головой Петрозаводска [Кораблев, Мошина, с. 21–22]. Упомянутый в этом письме «дядюшка» Х. П. Костина Иван Михайлович Костин также являлся благотворителем; в письме от 12 мая 1812 г. выговцы благодарили его за 200 руб., пожертвованных им на содержание выговской больницы [Пашков, с. 62–63]. Подробно изучены разносторонние контакты выговцев с петербургскими купцами М. Е. Поздняковым, Долгими и Галашевскими, которые оказывали им значительную материальную поддержку [Юхименко, 2002, т. 1, с. 479 и далее]. Не столь весомая, но тоже с благодарностью принимавшаяся помощь поступала из столицы на Выг и от других благодетелей. Положение поморского согласия в Петербурге особенно укрепилось с конца XVIII в., когда на улице Моховой была организована Долгова моленная. 1827 годом датируется благодарственное письмо старообрядцев Чаженъгского скита (филиала Выго-Лексинского общежительства), адресованное «в Са<н>к<т>-Питербурге на своем дворе милостивой благотворительнице... Евдокии Васильевне Лукихи» [БАН. Собр. Ф. А. Каликина. № 31. Л. 7–7 об.].

Просительное письмо о милостыне конца XVIII в. из Шелтопогского скита сохранилось в сборнике-конволюте, содержащем преимущественно материалы угличского происхождения: об угличских монастырях, о св. Паисии Угличском, Сказание о страсти Иоанна младенца Угличского, выписки о царевиче Димитрии, документы Угличского магистрата и т. д. [ОРК НБ СГУ. Собр. И. А. Шляпкина. № 284. Л. 84–85]⁴. Включение письма в сборник угличских материа-

³ Письмо опубликовано: [Памятники книжной старины, с. 488–490].

⁴ См. описание рукописи: [Перетц, с. 464–466]. Письмо опубликовано: [Пигин, с. 308–314].

лов, по всей видимости, не случайно: весьма вероятно, что сборщик милостыни был отправлен именно в ярославско-угличские земли к местным старообрядцам-беспоповцам⁵.

Старообрядцы севернорусских пустыней получали милостыню, как явствует из писем, и из разных других мест: из Москвы, Романова, Сибири и т. д. Письма содержат сведения о числе насельников той или иной пустыни («...сироты беззаступныя Юрьегорской пустыни сто пятьдесят душ общекупно земно кланяемся...»; «в топозерских скитах и островах... обоего пола, мужеска и женска, по исчислению двести человек...»; «в... ските (Шелтопорогском. – А. П.) имеется числом мужеска пола семьдесят две души да женских сто сорок душ»; «всех Богу молящихся 25 человек» (Поромская пустынь) и др.), завершаются подписями настоятелей и других лиц. В некоторых письмах рядом с подписями имеется «печать» пустыни: 1) по кругу – надпись «Каркозерская пустынь», в центре – буквы «Я. К.» (инициалы настоятеля Якова Козмича) [ИРЛИ. Усть-Цилемское новое собр. № 102, последняя четверть XIX в.]; 2) по кругу – надпись «Поромская пустынь», в центре – буквы «С. И» (инициалы настоятеля Степана Ивановича) [ИРЛИ. Усть-Цилемское новое собр. № 106, конец XIX в.]; 3) след, по-видимому, от сургучной печати, вокруг которого написано: «Печать общая Юрьегорской пустыни» [Святой преподобный Диодор Юрьегорский, с. 411]; 4) полустертый оттиск печати Пустозерской пустыни, в центре которой с трудом просматриваются буквы «Н. К.» [БАН. Собр. Ф. А. Каликина. № 31. Л. 5 об.].

В 1868 г. олонецкий архиепископ Аркадий (Федоров) сообщал олонецкому губернатору Ю. К. Арсеньеву об обнаружении в доме каргопольского крестьянина Василия Басаргина предосудительных предметов: сборной книжки с просительным письмом, «двух свинцовых печатей гладких без нарезки» и «нескольких заостренных наточенных пластинок листового железа», которые «употребляются... для более удобной и скорейшей нарезки слов на печатях». Оттиск печати находился и в отобранной у Басаргина сборной книжке: «“Печать Сумской пустыни”, и в середине с такими же буквами “И” и “Д”» (имя настоятеля Сумской пустыни Ивана Дмитриева) [НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43/20 (Канцелярии олонецкого губернатора 1-го стола. По отношению олонецкого архиепископа о найденной приставом Качаловым в доме крестьянина Василья Басаргина книжке для сбора подаяний на распространение раскола, 1868 г.). Л. 3–4]. Печати предназначались, вероятно, для подтверждения подлинности подписей, а сама традиция ставить их была явно заимствована из документов официального делопроизводства. Примечательно, что на письмах из Выго-Лексинского общежития и его скитов печати отсутствуют.

⁵ В XVIII–XIX вв. в Угличском уезде проживали старообрядцы-федосеевцы, которые поддерживали контакты с Выго-Лексинским общежитием [Дневные дозорные записи, с. 82–83]. Благодарю Е. М. Юхименко, обратившую мое внимание на этот факт и данную публикацию.

Интересны письма и в литературном отношении. Разумеется, массовое производство просительных и благодарственных писем, жанровые ограничения, в том числе в объеме, и конкретные прагматические задачи не позволяли старообрядческим авторам всякий раз создавать оригинальные тексты. В письмах встречаются не только однотипные выражения, но зачастую и дословно повторяющиеся фрагменты. Более того, на Выгу существовали образцы писем, которые можно было приспособлять к конкретной ситуации и адресату или использовать как источник готовых клише [Юхименко, 2002, т. 2, с. 133–134 (№ 506–512)]⁶. И тем не менее, анализируемые письма различаются и по своему объему (от кратких до многословных), и по стилю (от почти делового и лаконичного до витиевато-риторического). Как и в любом другом жанре традиционной письменности, подчиненном литературному этикету, здесь есть и весьма средние, «стандартные» тексты, и маленькие шедевры.

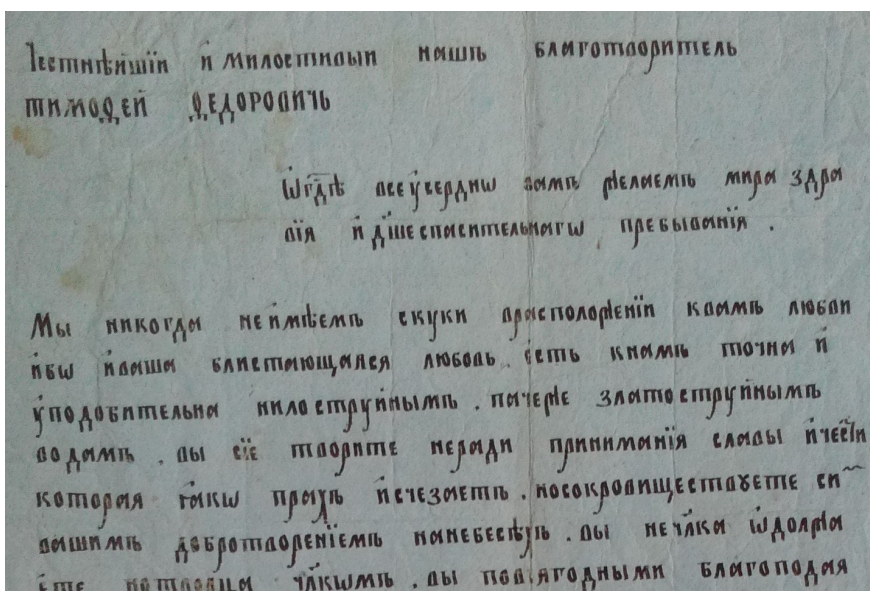
Все эти письма объединяет общая тема нищелюбия и милосердия. Редкое письмо не содержит соответствующих библейских цитат: «Блажени милостивии, яко тии помиловани будут» (Мф. 5 : 7); «Воздадите сим меньшим братьям моим, Мне воздадите» (Мф. 25 : 40); «Блажен разумевай на нища и убога, в день лют избавит его Господь» (Пс. 40 : 2) и др. Благотворители уподобляются персонажам из Священного Писания: «...яко Сарра, боголюбным страннолюбием благоухаеши; яко Ревека, милосердия ради дом ваш Божия заступления сподоблеваеши; яко страннолюбивая сумантяныня, благословения Божия и молитв усердных сподоблеваеши»⁷. Приводится и изречение Иоанна Златоуста о милосердии – «царице всех добродетелей» [БАН. Собр. Ф. А. Каликина. № 116. Л. 1 (Благодарственное письмо из Чаженъгского скита некоему благотворителю Ивану Ивановичу, 13 февраля 1832 г.)]⁸. Из текста в текст повторяется известное христианское учение о том, что дающий милостыню «вдает» ее самому Христу и «покупает» за нее вход в Небесное Царствие:

Вы не человеки одолжаете, но Творца человеком. Вы повсягодними благоподающими нашего сиротства не оставляете, но за сия вечныя и прекрасныя обители себе благоуготовляете. О, блаженныя сея купли! Кто сей не поревнует! [БАН. Собр. Ф. А. Каликина. № 31. Л. 11–11 об. (Благодарственное письмо выговцев (Кирилла Михайлова и др.) благотворителю Тимофею Федоровичу, 1 декабря 1811 года)] (ил. 1, 2).

⁶ В XVIII–XIX вв. различные письмовники – сборники образцовых писем – формировали эпистолярный этикет и в светской, дворянской и чиновничьей письменной культуре.

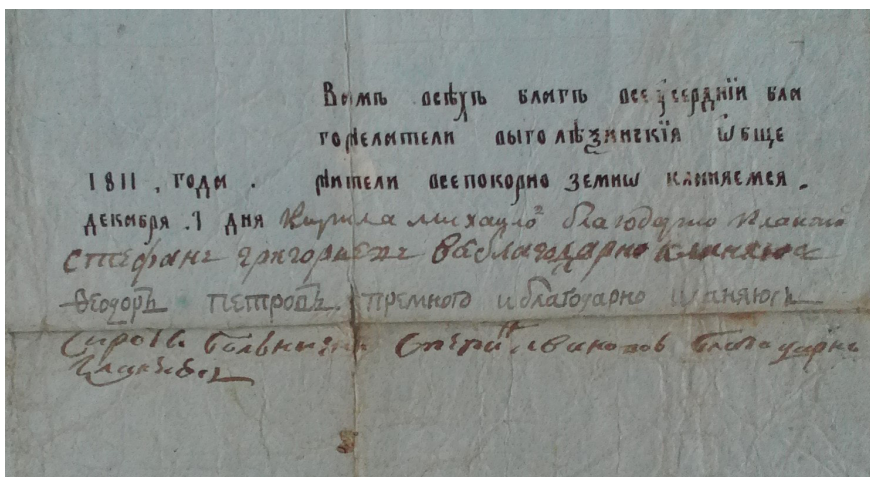
⁷ Благодарственное послание выговцев А. Н. Демидову, 1730-е гг. Текст опубликован: [Юхименко, 2008, с. 144–146].

⁸ Та же цитата в письме выговцев Х. П. Костину, 1819 г. [Памятники книжной старины, с. 489].

1. Благодарственное письмо старообрядцев Выговской пустыни благотворителю Тимофею Федоровичу. 1811. 1 декабря // БАН. Собр. Ф. А. Каликина. № 31. Фрагмент

Letter of thanks from the Old Believers of the Vyg Hermitage to philanthropist Timofei Fedorovich, December 1, 1811 // BAN [Library of the Academy of Sciences]. Collection of F. A. Kalikin. No. 31. Fragment

2. Благодарственное письмо старообрядцев Выговской пустыни благотворителю Тимофею Федоровичу. 1811. 1 декабря // БАН. Собр. Ф. А. Каликина. № 31 (об.). Фрагмент

Letter of thanks from the Old Believers of the Vyg Hermitage to philanthropist Timofei Fedorovich, December 1, 1811 // BAN [Library of the Academy of Sciences]. Collection of F. A. Kalikin. No. 31. Fragment

Милостыня, как утверждают авторы писем, помогает преодолеть загробные мытарства («от всех мытоимческих застав истязания свободждает и к самому престолу Владычню со дерзновением поставляет») – представления, восходящие к Житию Василия Нового.

Для прославления милостыни используется и притчевая форма⁹. В благодарственном письме 1768 г. выговский настоятель Никифор Семенов уподобляет две высшие, по его мнению, добродетели – милостыню и послушание – сыновьям некоего многодетного отца. Только эти два сына из всех детей способны в будущем «гладную утробу» отца своего в старости «утешити», а потому именно о них должен в первую очередь позаботиться и сам отец [БАН. 21.09.19. Л. 1–3 об.]. Милосердие именуется «светозарной звездой», превосходящей все другие звезды своей светлостью; луной, «красующейся... посреде звезд»; лучами «прекрасного солнца» в «престуденой северной стране»; «нилоструйными» («как струи Нила». – А. П.), паче же златоструйными водами»; «бисером предражайшим»; источником, питающим «корень благочестия», из которого вырастает дерево, дающее «плоды надежды», и т. д. Нищета предстает в письмах как «лабиринф» (лабиринт, излюбленный в литературе барокко образ), из которого несчастных возводит «на свободу отрады» «щедрой руки подаение». В некоторых письмах используются риторические вопросы, плеонастические словосочетания, повторы, сближающие эти тексты с ораторским жанром слова. Одно из ранних выговских благодарственных посланий Андрея Денисова гороховецкому купцу и писателю М. И. Ширяеву (1725–1727 гг.) написано силлабическими стихами [Юхименко, 2002, т. 2, с. 51–52 (№ 177)]¹⁰. Стихотворение на тему христианской любви как своеобразный ответный дар благотворителю приложено и к письму выговцев сибирскому заводчику А. Н. Демидову (1730-е гг.). Принципы выговской литературной школы в полной мере воплотились, таким образом, и в эпистолярных сочинениях.

Письма содержат жалобы на различные невзгоды: голод, неурожай, болезни, тяготы двойного подушного налога и т. д. В описании своей жизни в условиях этих «великих нужд» пустынножители не скупятся на самоуничижительные слова и выражения. Демонстрация бедственного положения, а порой и физического увечья являлась во все времена надежным средством вызвать сочувствие. Но на страницах литературных текстов визуальные образы «всенижайшаго бедничества», нашедшего в жизни пристанище на церковных папертях и у ворот кладбищ, трансформируются в бесконечно повторяющиеся в разных письмах со множеством вариаций стилистические клише: «слепая и глухая, разслабленная и хромая», «дряхлая свои руки простираем», «наше убожество», «наше безнадежное сиротство», «самыя убогонищайшия, горкоплачевныя», «призри на... ползающие у ног твоих члены» и т. п.

⁹ О месте притчи и других жанров, основанных на иносказании, в выговской литературе см.: [Журавель, с. 98–110].

¹⁰ Текст опубликован: [Понырко, с. 286–287].

Количество этих клише в письмах и степень самоуничижения зависели, по-видимому, как от индивидуальных стилистических предпочтений автора, так и от статуса адресата и характера благодеяний.

Особенно значимая для старообрядцев милость была оказана им в 1782 г., когда Екатерина II подписала указ об отмене двойного подушного налога. Сообщившему на Выг об этом указе генералу У. С. Потапову настоятель Андрей Борисов отправил благодарственное письмо (5 октября 1782 г.), в котором приписал пустынножителям, как кажется, все существующие на свете скорби и болезни:

...И мы, вси вообще нижеподписавшиися убозии пустынножители престаарелыя, нищия, дряхлыя, болничники, слепыя, кривыя, глухия, немые, гутнивоязычная, беззубыя, безрукыя, сухорукия, горбатыя, разслабленныя, бесноватыя, уродивыя, малоумныя и безумныя, хворыя, хромыя, безногия, трудоватыя, изсохшия, трясущияся, прокаженныя, алчущия, жаждущия, наготствующия, скорбящия, стеньящия, сетующия, присноплачущия и въздыхающия, разными болезнями стесненныя и не имущия где главы приклонити, странныя, безпомощныя сироты и вси лежащия без чювств на смертных одрах, сущия полумертвецы – благодарим ваше превосходительство... [цит. по: Юхименко, 2008, с. 332].

Просительные и благодарственные письма старообрядцев, а также саму практику сбора старообрядческими пустынями милостыни заманчиво рассмотреть и как продолжение соответствующей древнерусской традиции – начиная едва ли не с Моления Даниила Заточника. Ценным может оказаться и привлечение данных по православным монастырям XVIII–XIX вв. Известно, например, что во второй половине XIX в. сбором милостыни занимались иноки Нило-Сорской пустыни, и эта деятельность тоже встречала неоднозначное отношение со стороны церковных властей [Романенко, с. 123]. Но этот интересный исторический и литературный контекст оставим для будущих исследований.

Список литературы

БАН. 21.09.19 (Благодарственное письмо из Выговской пустыни, 1768 г.); Собр. В. Г. Дружинина. № 281/327 (Сборная книжка Троицкой Юрьегорской пустыни, начало XIX в.); Собр. Ф. А. Каликина. № 31 (Старообрядческие письма, середина – вторая половина XIX в.); Собр. Ф. А. Каликина. № 116 (Благодарственное письмо из Чаженьгского скита благотворителю Ивану Ивановичу, 13 февраля 1832 г.).

Дневные дозорные записи о московских раскольниках. Части 3–7 / с предисл. А. Титова // ЧОИДР. 1892. Кн. 1 (160). С. 1–98.

Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб.: Имп. археогр. комиссия, 1912. 534 с.

Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.

ИРЛИ. Усть-Цилемское новое собр. № 102 (Благодарственное письмо Якова Козьмича, настоятеля Каргозерской пустыни (Каргопольский уезд), Степану Козьмичу Носову (Усть-Цилемский уезд), последняя четверть XIX в.); № 106 (Благодарственное письмо из Поромской пустыни, конец XIX в.).

Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Городские головы Петрозаводска, 1778–1918 гг. : биогр. справ. Петрозаводск : Стандарт, 2008. 76 с.

Максимов С. В. Избр. произв. : в 2 т. М. : Худож. лит., 1987. Т. 1. 448 с.

Малышев В. И. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII–XIX вв. // ТОДРЛ. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. Т. 18. С. 442–457.

Маркелов Г. В. Писания выговцев. Каталог-инципитарий. Тексты. По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. 420 с.

Маркелов Г. В. Выгорецкий чиновник : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. Т. 2. Тексты и исследование. 556 с.

Мелютина М. Н., Теребихин Н. М. Сакральный ландшафт Кенозерья. Архангельск : Нац. парк «Кенозерский», 2013. 202 с.

НАРК. Ф. 1 (Канцелярия Олонецкого губернатора). Оп. 1. Д. 43/20 (Дело по отношению олонцкого архиепископа о найденной приставом Качаловым в доме крестьянина Василья Басаргина книжке для сбора подаваний на распространение раскола, 1868 г.); Оп. 46. Д. 4/70 (Дело о старообрядческой моленной, открытой в Кенорецкой волости Каргопольского уезда, 1838–1841 гг.); Оп. 46. Д. 14/365 (Дело канцелярии Олонецкого гражданского губернатора секретного стола по представлению Каргопольского уездного суда о сборе денег на раскольниковские скиты крестьянином Михайлом Шельгинским и о Шожмозерской пустыни, 1849–1856 гг.).

Новикова Л. Н. Эпистолярное наследие старообрядки А. Н. Путиной : К вопросу о старообрядческой символике XX в. // Мир старообрядчества. Живые традиции. М. : РОССПЭН, 1998. Вып. 4. С. 206–215.

ОРК НБ ПетрГУ. № 1004689 (Письмо Х. П. Костину из Выговской пустыни, 1819 г.).

ОРК НБ СГУ. Собр. И. А. Шляпкина. № 284 (Сборник-конволют, XVIII–XIX вв.).

Островский Д. Каргопольские «бегуны» : (Краткий исторический очерк). Петрозаводск : [Б. и.], 1900. 22 с.

Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / сост., отв. ред. и авт. предисл. А. В. Пигин. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. 608 с.

Пашков А. М. С. А. Приклонский – исследователь старообрядчества Карелии // Женщина в старообрядчестве : материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. 300-летию основания Лексинской старообрядческой обители. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. С. 59–66.

Перетц В. Н. Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету // Археографический ежегодник за 1959 год. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 361–466.

Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов: видения, письма, записки / подг. текста, вступ. ст. и прим. М. В. Мелихова. М. : Памятники ист. мысли, 2005. 423 с.

Пигин А. В. Просительное послание старообрядцев Шелтопогского скита о милостыне // Финно-угорская мозаика : сб. ст. к юбилею Ирмы Ивановны Муллонен. Петрозаводск : Изд-во Карел. науч. центра РАН, 2016. С. 308–314.

Поньрко Н. В. Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. Л. : Наука, 1974. Т. 29. С. 274–290.

Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества. М. : Памятники ист. мысли, 2003. 256 с.

Святой преподобный Диодор Юрьегорский и созданный им монастырь / под ред. А. В. Пигина. СПб. : Дмитрий Буланин, 2017. 528 с.

Старицын А. Н. Староверческие поселения в окрестностях Диодоро-Юрьегорского монастыря // Уч. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 3 (140). С. 18–23.

Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб. : Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1862. 499 с.

Хрушкая Л. Н. К истории Пертозерского старообрядческого скита в Кемском уезде Архангельской губернии // Старообрядчество: история, культура, современность : материалы IX Междунар. конф., Великий Новгород, 30 сентября – 2 октября 2009 г. М. ; Боровск : [Б. и.], 2010. С. 102–117.

Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература : в 2 т. М. : Языки славян. культуры, 2002. Т. 1. 544 с. Т. 2. 480 с.

Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общецельства : в 2 т. М. : Языки славян. культур, 2008. Т. 2. 568 с.

Юхименко Е. М. 25 лет эпистолярного общения И. Н. Заволоки и М. И. Чуванова. М. : Изд. дом ЯСК, 2019. 264 с.

References

BAN [Library of the Russian Academy of Sciences]. 21.09.19 (Blagodarstvennoe pis'mo iz Vygovskoi pustyni, 1768 g.); Sobranie V. G. Druzhinina. No. 281/327 (Sbornaya knizhka Troitskoi Yur'egorskoj pustyni, nachalo XIX v.); Sobranie F. A. Kalikina. No. 31 (Staroobryadcheskie pis'ma, seredina – vtoraya polovina XIX v.); Sobranie F. A. Kalikina. No. 116 (Blagodarstvennoe pis'mo iz Chazhen'gskogo skita blagotvoritelyu Ivanu Ivanovichu, 13 fevralya 1832 g.).

Dnevnye dozornye zapisi o moskovskikh raskol'nikakh. Chasti 3–7. S predisloviem A. Titova [Diurnal Records Tracking Moscow Schismatics. Parts 3–7. Foreword by A. Titov]. (1892). In *ChOIDR*. Book 1 (160), pp. 1–98.

Druzhinin, V. G. (1912). *Pisaniya russkikh staroobryadtsev* [Russian Old Believer Writings]. St Petersburg, Imperatorskaya arkhograficheskaya komissiya. 534 p.

Filippov, I. (1862). *Istoriya Vygovskoi staroobryadcheskoj pustyni* [The History of the Vyg Old Believer Hermitage]. St Petersburg, Publ. D. E. Kozhanchikov. 499 p.

IRLI [Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences]. Ust'-Tsilemskoe novoe sobranie. No. 102 (Blagodarstvennoe pis'mo Yakova Koz'micha, nastoyatelya Karkozerskoj pustyni (Kargopol'skii uезд), Stepanu Koz'michu Nosovu (Ust'-Tsilemskii uезд), poslednyaya chetvert' XIX v.); No. 106 (Blagodarstvennoe pis'mo iz Poromskoi pustyni, konets XIX v.).

Khrushkaya, L. N. (2010). K istorii Pertozerskogo staroobryadcheskogo skita v Kemskom uезде Arkhangel'skoj gubernii [On the History of the Pertozersk Hermitage in Kemsy District of Arkhangelsk Province]. In *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'. Materialy IX Mezhdunarodnoi konferentsii, Velikii Novgorod, 30 sentyabrya – 2 oktyabrya 2009 g.* Moscow, Borovsk, S. n., pp. 102–117.

Korablev, N. A., Moshina, T. A. (2008). *Gorodskie golovy Petrozavodsk. 1778–1918 gg. Biograficheskii spravochnik* [Petrozavodsk City Chiefs. 1778–1918. Biographical Reference Book]. Petrozavodsk, Standart. 76 p.

Maksimov, S. V. (1987). *Izbrannye proizvedeniya v 2 t.* [Selected Works. 2 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1. 448 p.

Malyshev, V. I. (1962). Perepiska i delovye bumagi ust'-tsilemskikh krest'yan XVIII–XIX vv. [Correspondence and Business Papers of Ust-Tsilma Peasants of the 18th–19th Centuries]. In *TODRL*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 18, pp. 442–457.

Markelov, G. V. (2004). *Pisaniya vygovtsev. Katalog-intsipitarii. Teksty. Po materialam Drevlekhranilishcha Pushkinskogo Doma* [Vyg Old Believer Writings. Catalogue-Incipientarium. Texts. Based on the Archival Materials of the Pushkin House]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 420 p.

Markelov, G. V. (2008). *Vygoretskii chinovnik v 2 t.* [Vygoretsky Official. 2 Vols.]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 2. Teksty i issledovanie. 556 p.

Melikhov, M. V. (Ed.). (2005). *Pechorskii staroobryadcheskii pisatel' S. A. Nosov: videniya, pis'ma, zapiski* [S. A. Nosov, an Old Believer Writer from the Pechora River: Visions, Letters, Notes]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 423 p.

Melyutina, M. N., Terebikhin, N. M. (2013). *Sakral'nyi landshaft Kenoz'er'ya*. [The Sacred Landscape of Kenozerye]. Arkhangel'sk, Natsional'nyi park “Kenozerskii”. 202 p.

NARK [National Archive of the Republic of Karelia]. Stock 1 (Kantselyariya Olonetskogo gubernatora). List 1. Dos. 43/20 (Delo po otnosheniyu olonetskogo arkhiepiskopa o naidennoi pristavom Kachalovym v dome krest'yanina Vasil'ya Basargina knizhke dlya sbora podayaniy na rasprostranenie raskola, 1868 g.); List 46. Dos. 4/70 (Delo o staroobryadcheskoi molennoi, otkrytoi v Kenoretskoi volosti Kargopol'skogo uезда,

1838–1841 гг.); List 46. Dos. 14/365 (Delo kantselyarii Olonetskogo grazhdanskogo gubernatora sekretного stola po predstavleniyu Kargopol'skogo uездного суда o sbore deneg na raskol'nicheskie skity krest'yaninom Mikhailom Shel'ginskim i o Shozhmozerskoi pustyni, 1849–1856 гг.).

Novikova L. N. (1998). Epistolyarnoe nasledie staroobryadki A. N. Putinoi. K voprosu o staroobryadcheskoi simvolike XX v. [The Epistolary Heritage of Old Believer A. N. Putina. Discussing the Question of the Old Believer Symbolism of the 20th Century]. In *Mir staroobryadchestva. Zhivye traditsii*. Moscow, ROSSPEN. Iss. 4, pp. 206–215.

ORK NB PetrGU [Department of Rare Books of the Scientific Library of Petrozavodsk State University]. No. 1004689 (Pis'mo Kh. P. Kostinu iz Vygovskoi pustyni, 1819 g.).

ORK NB SGU [Department of Rare Books of the Scientific Library of Saratov State University]. Sobranie I. A. Shlyapkina. No. 284 (Sbornik-konvol'yut, XVIII–XIX vv.).

Ostrovskii, D. (1900). *Kargopol'skie "beguny"*. (*Kratkii istoricheskii ocherk*) [Kargopol Fugitives. (A Historical Summary)]. Petrozavodsk, S. n. 22 p.

Pashkov, A. M. (2006). S. A. Priklonskii – issledovatel' staroobryadchestva Karelii [S. A. Priklonsky, a Researcher of Old Believers of Karelia]. In *Zhenshchina v staroobryadchestve. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 300-letiyu osnovaniya Leksinskoi staroobryadcheskoi obiteli*. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 59–66.

Peretts, V. N. (1960). Opisanie sobraniya rukopisei professora I. A. Shlyapkina, prinesennogo v dar vladel'tsem Saratovskomu gosudarstvennomu universitetu [Description of the Manuscript Collection of Professor I. A. Shlyapkin Donated by the Owner to Saratov State University]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1959 god*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 361–466.

Pigin, A. V. (2016). Proshitel'noe poslanie staroobryadtsev Sheltoporogskogo skita o milostyne [A Letter of Request for Donations by the Old Believers of the Sheltoporog Hermitage]. In *Finno-ugorskaya mozaika. Sbornik statei k yubileyu Army Ivanovny Mullonen*. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN, pp. 308–314.

Pigin, A. V. (Ed.). (2010). *Pamyatniki knizhnoi stariny Russkogo Severa: kollektzii rukopisei XV–XX vekov v gosudarstvennykh khranilishchakh Respubliki Kareliya* [Book Antiquities of Northern Russia: Manuscript Collections from the 15th–20th Centuries in the State Depositories of the Republic of Karelia]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 608 p.

Pigin, A. V. (Ed.). (2017). *Svyatoi prepodobnyi Diodor Yur'egorskii i sozdannyi im monastyr'* [St Reverend Diodor Yuryegorsky and the Monastery He Established]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 528 p.

Ponyrko, N. V. (1974). Vygovskoe sillabicheskoe stikhotvorstvo [The Syllabic Poetry of the Vyg Community]. In *TODRL*. Leningrad, Nauka. Vol. 29, pp. 274–290.

Romanenko, E. V. (2003). *Nil Sorskii i traditsii russkogo monashestva* [Nilus of Sora and the Traditions of Russian Monasticism]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 256 p.

Staritsyn, A. N. (2014). Starovercheskie poseleniya v okrestnostyakh Diodoro-Yur'egorskogo monastyrya [Old Believer Settlements in the Surroundings of Diodor-Yur'egorskiy Monastery]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*. No. 3 (140), pp. 18–23.

Yukhimenko, E. M. (2019). *25 let epistolyarnogo obshcheniya I. N. Zavoloko i M. I. Chuvanova* [25 Years of Epistolary Communication between I. N. Zavoloko and M. I. Chuvanov]. Moscow, Izdatel'skii dom YaSK. 264 p.

Yukhimenko, E. M. (2002). *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn': dukhovnaya zhizn' i literatura v 2 t.* [The Vyg Old Believer Hermitage – Spiritual Life and Literature. 2 Vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. Vol. 1. 544 p. Vol. 2. 480 p.

Yukhimenko, E. M. (2008). *Literaturnoe nasledie Vygovskogo staroobryadcheskogo obshchegzhitel'stva v 2 t.* [The Literary Heritage of the Vyg Old Believer Community. 2 Vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. Vol. 2. 568 p.

Zhuravel', O. D. (2012). *Literaturnoe tvorchestvo staroobryadtsev XVIII – nachala XXI v.: temy, problemy, poetika* [Old Believer Literary Works of the 18th – Early 21st Centuries: Topics, Issues, Poetics]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. 442 p.

The article was submitted on 03.06.2019

**ПЕРЕПИСКА ГРАЖДАН
С ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ:
КОРРЕЛЯТИВНЫЙ ТЕКСТОВОЙ АНАЛИЗ***

**Тамара Матвеева
Мария Ширинкина**

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь, Россия

**CORRESPONDENCE BETWEEN CITIZENS
AND EXECUTIVE POWER: CORRELATIVE
TEXT ANALYSIS****

**Tamara Matveeva
Maria Shirinkina**

Perm State National Research University,
Perm, Russia

This article refers to the material of written appeals made by citizens to executive bodies and official responses to the appeals. The authors proceed from the fact that it is possible to objectively assess the quality of written responses to citizens' appeals only when they are considered together with the initial appeals of the citizens. The authors use an innovative method, applying the linguistic textual approach to the analysis of pairs of business letters. Correlative linguistic textual analysis is demonstrated in the field of two text categories: theme and composition. The article shows the thematic correlation between the response and the original business letter and highlights the most common violations of the categorial thematic correlation (shift of the subject matter of the original

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов 17-29-09158 офи_м «Создание корпуса официально-деловых текстов русского языка (ОДКРЯ)» и 18-012-00382 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

** Citation: Matveeva, T., Shirinkina, M. (2020). Correspondence Between Citizens and Executive Power: Correlative Text Analysis. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 190–202. DOI 10.15826/qr.2020.1.456.

Цитирование: Matveeva T., Shirinkina M. Correspondence Between Citizens and Executive Power: Correlative Text Analysis // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 190–202. DOI 10.15826/qr.2020.1.456 / Матвеева Т., Ширинкина М. Переписка граждан с исполнительной властью: коррелятивный текстовый анализ // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 190–202. DOI 10.15826/qr.2020.1.456.

letter, incomplete thematic correspondence of the text units in the pair, etc.). The analysis of composition is based on the model composition signs of the letter of appeal and the official reply. Theoretical observations of the linguistic textual character are relevant to the practice of composing official response letters to citizens' appeals. The use of correlative linguistic text analysis opens an opportunity to objectively evaluate the logical and linguistic quality of the official response letter and develop a methodology for composing response letters on the basis of the source texts.

Keywords: official correspondence; text category; theme; composition; correlative analysis.

Статья построена на материале письменных обращений граждан в органы исполнительной власти и ответов на них должностных лиц. Авторы исходят из того, что объективно оценить качество письменных ответов на письма граждан можно только при условии их рассмотрения в соотношении с исходными обращениями. Новизна исследования – в применении лингвотекстового подхода к анализу пар деловых писем. Коррелятивный лингвотекстовый анализ продемонстрирован в области двух текстовых категорий – темы и композиции. Прослежена тематическая корреляция ответного и исходного деловых писем, выделены наиболее распространенные нарушения категориально-тематической корреляции (сдвиг тематики исходного письма, неполное тематическое соответствие текстовых единиц пары). Анализ композиции опирается на типовые композиционные признаки письма-обращения и ответного официального письма. Теоретические наблюдения соотношены с практикой составления официальных ответных писем на обращения. Применение коррелятивного лингвотекстового анализа открывает возможность объективной оценки логико-лингвистического качества официального ответного письма и разработки методики составления ответных писем в опоре на исходные тексты.

Ключевые слова: деловая переписка; текстовая категория; тема; композиция; коррелятивный анализ.

Обращение к власти – это значимый компонент правового статуса гражданина, установленный Конституцией Российской Федерации. В соответствии с законодательством, «государственный орган, орган местного самоуправления или должностное лицо: 1) обеспечивает объективное, всестороннее и своевременное рассмотрение обращения... 4) дает письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов» [О порядке рассмотрения обращений граждан, ст. 10]. Иными словами, ответы на обращения граждан обязательны, и они должны быть содержательными, обоснованными. Деловая переписка между гражданами и властными структурами является значимой составляющей дискурса исполнительной власти [Ширинкина].

Исследование этого материала обычно проводится на субжанровой основе, когда единицей анализа является отдельно взятый текст делового ответного письма [Федюрко; Фэн и др.], в том числе некачественный текст [Жильцов; Алексеева; Пучкова]. Вместе с тем, письмо является одной из сторон диалога, беседы автора и адресата, ведь, как правило, оно требует ответа или само оказывается ответом на более раннее послание. Правы исследователи, которые утверждают, что инициативное и ответное письма нельзя изучать обособленно, поскольку «изолированное письмо, трактуемое вне взаимосвязи встречного и ответного, совокупность которых составляет переписку, во многом может осложнить работу исследователя» [Сметанин, с. 8]. Опорой для нас служит также теория М. Бахтина, обосновавшего диалогичность в качестве фундаментального свойства речи [Бахтин].

Монологическое оформление деловых текстов и официальный характер общения существа диалогических отношений не меняют. Будучи монологом, письмо всегда ориентировано на конкретного адресата и «требует учета адресантом ответного восприятия адресата, что является особенностью любого устного диалога» [Акишина, с. 57]. Из сказанного следует, что ответ на обращение гражданина, инициировавшего деловой диалог, следует рассматривать в паре с самим этим обращением. Только оперируя структурной текстовой единицей в виде пары деловых писем (далее – ПДП), мы получаем возможность судить о качестве ответного письма, и характер корреляции писем может служить объективным критерием в эпистолярном диалоге. Таким образом, предметом научного исследования становится корреляция смыслов исходного и ответного письма.

При решении проблемы перспективен лингвотекстовый метод анализа материала, соединяющий когнитивный, собственно языковой и коммуникативный аспекты и позволяющий выделить принципиально значимые линии сопоставления текстов-стимулов и текстов-реакций. В данной работе сопоставление единиц текстовой пары опирается на категориально-текстовую концепцию лингвистического анализа [Матвеева, 1990], а исследовательское внимание ограничено двумя опорными тесно связанными друг с другом текстовыми категориями – содержательной категорией темы и структурной категорией композиции текста.

Текстовая категория темы в ПДП

Тема текста – это его содержательное ядро, интеллектуальная база авторского замысла в свернутом виде. В тексте тема реализуется в виде ряда семантически тождественных номинаций предмета речи. Последовательность таких номинаций образует тематическую цепочку, которая проходит через весь текст и обеспечивает его смысловую целостность [Матвеева, 2003, с. 542]. Для ситуации деловой переписки наибольшее значение имеет проблемная тема текста, непосредственно фиксирующая предмет обсуждения, с которым связана та или иная социальная проблема автора инициативного письма.

В корректной деловой переписке наблюдается проблемно-тематическое соответствие ПДП – текста-стимула (1) и текста-реакции (2).

ПДП-1

(1) Уважаемый Владимир Исаевич!

Сообщаю Вам, что по улице Максима Горького в границах придомовой территории дома... действует круглосуточная **автопарковка**. Дом находится на обслуживании управляющей компании... Периодически охранник **автопарковки** предъявляет ко мне требования по оплате за стоянку моей автомашины у подъезда дома.

Прошу рассмотреть **вышеуказанные факты** [Ø] и принять **меры** [Ø] в соответствии с действующим законодательством. О **результатах** [Ø] прошу проинформировать меня в сроки, предусмотренные законодательством.

С уважением...

(2) Уважаемый Александр Сергеевич!

На Ваше обращение по вопросу деятельности **автостоянки** по адресу... сообщаем, что **автостоянка** является несанкционированной, проектной документации на размещение **автостоянки** по данному адресу в администрацию района не предоставлялось. Администрацией района в адрес управления милиции № 1 УВД по г. Перми направлены документы для проведения соответствующих **мероприятий** [Ø] и принятия **мер** [Ø].

На основании решения Пермской городской Думы от 08.11.2005 № 192... ликвидация постов охраны **автостоянок** производится в судебном порядке.

С уважением,

Заместитель главы администрации...

В приведенной текстовой паре запрос содержит в себе тематическую цепочку из четырех единиц – полнозначной номинации *автопарковка*, ее повторения и нулевых номинаций (знак [Ø]), уясняемых из контекста: *вышеуказанные факты* (об автопарковке); *меры* (касающиеся автопарковки); *результатах* (проверки фактов, касающихся автопарковки). В ответном письме неофициальная номинация *автопарковка* заменена тождественной по смыслу стандартной для деловой практики номинацией *автостоянка*, и с этой коррективой текст содержит аналогичную тематическую цепочку: *автостоянка* (четыре повторения) и три контекстно обусловленные нулевые номинации. Столь однозначная взаимосвязь тематических цепочек устраняет всякие сомнения, касающиеся предмета обсуждения. Тематическая корреляция обращения и ответа находится на должном уровне, конкретность темы подчеркивается плотностью тематических цепочек.

В данном случае поднимаемая гражданином проблемная тема (деятельность автостоянки) подана целостно и не разбивается на подтемы, что облегчает текстовый диалог сторон. Чаще же автор письма-обращения, мотивируя положение дел, прибегает к детализации темы, что открывает возможность ее сдвига или неполного тематического соответствия текстов ПДП. В письме-реакции может отражаться не весь набор тем исходного письма, а только та их часть, по которой принято положительное решение властных структур. Неудобные проблемные темы игнорируются.

ПДП-2

(1) Здравствуйте!

Вынуждены обратиться к Вам с жалобой на бездействие владельцев УК «Комфорт»... по защите жильцов дома...

Дело в том, что с сентября 2010 года в нашем доме открыто слуховое окно в подвале... куда проникают **собаки**. Третий месяц жители потеряли покой и сон. **Собаки** создают постоянный вой и лай в течение всех суток, включая ночь! [Ø] Пугают прохожих, особенно страшно за детей. Около дома мусорные бачки, содержание этих бачков растаскивается **животными** вдоль всей придомовой территории.

По этому вопросу [Ø] обращались в УК «Комфорт»... к инженеру... Самостоятельно звонили по вопросу отлова **собак** городскому диспетчеру приюта **бездомных собак** по тел. ... в декабре, январе. Отлов [Ø] был назначен в К-м районе на 26 января. Но **собаки** как бегали стаями, так и бегают и продолжают обитать в подвале нашего дома. Вызывает возмущение такое полное безразличие о состоянии подвала и условиях работы в нем сотрудников УК после пребывания там большого количества **собак**. После всех наших звонков [Ø] сотрудники УК бездействуют...

Убедительно просим помощи в решении нашей проблемы [Ø]:

<...>

Следить за состоянием подвала, в том числе подвальных окон;

Найти возможности для переноса мусорных бачков в другое место либо огородить территорию с бачками высокими сетками;

Тесно работать с организациями по отлову **бездомных животных** и отвечать за безопасность нашего двора.

Жители дома...

(2) На Ваше обращение, поступившее в адрес управления жилищно-коммунального хозяйства администрации города... сообщаем.

В настоящий момент продухи в подвальном помещении многоквартирного дома по ул. ... закрыты, меры к ограничению доступа в подвальное помещение приняты.

Заместитель начальника управления...

Несмотря на низкое речевое качество данной жалобы жильцов дома на бездействие управляющей компании (УК) и фактические ошибки (подвальное окно-продух названо *слуховым окном*), с содержательно-текстовой стороны оно составлено правильно. В тексте сформирована объектно-тематическая цепочка, характерная для субжанра жалобы. С ее помощью фиксируется объект жалобы жильцов – управляющая компания. В состав этой цепочки входит как базовая номинация УК «Комфорт», так и конкретизированные номинации с эксплицитным или имплицитным указанием на базовую: *владелец УК «Комфорт»; инженер (УК «Комфорт»), зам. управляющего по качеству обслуживания (УК «Комфорт»), сотрудники УК («Комфорт»),* а также, применительно ко второй номинации, субститут *она*.

Данная тематическая цепочка не является основной, поскольку главное в тексте жалобы – формулировка проблемы, ее обоснование и просьба об устранении. Обращение к проблемно-тематическому составу текста показывает ключевую номинацию проблемы – *бездомные собаки*. Номинация проблемной темы проходит через весь текст, она повторяется в тексте восемь раз в прямом (*бездомные собаки*) и таксономически обобщенном виде (*собаки, животные, бездомные животные*), а также в пяти нулевых номинациях (проблемно-тематическая цепочка текста (1) ПДП-2 выделена выше). На предикативной основе уточняется суть проблемы и дифференцируется проблемная тема: *бездомные собаки обитают в подвале дома; бегают стаями, пугая прохожих; растаскивают мусор; воют ночами*. В жалобе указываются также способы изменения данной ситуации, так что предметная тема «бездомные собаки» получает развитие в трех конкретно-предметных направлениях: состояние подвальных окон и подвала здания; реорганизация места сбора мусора в данном дворе; отлов бездомных животных.

В ответном официальном письме должны быть отражены все названные темы в их иерархии, а также определено отношение администрации района к бездействию управляющей компании. Однако в ответе отражена только одна подтема исходного текста (продухи в подвальных помещениях), относительно двух других применяется фигура умолчания. Основная же тема – *бездомные собаки* как источник неудобств и даже опасности для жителей – даже не упомянута.

Крайний случай тематического несоответствия текстов деловой переписки с гражданами связан с полным игнорированием заданной в письме-стимуле проблемной темы. Именно такое ответное письмо в полном смысле является бюрократической отпиской. В нашем материале, включающем 120 ПДП, полное тематическое несоответствие текста-реакции тексту-стимулу зафиксировано лишь трижды.

Переведем наблюдения над категорией темы в ПДП в практический план. Работа должностного лица с проблемой, зафиксированной в полученном письме, предполагает осмысление тематического состава исходного письма, выявление его основной проблемной темы и определение ее структуры, если тема структурирована.

Лингвосмысловая методика данных действий опирается на вербальный состав текста и несколько постулатов, вытекающих из общих закономерностей организации текста. Первый из них заключается в том, что основная проблемная тема письма-обращения проходит через весь текст (что не означает повторения одной и той же вербальной номинации; тема может номинироваться разными лексическими единицами, тождественными семантически). Второй постулат связан со структурированием темы, он заключается в том, что это логическое действие автора исходного письма может осуществляться как на номинативной, так и на предикативной основе (обычно путем фиксации событий, мотивирующих постановку проблемы: *охранник требует оплаты парковки; бездомные собаки пугают жителей* и т. п.).

Профессиональной обязанностью должностного лица является отражение в ответном письме всего проблемно-тематического состава исходного письма с учетом иерархии тем и преимущественным вниманием к основной проблемной теме текста. Тематическое несоответствие парных писем является грубым недостатком деловой переписки.

Текстовая категория композиции в ПДП

Композиция – структурная текстовая категория, регламентирующая последовательность содержательных частей текста, мотивированную замыслом автора [Купина, Матвеева, с. 127–128]. Типовой авторский замысел закреплён в жанре текста: понятие жанра предполагает наличие типовой цели его создания и более или менее стандартной группировки содержательных компонентов текста, отражающей вербальное движение к этой цели. При статическом подходе к тексту универсальным стандартом структурирования является трехчастная композиция, предполагающая наличие в тексте введения, основной части и заключения.

Официально-деловой стиль речи характеризуется клишированной композицией с жестко закрепленным содержанием и последовательностью компонентов текста. Хотя авторы писем-обращений не обучены технологии их создания, на уровне общей логики изложения развертывание темы осуществляется в них сходным образом. В основной части письма-обращения выделяется тезисный компонент – описательная часть обращения [Сологуб, с. 130], в котором формулируется проблемная тема текста (см. выше: *незаконная деятельность автостоянки; опасность, исходящая от бездомных собак*). Обязательной приметой тезисного компонента является использование проблемно-тематической номинации целого текста. За описательной частью следует мотивировочная, содержащая обоснование обращения (факты и аргументы) и, наконец, просительная часть – запрос действий со стороны административной власти по представленной проблеме. Эта часть может содержать повторение тезиса письма [Там же].

Описанная структура текстов-обращений воспроизводится в письмах граждан далеко не всегда. Отклонения от композиции «правильного» письма-обращения разнообразны. Наиболее распространено отсутствие заключительной части, в которой фиксируются ожидания гражданина, часто встречаются случаи избыточной детализации событий. Увлечшись описанием проблемной ситуации, автор может вообще забыть о формулировке просьбы к должностному лицу. Структура исходного письма-обращения оказывается неполной или не проявленной.

ПДП-3

(1) SOS! Тонем в своей квартире! Координаты... Кто-то очень умный в УК решил делать капитальный ремонт крыши в конце сентября, но неожиданно осенью пошли дожди и снега (почему-то). Понятное дело – деньги пилят. Сейчас по всей квартире дожди – тазов и кастрюль не хватает. Льет даже через лампы. От сырости вонь. <...> Обои отходят. В администрациях говорят – все вопросы к УК. В УК говорят – ремонт закончим, тогда и в квартире лить перестанет, а ремонт закончат, когда сухая погода будет. Правда, обещали и в квартире ремонт сделать. А до этого будем тонуть... SOS!

(2) Здравствуйте. Действительно, в процессе проведения работ по капитальному ремонту крыши во время атмосферных осадков произошло **затопление жилых помещений** в многоквартирном доме...

Управляющей компанией совместно с подрядной организацией, выполняющей капитальный ремонт кровли, составлены акты осмотра по **затопленным квартирам**. В целях недопущения дальнейшего **затопления квартир** от атмосферных осадков подрядной организацией выполнены работы по закрытию поверхности кровли защитным материалом. Ответственность по причиненному ущербу, нанесенному собственникам и нанимателям **жилых помещений**, в период проведения ремонта крыши в соответствии с договором подряда возложена на организацию, осуществляющую капитальный ремонт. После выполнения капитального ремонта кровли в полном объеме подрядной организацией будет осуществлен ремонт **квартир, пострадавших от затопления**.

С уважением,
Заместитель начальника управления...

Письмо-обращение в ПДП-3 характеризуется повышенной эмоциональностью: применяются лексемы с семантикой оценки и усиления (*тонуть, даже, вонь*); разговорный фразеологизм *пилить деньги*; стилистический прием иронии (лексемы *умный, неожиданно* используются в противоположном смысле по отношению к их словарному значению); восклицательные синтаксические конструкции. Эти сред-

ства эксплицируют негативную оценку работы управляющей компании, при этом гражданин не формулирует просьбу к представителям власти официальным языком, а применяет для этого международный сигнал бедствия, принятый в радиотелеграфной связи: SOS!

Таким образом, в композиционном отношении (как и в стилистическом) данный текст обращения составлен неправильно, его описательная часть раздута, а тезисная и просительная не выделены как таковые. Практическая проблема логико-лингвистического характера, встающая перед специалистом на первом этапе подготовки ответного письма, состоит в приведении содержания «неправильного» исходного письма к композиционно-тематическому стандарту письма-обращения.

Проблемная тема текста определяется через вопрос, в чем состоит затруднительное положение гражданина (затопление квартиры, в результате – испорченное жилище) и каковы причины данного положения вещей (дожди во время проведения ремонта крыши). Столь эмоционально выраженная просьба жильцов сводится к деловым позициям с помощью вопроса о том, чего хотят авторы жалобы: защитить квартиру от течи и отремонтировать пострадавшие помещения. Оказывается, вся необходимая для письма-жалобы информация в данном тексте есть. Его недостатки носят стилистический, а не логический характер. Лингвосмысловая задача сотрудника администрации состоит в обработке тематического содержания («перевode» проблемы на язык деловых отношений), что легче делать в опоре на типовую композицию текста письма-обращения и с учетом типовой функциональной нагрузки каждой его части.

В свою очередь, правильное служебное письмо-ответ должно включать следующие обязательные структурные компоненты: введение (содержит ссылку на письмо гражданина с кратким указанием его темы), основную часть (представляет собой сообщение о решении проблемы или аргументацию отказа заявителю), заключительную часть (вывод, перспективы, советы).

В ПДП-3 официальный ответ начинается с констатации факта описанной гражданином проблемы (*В процессе проведения капитального ремонта крыши произошло затопление жилых помещений*). Таким образом, администрация полностью признает наличие проблемы. Этот фрагмент текста выделен в отдельный абзац. Можно констатировать соответствие данной вводной части ответного письма тезисному фрагменту письма исходного.

Далее в ответном письме перечисляются меры, принятые для устранения проблемы (*управляющей компанией и подрядной организацией составлены акты; подрядной организацией выполнены работы по закрытию кровли защитным материалом*). Автор письма определяет ответственного за нанесенный жильцам ущерб (ответчиком является подрядная организация, выполняющая ремонт кровли) и дает обещание выполнить ремонт пострадавших квартир по окончании

капитального ремонта крыши. В данной композиционной части отсутствует весьма существенная для гражданина информация о сроках выполнения работ, что снижает качество ответа, однако в целом эта часть соответствует детализирующей части исходного письма.

Таким образом, композиционное соотношение в рамках данной ПДП адекватно и в основном отвечает стандарту такого рода текстов. Отметим, однако, отсутствие в ответном тексте заключительной части, что могло бы сообщить ему смысловую законченность. По логике текстового соответствия, заключение должно согласовываться с просительной частью письма заявителя, в другом случае – носить дополнительный проспективный характер.

Заключение официального ответного письма может содержать вывод по данному инциденту, информацию о сроках намеченных действий, средствах связи с непосредственными ответственными за проблемную ситуацию, перспективных действиях заявителя в спорном случае и т. п. Состав этой части официального ответного письма в лингвотекстовом отношении не исследован, есть лишь отдельные замечания в учебных пособиях по деловой речи и инструкциях по делопроизводству [Деловое письмо, с. 90; Инструкция, п. 5.7.5]. Этикетные концовки, содержащие извинение в случае признания отмеченной заявителем проблемы, в русской официальной переписке, как правило, не используются (в отличие от переписки коммерческой).

Опора на представление о типовой композиции письма-обращения и ответного письма, композиционное сопоставление текстов одной ПДП открывают возможность лингвосмыслового структурирования пар текстов по единым правилам.

* * *

Обращения граждан в органы власти и ответы на них должностных лиц тесно связаны содержательно и композиционно. Как научное осмысление, так и деловая практика переписки такого рода требуют одновременной работы с парой деловых писем. Структурно-содержательные и языковые показатели качества или некачества ответного письма устанавливаются путем коррелятивного анализа ответных и исходных писем по текстовым категориям темы и композиции. Сравнение содержательного наполнения парных писем обнаруживает их тематическое соответствие либо несоответствие (подмену предмета обсуждения, неполноту ответа заявителю и др.), последнее является свидетельством некачества ответного текста. Некачественный текст может также характеризоваться композиционным несоответствием, в том числе отсутствием необходимых структурных компонентов текста.

Категориально-текстовый подход к анализу пар деловых писем открывает возможность сопоставления исходного и ответного писем

на общих логических основаниях, вне зависимости от их конкретной проблематики и стилистического качества. На этой основе могут быть выработаны лингвотекстовые правила анализа исходных и составления ответных официальных писем. Общее правило состоит в установлении лингвосмысловой корреляции единиц текстовой пары, общая рекомендация – в опоре ответного письма на тематический состав и композицию исходного.

Первоначально осуществляется лингвотекстовой анализ исходного письма. Специалист должен оценить исходный текст с тематической точки зрения: выделить объектную и проблемную темы, определить проблемные позиции, понять суть просьбы гражданина относительно сложившейся проблемной ситуации. За каждой из этих операций просматривается композиционный фрагмент будущего письма-ответа. Дополнительной необходимостью официального лица в случае стилистического и смыслового несовершенства исходного письма является стилистическое приведение данного текста к жанровым стандартам письма-обращения, что предполагает вербализацию не эксплицированной или нестандартно эксплицированной в письме-обращении смысловой позиции.

При составлении ответного письма специалист следит за отражением проблематики инициативного письма и просьбы/предложения гражданина в официальном ответе на него. При этом частные проблемные темы, поставленные в исходном письме, могут группироваться по смысловому или функциональному принципу, но его тема и подтемы должны быть отражены в официальном ответном письме под углом решения основной проблемы исходного письма.

Категориально-текстовой подход к анализу пар деловых писем не исчерпывает собой лингвосмыслового сопоставления текстовых составляющих пары, но может составить основу этого сопоставления. Композиционно-тематическое развертывание официального письма формирует его структурно-логический базис, в опоре на который могут ставиться все дальнейшие логико-лингвистические и стилистические вопросы, связанные с качеством официальной переписки граждан и административной власти.

Список литературы

Акишина А. А. Письмо как один из видов текста. Статья первая : Общие сведения об эпистолярном жанре // Русский язык за рубежом. 1982. № 2. С. 57–63.

Алексеева А. В. Порождения и восприятия русскоязычного документа в современной концепции научных исследований (на примере ответов должностных лиц на обращения граждан) // Евразийский союз ученых. 2014. № 5. С. 10–12.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.

Деловое письмо : учеб.-справ. пособие / авт.-сост. И. Н. Кузнецов. М. : Дашков и К°, 2012. 196 с.

Жильцов С. Типология бюрократических отписок по итогам анализа эмпирических данных и опроса экспертов // Экономика и жизнь регионов Черноземья : [сайт]. 2015. 13 июля. URL: <http://www.eizh.ru/articles/analitika/tipologiya-byurokraticheskikh>

otpisok-po-itogam-analiza-empiricheskikh-dannykh-i-oprosa-ekspertov/ (дата обращения: 10.03.2018).

Инструкция по делопроизводству в администрации города Перми (в ред. распоряжения Администрации г. Перми от 17.07.2017 № 108) // Консорциум Кодекс : электрон. фонд правовой и нормативно-тех. документации : [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/428691174> (дата обращения: 15.08.2018).

Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. М. : Юрайт, 2013. 415 с.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 170 с.

Матвеева Т. В. Тема текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта : Наука, 2003. С. 542–544.

О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федер. закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.11.2017) // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=283578&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.16863101020409088#08270987817680018> (дата обращения: 15.07.2018).

Пучкова А. В. Речевой жанр *канцелярская отписка*: лингво-аргументативный анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь : [Б. и.], 2011. 18 с.

Сметанин В. А. Новое в развитии представлений об эпистографии // Античная древность и Средние века. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1980. Вып. 17. Античные традиции и византийские реалии. С. 5–18.

Сологуб О. П. Особенности проявления тенденции официализации в различных типах деловых текстов (на материале обращений в официальные инстанции) // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2008. № 26. С. 126–136.

Федюрко С. Ю. Стилистические особенности русского делового письма как жанровой разновидности официально-делового стиля : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж : [Б. и.], 2002. 21 с.

Фэн Х. Жанр делового письма и его субжанры : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : [Б. и.], 2006. 24 с.

Ширинкина М. А. Документы исполнительной власти в функционально-стилистической системе русского языка // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. Т. 19. 2017. № 2 (163). С. 134–146. DOI 10.15826/izv2.2017.19.2.030.

References

Akishina, A. A. (1982). Pis'mo kak odin iz vidov teksta. Stat'ya pervaya. Obshchie svedeniya ob epistolyarnom zhanre [The Letter as One of the Types of Text. Article 1. General Information on the Epistolary Genre]. In *Russkii yazyk za rubezhom*. No. 2, pp. 57–63.

Alekseeva, A. V. (2014). Porozhdeniya i vospriyatiya russkoyazychnogo dokumenta v sovremennoi kontseptsii nauchnykh issledovaniy (na primere otvetov dolzhnostnykh lits na obrashcheniya grazhdan) [Generations and Perceptions of the Russian-Language Document in the Modern Concept of Scholarly Research (with Reference to Responses of Officials to Citizens' Appeals)]. In *Evrasiiskii Soyuz uchenykh*. No. 5, pp. 10–12.

Bakhtin, M. M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskustvo. 445 p.

Fedyurko, S. Yu. (2002). *Stilisticheskie osobennosti russkogo delovogo pis'ma kak zhanrovoi raznovidnosti ofitsial'no-delovogo stilya* [Stylistic Features of Russian Business Writing as a Genre Variety of Official and Business Style]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, S. n. 21 p.

Fen, Kh. (2006). *Zhanr delovogo pis'ma i ego subzhanry* [The Genre of a Business Letter and Its Sub-Genres]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, S. n. 24 p.

Instruktsiya po deloproizvodstvu v administratsii goroda Permi (v redaktsii rasporyazheniya Administratsii goroda Permi ot 17.07.2017 № 108) [Guidelines for Office Work in the Administration of the City of Perm (In the Edition of the Order of the City

Administration of Perm as of 17 July 2017, No. 108)]. In *Konsortsium Kodeks. Elektronnyi fond pravovoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [website]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/428691174> (mode of access: 15.08.2018).

Kupina, N. A., Matveeva, T. V. (2013). *Stilistika sovremennogo russkogo yazyka* [Stylistics of the Modern Russian Language]. Moscow, Yurait. 415 p.

Kuznetsov, I. N. (Ed.). (2012). *Delovoe pis'mo. Uchebno-spravochnoe posobie* [Official Letter: Study Guide]. Moscow, Dashkov i K°. 196 p.

Matveeva, T. V. (1990). *Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategorii* [Functional Styles in the Aspect of Text Categories]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 170 p.

Matveeva, T. V. (2003). Tema teksta [The Theme of the Text]. In Kozhina, M. N. (Ed.). *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka*. Moscow, Flinta, Nauka, pp. 542–544.

O poryadke rassmotreniya obrashchenii grazhdan Rossiiskoi Federatsii. Federal'nyi zakon ot 02.05.2006 № 59-FZ (redaktsiya ot 27.11.2017) [On the Procedure for Examining Applications from Citizens of the Russian Federation. Federal Law No. 59-FZ of 02.05.2006 (as Amended on November 27, 2017)]. In *Konsul'tantPlyus* [website]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=283578&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.16863101020409088#08270987817680018> (mode of access: 15.07.2018).

Puchkova, A. V. (2011). *Rechевой zhanr kantselyarskaya otpiska: lingvoargumentativnyi analiz* [The Speech Genre of a Bureaucratic Formal Reply: Linguistic and Argumentative Analysis]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver', S. n. 18 p.

Shirinkina, M. A. (2017). Dokumenty ispolnitel'noi vlasti v funktsional'no-stilisticheskoi sisteme russkogo yazyka [Executive Documents in the Functional Styles System of the Russian Language]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. Vol. 19. No. 2 (163), pp. 134–146. DOI 10.15826/izv2.2017.19.2.030.

Smetanin, V. A. (1980). Novoe v razvitii predstavlenii ob epistolografii [New Findings about the Development of the Idea of Epistolography]. In *Antichnaya drevnost' i Srednie veka*. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. Vol. 17. Antichnye traditsii i vizantiiskie realii, pp. 5–18.

Sologub, O. P. (2008). Osobennosti proyavleniya tendentsii ofitsializatsii v razlichnykh tipakh delovykh tekstov (na materiale obrashchenii v ofitsial'nye instantsii) [Features of Manifestation of the Tendency of Officialisation in Various Types of Business Texts (Based on Appeals to Official Structures)]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 26, pp. 126–136.

Zhil'tsov, S. (2015). Tipologiya byurokraticheskikh otpisok po itogam analiza empiricheskikh dannyykh i oprosa ekspertov [A Typology of Bureaucratic Formal Replies according to the Analysis of Empirical Data and Expert Surveys]. In *Ekonomika i zhizn' regionov Chernozem'ya* [website]. July 13. URL: <http://www.eizh.ru/articles/analitika/tipologiya-byurokraticheskikh-otpisok-po-itogam-analiza-empiricheskikh-dannyykh-i-oprosa-ekspertov/> (mode of access: 10.03.2018).

The article was submitted on 03.04.2019

Origines

П. Д. Святополк-Мирский. 1900-е гг.

P. D. Svyatopolk-Mirsky. 1900s

Origines

DOI 10.15826/qr.2020.1.457

УДК 94(470.1/.2)+811.432.36:655.24+811.511.12:655.24

**ПОСТАВИТЬ ЛИТОВСКУЮ НАРОДНОСТЬ
НА ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ:
ЗАПИСКА КНЯЗЯ ПЕТРА СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО
О ЛАТИНО-ЛИТОВСКОМ ШРИФТЕ***

Максим Крот

Южный научный центр РАН,
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

**PUTTING THE LITHUANIAN NATION
ON THE RIGHT PATH OF DEVELOPMENT:
A NOTE BY PRINCE PYOTR SVYATOPOLK-MIRSKY
ON THE LATIN ALPHABET IN LITHUANIA****

Maxim Krot

Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

This article publishes a note by Prince P. D. Svyatopolk-Mirsky, governor-general of Vilna, Kovno, and Grodno between 1902 and 1904. The note focuses on a key issue of the management of the northwestern outskirts of the Russian Empire, the ban on book publication in Lithuanian printed in the Latin alphabet, which had been in use in the region since 1865. The ban was part of the policy of de-Polonisation and Russification of the northwestern region: implemented after the suppression of the Polish uprising of 1863–1864, it was aimed at protecting the local Lithuanian population from Polish influence.

* Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РНФ 17–78–20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

** Citation: Krot, M. (2020). *Putting the lithuanian Nation on the Right Path of Development*: a Note by Prince Pyotr Svyatopolk-Mirsky on the Latin Alphabet in Lithuania. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 205–221. DOI 10.15826/qr.2020.1.457.

Цитирование: Krot M. *Putting the lithuanian Nation on the Right Path of Development*: a Note by Prince Pyotr Svyatopolk-Mirsky on the Latin Alphabet in Lithuania // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 205–221. DOI 10.15826/qr.2020.1.457 / Крот М. *Поставить литовскую народность на правильный путь развития: записка князя Петра Святополк-Мирского о латино-литовском шрифте* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 205–221. DOI 10.15826/qr.2020.1.457.

However, by the late nineteenth and early twentieth centuries, it became obvious that the measure had not justified itself, provoking mass discontent of the Lithuanian population, which had previously been completely loyal to the imperial authorities. In Russian political circles, a controversy was unfolding about the future of the Latin alphabet for publications in Lithuanian, some of which is reflected in the document published in the article. Svyatopolk-Mirsky, who had the reputation of a liberal bureaucrat, was an ardent supporter of lifting the ban, seeking to justify his position to Emperor Nicholas II and the top leaders of the empire, i. e. members of the Committee of Ministers and the State Council, on whom the decision was ultimately dependent. Published for the first time, the note is currently stored in the State Archive of the Russian Federation (GARF), fund 1729 (Svyatopolk-Mirsky). The content of the note is much wider than its original task, since it concerns not only the lifting of the ban, but also the need to revise the policies of the imperial authorities in the western periphery as a whole and abolish the *a priori* repressive and violent methods of its implementation. Also, the note examines the need for cooperation with the local community loyal to the authorities. The study of the source is of considerable interest in the context of analysis of the transformation of the imperial authorities' policy on the periphery of the empire as they faced the need to establish a dialogue with the local public and find new methods to implement their Russification policy, which was considered impossible to reject at the time. Another significant information layer in the source is the political views and features of modern management practices advocated by Svyatopolk-Mirsky, which he realised in the northwestern region and subsequently tried to transfer to the all-Russian level when serving as minister of internal affairs.

Keywords: Russian Empire; P. D. Svyatopolk-Mirsky; Vilna governor-general; northwestern region; Latin-Lithuanian font; russification.

Предлагаемая записка виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора князя П. Д. Святополк-Мирского, занимавшего данный пост в 1902–1904 гг., посвящена необходимости отмена запрета издания книг на литовском языке, отпечатанных латинским шрифтом, действовавшим в регионе с 1865 г. Данный запрет являлся составной частью политики деполонизации и русификации Северо-Западного края, реализовывавшейся после подавления польского восстания 1863–1864 гг., и служил ограничению польского влияния на литовское население. К концу XIX – началу XX в. стало очевидно, что указанная мера себя не оправдала, вызвав массовое недовольство литовского населения, прежде вполне лояльного по отношению к имперским властям. В российских политических кругах развернулась полемика о дальнейшей судьбе латино-литовского шрифта, составной частью которой является представленный документ. Князь П. Д. Святополк-Мирский, имевший реноме либерального бюрократа, был горячим сторонником снятия указанного запрета, стремясь обосновать свою

позицию перед лицом императора Николая II и членами Комитета министров и Государственного совета, от которых зависело принятие соответствующего решения. Публикуемая впервые, записка в настоящее время хранится в ГАРФ, фонд 1729 (П. Д. Святополк-Мирского). Содержание записки намного шире ее первоначальной задачи, поскольку речь идет не только о снятии запрета на использование латино-литовского шрифта, но и о необходимости пересмотра политики имперских властей на западных окраинах в целом, об отказе от априорной доминанты репрессивно-насильственных методов ее реализации, о необходимости сотрудничества с местным сообществом, лояльным властям. Изучение данного источника представляет собой значительный интерес в контексте анализа трансформации окраинной политики имперских властей, стоявших на рубеже XIX–XX вв. перед необходимостью диалога с местной общественностью и поиска новых методов реализации идеологии русификации, отказаться от которой в данный период они не считали возможным. Другим значимым информационным пластом в источнике являются политические воззрения и особенности современных управленческих практик, отстаиваемые князем П. Д. Святополк-Мирским, которые он проводил в Северо-Западном крае и впоследствии, заняв пост министра внутренних дел, попытался перенести на общероссийский уровень.

Ключевые слова: Российская империя; П. Д. Святополк-Мирский; Виленское генерал-губернаторство; Северо-Западный край; латино-литовский шрифт; русификация.

Вопрос о латино-литовском шрифте являлся составной частью комплекса проблем, связанных с управлением пестрым в этническом и конфессиональном отношении Северо-Западным краем и, в более широком значении, всей окраинной политикой Российской империи. Важнейшей задачей политики имперских властей в западных губерниях являлось противостояние мощному в материальном и культурном плане польскому влиянию, которое проявлялось в широком распространении католического вероисповедания, господстве крупного шляхетского землевладения, а также в превалировании польской культуры и языка среди местной интеллигенции. Правительственную деятельность в регионе на протяжении всей второй половины XIX в. можно охарактеризовать как «оборонительную русификацию», поскольку она была направлена на ограждение недоминирующих этнических групп региона – литовцев и белорусов от конкурирующего польского ассимиляционного проекта путем максимального дистанцирования от польской культуры.

Новым обстоятельством, усложнявшим управление данным регионом, было активное формирование на рубеже XIX–XX вв. новой литовской идентичности, не вписывавшейся в традиционные имперские представления об этнополитической структуре

края как арене борьбы польского и русского начал. Следует отметить, что в этот период российские власти считали «литвинизм» гораздо менее опасным и более управляемым явлением, нежели «полонизм», опиравшийся на мощную культурную традицию. Именно эти обстоятельства определяли общую направленность политики российской администрации в Виленском генерал-губернаторстве, главой которого 15 сентября 1902 г. был назначен князь П. Д. Святополк-Мирский.

Социально-политическая обстановка в Северо-Западном крае в начале XX в. была беспокойной. Изучив полицейские обзоры о состоянии вверенных ему губерний, генерал-губернатор пришел к выводу, что основной причиной недовольства среди литовского населения края был запрет на печать литовских книг латино-литовским шрифтом, что фактически «ставило на нелегальное положение все население, так как практически у всех есть запрещенные буквари, календари или молитвенники». Эта ситуация создавала крайне благоприятную почву для антиправительственной пропаганды, дестабилизируя обстановку в регионе [ГАРФ. Ф.102. Оп. 101 (3-е делопроизводство). 1903 г. 1 ч. 23 л. А. Л. 4]. Данный запрет, по замыслам его инициаторов, должен был «содействовать поддержанию национальности» литовцев, развитию самостоятельной литовской культуры и литературы, свободной от «полонизма» [Сталюнас, с. 239–240].

Впервые идею публикации литовских переводов правительственных распоряжений кириллическим шрифтом высказал Н. А. Милютин, в 1864 г. возглавлявший гражданскую администрацию Царства Польского [Долбилов, с. 260]. М. Н. Муравьев, на которого в большинстве случаев указывают как на главного инициатора введения кириллицы для литовских изданий, испытывал сомнения относительно целесообразности данной меры, настаивая лишь на переходе к кириллице в сфере народного образования [Муравьев, с. 305]. Формально циркуляр о запрете издания и распространения в Северо-Западном крае литовских книг, напечатанных «польско-латинским алфавитом», был подписан генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом 6 сентября 1865 г. Однако содержание и сам характер этого циркуляра были направлены на то, чтобы придать ему форму простого технического воплощения идеи и «словесного распоряжения» М. Н. Муравьева, авторитет которого способствовал внедрению сомнительно целесообразного и сложно реализуемого распоряжения. Большинство современных исследователей отрицают не только факт «словесного распоряжения» М. Н. Муравьева, но и само наличие у него подобных устремлений [Сталюнас, с. 234–237].

Официальное подтверждение обязательного использования кириллицы в литовской печати на высшем уровне было сделано позднее, когда запрет уже активно применялся на практике. Высо-

чайшее распоряжение от 30 января 1866 г. обязывало печатать русским шрифтом казенные литовские издания, о частных изданиях в нем ничего не говорилось [РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 82. Л. 2]. В мае 1869 г. последовало распоряжение Главного комитета по делам печати при Министерстве внутренних дел о воспреещении «печатать книги на жмудском наречии латино-польскими буквами» [РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 363. Л. 168].

Святополк-Мирский мог воочию убедиться в неэффективности и, что самое важное, в бессмысленности данного запрета, поскольку угрозы «ополячивания» литовского населения, которой он должен был препятствовать, к началу XX в. уже не существовало, а в широких народных массах распространялся «литвинизм» [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 101 (3-е делопроизводство). 1903 г. 1 ч. 23 л. А. Л. 4]. Запретительные меры вызывали сопротивление литовцев и объективно усиливали осознание населением этнокультурной самобытности. Оно бойкотировало навязываемую властью кириллическую азбуку, игнорируя официально распространяемые кириллические книги на литовском языке. По инициативе Тельшевского епископа М. Валанчуса в Восточной Пруссии был налажен выпуск литовских книг на традиционной латинице, которые затем нелегально доставлялись через границу контрабандистами-«книгоношами». Несмотря на все усилия властей, поток нелегальных книг постоянно увеличивался, а конфискации и гонения дискредитировали имперские власти, выступавшие в неблагоприятной роли борцов против книг.

Для снятия этого запрета требовалась определенная политическая воля, подкрепленная четкой аргументацией, способной убедить высшие бюрократические круги. Святополк-Мирский осознавал, что проблема литовского шрифта не только является вопросом «первостепенной важности» для всего Северо-Западного края, но и имеет «государственное значение». Генерал-губернатор был сторонником поощрения литовского национального движения под контролем российской администрации, что впоследствии должно было привести к русификации литовцев в политическом и гражданском смысле при сохранении культурно-языковой национальной идентичности. В начале 1903 г. им была составлена обстоятельная «Записка по вопросу о латино-литовском шрифте», в которой он настойчиво доказывал необходимость немедленного снятия запрета на его официальное использование, приводя множество аргументов в пользу данного решения.

Содержание записки было включено в отчет князя П. Д. Святополк-Мирского о состоянии Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторства за 1902–1903 гг. в виде раздела «Литовская народность» [РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 352. Л. 37–42]. Данный отчет, согласно резолюции Николая II, представлявший собой «целую программу правительственной политики», был передан на рассмотрение Комитету министров [Там же. Л. 1], а также

в Министерство внутренних дел, финансов и народного просвещения, которые должны были дать оценку вносимым предложениям. Отдельные ее положения излагались генерал-губернатором в официальных обращениях к представителям высших эшелонов власти, в частности, к министру внутренних дел В. К. Плеве, от которых во многом зависело принятие окончательного решения [РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 83 г. Л. 44 об. – 53 об.]. Желая заручиться поддержкой научного сообщества и представителей императорской фамилии, Святополк-Мирский направил экземпляр записки великому князю Константину Константиновичу, президенту Императорской академии наук, передавшему ее на рассмотрение в отделение русского языка и словесности, которое на заседании 15 марта 1903 г. полностью поддержало инициативу генерал-губернатора [Там же. Л. 75–76 об.].

Решающую роль в поддержке инициативы Святополк-Мирского сыграл министр внутренних дел В. К. Плеве, который, сопоставив все аргументы сторонников сохранения запрета латиницы (в первую очередь предыдущего виленского губернатора В. Н. Троцкого) с доводами, приводимыми в записке князя, пришел к выводу о необходимости и желательности отмены «всех ограничений на употребление латинского и иного шрифта в произведениях литовской и жмудской письменности» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 83 в. Л. 305]. 13 апреля 1904 г. на заседании Комитета министров было принято положительное решение об отмене всех запретов на использование латиницы для литовской печати, а 24 апреля данное решение было утверждено Николаем II [РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 83 г. Л. 356–360, 338]. 1 мая 1904 г. вышел циркуляр, рассылавшийся губернаторам и другим высшим должностным лицам Северо-Западного края, в котором значилось: «В отмену всех прежде состоявшихся ограничительных постановлений и распоряжений правительства в отношении литовской и жмудской письменности, разрешить употребление в произведениях оной, сверх русского, также латинского или иного шрифта» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 83 г. Л. 356–360, 231]. Действовавший почти 40 лет запрет на использование латиницы в литовской печати был официально упразднен.

Данное решение, вызвавшее бурную радость среди литовского населения, было одним из наиболее значимых результатов усилий Виленского генерал-губернатора в культурно-просветительской сфере, которую он считал одним из наиболее важных рычагов аккумуляции литовского народа (подробно о деятельности Святополк-Мирского в этой сфере см.: [Крот, с. 69–80]).

Записка Святополк-Мирского дает развернутую картину становления и развития литовской печати от ее возникновения до начала XX столетия, аргументированно обосновывая необходимость снятия запрета на использование латинско-литовского шрифта. Однако содержание записки намного шире ее непосредственной задачи, поскольку в ней автор фактически предлагает новую модель окра-

инной политики, суть которой состоит в том, чтобы российские имперские власти выступили в роли «архитекторов» нациестроительства недоминирующих окраинных этносов, которые должны стать противовесом конкурирующему влиянию альтернативных ассимиляционных проектов. Данный документ ярко иллюстрирует новый взгляд на задачи имперской политики по отношению к национальным окраинам, который, находясь в рамках традиционной для данного региона политики «деполонизации» и «русского дела», призывает к отказу от доминирования репрессивных методов ее реализации, заменяя их новой диалогово-компромиссной формой управленческой практики.

Важным информационным пластом, содержащимся в данном источнике, являются политические воззрения и современные управленческие траектории, отстаиваемые ярким и неординарным представителем либеральной бюрократии начала XX в. В августе 1904 г. Святополк-Мирский был назначен на пост министра внутренних дел, положив начало разработке программы широких политических преобразований, связанных с привлечением общественных сил к управлению страной. Краткое пребывание князя на данном посту было названо современниками «правительственной весной» или «эрой доверия» власти к общественным силам. Знакомство с воззрениями князя, его представлениями о желательном характере взаимодействия с общественностью, изложенными в предлагаемой записке, хотя и в рамках решения конкретных региональных проблем, имеет значительный интерес для понимания той политической программы, которую Святополк-Мирский стремился реализовать на общероссийском уровне накануне революции 1905–1907 гг.

Записка представляет собой текст, распечатанный типографским способом на сшитых листах, экземпляр которой хранится в ГАРФ в фонде П. Д. Святополк-Мирского [ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 238], а также в РГИА, в фонде Департамента общих дел МВД [РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 83 г. Л. 67–74 об.] Еще один экземпляр записки, направленный 22 августа 1903 г. российскому и литовскому ученому-лингвисту Э. А. Вольтеру по его просьбе с сопроводительным письмом управляющего канцелярией виленского генерал-губернатора А. Харузина, обнаружен в библиотеке Академии наук [Книжно-иллюстративная выставка]. Настоящая публикация осуществлена по экземпляру, хранящемуся в ГАРФ, в соответствии с требованиями к изданию исторических документов [Правила издания исторических документов в СССР]. Стилистические и фонетические особенности документа сохранены, орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами русского языка. Подстрочные примечания принадлежат автору записки. Документ публикуется впервые.

**1903 г. – Записка Виленского, Ковенского и Гродненского
генерал-губернатора кн. П. Д. Святополка-Мирского
по вопросу об использовании латино-литовского шрифта
в Северо-Западном крае**

**(Л. 1) // Записка Виленского, Ковенского и Гродненского
генерал-губернатора по вопросу о латино-литовском шрифте.**

Войдя в подробное рассмотрение вопроса о шрифте литовских изданий, считаю своим долгом заявить, что я тому или другому решению этого вопроса придаю значение государственной важности. Что касается Северо-Западного края, то вопрос о литовском шрифте имеет здесь первейшее значение, и направление его определяет правильность постановки всей политики.

Выступив поздно на арену европейской истории, литовцы, вооруженные слабыми культурными средствами, поддаются под влияние русских, германских и польских соседей. При этих условиях жизнь литовского племени как нации делается немыслимой. Литва становится уделом в большей своей части Русского государства. Исторические невзгоды последнего дают временный перевес Польше. Падением же ее объединяется почти вся литовская территория с Державой России. В настоящее время лишь незначительная сравнительно часть литовцев (около 500.000 д.) обитает в Пруссии, коренная же масса литовского народа (свыше 2.000.000 д.) составляет русских подданных.

В этом обстоятельстве заключается существо литовского вопроса. Общее возбуждение к образованию, охватившее Европу в XVI в., не осталось бесследным и для литовского народа. Как во многих других местностях того времени, так и в Литве появляются народные деятели. Они кладут (Л. 1 об.) // начало к развитию литовской литературы. В 1547 г. появляется первая литовская книга¹. За ней следуют другие, и к началу XVII века насчитывается не менее 17 литовских книг. В следующее пятидесятилетие выходят в свет новые 18; к началу XVIII века – еще 16. В первую половину XVIII в. издаются 28 литовских книг, а во вторую – свыше 60. Столь медленное до XIX столетия развитие литовской книги и, следовательно, литературы объясняется теми тяжелыми условиями, в которых они находились. Литовская книга подвергается резкому преследованию с момента ее появления в середине XVI века. В это время книга конфисковывалась, уничтожалась. Кем это уничтожение производилось – неизвестно. Можно, однако, по примеру других местностей Европы предполагать, что главными гонителями литовской книги являлись лица римско-католического духовенства. Их вынуждало к этому небезосновательное опасение, что с развитием народно-литовской литературы в Литве пошатнется интернациональная Римская церковь в пользу протестантизма.

Литовская книга со времени ее возникновения в середине XVI века печаталась не иначе как латинскими буквами, иногда готическим спо-

собом их изображения. Однако уже в XVI веке литовским литераторам сделалось ясно, что латинский алфавит не в состоянии передать характерные литовские звуки. Поэтому литовцы, приспособлявая указанный алфавит к особенностям родного языка, быстро выработали свой алфавит, который справедливее всего назвать латино-литовским. Только шрифт этого рода, а не латино-польский, как ошибочно думают многие, мог передавать характерные для литовского языка долгие гласные, дифтонговые и носовые звуки. Идя по пути развития своего шрифта, литовцы ввели в латинский алфавит ряд знаков этому алфавиту, в применении его к польскому языку не свойственных².

Выше указано, что литовская литература развивалась до XIX века хотя и упорно, но медленно. В последнем означенном столетии дело издательства литовской книги (*Л. 2*) // резко меняется: в первую половину XIX века появляется в свет до 200 литовских книг, а во вторую – до 1000. Начиная со второй трети указанного столетия к литовским книгам присоединяются периодические издания, общее число которых превышает в настоящее время число 30.

С XVI по вторую половину XIX в. громадное большинство литовских книг печаталось на территории современных русских владений. Хотя уже в первое время развития литовских книг часть их выходила в Кёнигсберге и Тильзите, но центром литовской печати была с давних времен Вильна как культурно-исторический центр литовского племени. Кроме Вильны, литовские книги печатались в Кейданах, Супрасле, Двинске, Сувалках, а также в Риге и Митаве.

Таким образом, возникшая в XVI веке литовская литература, идя по пути своего естественного развития, держалась в пределах той территории, которая населена главной массой литовского племени. Россия, приобретя эту территорию и включив большую часть литовского народа в число своих подданных, имела полную возможность руководить развитием литовцев без ущерба для общих государственных интересов³.

Эти благоприятные условия резко изменяются со времени запрещения печатать литовские книги латино-литовским шрифтом. Запрещение это не основано на каком-либо законе и не прошло в законодательном порядке. Высочайшее повеление 30 января 1866 года вменяет в обязанность печатание русским шрифтом лишь казенных литовских изданий⁴. Что касается изданий частных, то требование печатать их русским шрифтом впервые предъявлено в 1864 году бывшим генерал-губернатором Северо-Западного края графом Муравьевым⁵. Мысли, которыми в данном деле руководствовался гр. Муравьев, заключались в сознании необходимости рассвободить от польского влияния коренное литовское население. Сознание этой необходимости нельзя ее признать правильным. (*Л. 2 об.*) // Но средство, избранное для достижения цели, совершенно ошибочно. Главнейшая ошибка заключалась в предположении, что литовцы употребляют в письменности латино-польский шрифт. Нельзя далее не признать за ошибку и то, что

совершенно не было принято во внимание наличное развитие литовской литературы. Конечно, литература эта, насчитывавшая в то время лишь несколько сот книг, не была богата. Но суть заключалась в интенсивности хода ее развития на началах уже столетиями усвоенного латино-литовского шрифта. Надлежало, казалось бы, иметь в виду, что шрифт сам по себе, не меняя языка, не в состоянии при латинском способе писания ополячить литовцев, а при русском – обрусить народ. Национальное свойство последнего, очевидно, определяется языком, а не шрифтом. Однако при скудности культурных средств, которыми мы обладали в 60-х годах, при убогости наличного тогда народного образования на русских началах, при несколько легковесном в то время отношении к требованиям филологии высшей администрации Северо-Западного края представлялось возможным достигнуть блестящих в смысле русского влияния результатов и путем внедрения русского шрифта в литовскую литературу. Мысли администрации были укреплены мнением ученых – Гильфердингом⁶ и Микуцким⁷ – и представлялись поэтому тем более правильными. Первым из них был составлен русский «букварь» для латышского языка в пределах Витебской губернии, а вторым – для литовского языка. Административная мера, принятая графом Муравьевым, была подтверждена генерал-губернатором фон Кауфманом⁸ в 1865 году. В дальнейшем мера эта сохранила свою силу, по-видимому, более по инерции. Правда, вопрос об отмене указанных распоряжений подымался неоднократно, но вопрос этот не подвергался серьезному обсуждению⁹. Сторонниками русского шрифта в литовском языке¹⁰ настойчиво указывалось, что Северо-Западный край исторически русский и должен оставаться таковым, причем совершенно упускалось из вида, что русский шрифт ни на йоту не меняет литовского языка и что последний, (Л. 3) // несмотря ни на какой алфавит, остается литовским, ничего общего не имеющим с языком русским.

В настоящее время истекает четвертое десятилетие со времени издания графом Муравьевым запрещения печатать литовские книги латино-литовским шрифтом. Срок этот достаточен, чтобы точно определить, чего предпринятая мера достигла, является ли она целесообразной, и правильно ли ее дальнейшее сохранение.

Из изложенного явствует, что запретительная мера застигла литовскую литературу в момент начала ее сильного развития. Последнее не было остановлено запрещением. Напротив, литовская литература выражается во второй половине XIX в. числом книг, в пять раз превышающим число изданных в первую половину XIX столетия. Но старые очаги литовской литературы (Вильна, Кейданы, Двинск и т. п.) гаснут; возникают новые: Тильзит, Мемель, Битены и Прекуль в Восточной Пруссии. Таким образом, центр литовской литературы переносится с нашей почвы, на которой, как указано, существует свыше 2.000.000 литовцев, на почву соседней державы, насчитывающей не более 500.000 душ литовской народности. Мало того, с раз-

витиём эмиграции в Америку в этой стране литовцы образовали колонию в 300.000 душ, сосредоточившую, в свою очередь, народную литературу.

Тем временем, когда за границей нашего государства естественно развивалась литовская литература (латино-литовским шрифтом), порождая сотни и сотни книг, вызывая к жизни десятки периодических изданий, у нас на Руси насаждалась своеобразная литовская книга русского шрифта правительственного издания. Несколько десятков молитвенников и календарей – вот все, что удалось противопоставить зарубежным изданиям. Это вполне понятно. Нигде и никогда литература не создавалась правительством. Развиваясь в связи с общим духовным ростом народа, литература всецело принадлежит обществу. Правительство может поощрять, даже направлять литературу, а не творить ее. (Л. 3 об.) // Несмотря на все запретительные меры, принятые в отношении латино-литовского шрифта, несмотря на казенные издания русским шрифтом, шрифт этот литовцам не привился. Правительственные издания, продававшиеся за бесценок, раздававшиеся даже даром, не расходились. По частному почину в России изданы лишь две-три литовские книги русским шрифтом, книги, не имевшие сбыта. Заграничные же издания, несмотря на дороговизну их, невзирая на риск, сопряженный с их контрабандным водворением, несмотря на конфискацию их*, штрафы, возлагаемые на держателей латино-литовских книг, аресты их сбытчиков, распространяются в Северо-Западном крае десятками тысяч¹¹.

С этим явлением необходимо считаться; его необходимо правильно объяснять.

Считаться с этим явлением необходимо потому, что оно затрагивает жизнь и интересы целой народности, народности, в главной своей массе принадлежащей к России. Сторонники русского шрифта в литовском алфавите указывают, что шрифт этот не привился потому, во-первых, что противниками являлись ксендзы – руководители литовского народа, во-вторых, потому, что средства, отпускавшиеся на издание литовских книг, были недостаточны, наконец, потому, что в издававшиеся правительством литовские римско-католические молитвенники (русского шрифта) вносились начала, чуждые и противоречащие даже началам учения Римской церкви. Объяснения эти нельзя считать вполне правильными. Нет сомнения в том, что употребление литовских молитвенников русского шрифта для антикатолической пропаганды, немедленно открытой литовским духовенством, дало этому духовенству в руки (Л. 4) // новое оружие для борьбы с правительственными литовскими изданиями. Но не может быть сомнения и в том, что главный неуспех русского шрифта и, сле-

* На таможне литовских книг конфисковано: в 1891–1893 гг. – 37.718; в 1894–1896 гг. – 40.335; в 1897–1899 гг. – 39.024, и в 1900–1902 гг. – 56.182. Число конфискованных книг полицией не приведено в известность (выделено мною. – М. К.).

довательно, казенных изданий заключается в том, что этот шрифт, запоздавший по сравнению с латино-литовским на три столетия, вводится в литовскую письменность тогда, когда литовская народность, создав свою литературу, развивала ее всеми своими духовными силами. Запрещение латино-литовского шрифта могло изгнать и действительно изгнало литовское издательство из России, но не было в состоянии погасить уже развившуюся народную письменность. Неудача русского шрифта всего меньше стоит в связи с недостаточностью ассигновавшихся на издания средств. Выше указано, что даже при даровой раздаче литовских книг русского шрифта издания не расходятся*. Увеличение средств и усиление изданий лишь увеличили бы число не разошедшихся экземпляров. Ксендзу-литовцу как противнику русского шрифта следует придать более глубокое, чем то обычно принято, значение. Ксендз литовской народности олицетворяет образованный класс. Происходя исключительно из крестьянской среды, преданный и Римской церкви, но еще более своей народности, он естественно сохраняет ее всеми мерами. Среди последних главное место занимает, как то вполне понятно, культивирование (*Л. 4 об.*) // литературного языка, вылившегося в течение столетий в латино-литовском шрифте. При этом само собою разумеется, что ксендз не может не содействовать ввозу заграничных литовских изданий, ибо только за рубежом, в Пруссии и Америке, существует литовское издательство. В этом издательстве участвуют русские литовцы (и в первую из них очередь ксендзы) едва ли не в большей степени, чем литовцы зарубежные.

Литовское племя стало во второй половине XIX в. в новую фазу своего развития. До того все поднимавшиеся по культурной лестнице слои литовского населения сливались с польской народностью. 1863 год, сломивший польское господство в Северо-Западном крае, в значительной степени рассвободил литовский народ¹². С этого преимущественно времени приостанавливается процесс ополячения литовцев: они идут по пути саморазвития. Степень последнего отражается и на усиленном развитии литовской литературы, на числе издающихся литовских книг. Ни литовцы-народники, ни польские политики не усматривали и не усматривают в латино-литовском шрифте элемента для ополячения литовцев. Напротив того, поляки-националисты видят для себя опасность именно в латино-литов-

* Ныне даже те лица, которые в свое время принимали горячее участие в введении русского алфавита в литовскую книгу, совершенно разочарованы в результатах предпринятой меры. Тем более удивляться можно, как некоторые из сторонников русского шрифта по настоящее время склонны верить, будто литовцы-простолудины пользуются этим шрифтом в частной переписке на литовском языке. Указывают, между прочим, будто солдаты-литовцы пишут родными литовскими письмами русскими буквами. Это мнение основано на недоразумении. Русские буквы применяются в литовских письмах лишь в тех случаях, когда неграмотный солдат-литовец поручает писать письмо грамотному солдату-русскому, диктуя ему письмо по-литовски. Такие письма, неудобочитаемые, разбираются с трудом деревенской интеллигенцией.

ском шрифте потому, что господство его знаменует развитие литовской литературы, а, следовательно, и народности. Поэтому введение русского шрифта, сколь безуспешно оно ни было бы, имеет с точки зрения польских интересов положительные стороны: шрифт этот настраивает литовцев против русского правительства, а, следовательно, облегчает и объединение, и слияние литовцев с поляками.

С польскими националистическими явлениями нельзя не считаться. Польский народ имел свою и политическую, и культурную историю. Польша – это древний соперник Руси. Многовековая культурно-политическая борьба между русскими и поляками не получила своего завершения. Упорным трудом в Северо-Западном крае достигнуто уже многое в отношении слияния этого «забранного», с польской (Л. 5) // точки зрения, края с коренной Россией. Необходимо в дальнейшем определенно и твердо ввести местное население в круг общих интересов Русского государства. С этой целью необходимо правильно руководить культурно подрастающий литовский народ, эту прочную здоровую расу, составляющую почти 1/3 всего населения Северо-Западной Руси. В этих видах необходимым представляется руководить духовным развитием литовской народности, в настоящее время совершенно утекающим из рук правительства. Между тем, ныне ум литовца питается исключительно теми печатными произведениями, которые как издания зарубежные и ввозимые контрабандным путем совершенно не рассматриваются нашей цензурой и, следовательно, никак не руководятся нашим правительством. Литовские песни, учебники языка, истории, географии, руководства по сельскому хозяйству, домоводству, ремеслам и т. п., не говоря уже об изданиях нелегального свойства и направленных непосредственно против нашего правительства, распространяются десятками тысяч, служа хорошим источником дохода для многих лиц, до полицейских чинов включительно. Нет сомнения, что с разрешением латино-литовского шрифта в России возникнет своя литовская литература. Она будет конкурировать с заграничною; ею можно руководить, развивая в соответствии с целями и видами правительства. Эта литература, направляемая цензурою, а наряду с этим русская школа не могут не повернуть взглядов литовского народа с Запада на Восток. Усматривать в саморазвитии литовцев какой-либо опасности для государственных целей России нет ни малейших оснований. Литовская народность есть народность без всяких исторических и культурных традиций. Этим, а равно малочисленностью и принадлежностью к нашему государству, предreshается историческое будущее – войти в общий состав населения России. Судьба литовского племени предreshена историей, как и судьба эстонской, латышской и т. п. народностей, не создавших своего культурного прошлого.

(Л. 5 об.) // Современное положение литовской народности в России, и в частности во вверенном моему управлению крае, должно считаться совершенно ненормальным. Общность церкви, к кото-

рой она принадлежит, с церковью, в лоне которой состоит польская народность, дает руководителям последней значительный перевес над мало (сравнительно) цивилизованным литовским народом. Назначение духовных начальств из польской народности, в крайнем случае из литовцев, с польской точки зрения благонадежных, уже издавна превратило Римскую церковь в надежное орудие колонизации и сделало эту церковь в Северо-Западном крае синонимом польской народности. Располячение Западной церкви является в высочайше вверенном мне крае насущною современною задачею. Обстоятельства времени складываются для этого ныне весьма благоприятно. Систематическое преследование литовской народности со стороны польской дискредитировало последнюю в глазах, можно сказать, всего литовского народа. Преследование со стороны польско-католических начальств литовского языка в костеле при проповеди и исповеди, насильственная замена литовской песни польской, преследование литовской книги, перевод неблагонадежных, с польской точки зрения, литовских ксендзов в глухие и малоодоходные приходы заставляют литовцев смотреть на русское правительство как на единственную свою опору. Польская противоправительственная пропаганда достигла среди литовцев немалых результатов, запрещение латино-литовского шрифта и развитие зарубежной литовской литературы имели свое крайне неблагоприятное, с государственной точки зрения, действие, но чувство преданности к России еще живо в литовском населении. Дальнейшее развитие этой преданности всецело зависит от самого правительства. Цель в данном случае достижима, конечно, не утеснениями, а правоммерным, соответственным с социальными законами развитием народа. При дальнейшем сохранении установившегося порядка отношения власти и вопросу о латино-литовском шрифте, по моему глубокому убеждению, могут появиться в отношении всего (Л. 6) // литовского населения такие осложнения, последствия которых вызовут для правительства серьезные затруднения.

К изложенному считаю долгом присовокупить, что ныне в распоряжении правительства, и в частности местной администрации, не имеется действительных средств для борьбы с ввозимой из-за границы литовской книгой. Поэтому борьба является совершенно бесцельной, вызывая озлобление народонаселения, развращая его тайным сбытом книги и вынуждая его к расходу весьма крупных средств на приобретение дорогостоящих контрабандных книг. Развращение населения усиливается и тем обстоятельством, что при преследовании латино-литовского шрифта с насильственным навязыванием книг русского шрифта наличность этих книг служит видимым признаком кажущейся благонадежности. По существу дела, является совершенно безразличным, кто поддерживает книги латино-литовского шрифта – ксендз или сам народ, так как решение вопроса в пользу этого шрифта определяется непреодолимостью

современного усиливающегося в его пользу течения. Ныне, когда процесс ополячения литовцев идет явно на убыль, наступило время окончательного обрусения местной школы. При этом обрусение утрачивает всякое значение вопроса об утеснении литовского языка вне школы, так как обрусение народа пойдет само собой. Что же касается русского шрифта, то он, не имея, по моему убеждению, никакого отношения к языку как к таковому, не заглушил даже развитие литовской литературы, которая, продолжая развиваться, лишь передвинулась с Востока – из наших пределов – на Запад – в Пруссию, снабжающую, как и Америка, наших литовцев книгами, утекающими из-под надзора правительственной власти.

На основании всего вышеизложенного я признаю не только своевременным, но и настоятельно необходимым освободить латино-литовский шрифт от каких бы то ни было запрещений и стеснений, разрешив в России печатание этим шрифтом литовских книг и периодических (*Л. 6 об.*) // изданий всякого рода. Правительство наше никогда не признавало нужным воздействовать на шрифт языка наших инородцев. Лишь в отношении литовского племени было допущено изъятие, ничем этим народом не заслуженное и не вызванное и никаких, кроме отрицательных, результатов не достигшее. Обращаясь в заключение к Высочайшему повелению 1866 года о печатании казенных литовских изданий исключительно русским шрифтом, я полагаю, что оно при рассвобождении латино-литовского шрифта в частных изданиях утратит всякое значение, тем более что столь авторитетное правительственное учреждение, как Императорская академия наук, пользуется при издании литовских книг исключительно латино-литовским шрифтом. Поэтому, по моему мнению, упомянутое высочайшее повеление подлежит отмене, так как эта отмена является логическим последствием разрешения латино-литовского шрифта. Общим разрешением употреблять латино-литовский шрифт разрешается сам собою и вопрос о ввозе литовских заграничных изданий. Ввоз этот подлежит упорядочению на общих, существующих для заграничных изданий основаниях. Снятие запрещения с латино-литовского шрифта поставит литовскую народность на правильный путь развития. Оно упростит многие из современных вопросов политики в Северо-Западном крае и облегчит задачи управления, так как внесет в двухмиллионное литовское население тот мир, в котором столь нуждается вверенная мне монаршею волею окраина.

Генерал-лейтенант кн. Святополк-Мирский.
Управляющий канцелярией Ал. Харузин
[ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 238. Л. 1–6 об.].
Подлинник

Комментарии

¹ Первая литовская книга, изданная в 1547 г. в Кёнигсберге, называлась «Простые слова катехизиса, легкая и скорая наука чтения и письма» и принадлежала перу Мартинаса Мажвидаса, литовского первопечатника и писателя. Книга была написана на жемайтском наречии литовского языка.

² Первая грамматика литовского языка была издана в 1653 г. в Кёнигсберге литовским духовным писателем Даниилом Клейном. В ней содержалось систематическое описание грамматического строя литовского языка и вводился ряд букв, дополняющих латинский алфавит, некоторые из которых сохранились в литовском алфавите по настоящее время.

³ Вильно, Ковно и большая часть территории современной Литвы вошли в состав России в 1795 г. после третьего раздела Речи Посполитой.

⁴ Автор не упоминает о распоряжении Главного комитета по делам печати при Министерстве внутренних дел о запрещении печати литовских книг «латино-польскими буквами» и ввоза их из-за рубежа, последовавших в мае 1869 г.

⁵ Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866) – российский военный, государственный, общественный деятель. В 1863–1865 гг. занимал пост виленского, гродненского и минского генерал-губернатора и командующего войсками Виленского военного округа. Принимал решительные и жесткие меры по подавлению польского восстания 1863–1864 гг. в Северо-Западном крае. Являлся сторонником русификации и ослабления польского влияния в крае, в целях которого выступил в 1864 г. с инициативой введения кириллической азбуки в литовскую печать применительно к отдельным категориям изданий.

⁶ Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872) – российский ученый-филолог, фольклорист, славяновед, член-корреспондент Петербургской академии наук. Являясь сторонником панславизма, близкий к славянофильским кругам, ученый выступал за «приобщение» литовского народа к «русскому миру», в том числе путем перевода литовского языка на кириллицу.

⁷ Микуцкий Станислав Павлович (1814–1890) – российский ученый-филолог, балтист, ведущий российский специалист в области сравнительного языкознания. В 1862–1864 гг. им был разработан вариант кириллического шрифта для литовского языка, официально утвержденный российскими властями, на основе которого в 1864 г. был напечатан литовский букварь «Абецеле жемайтишкай-летувишка».

⁸ Фон Кауфман Константин Петрович (1818–1882) – российский военный и государственный деятель, генерал-адъютант. Был преемником М. Н. Муравьева на посту генерал-губернатора Северо-Западного края и командующего войсками Виленского военного округа, занимая эти должности в 1865–1867 гг. В сентябре 1865 г. подписал циркуляр о запрете издания и распространения в Северо-Западном крае литовских книг, напечатанных латинским шрифтом.

⁹ С инициативой отмены запрета на публикацию литовских книг латинским шрифтом в 1890-е гг. выступали ковенские губернаторы С. П. Суходольский и А. П. Рогович.

¹⁰ Главными сторонниками использования кириллицы в литовском языке были попечитель Виленского учебного округа (ВУО) И. П. Корнилов и его сотрудник, инспектор ВУО по Ковенской губернии Н. Н. Новиков, а также виленские генерал-губернаторы П. В. Оржевский и В. Н. Троцкий.

¹¹ Нелегальная доставка литовских книг, напечатанных латинским шрифтом в Восточной Пруссии или США, осуществлялась книгоношами, переправлявшими их через границу и распространявшими среди литовского населения Северо-Западного края. Согласно современным подсчетам, только в Пруссии за период с 1865 по 1904 г. было отпечатано 1830 изданий общим числом около 6 млн экз., из которых лишь 8–10 % конфисковывались властями.

¹² Речь идет о Польском (Январском) восстании 1863–1864 гг., после подавления которого российские власти проводили активную политику деполонизации Северо-Западного края.

Список литературы

- ГАРФ. Ф. 102. Оп. 101 (3-е делопроизводство). 1903 г. 1 ч. 23 л., А; Ф. 1729. Оп. 1. Д. 238.
 Долбилов М. Д. Превратности кириллизации: запрет латиницы и бюрократическая русификация литовцев в Виленском генерал-губернаторстве 1864–1882 гг. // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 255–296.
 Книжно-иллюстративная выставка «Русско-литовские научные связи: вторая половина XIX – первая половина XX в.» // Библиотека Академии наук : [офиц. сайт]. URL: http://www.rasl.ru/science/18_Exhibitions/russko_litovskie_nauchnye_svyazi_fotogalery.php (дата обращения: 29.07.2019).
 Крот М. Н. «...Внимательно и благожелательно прислушиваясь к истинным потребностям северо-западной Руси» : (Культурно-просветительская деятельность князя П. Д. Святополк-Мирского на посту Виленского генерал-губернатора). // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Исторические науки. 2019. № 1 (21). С. 69–80. DOI 10.25513/2312–1300.2019.1.69–80.
 Муравьев М. Н. Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края // Старица и новизна : Исторический сборник. Кн. 2. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1898. С. 300–312.
 Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Глав. архив. упр. при СМ СССР, 1990. 83 с.
 РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 352; Ф. 1284. Оп. 190. Д. 82; Ф. 1284. Оп. 190. Д. 83б–83г.
 Сталюнас Д. Идентификация, язык и алфавит литовцев в российской национальной политике 1860-х годов // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 225–254.

References

- Dolbilov, M. D. (2005). *Prevratnosti kirillizatsii: zapret latinitsy i byurokraticheskaya rusifikatsiya litovtsev v Vilenskom general-gubernatorstve 1864–1882 gg.* [The Vicissitudes of Cyrillicisation: The Latin Ban and the Bureaucratic Russification of the Lithuanians in the Vilna Governorate General, 1864–1882]. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 255–296.
 GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 102. List 101 (3-e deloproizvodstvo). 1903 Year. Part 1. 23 list., A; Stock 1729. List 1. Dos. 238.
 Knizhno-illyustrativnaya vystavka “Russko-litovskie nauchnye svyazi: vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v.” [Book and Illustration Exhibition “Russo-Lithuanian Scholarly Contacts: Second Half of the 19th – First Half of the 20th Centuries”]. In *Biblioteka Akademii nauk* [site]. URL: http://www.rasl.ru/science/18_Exhibitions/russko_litovskie_nauchnye_svyazi_fotogalery.php (mode of access: 29.07.2019).
 Krot, M. N. (2019). “...Vnimatel'no i blagozhelatel'no prislushivayas' k istinnyim potrebnostyam severo-zapadnoi Rusi”. (Kul'turno-prosvetitel'skaya deyatelnost' knyazya P. D. Svyatopolk-Mirskogo na postu Vilenskogo general-gubernatora) [“...Attentively and Benevolently Listening to the True Needs of Northwestern Russia”. (The Cultural and Educational Activities of Prince P. D. Svyatopolk-Mirsky as Vilna Governor-General)]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*. No. 1 (21), pp. 69–80. DOI 10.25513/2312–1300.2019.1.69–80.
 Murav'ev, M. N. (1898). *Zapiska o nekotorykh voprosakh po ustroistvu Severo-Zapadnogo kraia* [Note on Some Issues of the Structure of the Northwestern Territory]. In *Starina i novizna. Istoricheskii sbornik*. Book 2. St Petersburg, Tipografiya M. Stasyulevicha, pp. 300–312.
 Pravila izdaniya istoricheskikh dokumentov v SSSR [Rules for Publishing Historical Documents in the USSR]. (1990). 2nd Ed., Upd. Moscow, Glavnyi arkhiv upravleniya pri Sovete ministrov SSSR. 83 p.
 RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 560. List 26. Dos. 352; Stock 1284. List 190. Dos. 82; Stock 1284. List 190. Dos. 83b–83g.
 Stalyunas, D. (2005). *Identifikatsiya, yazyk i alfavit litovtsev v rossiiskoi natsional'noi politike 1860-kh godov* [Identification, Language and Alphabet of Lithuanians in the Russian National Politics of the 1860s]. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 225–254.

The article was submitted on 30.07.2019

**ПИСЬМА ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННИКОВ
О НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ ЭСТОНИИ
В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ***

Ирина Пярт

Тартуский университет,
Тарту, Эстония

Джеймс М. Уайт

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия;
Тартуский университет,
Тарту, Эстония

**LETTERS OF ORTHODOX PRIESTS
ABOUT THE GERMAN OCCUPATION
OF ESTONIA DURING THE FIRST WORLD WAR****

Irina Paert

University of Tartu,
Tartu, Estonia

James M. White

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia;
University of Tartu,
Tartu, Estonia

During the invasion of the Baltic provinces between 1915 and 1918, a large swathe of territory and its population fell under German control: this included Orthodox parishes and their priests. The clergy and laity thus had to face many new challenges: the behaviour of occupation forces, material deprivations,

* Исследование поддержано грантом Тартуского университета PHVUS18916, исполнитель – Ирина П. Пярт (транскрибирование исходных документов, комментарии, статья), и грантом Российского научного фонда, проект № 18–18–00216, исполнитель – Джеймс М. Уайт (аннотации, статья, ссылки и список литературы).

** Citation: Paert, I., White, J. (2020). Letters of Orthodox Priests about the German Occupation of Estonia during the First World War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 222–241. DOI 10.15826/qr.2020.1.458.

Цитирование: Paert I., White J. Letters of Orthodox Priests about the German Occupation of Estonia during the First World War // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 222–241. DOI 10.15826/qr.2020.1.458 / Пярт И., Уайт Дж. Письма православных священников о немецкой оккупации Эстонии в Первую мировую войну // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 222–241. DOI 10.15826/qr.2020.1.458.

and the actions of Lutheran clerical and secular elites in the new context. This article focuses on the response to the advance of the German armies in 1915 and 1916 into the Baltic. On the one hand, the article addresses the preparation and execution of the evacuation of the clergy and the rhetoric that underpinned the process of evacuation. On the other hand, it examines the problem of the church life under occupation. As evident from the sermons and articles published in the ecclesiastical press, the Germans represented a major threat to the Orthodox faith, clergy, and church property. Thus most Orthodox institutions were evacuated from the Baltic in 1915. Finally, the article discusses the position of the Orthodox Church during German occupation of the Estonian islands seized by the imperial German navy on 3 November 1917 from the perspective of parish priests. The article is based on the letters written by priests to the bishop of Riga and provides a complex picture of the German occupation, much of which differs from the representation of Germans in Russian war propaganda. Most priests represented the German forces as being relatively respectful towards churches and the clergy; their main complaint against the soldiers was the seizure of food, horses, and property, with the concomitant disruptions and discomforts this caused. The more serious threat to Orthodoxy, according to this evidence, came not from Germans but from the Lutheran clergy, who allegedly used the opportunity afforded by the invasion to undermine the Orthodox Church's position. This publication will provide a unique insight into religion under occupation during the First World War, revealing the difficulties of maintaining everyday religious life in a multiconfessional region during and after invasion.

Keywords: Russian Orthodoxy in the Baltic; First World War; German occupation; Lutheranism in the Baltic; religion and war.

Между 1915 и 1918 гг. большая часть территории прибалтийских губерний оказались под контролем Германии. Духовенству и мирянам пришлось столкнуться со множеством проблем: поведением оккупационных сил, материальными лишениями и действиями лютеранских клерикальных и светских элит. В статье рассматриваются вопросы подготовки и осуществления эвакуации духовенства, риторики, сопровождавшей этот процесс, церковной жизни в условиях оккупации. В проповедях и статьях православной прессы подчеркивалось, что немецкое наступление представляло главную угрозу православной вере, духовенству и церковной собственности. Именно поэтому все ключевые православные заведения были эвакуированы в 1915 г. Впервые публикуются три письма православных священников с эстонских островов, захваченных имперским германским флотом 3 ноября 1917 г. Действия немецких войск представлены сравнительно уважительными по отношению к церквям и духовенству; главные жалобы связаны с конфискацией провизии, лошадей и имущества, а также с сопутствующими беспорядками и неудобствами. Основное внимание сосредоточено на отношениях с лютеранским духовенством, которое якобы воспользовалось возможностью, предоставленной вторжением, чтобы подорвать позицию православия. Источники дают уникальную информа-

цию о состоянии религии во время оккупации, раскрывая трудности повседневной религиозной жизни в поликонфессиональном регионе во время и после немецкого вторжения. Публикация писем дается в контексте истории русского православия в Прибалтике, на их основании подробно описывается эвакуация церковного имущества и причта.

Ключевые слова: православие в Прибалтике; Первая мировая война; немецкая оккупация; лютеранство в Прибалтике; религия и война.

До 1840-х гг. православие в прибалтийских губерниях (Эстони, Лифляндии и Курляндии) преимущественно было религией правительственных чиновников, солдат и части купцов. Доминирующей конфессией было лютеранство, чьи привилегии российское правительство в значительной степени оставило нетронутыми после присоединения к империи (1721 г.). Ситуация изменилась в 1840-е гг. из-за массового обращения в православие латышских и эстонских крестьян, многие из которых стремились использовать это как средство для получения государственной защиты от прибалтийских немецких помещиков [Ryan]. «В 1836 г. рижская епархия имела лишь 16 церквей и 12 332 верующих, к 1850 г. число церквей выросло до 109, а прихожан – до 146 тыс. человек, а к 1914 г. данный диоцез насчитывал уже 257 церквей с 273 023 верующими» [Фриз, с. 792]. Таким образом, религиозный ландшафт прибалтийского региона сформировался в период с 1836 по 1900 г., когда была создана православная епархия¹, сформированы сотни новых приходов, основаны сеть церковно-приходских школ, семинария и открыто четыре монастыря [Пярт].

Проблемы состояли в том, что эстонские и латышские неофиты были по большей части бедными безземельными крестьянами, что означало нищету приходов. В 1860-е гг. многие стремились вернуться в лютеранство, несмотря на законодательный запрет отречения от православия. В 1865 г. правительство неофициально решило закрывать глаза на многочисленные случаи совершения религиозных обрядов лютеранскими пасторами по просьбе православных, но в 1880-х гг. это постановление было отменено, что привело к 269 судебным преследованиям лютеранского духовенства за поощрение отступничества [Weber, p. 290]. Прибалтика представляла из себя конфессиональное пограничье с напряженными отношениями между православием и лютеранством.

Положение православной церкви в регионе значительно усложнилось с началом Первой мировой войны. Крах русского фронта в 1915 г. привел к установлению контроля Германии над большей частью Курляндской и Лифляндской губерний. В ответ российские власти приняли решение о массовой эвакуации в центральные области

¹ В 1836 г. было создано Рижское викариатство, которое затем в 1850 г. было обращено в независимую епархию.

империи. «К началу 1916 г. 75 тысяч рабочих и их семьи (200 тысяч человек) и 30 тысяч железнодорожных вагонов с товарами и машинами покинули город [Ригу], что обошлось в более чем 9 миллионов рублей за разборку и транспортировку» [Hatlie, p. 49].

Русское православное духовенство также было эвакуировано вместе с драгоценными иконами, реликвиями, церковной утварью и книгами [ЕАА. F. 5256. N. 1. S. 1029]. Архиепископ Иоанн (Смирнов) переехал в Тарту (Юрьев), в то время как Рижская духовная консистория была отправлена в Новгород, а семинария – в Нижний Новгород [Брянцев]. Эвакуация поставила перед православными священниками трудный вопрос – бежать или оставаться с паствой? Священник В. Щукин, редактор епархиальной газеты, озвучил на проповеди в рижском кафедральном соборе в день, когда была объявлена эвакуация, бескомпромиссный постулат, что аморальность жителей Риги и превалирование неправославных конфессий в городе допустили захват города. Он обратился к примеру разрушения Иерусалима Римской империей, указав, что немцы хуже римлян: «По своей гордости и жестокости враги наши считают нас не лучше вредных насекомых. Естественно, что нет такой жестокости и гнусности, которые не считались бы у них вполне дозволенными по отношению к нам» [Щукин, с. 422]. Отказ от бегства, даже из добрых побуждений, не что иное, как измена, поскольку немцы будут стремиться использовать все, что останется, в свою пользу. «Поэтому единственный правильный выход из невозможного положения – это бегство с вывозом имущества в возможно большей мере и уничтожением остающегося» [Там же, с. 423–424].

В своем втором выступлении он отмечает, что священнослужитель должен остаться и защищать свою паству, хотя в условиях текущей войны это превратилось в пустой героизм. Жестокость немцев вряд ли позволит священнику служить, если он останется, они посадят священников в тюрьму или, может быть, расстреляют их. В отличие от православных, католическому, лютеранскому и еврейскому духовенству, по его убеждению, не угрожали такие ужасы, поскольку немцы задумали эту войну именно против русских. Тем не менее, он больше не считал выбор остаться на месте изменой: «Совесть каждого пастыря и наличные условия лучше всего укажут каждому в отделенности, как он должен поступить» [В. Щ., с. 65]. Проповедь и статья Щукина – попытки соединить идеальные богословские и практические аргументы для духовенства (подчиниться государственному приказу или своему долгу). Автор использует распространяемый российской пропагандой образ немецких оккупантов. Преодоление мифа о непобедимости немецкой государственной машины виделось в дискредитации западных соседей как цивилизованной нации и наделении их «варварскими и бесчеловечными чертами» [Nagornaia, p. 484–485].

Для многих священников в оккупированных Латвии и Эстонии скорость продвижения противника предоставила мало времени для отъезда. Немцы, быстро захватив острова к 3 ноября 1917 г. [Barrett],

расчистили путь сухопутным войскам, которые продвинулись в Эстонскую губернию в начале 1918 г. Тарту пал (24 февраля 1918 г.), вскоре после чего были захвачены Таллин и Нарва².

Епископ Платон (Кульбуш), уроженец Эстонии, был посвящен в сан Ревельского викарного епископа в декабре 1917 г. и получил назначение временно исполнять обязанности епископа Рижской епархии. Его отношения с германскими оккупационными властями были неоднозначными. В октябре 1918 г. епископ послал протест против действия германских оккупационных властей представителю Эстонской республики в Лондоне Антцу Пиипу, архиепископу Кентерберийскому и лорду Керзону, обратив внимание на неравное отношение властей к лютеранской и православной церквям. Лютеранам было разрешено созывать съезд представителей, тогда как православные не могли собрать запланированный собор, а епископу было отказано в проезде поездом для посещения отдаленных приходов. Оккупационные власти требовали разрешения служить католическую мессу в Соборе Св. Александра Невского в Таллине, в качестве компромиссного решения он разрешил служение мессы в Преображенской церкви, но без использования православного алтаря [Platon, p. 2]. Епископ рассматривал предложение учредить церковный налог, чтобы православные священники становились на службу государства, хотя лично он был против такой зависимости церкви от власти [ЕАА. F. 1655. N. 3. S. 62. Lk. 9].

В Эстонском национальном архиве сохранились ответы, написанные православными священниками с эстонских островов на запрос Рижской консистории о нанесенном ущербе после ухода немецких войск, из которых к настоящему времени опубликовано одно письмо [Петров, 2015]. Более полно источник не введен в научный оборот³. Доверительный тон, эмоциональный настрой и субъективный характер этих писем позволяют считать их эго-документами [Presser; Dekker]. Свидетельства обычных людей, которые не были напрямую вовлечены в военные действия, дают богатый материал для историков, изучающих социальные аспекты войны и историческую повседневность. Количество работ, посвященных истории православной церкви в Первой мировой войне, ничтожно мало, особенно в сравнении с обширной литературой, посвященной конфессиональным институтам западных стран в этот период [см.: Houlihan; Bobic; Jenkins; Леонтьева].

Три письма из нашей коллекции относятся к острову Сааремаа, до установления независимости Эстонии известному как Эзель. В первом письме священник из прихода Св. Иоанна в Торгу рассказывает о насилии, смерти, воровстве и межконфессиональной напря-

² Описание жизни в оккупированном Тарту от лица священника см.: [Дубьева].

³ Все эти письма были написаны урожденными эстонцами, для которых русский был вторым языком, что отразилось на особенностях грамматики. Перевод некоторых из них на английский см.: [Baltic Orthodoxy].

женности, возникших после вторжения Германии 30 сентября 1918 г. Особый интерес вызывают отношения с лютеранским пастором Либбергом. Тот, очевидно, считал оккупационные силы прочно установившимися в Эстонии: в письме указывается, что он руководит конфискацией имущества в православной церковной школе и помогает в сборе налогов, за что получает гневные обличения.

В письме чувствуется шок священника от внезапного изменения социального и конфессионального статуса, сопровождавшего немецкую оккупацию. В Российской империи православная церковь занимала привилегированную позицию «господствующей и превосходящей веры» – как религиозного института, так и идеологической и бюрократической опоры имперского режима. Лютеранское же духовенство подвергалось преследованиям, отдавалось под суд за поощрение отступничества. Присутствие немецкой армии изменило ситуацию, солдаты относились к прибалтийским немецким пасторам как к потенциальному союзнику на острове, в то время как православный священник был объектом подозрений и враждебности.

Второе письмо принадлежит священнику богоявленского прихода в Керле, и его отчет отличается от предыдущего⁴. Поведение немцев он считает по большей части безукоризненным, кроме обычной практики реквизиции еды и лошадей. Он отмечает уважение, проявленное к церковным зданиям и утвари, а также к нему как к православному священнику. Более всех заслуживали порицания представители волостной власти (оба идентифицированы как прибалтийские немцы), поскольку они якобы пытались использовать присутствие армии для захвата движимого и недвижимого имущества церковной школы. Открытый отказ православного приходского совета уступить спровоцировал заявления, что члены совета не подчиняются кайзеру. Автор справедливо отмечает, что лютеранский пастор поддержал в этом вопросе православных.

Следующее публикуемое письмо – из гелламского прихода с острова Муху⁵. В первом абзаце под ссылкой о разграблении Калиша [см.: Engelstein] выражаются стереотипные представления о «высокомерии» немецкого характера, в которых отражено влияние пропаганды. При этом первый акт насилия против духовенства был совершен не немцами, а русскими моряками. Судя по отчетам церковного собора 1917–1918 гг., нападения на православное духовенство со стороны русской армии не были редкостью в Рижской епархии [Документы, с. 36–637, 678–684]. После прихода немцев церковные здания не были тронуты: солдаты даже приносили некоторые пожертвования, хотя

⁴ К 1913 г. в приходе числились 817 мужчин и 792 женщины [ЕАА. Ф. 1957. N. 1. S. 28. Lk. 1913].

⁵ Хелемааский Петропавловский приход был основан в 1848 г., храма не было вплоть до 1864 г. В 1918 г. приход предположительно насчитывал 1 234 мужчин и 1 394 женщины. В границах прихода проживало 700 лютеран [ЕАА. Ф. 1952. N. 1. S. 51c. Lk. 150–155].

конфисковывали еду, одежду и дрова. К православным прихожанам немцы относились так же вежливо, как и к лютеранам. Священник жалуется, что лютеранский пастор использовал изменение режима, чтобы свести личные счета⁶.

Четвертый и последний источник из Торнимяэ (остров Сааре-маа) был ранее опубликован И. Петровым без комментариев⁷. Это письмо – драматический рассказ о битве за остров. Автор описывает сцену бомбежки и ружейного обстрела его деревни. Вернувшись после вынужденного побега, священнослужитель с горечью обнаружил, что церковь превращена в казармы, хотя крест, Евангелие и церковные пожертвования оказались на месте. Большая часть отчета концентрируется на личных потерях священника и его семьи. Тот же пастор Либберг (персонаж из первого письма) выступает в качестве главного антагониста повествования, предлагающего всем переходить в лютеранство, «чтобы был один пастырь и одно стадо» [ЕАА. F. 1655. N. 2. S. 4031. Lk. 40].

Все описания отражают различные ситуации во время военного конфликта и оккупации, однако их объединяет несколько тематических направлений. Все письма в большей или меньшей степени указывают на общую цивилизованность немецких оккупантов, контраст между пропагандистским изображением немцев и их фактическим поведением удивляет авторов (см. третье письмо). Отсутствуют случаи осквернения церквей, отмеченные в работе А. Гаврилина⁸ [Гаврилин, с. 304]. Примеры реквизиции зачастую оказывались скорее грабежом всего, что имело ценность. Например, при оккупации российской Польши немецкая система реквизиции была безжалостной и хищной, что в значительной степени объяснялось обнищанием населения в Германии: британская блокада вызвала значительные потери, которые затронули как фронт, так и тыл.

⁶ Ср. с информацией из церковной ведомости за 1918 г.: «Всемирная война, продолжавшаяся с лишком четыре года, особенно за сей последний (отчетный) год, несказанно много наделала вреда прихожанам. Много молодых людей погибло на войне, другие остались калеки; много мирных жителей убежало из острова, оставив все на произвол из-за боязни наступления врага. Неприятель забрал съестные припасы, одежду и жизненные принадлежности. Следствием этого стала страшная беднота и скудость продуктов. Летом в приходе появились заразительные болезни: дизентерия и испанский грипп. От первой померло 19 человек... от второй – 14 человек. Многие молодые люди возвратились домой из военной службы, зараженные “большевизмом”, не признают церкви и религии. Число прихожан с начала войны 1914 г... уменьшилось на 370 человек (193 м. и 177 ж.)» [ЕАА. F. 1952. N. 1. S. 51с. LK. 157].

⁷ К 1913 г. Покровский приход насчитывал 1 170 мужчин и 1 160 женщин [ЕАА. F. 1985. N. 1. S. 122. Lk. 1913].

⁸ Говоря о подобных примерах, А. Гаврилин уточняет, что эти случаи не свидетельствовали об отрицательном отношении германских солдат к православным храмам. «Шла война, разграблению подвергались все храмы независимо от вероисповедания, причем мародерством занимались как немецкие, так и русские солдаты» [Гаврилин, с. 304].

Война выявила скрытую конфессиональную напряженность в отношениях между православием и лютеранством. Лютеранское духовенство и местные прибалтийские немецкие должностные лица, очевидно, воспользовались возможностью, которую открыло вторжение, чтобы изменить имперский порядок, при котором православие пользовалось предпочтением, в то время как лютеранство подвергалось ограничениям как «иностранная вера». Школьное образование использовалось православной церковью как инструмент прозелитизма в среде бедного эстоноязычного населения. Религиозное школьное образование стало «испытательным полигоном» для новых (кратких) отношений с представителями лютеранского духовенства, которые стремились в какой-то части подорвать образовательные усилия православия.

В целом письма предоставляют возможность проникнуть в запутанную социальную и религиозную ситуацию во время немецкой оккупации поликонфессиональной пограничной зоны Российской империи. Во многих случаях группой, которая оказалась наиболее угрожающей для православной религиозной жизни на эстонских островах, были не немецкие или русские армии, а лютеранское духовенство, которое рассматривало вторжение как возможность компенсировать преследования 1890-х г. Анализируемые в статье письма – это источник, открывающий окно в мир рядового православного священнослужителя из нерусских этнических групп, который оказывался в сложной ситуации. Их субъективные эмоциональные реакции обогащают понимание социального контекста событий Первой мировой войны.

При публикации источников использовались современная орфография, пунктуация и графемы. Исправления ошибок оригинала делались в случаях искажения понимания, что оговаривается особо. Слова, написанные над строкой, внесены в текст. Оставлены подчеркивания, по всей видимости, сделанные адресатом, а также авторские вычеркивания.

№ 1. 16 декабря 1918 г.

Донесение Торгуских священников⁹

(Л. 2) // Его Высокопреподобию господину
Эзельскому благочинному

Краткая история властвования немцев в пределах прихода на о. Эзель.

Намереваюсь дать коротенькую историю отношений немцев к церковнослужителям, приходскому совету и приходу, я не буду касаться тех указов правительства, какие относились ко всем православным жителям Эзеля. Далее буду излагать в порядке, отмеченном Вами в отношении за № 226.

⁹ Документ написан на линованной бумаге поперек строчек, возможно, использовались листы из ученической тетради, коричневые чернила, один почерк. Формат 4^о. 12 л. В начале письма – синий штамп «24 дек. 1918».

Вступление немцев в Иоанновский приход произошло при кровопролитии крови мирных жителей – иоанновцев 29 сентября. (Л. 3) // При деревне Тагафер были проколоты два наших прихожанина – Михаил Каск (60 лет) и Иоган Приск (60 лет) из деревни Пагила¹⁰, возвращавшихся домой с работы и не знавших, что враг занял уже деревню. Это было уже предвестником надвигающейся грозы.

Пришлось пережить четыре страшных дня 30 сентября и 1–3 октября – дни «боя» (если это можно было назвать) немцев с русскими. Непрестанно трещали пулеметы, выпелами летали и пушечные ядра, так что стекла дрожали, порхали «голуби» и цеппелины, фейерверки и прожектор освещали непрерывно окрестность. Вот эта невиданная и неслыханная мирным жителям страшная картина войны навела страх на жителей них. Но, слава Богу, мы жили эти для слуха и зрения страшные дни, а после этого показались и сами Вильгельмовы серые¹¹. Первый полк остановился у нашей церкви 2 октября. Офицеры приказали открыть церковные двери, и пока я сходил за ключами, солдаты уже взломали двери церкви. В самой церкви ничего кощунственного не допустили, не вошли и в алтарь на мою просьбу. Солдаты уже сами взломали в это время двери сенного сарая и растащили лошадям пудов сто сена. Обходили все причтовые здания, ища русских, и захватили в руки что попало.

К вечеру этого дня (2 окт.) расположился у церкви и в деревне пулеметный отряд, и 300 лошадей, и около 1000 солдатами. (Л. 4) // Штаб полка занял всю квартиру священника. Лошади докончили оставшийся еще корм, не зевали и сами солдаты и офицеры. Ночью они получили приказ выступить, один лейтенант увез мои эзельские pätid¹², которые я ему уступил на вечер. Увели и священническую лошадь. Из дому пропало все то, что было солдатам пригоже и подороже. Так, из кабинетного ящика, как мы после на следующий день нашли, было украдено самим ли полковником или его денщиком все наше драгоценное имущество: кольца, дамские часы, браслет, билет сбер. кассы (приняли, вероятно, за деньги) и хранящийся там мой портсигар серебряный и часы (нрзб.). Билет на 900 рублей госуд. займа и квитанцию на 500 руб. причтовых денег, хранящиеся в сбер. кассе. Также пропали и сберегательные книги некоторых из наших прихожан, которые доверяли оные мне на хранение.

На названные украденные вещи было подано мною заявление в коменданство, на том известили – много ж, мол, вас таких наберется: «Немецкий солдат ничего подобного не сделает».

У псаломщика Вегене унесли гость¹³ сена, также женские часы, белье, сапоги и пр. С 4 октября началось самое тяжелое время для жителей прихода, особенно прибрежной части прихода, так как у пристани «Jõe» останавливались нем. корабли, а матросы по ночам стали искать себе добычу. Нет ни одного семейства, где что-нибудь матросы не увели. Вдруг в полночь слышится страшный стук в двери, а то и прямо выби-

¹⁰ Возможно, имеется в виду Suur-Pahila или Väike-Pahila.

¹¹ Цвет формы армии ландвера.

¹² Тапочки (эст.).

¹³ Значение не ясно.

вали двери и окна (в дер. Пулли у кр. Вийля и в дер. Гобсо), (Л. 5) // и давай искать, что получше и подороже. И так у одного крестьянина унесли они между прочим и детское белье, и дет[ские]. пеленки. Этот ночной поход кончился тем, что увели у кого корову, быка, свинью, кур, гусей, а у кого одежду, шубу, сапоги, деньги и пр. Были прибрежные села очищены, то наступали походники и подальше. И так в одно прекрасное время очутились они у нас, скрутили головы у 19 гусей, вложили в мешки, и поминай как звали. И так ночные грабежи продолжались целый месяц – до ноября месяца.

1¹⁴. Наш Левальский¹⁵ комендант считал все церковно-приходские здания, очевидно, своими со дня вступления на Эзель до самых последних дней. Особенно священнический дом служил у немцев как бы постоянным двором. Целую зиму жили у нас два офицера с денщиками и пользовались всем там, что им нужно было, как-то мебелью, посудой, лошадьми и пр. Ну, они были хоть постоянные жильцы, ушли они, и стали заходить к нам разные бродяж[ничающ]ие солдаты, офицеры, чиновники по указанию коменданта. Когда заходили также «гости», просили вывести наших животных из хлева и завербовали для своих нужд. Так осенью 3 недели жили у нас два жандарма и сказали, что им приказано тут квартировать – взяли каждый по две комнаты, столовую употребляли во время еды и милостиво разрешили и нам пользоваться столовой. Школа у нас действовала до весны 1918. С осени нашу приходскую школу закрыли. Пастор пейдеский Либерг же [на] мою просьбу о том объяснить это действие ска- (Л. 6) // зал, что Эрикская школа¹⁶ закрывается по недоверию правительства к священнику. Сам же пастор Либерг велел конфисковать все наше школьное имущество – парты [и доски] велел перевезти в Лютеранскую школу, а имущество, оставшееся от этого, отправил в водостной дом. Словом, очистил школу (теперь мы привезли свое школьное имущество обратно).

2. Как слышно, на всем Эзеле не было такого униженного и дерзкого отношения к священникам, как в Левальской комендатуре. Никогда не случалось, чтобы комендант руку давал бы, обращался же гораздо хуже со священником, чем с крестьянином. Со священником они не говорили, а кричали. Раньше заставляли лично два раза ходить в комендантство за разрешением для богослужения (это будет расстояние в 18 верст). Мне и Мяги при этом всегда прочитывали постановления, которые кончались угрозой быть повешенными. Комендант Штанге сказал прямо, что «правосл. священники – шпионы». Весной тут были не германцы сами, а немцы¹⁷ – помещики и пастор, под влиянием которых находились коменданты и с которыми дружились.

¹⁴ Нумерация относится к пунктам в циркуляре благочинного (который нам недоступен), на которые священники должны были дать соответствующий ответ. В данном письме на пункты 3 и 4 ответа не было дано.

¹⁵ Левала, населенный пункт на западной части Сааремаа.

¹⁶ Православная деревянная приходская школа в м. Эрико (Иоанновский приход), построенная в 1851 г. В 1897 г. в ней обучались 37 детей.

¹⁷ Под немцами имеются в виду балтийские немцы, остзейцы.

5. Больше всего из членов причта пострадал священник; украли именно: часы дамские, 2 кольца, зол. браслет, 200-рублевый билет госуд. займ., квитанцию сберегательной кассы на портсигар и часы мужские. Увезли 19 гусей, пудов 300 сена, 4-летнюю высокую лошадь, одежду, сапоги, 10 сажень дров и пр. (За все это выплатили 215 рублей).

У псаломщика Вагоне украли часы, белье, одежду, сапоги на сумму около 300 рублей. Из / [причт.] церковных / сумм украдена кви- (Л. 7) // танция на билет внутр. 4 % займа на 500, хранящийся в казначействе. Школьная библиотека вся уничтожена.

6. Священник три раза ездил в город на следствие в Polizeigerichte'i у. Обвиняли во враждебности к немцам. В октябре 1918 г. был в моем доме полный обыск; искали оружие и письма. Говорили, что я русский офицер и стою на службе у англичан как шпион. Ничего уличающего меня не было найдено. Но, тем не менее, из Felt-Polizei пришло письмо, по которому я должен был пойти в город к 12 ноября. Помещик Ферстер сказал два дня до этого: «nüüd rapp kaob»¹⁸. Я узнал о приезде (нрзб.) и в город не поехал. (Л. 7–8) // Пастор Либберг издал один за другим 3 приказа, в которых требовали подать себе (½ куры с двора). Как слышно, три дворохозяина уплатили ему. / (Те которые боялись обыска). Тем, которые не уплатили, обещал пастор сделать аукцион. Он же Либберг в кирке в деревне Табео сказал [весною] прямо: «Tänu Jumalale, nüüd see hirmus vene usk piri sisse kellatud, nüüd ta enam ei tõuse»¹⁹. В другой раз же сказал в Пейдеской кирке: «nüüd ei aita enam Wene rappid, ei wiiski suits, ei Neitsi Maria, (нрзб.) see õnnu Ewangeliumi usk»²⁰. Немцы в своих словах были более сдержаннее. Все православные деятели волости по инициативе пастора были уволены, и на места их расставлены лютеране. (Л. 8) // Приходскому совету обсуждать свои дела не было разрешено. [К] православию как вероисповеданию относились они крайне враждебно. Даже при рассмотрении жалоб в комендантство всегда спрашивали, какого вероисповедания обвиняемый или обвинитель. Все православные деятели волости были уволены от должностей и замещены лютеранами. Главным агитатором в этом деле был пастор Либберг – главный немецкий шпион, явный враг православию, не даже враг, а хулитель. Ярый противник эстонского народа. Он виновник высылки Мяги и всего того, что тяжелым игом было для народа.

№ 71

Дек. 16/18

Свящ. А. Аар²¹

[ЕАА. F. 1655. N. 2. S. 4031. Lk. 2–8].

Подлинник

¹⁸ «Ну все, попу крышка».

¹⁹ «Слава Богу, сейчас эта ужасная русская вера запрещена и больше не поднимется».

²⁰ «Больше не помогут ни русские попы, ни дым ладана, ни Дева Мария, но только благословенная евангелическая вера».

²¹ Имя священника написано неразборчиво. В Иоанновском приходе в это время служил о. Иоанн Тольп.

№ 2. 12 января 1919 г.

Донесение²² Кергельского священника Карпа Тинца²³**(Л. 10) // Его высокопреподобию
отцу эзельскому благочинному**

На предписание Вашего Высокопреподобия от 12.XII.18 за № 226 честь имею сообщить следующее: в общем можно сказать, что по отношению к православию в Кергеле вели себя немцы сравнительно благообразно. Церковь осталась со стороны их совершенно не тронутой. Пять дней спустя после вступления немцев на Эзель в церкви пришлось совершить отпевание случайно погибшего от ручной гранаты. В это время в моем доме состояла какая-то военная команда в составе 46 человек при двух офицерах. От этой команды четверо солдат вышли в притвор церкви и отсюда сквозь чуть открытую дверь пролезли головой в фуражках в церковь – и в таком положении простояли они все время совершения названного обряда. (Л. 11) // Летом мыннустскую церковь посетил немецкий губернатор вместе со своим адъютантом и еще с каким-то офицером, и вели себя, по видимому, весьма почтительно по отношению к нашим святыням. Стеснялся даже подняться на солею.

2) На более продолжительное время ни причтовые, ни школьные здания не были заняты. Отдельные ночевки все-таки были,

3) причем незваные гости особенно не стеснялись бесплатно позаимствовать хозяйские сено и солому, а у псаломщика Л. Юнашевского даже порядочно картофеля и несколько муки. Затем в первые дни у членов причта было реквизировано 4 лошади и три телеги. Взамен отнятых лошадей члены причта не поленились у тех же немцев некоторое время спустя добыть новых и, пожалуй, в убытках не остались. Псаломщики и телеги себе добыли, а я лично должен был удовлетвориться только незначительной суммой (нрзб.), осталась в этом случае, конечно, ~~остался~~ в убытке. Поля и огороды причтовые со стороны немцев тронуты не были, да и крестьянским никаких убытков нанесено не было, так как в Кергельском районе войска не стояли, исключая только полицию, 4) отношение всех вообще немецких властей, с которыми мне приходилось иметь дело, за исключением только одного местного коменданта фельдфебеля-лейтенанта, по отношению ко мне как священнику православной церкви было вполне приличное. Что касается материального обеспечения прихожанами своих священноцерковнослужителей, то со стороны местных комендантов пре-

²² Документ написан на нелинованной бумаге, один почерк, коричневые чернила. Формат 4°. 8 л. На первом листе сверху слева – штамп прихода: «В. П. И. Рижской Епархии. Эзельского благочиния. Кергельской Богоявленской церкви священника январь 4 дня 1919 года № 2. Адр. Чр. Гор. Аренсбург, Лифл. губ. в им. Мэннуст».

²³ Священник Карп Тинц (1890–1973), родился в семье арендатора, учился в Рижской духовной семинарии (1902–1912), был рукоположен в священники архиепископом Рижским и Митавским (Смирновым). В 1915–1921 гг. был настоятелем мыннустской Преображенской церкви.

пятствий не наблюдалось. Первый из комендантов кергельских от своего имени чрез «külakubjad»²⁴ двукратно издавал приказы православным прихожанам непременно явиться на общеприходское собрание для совещания прихожан [по поводу] содержания причта своего приходского храма. Один из последующих комендантов предлагал мне (Л. 12) // опять свои услуги и для собрания и назначенного прихожанами причту содержания, причем обещал властью, ему данной, принудительным образом взыскать с прихожан обещанное им причту содержание, чем я, конечно, воспользовался. Да и во многих других случаях он высказывал им свою полную готовность помочь в чем-либо, услужить и даже угодить, всегда соболезнуя православному эзельскому духовенству в его тяжелом положении, созданном исключительными военными обстоятельствами. Этого уже нельзя сказать о нашем начальстве, которое один за другим прислало чрез местное комендантство приказы, воспретившие приходские собрания для обсуждения вопроса об обеспечении членов причта 2) миссионерское дело, 3) всякого рода сбор, совершаемые причтом и прихожанами без разрешения «Landhaptmanna», выбор женщин в приходской совет и, в конце концов, приказ нахальнейший, предписывающий все движимое и недвижимое имущество церковно-приходского училища безвозмездно передать волости. На все названные и не названные ограничивающие и задерживающие православную жизнь и деятельность прихода приказы германского правительства мною хоть для виду, для некоторого успокоения бдительности начальством даны были обещания исполнить их. Но на последнее требование как мною, так и церковным старостой, и председателем, и некоторыми членами приходского совета, собравшимися в приходском училище в день обнародования сего адски нахального требования, был заявлен категорический отказ исполнять его, а несмотря ни на какие устрашения страшными последствиями неповиновения власти «Keisera» и на хитро-лукавые обещания со стороны (нрзб.) того времени барона Нолькена и предводителя волостного писаря И. Вябса, школьное имущество осталось непередаваемым, (Л. 13) // в каком положении находится и по сей день.

5) Относительно богослужений особенных стеснительных мер не было, если не принять во внимание предписания о заявлении о каждой службе в отдельности, что, правду говоря, аккуратно приходилось исполнять только при одном коменданте. 6) Приходской совет стал у нас функционировать только в последнее время тевтонского владычества, и за это короткое время никакого давления на деятельность со стороны последнего не замечалось. Равно не видно было со стороны местных немецких властей и помещиков открытой вражды по отношению к православию как вероисповеданию нас, русского происхождения. 7) Особенно чувствительных для членов причта реквизиций не было²⁵. Правда, происходили разного рода реквизиции, но последним, как то законным

²⁴ Десятник, бурмистр. В этом случае, возможно, представитель местной власти, сотрудничающий с оккупационными властями.

²⁵ Трудно сказать, что имеется в виду под «реквизией».

и незаконным образом, дано было заведовать причту. 8) Обыски были проведены у многих наших прихожан, но высылке подверглись только двое – псаломщик Аллик (без обыска) и прихожанин Михаил Трей из Кезеля. Но слава Богу, что дни немецкого ига были так скоро сочтены, как потом выяснилось, многим еще пришлось бы, Бог один ведает только, сколько б еще терпеть. Оказывается, что в списке кандидатов на первой очереди числился уже я и даже псаломщик Юпашевский. И, кажется, все за отказ передать школьное имущество.

2) В местном комендантстве сравнительно поздно был получен приказ относительно платежа православными натуральных повинностей в пользу лютеранского пастора, но зато весьма ярко схватились волостные власти за него и сумели [назначить] весьма строгие наказания тем, которые осмелятся противиться, каковыми, однако, оказались все, за исключением только нескольких дворохозяев, оказавшихся изменниками. Православные крестьяне деревни Коголь дали своему «Külakubja» такой строгий приказ, что тот должен явиться в волостное правление и заявить там, что, если натуральная повинность с (Л. 13) // православных в пользу пастора непременно должна быть, то пусть снимут у нас головы и принесут в жертву последним, а на зерно пусть и не надеется. 10) Явных более заметных выступлений лют. пастыря против православия не видно было. Даже наоборот, он несколько поддерживал православных в борьбе отстаивания своего школьного имущества, так как он сам в это время был в войне с волостными властями. Но, в общем, конечно, притал и питает ненависть к православию, ~~здесь можно~~ если еще вспомнить давление, оказанное о. Элеидтом на его высылку во время русского владычества²⁶. «Kadakaaid»²⁷ у нас мало, зато один только бывший вол. писарь Вэбер работал больше, чем десять других. Пастор давал предс. нашего прих. совета такую историю: перед [тем] как явиться в Мэннууст принимать в пользу волости школьное имущество, накануне вечером бар. Нолькен зашел к нему и убедительно просил его идти вместе: «Mul on siia nii raske minna, aga need wallametnikud käivad ühte jooni peale»²⁸. Вообще, конечно, замечено было, что многие лютеране торжествовали и ликовали скорую окончательную победу над православными, но были и весьма многие среди них, которые с явным неудовольствием относились к вышеописанным немецким деяниям германского правительства.

Священник К. Тинц
[EAA. F. 1655. N. 2. S. 4031. Lk. 10–13].
Подлинник

²⁶ Высылка пасторов в 1890-е гг.

²⁷ Kadakasakslased – так называли эстонцев, которые подражали балтийским немцам в манере одеваться и говорить. Здесь имеются в виду добровольные помощники местной власти из эстонского населения.

²⁸ «Мне туда идти трудно, но эти чиновники оказывают давление».

№ 3. 28-го декабря 1918 г.

Донесение²⁹ Гелламского священника Алексея Аллика³⁰**(Л. 25) // История того, что было в гелламском приходе
со времени прибытия германских войск
на о. Моон³¹ по день их ухода**

Зверства тевтонцев на польской границе были известны гелламским прихожанам из газет и уст очевидцев. С другой стороны, все с детства знакомы с надменностью немецкого характера. Это было причиной, что население, и в особенности православные, в высшей степени боялось наступления немецкого войска. Многие из прихожан убегали на «твердую землю»³², другие прятали свое имущество, хлеб одежду и прочее в ямах, погребках, в лесах. Так же сделали и прихожане, хотя были уверены, что русское христолюбивое войско не впустит врага на остров. Когда германцы высадились на Эзеле и пришли в Оррисаар³³, находящиеся в районе прихода две батареи и военные суда в Большом Зунде³⁴ открыли огонь, и пули перелетали через дома по направлению в Оррисаар, береговых жителей выселили в глубь острова, страх причта еще более увеличился от грубости русских матросов, которые захватили священника, угрожали его убить, с этой же целью искали псаломщика, обыскали церковь и причтовые дома, входили в церковь и в алтарь в шапках с папироскою в зубах. Думалось, если свои так поступают, что после этого сделают чужие враги. Все (Л. 26) // готовились к смерти. Еще 3-го октября по старому календарю можно было уехать с острова. Многие советовали причту также убежать. Но причт решил остаться на месте, во всяком случае не покинуть прихода. 4-го октября в Куйвасту прибыли эстонские полки. В этот же день [в] 10 часов утра немецкие суда стали стрелять с Рижского залива в русские, находящиеся в Большом Зунде. Броненосец «Слава» стал на мель, а прочие уехали по направлению к Гапсалу³⁵. В этот день с утра до вечера и [в] наступающую ночь русские войска беспрерывно отправлялись на берег Большого Зунда

²⁹ Письмо написано на нелинованной бумаге, 6 л. Формат 2°, один почерк, коричневые чернила, на первом листе вверху справа – штамп «4 янв. 1919».

³⁰ Алексей Варфоломеевич Аллик (1853–1932) родился в семье земледельца на о. Сааремаа, закончил в 1873 г. Балтийскую учительскую семинарию и экстерном в 1886 г. Рижскую духовную семинарию. Был рукоположен в сан священника в 1886 г., служил в приходах Вынну-Кярса (1886), Мыннусте (1886–1897) и Гелламаа на о. Муху с 1897 по 1930 г. Учредил в Гелламаа общество трезвости «Весна» в 1901–1916 г., был активным деятелем в Сельскохозяйственном обществе, а также Обществе потребителей. Автор духовных сочинений и стихов, печатался в православном журнале «Вера и жизнь» на эстонском языке.

³¹ О. Муху.

³² То есть на материк.

³³ Населенный пункт на восточной части острова, разделяемой узким проливом с о. Муху (Моон).

³⁴ Пролив, отделяющий о. Муху (Моон) от материка. Современное название – Суур-Вяйн.

³⁵ Город на побережье Западной Эстонии. Современное название – Хаапсалу.

в деревню Рауги, где был специально выстроенный для войск мост, в надежде переехать на верхнюю гавань Рохукюль. Но это было невозможно, не было кораблей, на чем переехать. Все попало в руки неприятеля, некоторые думали переплыть Зунд на досках в поломанных лодках (все лодки были начальством реквизи[ир]ованы и доставлены на материк) и утонули.

3-го окт. в 9 часов утра впервые появились у церкви немецкие солдаты на велосипедах, затем верховые и пешие. Весьма многие заходили в дома и сурово спрашивали: «Где русские, куда ушли, когда ушли и т. д.». Другие ломали двери домов, и амбаров, и погребов. Захватили все: одежду, хлеб, животных. У священника взяли 11 мешков овса, готовый хлеб, сколько было, расположились в комнатах, как настоящие хозяева. Пять дней продолжались грабежи и обыски, захватили все, что имело цену, и послали в Германию. После явные грабежи прекратились, стали воровать.

С 8-го же октября немцы заняли причтовые дома, приходскую школу. Лошадей поместили в хозяйственные строения: в ригу³⁶, хлевы, конюшни, баню. Корм для лошадей брали у народа, ничего не платя. На протесты населения по поводу такого грабежа немцы отвечали: «Не только ваше имущество принадлежит нам, но и вы сами со своей жизнью находитесь в нашем распоряжении».

У членов причта забрали всю ячменную и (Л. 27) // овсяную солому и сено развозили в разные части войска. У священника увезли со двора до 20 с. дров. С причтового выгона вырубали и вывозили до сотни больших деревьев. Все здания пострадали. В комнатах попорчены двери, стены, полы, печи, в банях от сильной топки попорчена печь, разбиты окна, обвалился потолок, в риге испорчены стены, пол и двери, замки везде пропали.

К церкви и священнику и вообще церковнослужителям немецкие войска относились почтительно, вежливо, начиная с простого солдата до высшего офицера. Так обращались они и с народом. В церкви стояли почтительно, клали в кружки пожертвования. В этом отношении особенно выделялись католики. Ксендзы и пасторы приезжали служить в церкви, которая иной раз была переполнена солдатами, но ничего святотатственного не было замечено. Пропали некоторые книги из библиотеки. В комендатуре священнику оказывали всегда почтение, выделяя его среди массы, подавая руку, кланяясь и подавая стул для сидения. В домах старались не сутяжничать. К православному населению немцы относились, как и [к] лютеранам, одинаково вежливо, ласково. В комнату не ходили, не постучав в двери, при встрече кланялись первые, в работах старались помогать лично, делились с домашними, что имели, конечно, получая от последних взамен вдвойне из съестного и из одежды. Такие отношения чужестранцев население приятно вспоминает и по сие время. Различия между лютеранами и православными не делали и лица, имевшие власть. Они говорили, что в Германии существуют разные вероисповедания, и все имеют свободу. К уплате прихожанами жалования церковнослужителям немцы относились безразлично. Собрания народные были запрещены без разрешения губернской власти, каковые разрешения или вовсе не давали, или давали с трудом в исключительных

³⁶ Рига – большой сарай для сушки снопов.

случаях. Но немцы на местах советовали устраивать собрания помимо начальства. (Л. 28) // Подобные советы давали людям сами полицейские при взимании разных обязательных взносов: масло, яйца, шерсть и т. д. «Не показывайте, – говорили они, – все, что у вас есть. Мы в Германии все так делаем. Иначе жить нельзя».

Но власть всячески употребляла средства к принудительному доставлению в комендатуру и в властное правление предписанных продуктов: масла, яиц, шерсти, кожи, шкур, зерна и т. д. Для этого созывали волостных должностных лиц, духовенство и людей, пользующихся уважением населения, и увещевали их повлиять на народ к уплате продуктов. Сторонники немцев так и делали, прочие же только махали руками.

Вообще явной ненависти к православной вере у немцев заметно не было. Они себя считали людьми цивилизованными, чтобы действовать явно по отношению к совести. Сторонники же немцев, пастор лютеранский Мее-ри и местный помощник Бунзгевден, действовали откровеннее. Первый настаивал, чтобы православные ему платили подати хлебом. Требование это распространялось и на православный причт. Хотя никто этого требования не исполнил. Второй, помещик, наложил на своих крестьян, которые все православные, часть аренды обязательными рабочими днями вместо денег. И этого требования никто не исполнил, почему некоторым хозяевам было отказано в аренде.

Обыски и аресты были, но не за веру, а по жалобам посторонних лиц по подозрению в недружке к немцам. Православный Михаил Зийнт с двумя своими дочерьми были арестованы и содержались в Аренбургской³⁷ тюрьме 2 месяца будто за пьянство. Также арестовали и посадили в тюрьму молодого парня Пяртеля за то, что у него нашли запрещенные вещи. Псаломщика Тейса захватили как военнопленного и содержали в Аренбурге 5 месяцев. Случаев высылки из прихода не было.

Совершение треб и сообщения с прихожанами сначала были весьма затруднительны. Для отправки в деревню и приход каждый раз надо (Л. 29) // было спрашивать разрешения. Движение вне домов разрешалось лишь до 9 часов вечера. Никому не разрешалось пропуски на материк, а на Эзель можно было добывать разрешения с трудом, причем надо было обозначать, куда именно требовалось отправиться, на какой срок, и по возвращению предстояла явка в комендатуру с заявлением, что возвратился в срок.

Значительно пострадал церковный причтовый лес. Зимой вырубали до 100 деревьев больших, не считая малых; когда же причт заявил протест, то похищение прекратилось. Солдаты должны были караулить, чтобы имуществу церкви убытка не сделали. К весне вдруг появился в комендатуру старший лесничий, призвал к себе причт и заявил, что употребление леса запрещено, даже кустиков и сучьев брать не позволено. На протест причта от 27 мая на имя Губернского правления из комендатуры ответили, что прошение возвращается, что лес принадлежит казне, а причт может употреблять для своей надобности каждый раз с позволения начальства. В июне месяце началась вырубка немцами леса на сенокосы причта. Сначала говорили, что вырубят 300 сажень. Но рабочих не достали, и вырубили лишь шесть куб. саж. Дрова

³⁷ Аренбург (Куресааре) – центральный населенный пункт острова.

повезли к печи для выжигания извести. Вообще лесного убытка произведено немцами причту на 1400 марок, считая в том числе и 20 с. дров священника, похищенного немецкими солдатами в разные стороны своей стоянки.

Надо сказать, собственно германские солдаты не были так грубы в общении с людьми, как местные немцы и пасторы. Пастор говорил псаломщику Тейсу: «Нас притесняли долгое (Л. 30) // время, теперь мы имеем возможность себя восста[но]вить». Между этим пастор заявил, что не имеют права ходить в школы, что это право дано ему только. Народу он говорил, что все православные перейдут в лютеранство. «Не будут же люди платить двум духовным жалования», – утверждал он.

По правде сказать, народу немцы особенного зверства и грубости не причиняли. Ни одного случая безнравственности от немцев не обнаружено в приходе. Солдаты принимали участие в семейных праздниках, но никогда не напивались и не позволяли себе неприличности, говорит народ, как это позволяли себе русские матросы. Отношение населения к немцам *хотя было* как [к] солдатам хотя было терпимо, но все обрадовались уходу их. 24-го ноября по этому поводу было совершено в середине острова, в местечке Лиива всенародное благодарственное молебствие. Многие плакали от радости, что появилась свобода.

28-го декабря 1918 г.

Гелламский Петропавловской церкви священник А. Аллик

Геллама

[ЕАА. F. 1655. N. 2. S. 4031. Lk. 25–30].

Список литературы

Брянцев Д. Эвакуация Рижской духовной семинарии в Нижний-Новгород // Рижские епархиальные ведомости. 1915. № 17/18/19/20. С. 469–474.

В. Ш. Оставаться или бежать? // Рижские епархиальные ведомости. № 2. 1916. С. 59–65.

Гаврилин А. Православные приходы на территории Латвии во время Первой мировой войны // Православие в Прибалтике : Религия, политика, образование, 1840–1930-е гг. / под ред. И. Пярт. Тарту : Изд-во Тартус. ун-та, 2018. С. 297–313.

Леонтьева Л. Православные Российской империи на фронте и в тылу (1914–1917 гг.) // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. История. 2015. № 1. С. 41–57.

Петров И. В. «Огород мой уничтожили русские, вырыв в нем блиндажи, немцы же вытравили озимые и клеверные поля»: жизнь православного духовенства под германской оккупацией на острове Эзель в 1917–1918 гг. // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 203–209.

Пярт И. Русская вера на «Прибалтийской окраине» : предисловие // Православие в Прибалтике : Религия, политика, образование, 1840–1930-е гг. / под ред. И. Пярт. Тарту : Изд-во Тартус. ун-та, 2018. С. 10–31.

Рижская духовная консистория // Рижские епархиальные ведомости. 1915. № 17/18/19/20. С. 468–469.

Фриз Г. Религиозная политика Российской империи в Прибалтике // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Т. 72. 2017. № 4. С. 777–806. DOI 10.21638/11701/spbu02.2017.407.

Щукин В. Бегство, как долг : (Слово, произнесенное в Рижском каф. соборе 19 июля 1915 г.) // Рижские епархиальные ведомости. 1915. № 15–16. С. 419–425.

Baltic Orthodoxy : Resource Portal for Religious History : [website]. URL: <https://www.balticorthodoxy.com> (mode of access: 21.12.2019).

Barrett M. B. *Operation Albion: The German Conquest of the Baltic Islands*. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2008. 298 p.

Bobic P. *War and Faith: The Catholic Church in Slovenia, 1914–1918*. Leiden : Brill, 2012. 262 p.

Dekker R. *Egodocuments and History. Autobiographical Writing in Its Social Context since the Middle Ages*. Hilversum : Verloren, 2002. 190 p.

EAA. F. 1655. N. 2. S. 4031; N. 3. S. 62; F. 5256. N. 1. S. 1029.

Engelstein L. “A Belgium of Our Own”: The Sack of Russian Kalisz, August 1914 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 10. 2009. № 3. P. 441–473. DOI 10.1353/kri.0.0112.

Hatlie M. R. *Riga at War. War and Wartime Experience in a Multi-Ethnic Metropolis*. Marburg : Verlag Herder-Institut, 2014. 362 p.

Houlihan P. J. *Catholicism and the Great War: Religion and Everyday Life in Germany and Austria-Hungary, 1914–1922*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2017. 302 p.

Jenkins P. *The Great and Holy War: How World War I Changed Religion for Ever*. Oxford : Lion Books, 2015. 448 p.

Nagornaja O. United by Barbed Wire: Russians POWs in Germany, National Stereotypes, and International Relations, 1914–22 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 10. 2009. № 3. P. 475–498. DOI 10.1353/kri.0.0111.

Platon, [piiskop]. Mõni lehekene minu päewaraamatust // *Uus Elu*. 1924. Nr. 9. P. 1–2.

Presser J. *Uit het werk van dr. J. Presser*. Amsterdam : Athenaeum-Polak & Van Gennep, 1969. 332 p.

Ryan D. C. *The Tsar's Faith: Conversion, Religious Politics and Peasant Protest in Imperial Russia's Baltic Periphery* : PhD Dissertation. Los Angeles : Univ. of California, 2008. 397 p.

Weber K. *Religion and Law in the Russian Empire: Lutheran Pastors on Trial, 1860–1917* : PhD Dissertation. N. Y. : N. Y. Univ., 2013. 398 p.

References

Baltic Orthodoxy : Resource Portal for Religious History [website]. URL: <https://www.balticorthodoxy.com> (mode of access: 21.12.2019).

Barrett, M. B. (2008). *Operation Albion: The German Conquest of the Baltic Islands*. Bloomington, Indiana Univ. Press. 298 p.

Bobic, P. (2012). *War and Faith: The Catholic Church in Slovenia, 1914–1918*. Leiden, Brill. 262 p.

Bryantsev, D. (1915). Evakuatsiya Rizhskoi dukhovnoi seminarii v Nizhnii-Novgorod [Evacuation of the Riga Ecclesiastical Seminary to Nizhny Novgorod]. In *Rizhskie eparkhial'nye vedomosti*. No. 17/18/19/20, pp. 469–474.

Dekker, R. (Ed.). (2002). *Egodocuments and History. Autobiographical Writing in Its Social Context since the Middle Ages*. Hilversum, Verloren. 190 p.

EAA [National Archive of Estonia]. F. 1655. N. 2. S. 4031; N. 3. S. 62. F. 5256. N. 1. S. 1029.

Engelstein, L. (2009). “A Belgium of Our Own”: The Sack of Russian Kalisz, August 1914. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 10. No. 3, pp. 441–473. DOI 10.1353/kri.0.0112.

Freeze, G. (2017). Religioznaya politika Rossiiskoi imperii v Pribaltike [Religious Policies of the Russian Empire in the Baltic]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Vol. 72. No. 4, pp. 777–806. DOI 10.21638/11701/spbu02.2017.407.

Gavrilin, A. (2018). Pravoslavnye prikhody Latvii vo vremya Pervoi mirovoi voiny [The Orthodox Parishes of Latvia during the First World War]. In Paert, I. (Ed.). *Pravoslaviye v Pribaltike: Religiya, politika, obrazovanie, 1840–1930-e gg.* Tartu, Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta, pp. 297–313.

Hattie, M. R. (2014). *Riga at War. War and Wartime Experience in a Multi-Ethnic Metropolis*. Marburg, Verlag Herder-Institut. 362 p.

Houlihan, P. J. (2017). *Catholicism and the Great War: Religion and Everyday Life in Germany and Austria-Hungary, 1914–1922*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 302 p.

Jenkins, P. (2015). *The Great and Holy War: How World War I Changed Religion for Ever*. Oxford, Lion Books. 448 p.

Leont'eva, L. (2015). Pravoslavnye Rossiiskoi imperii na fronte i v tylu (1914–1917 gg.) [Orthodox of the Russian Empire at the Front and in the Rear (1914–1917)]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. No. 1, pp. 41–57.

Nagornaja, O. (2009). United by Barbed Wire: Russians POWs in Germany, National Stereotypes, and International Relations, 1914–22. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 10. No. 3. P. 475–498. DOI 10.1353/kri.0.0111.

Paert, I. (2018). Russkaya vera na “Pribaltiiskoi orkaine”. Predislovie [The Russian Faith in “The Baltic Periphery”. An Introduction]. In Paert, I. (Ed.). *Pravoslavie v Pribaltike: Religiya, politika, obrazovanie, 1840–1930-e gg.* Tartu, Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta, pp. 10–31.

Petrov, I. V. (2015). “Ogorod moi unichtozhili russkie, vyryv v nem blindazhi, nemtsy zhe vytravili ozimye i klevnyye polya”: zhizn' pravoslavnogo dukhovenstva pod germanskoi okkupatsiei na ostrove Ezel' v 1917–1918 gg. [“The Russians Destroyed My Garden by Digging Dugouts and the Germans Ruined the Winter Crops and Clover Fields”: The Life of the Orthodox Clergy under the German Occupation of the Island of Saaremaa]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. No. 1, pp. 203–209.

Platon, [piiskop]. (1924). Mõni lehekene minu päewaraamatust. In *Uus Elu*. Nr. 9, pp. 1–2.

Presser, J. (1969). *Uit het werk van dr. J. Presser*. Amsterdam, Athenaeum-Polak & Van Gennep. 332 p.

Rizhskaia dukhovnaya konsistoriya [The Riga Ecclesiastical Consistory]. (1915). In *Rizhskie eparkhial'nye vedomosti*. No. 17/18/19/20, pp. 468–469.

Ryan, D. C. (2008). *The Tsar's Faith: Conversion, Religious Politics and Peasant Protest in Imperial Russia's Baltic Periphery*. PhD Dissertation. Los Angeles, Univ. of California. 397 p.

Shchukin, V. (1915). Begstvo, kak dolg. (Slovo, proiznesennoe v Rizhskom kafedral'nom sobore 19 iyulya 1915 g.) [Flight as a Duty. (A Sermon Given in Riga Cathedral on 19 July 1915)]. In *Rizhskie eparkhial'nye vedomosti*. No. 15–16, pp. 419–425.

V. Shch. (1916). Ostavat'sya ili bezhat'? [To Remain or to Flee?]. In *Rizhskie eparkhial'nye vedomosti*. No. 2, pp. 59–65.

Weber, K. (2013). *Religion and Law in the Russian Empire: Lutheran Pastors on Trial, 1860–1917*. PhD Dissertation. N. Y., N. Y. Univ. 398 p.

The article was submitted on 16.05.2019

ОБРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА МИХАИЛА ДИТЕРИХСА К РУССКИМ БЕЖЕНЦАМ (ГИРИН, 1923)*

Сергей Смирнов

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

GENERAL DITERIKHS' ADDRESS TO RUSSIAN REFUGEES (GIRIN, 1923)

Sergey Smirnov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article includes a previously unpublished document, an address to the military officials of the Priamurye Zemstvo Host and civil refugees. The address was written in April 1923 in the Girin camp for Russian internees formed as a result of the White Army's withdrawal from Primorye to Northeastern China at the end of the Civil War. The address was authored by Lieutenant General M. K. Diterikhs, former head of the last White government in Russia, supreme leader of the Provisional Priamurye Government and the governor of the Zemstvo Host. The original of the address is kept in the Archive of the Hoover Institution on War, Revolution, and Peace (Fund of General P. P. Petrov) at Stanford University. The document reflects Diterikhs' views on the nature of the Civil War and the prospects of continuing the anti-Bolshevik struggle following the defeat of the White movement. According to the general, the Civil War in Russia had a religious meaning, being a confrontation between the forces of Christ and the Antichrist. Members of the White movement, as well as Russian society as a whole, bore the stamp of the sin of regicide. They opposed the Antichrist power of Bolsheviks only by means of physical force and lost. Meanwhile, the victory over the Soviet regime and the future revival of Russia of Christ was only considered possible through the spiritual unification of all opponents of the Antichrist and the creation of an anti-Bolshevik Brotherhood in Christ.

Keywords: M. K. Diterikhs; Civil war; White movement; Russian refugees; Provisional Priamurye Government; Manchuria; Girin.

* *Citation:* Smirnov, S. (2020). General Diterikhs' Address to Russian Refugees (Girin, 1923). In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 242–250. DOI 10.15826/qr.2020.1.459.

Цитирование: Smirnov S. General Diterikhs' Address to Russian Refugees (Girin, 1923) // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 242–250. DOI 10.15826/qr.2020.1.459 / Смирнов С. Обращение генерала Михаила Дитерихса к русским беженцам (Гирин, 1923) // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 242–250. DOI 10.15826/qr.2020.1.459.

Впервые публикуемое обращение к воинским чинам Приамурской Земской рати и гражданским беженцам, датированное апрелем 1923 г., было составлено в Гиринском лагере для русских интернированных лиц, сформировавшемся в результате исхода частей Белой армии из Приморья на территорию Северо-Восточного Китая в условиях окончания Гражданской войны на востоке России. Автором обращения являлся бывший глава последнего белого правительства на территории России Верховный правитель Приамурского Земского края и воевода Земской рати генерал-лейтенант М. К. Дитерихс. Оригинал обращения хранится в архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (фонд генерала П. П. Петрова). В документе отразились взгляды Дитерихса на природу Гражданской войны и на перспективы продолжения антибольшевистской борьбы в условиях поражения Белого движения. По его мнению, Гражданская война в России имела религиозный смысл, являясь противостоянием сил Христа и антихриста. Участники Белого движения, так же, как все российское общество, несшие печать греха царевубийства, проиграли, противопоставив антихристовой власти большевиков только силу физическую, военную. Победа над советской властью и будущее возрождение России возможны только путем духовного объединения всех противников антихриста, создания антибольшевистского братства во Христе.

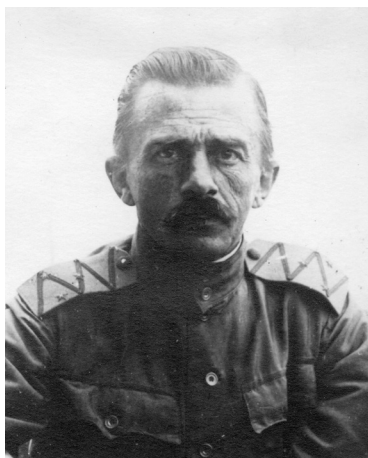
Ключевые слова: М. К. Дитерихс; Гражданская война; Белое движение; русские беженцы; Гирин.

Русская эмиграция первой волны, будучи результатом революции 1917 г. и Гражданской войны, постоянно обращалась к ее событиям, пытаясь разобраться в вопросах о причинах, природе, смысле и назначении для судьбы России и мира. Обращение к эмигрантским документам начала 1920-х гг., созданным на основе недавних событий Гражданской войны, позволяет выявить ее ранние оценки и, опираясь на более поздние источники, проследить их изменение.

Предыстория появления документа такова. В октябре 1922 г. в России пало последнее белое правительство – правительство Приамурского Земского края (Южного Приморья). Воинские части Земской рати и гражданские беженцы общей численностью около 20 тыс. чел. покинули российскую территорию наземным и морским путем. Основная часть военных и гражданских беженцев под руководством штаба Земской рати перешла китайскую границу и была интернирована в районе Хунчуна (Северо-Восточный Китай – Маньчжурия) в ноябре 1922 г. В декабре русские беженцы были перемещены в район города Гирина (Цилиня), где размещались в лагерях для интернированных до конца 1923 г.

Штаб Земской рати предпринимал все возможное, чтобы сохранить воинский контингент для продолжения дальнейшей борьбы против большевиков. В воинских частях, преобразованных в беженские группы, сохранялось прежнее командование, поддержи-

валась дисциплина, изыскивались средства для содержания и обеспечения беженцев продовольствием, одеждой, медикаментами. Однако поддерживать единство терявшей надежду и морально разлагавшейся воинской массы было очень трудно. В среде беженцев усилились настроения к возвращению на родину. В этих условиях 15 апреля 1923 г. генерал М. К. Дитерихс обратился к бывшим солдатам и офицерам Земской рати и гражданским беженцам с программной статьей, озаглавленной «Что делать?»¹ Дата обращения не была случайной. В 1923 г. на 15 апреля приходилась Антипасха – Фомино воскресенье, когда, согласно евангелической традиции, апостолу Фоме, не присутствовавшему во время Светлого Воскресения и не уверовавшему в телесное воскресение Иисуса, было Его явление. Библейское событие символизировало веру в истинность Воскресения Христова, что было крайне важно в понимании Дитерихсом религиозного смысла борьбы с большевиками. В обращении генерала отразился его взгляд на сущность Гражданской войны и на причины поражения Белого движения, а также был предложен путь, ведущий к продолжению борьбы за освобождение России.

М. К. Дитерихс. Фото. 1922.
Музей русской культуры.
Сан-Франциско, США

M. K. Diterikhs. Photo. 1922.
Museum of Russian Culture.
San Francisco, USA

¹ Дитерихс Михаил Константинович, 1874 г. р. Окончил Пажеский корпус (1894) и Николаевскую военную академию (1900). Участник Русско-японской войны, обер-офицер для особых поручений при штабе 17-го армейского корпуса. Штаб-офицер для поручений и старший адъютант штаба Киевского военного округа (1909–1913). Участник Первой мировой войны. Штаб-офицер для поручений при Управлении генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта, и. о. генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии, генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта (1914–1916). Командующий экспедиционным корпусом в Салониках, начальник объединенной Франко-русской дивизии (1916–1917). Кавалер Георгиевского оружия. Генерал-лейтенант (1917). Начальник штаба 3-го Конного корпуса, генерал-квартирмейстер ставки Верховного Главнокомандующего, начальник штаба ставки. С конца ноября 1917 г. начальник штаба Чехословацкого корпуса. Принимал активное участие в освобождении от большевиков Владивостока и Приморской обл. Генерал-квартирмейстер и начальник штаба главнокомандующего армиями белого Западного фронта. Глава комиссии по расследованию и следствию по делу об убийстве на Урале Николая II и его семьи. Главнокомандующий армиями Восточного фронта (июнь – ноябрь 1919 г.). С конца 1920 г. в Харбине. В июне 1922 г. прибыл во Владивосток, командующий войсками и флотом Временного Приамурского правительства, Верховный правитель Приамурского государственного объединения, воевода Земской рати Приамурского Земского края. В эмиграции в Китае, с конца 1923 г. в Шанхае. Начальник Дальневосточного отдела РОВС (1930–1937). Умер от туберкулеза в 1937 г., похоронен на кладбище Люкавэй в Шанхае.

Большую роль в формировании религиозного понимания Дитерихсом природы революции 1917 г. и Гражданской войны, вероятно, сыграло убийство в июле 1918 г. императора Николая II и его семьи, расследование которого генерал возглавлял в 1919 г. в Екатеринбурге. Убийство царской семьи глубоко потрясло Михаила Константиновича, хорошо знавшего царственную фамилию, поскольку он являлся камер-пажом высочайшего двора (1893–1894) и был удостоен чести выступать восприемником от купели наследника российского престола Алексея Николаевича (1904).

По мнению Дитерихса, большевистская власть, осуществившая изуверское уничтожение царской семьи, являлась властью антихриста. Как писал Михаил Константинович в своей книге, посвященной убийству царской семьи и других членов дома Романовых, опубликованной во Владивостоке в 1922 г.,

...свержение Царя, который в мировоззрении народа являлся еще и Помазанником Божиим, явилось преступлением по «духу», затрагивающим в корне все историческое, национальное и религиозное мировоззрение народа и выбивающим из-под его ног нравственные устои его жизни и быта [Дитерихс, с. 11] (здесь и далее при цитировании сохранена орфография оригинала. – С. С.).

Дитерихс был убежден, что грех убийства царя и вина за бедствия, которые постигли Россию, лежат на всем российском обществе, особенно на русской интеллигенции. Борьба против «антихристовой власти» за возрождение России должна была вестись на основании религиозной идеи, обеспечивавшей единство государства и народа.

Дитерихс с большим воодушевлением откликнулся на политические преобразования в Южном Приморье летом 1922 г., связанные с проведением во Владивостоке Земского Собора, утвердившего основой деятельности государства законные права на верховную власть в России династии Романовых, олицетворявшей православную монархию и опиравшейся на широкие слои населения (землю), объединенные системой местного самоуправления. Он согласился стать Верховным правителем Приамурского Земского края. В своем указе № 1 (от 8 августа 1922 г.) Дитерихс красноречиво писал:

По грехам нашим против Помазанника Божьего, мученически убиенного советской властью Императора Николая II со всею Семьею, ужасная смута постигла народ Русский, и святая Русь подверглась величайшему разорению, расхищению, истязанию и рабству... Пять лет народ земли, разметанной гневом Божиим, несет наказание за свой грех, несет тяжелый, но заслуженный крест за безумное попрание святого исторического завета, за уклонение в своем символе от исповедания чистой веры православной и от святыни Единой Державной власти от Бога. Но милостив Творец к своей Святой Руси, и молитвы кающегося народа «вся земля»

услышаны и приняты Им. Близится час прощения и освобождения. Мы уже «у дверей» [Генерал Дитерихс, с. 403].

В борьбе идей Христа и антихриста, как заявлял Михаил Константинович, победа не может быть достигнута физической силой, спасение заключается во внутренней вере каждого человека и самоотверженной жертвенности [Там же, с. 455, 456].

Гибель Приамурского Земского края была воспринята Дитерихсом как гибель физическая, духовная же основа возрождения «святой Руси» никогда не умрет. В своем последнем указе правитель Земского края восклицал:

Я горячо верю, что Россия вновь возродится в Россию Христа, Россию помазанника Божия, но что теперь мы были недостойны еще этой великой милости Всевышнего Творца [Там же, с. 457].

В своих последующих размышлениях в Гиринском лагере для интернированных генерал Дитерихс, указывая на причины поражения Белого движения, возвратился к идее создания братства во Христе, объединяющего противников большевистской антихристовой власти, единственно способного сокрушить эту власть.

Идеи Дитерихса не получили поддержки со стороны командования групп беженцев, и даже ближайшее окружение генерала воспринимало их как проявление душевного надлома и уход в религиозный мистицизм. Сохранить единство русского воинского контингента в Маньчжурии не удалось. В мае 1923 г. командование бывшей Земской рати было удалено из расположения лагерей, ускорился процесс репатриации военнотружеников, принявших решение возвратиться на родину, и постепенное распыление по территории Северо-Восточного Китая остальных белоэмигрантов. В конце 1923 г. генерал Дитерихс с семьей выехал в Шанхай, отказавшись от продолжения политической работы.

Публикуемое нами обращение Верховного правителя Приамурского Земского края и воеводы Земской рати Генерального штаба генерал-лейтенанта Михаила Константиновича Дитерихса содержится в фонде П. П. Петрова архива Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (Калифорния, США)². Документ представляет собой машинописный текст объемом в три листа, напечатанный с двух сторон на двух стандартных листах писчей бумаги без нумерации. На первой странице посередине верхней части листа изображен официально утвержденный приказом Дитерихса знак не признающих советской власти беженцев, представляющий собой четырехконечный равносторонний белый крест на желтом квадратном поле, окаймленный черной тесь-

² Петров Павел Петрович (1882–1967) – генерал-майор Генерального штаба, начальник штаба Приамурской Земской рати.

мой. На последней странице размещена собственноручная подпись генерала Дитерихса.

Текст обращения М. К. Дитерихса публикуется впервые с сохранением особенностей орфографии оригинала.

**1923, апреля 15. – Обращение Верховного правителя
Приамурского Земского края и воеводы Земской рати
генерала-лейтенанта М. К. Дитерихса к воинским чинам
и гражданским беженцам о задачах и методах дальнейшей
борьбы с советской властью**

(Л. 1) ЧТО ДЕЛАТЬ?

Где светоч? Где пути? Что делать? – мучительно стонет в сердцах и умах русских «белых» беженцев, выброшенных за пределы родины.

Неужели все кончено? Неужели нет просвета? Неужели погибли надежды вырвать Россию из рабства деспотической власти изуверов религии Единого Бога и вернуть ее в лоно Христианской единой национальной правовой Державы.

Ничуть.

Где же пути?

Советская власть утвердилась в России, опираясь на идеи социалистического коммунизма.

Социалистический коммунизм, отвергая религию Единого Бога, не признает и Христа.

Следовательно, советский государственный режим, будучи анти-Божеским, является по духу сатанинским и антихристовым.

Это подтверждает и вся история водворения в России советской власти. Это подтверждает и ныне проводимое разрушение Православной Христовой Церкви с заменой ее «живой церковью» человеческого своеволия и земных политических страстей.

Пять лет боролась с советской властью власть «белых».

И победила власть сатанинская, антихристова.

Следовательно, власть «белых» в минувшие пять лет тоже не была по истинному духу Божеской, Христианской: человеческое своеволие и земные политические законы увлекали и ее. Иначе не мог бы восторжествовать и антихрист.

Что же «Белые» – погибли навсегда?

Ничуть.

Но надо искренне осознать в самих себе, чем они были и чем надо быть.

Что составляло силу советской власти?

Дружная спайка всех³ руководивших коммунистических кругов в единомышленном исповедании антихристовых идей и поддерживавшая их физическая сила – красная армия. В борьбе участвовали все. Орудиями борьбы являлись идея и меч.

Которое из этих двух орудий борьбы было главнейшим?

Идейная спайка всех руководивших сил.

Что составляло силу «Белой» власти?

³ Здесь и далее подчеркнуто автором.

Только белое войско, белый воин.

Была ли на стороне «Белой» власти духовная сила могучего единомышленного объединения во Христе всех руководивших, всего белого общества?

Нет, не было: бывали объединения политических партий, каждой в отдельности, кастовых или сословных групп и военных организаций. Но общего морально чистого духовно-христианского сильного всепоглощающего общественного объединения братства во Христе – не было.

Выдвигавшиеся партийные политические лозунги не смогли создать достаточной духовной силы борьбы, не смогли создать борца во всех слоях белого общества.

Вся борьба опиралась только на меч – на силу физическую.

Сила духовного объединения отсутствовала. Борьба велась воинами армии, но не борцами общей по духу массы.

Была ли это физическая сила белых действительной силой Братьев во Христе, силой внутренне объединенной?

Нет. Импульсом ее объединения являлась не любовь братьев // (Л. 1 об.) друг к другу, а ненависть к красным.

Братства во Христе не было не только между обществом и армией, но и в самой армии: ее группы, корпуса, дивизии, части враждовали между собой.

Белые не отказывались от мести, жестокости, насилий и лишней крови. Это все не может иметь места в организациях братства на заветах Христа и Православной Церкви.

Единство же, величие и строй России исторически создавались исключительно на силе объединения массы народной в заветах Христовой Православной веры.

Прежде всего масса объединялась к борьбе в горячем исповедании веры Христовой. Борцами становились все, и общее напряжение направлялось к объединению отдельных княжеств, областей и районов в вере Христовой, в достижении победы Христа, в созидании России имени Христа.

«Россия есть Россия Христа», «Русский народ – православный народ» были первыми лозунгами, первыми объединяющими силами в строительстве Единой России.

Той же объединяющей силе во Христе обязано и духовное величие Российского государства, приведшее и к величию ее политическому. Терпимость и любовь христианства к объединению в великом русском море и православного, и католика, и лютеранина, и магометанина.

Все остальное – форма, строй, семья и быт Великодержавной Российской империи – являлось следствием объединения России во Христе, следствием глубочайшего утверждения Православной Христовой веры и широкого проношения в массы истинных основ любви Христианского учения.

Чтобы ныне победить советскую власть – надо победить идеи коммунизма, надо победить дух антихриста.

Победить его может только воскресшее с новой силой стремление народной массы к объединению в сильнейшей по духу идее – России Христа, с принятием принципов своего объединения: стремление оградить чистоту Православной Церкви и возрождение братьев-борцов за историческую отцовскую Христианскую веру.

Все остальное потом: оно приложится само по благодати Господней и логическим путем, вытекающим из учения Христа о любви.

Ограждение чистоты Православной веры и Церкви выявляется в соблюдении верности догматам и канонам Церкви и в каноническом отношении, в настоящее время – в соблюдении верности Патриарху Всероссийскому Тихону и законной канонической преемственности Патриаршего престола, что бы ни делала советская власть и ее наречение – живая церковь.

Возрождение братьев – борцов за отцовскую веру требует принятия на себя ответственного служения честному Кресту Господнему в путях исторического Российского Государственного строительства и личной жертвенности от каждого брата, в Святой великой задаче пробуждения сознания России, что она есть прежде всего Россия Христа.

Этими национальными братьями-борцами должны стать не только воины, как было до сих пор, но все – все, кто убежденно сознает и верует, что мы стоим перед временным торжеством антихриста и что только через Христа возможна победа над антихристом.

Здесь не может быть сейчас речи о принадлежности к той или другой политической партии, к той или другой группировке. Здесь не должно быть стремлений к созданию и утверждению личной власти, корыстных партийных воцелений.

Каждый в горячем и страстном порыве веры должен стать только национальным российским религиозным борцом, думая только о низвержении антихриста и спасении народа. // (Л. 2)

Каковым же должен быть по внутренним качествам этот борец России Христа?

Брат-борец религиозен. Во всем, всегда им руководит заповедь Христа: любите друг друга; нет больше любви, чем отдать жизнь за брата своего.

Брат-борец имеет в сердце Бога. С ним он и подходит и ко врагу, и если в сердце врага увидит тоже Бога – он не враг ему, он брат ему. Быть может, больной, но брат и делает все, чтобы излечить его. Даже жертвуя ему для этого свою жизнь.

Брат-борец не может не любить русский народ. Ведь если не любить его, то за кого же бороться, страдать? Ведь смысл его жизни – вернуть ко Христу именно весь народ, а не частицу его.

Брат-борец не любостяжатель, ему ничего не надо материального. Ему надо оградить веру Православную, вернуть Россию к России Христа. Для этого земное богатство не нужно; нужно богатство духа, свобода служения всем братьям.

Брат-борец не принадлежит к какому-либо сословию, классу или касте. Он русский Православный Христианин, чтущий свое славное историческое прошлое. Он не может быть интернационалистом. Он яркий националист, верующий, что народу его предопределено Всевышним Промыслом служение идее Святой Троицы на земле и проведение ее сначала у себя дома, а затем и во всем мире.

Брат-борец живет, работает и служит для других. Его единственное богатство – вера; его собственность – Россия Христа; его семья – братья Православной веры; его дом – всюду, где он находит Бога, будь то в среде своих братьев или в среде врагов.

Брат-борец честен. Ложь, грабеж, воровство противны его натуре. Коли в слабости человеческой натуры брат согрешит против чести – братья применяют все свое милосердие и любовь для исправления его. Коли

он не поддается исправлению – он отрубается, как отрубается негодная ветвь лозы.

Брат-борец – рыцарь женщин, детей и слабых. Оскорбление им женщины, оставление без защиты слабого, соблазн ребенка непростительны. Такой брат не может быть терпим, если не исправится и не загладит своей вины.

Брат-борец не может быть рабом человеческих слабостей – блуда, пьянства, гордости, самомнения и зависти. Он никогда не может терять облика и подобия Божия. Он должен чисто носить это свое назначение на земле, но не возноситься им по человеческой слабости.

Брат-борец строг, но справедлив. Невинный не может страдать от его руки. Мечь ему чужда, жестокость противна. Он ограждает чистоту и святость борьбы за имя Христово и не допускает лишней крови.

Брат-борец убивает только тогда, когда борется с вооруженным врагом и не может устранить его иным путем. Смертная казнь над безоружным ему ненавистна. Милости, а не жертв ищет он на своем пути к воскресению России Христа.

Брат-борец помнит искупительную жертву, принесенную мучеником царем Николаем II за грехи народа, и всегда готов разделить его распятие с горячей верой и молитвенной мольбой разбойника: «Помяни меня, Господи, во Царствии Твоем».

Вот новый путь к достижению прежней задачи освобождения и возрождения России. Путь через Христа. Путь через воспитание в себе национального брата-борца.

Это первый, но главнейший шаг. Остальное потом.

«Кто может вместить – да вместит».

15 апреля 1923 года

М. Дитерихс

[Hoover Institution Archives. Petrov (P. P.) Papers. Box 1. F. 7. Correspondence and materials of Far-Eastern Division of POBC (Russian Military Union) (unsorted)].

Машинописный подлинник

Список литературы

- Генерал Дитерихс / ред. и сост. В. Ж. Цветков. М. : Посев, 2004. 634 с.
Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале : в 2 ч. М. : Скифы, 1991. Ч. 1. 416 с.
Hoover Institution Archives. Petrov (P. P.) Papers. Box 1. F. 7. Correspondence and Materials of Far-Eastern Division of POBC (Russian Military Union) (unsorted).

References

- Diterikhs, M. K. (1991). *Ubiistvo Tsarskoi Sem'i i chlenov Doma Romanovykh na Urale v 2 ch.* [Murder of the Royal Family and Members of the Romanov House in the Urals. 2 Parts]. Moscow, Skify. Part 1. 416 p.
Hoover Institution Archives. Petrov (P. P.) Papers. Box 1. F. 7. Correspondence and Materials of Far-Eastern Division of POBC (Russian Military Union) (unsorted).
Tsvetkov, V. Zh. (Ed.). (2004). *General Diterikhs* [General Diterikhs]. Moscow, Posev. 634 p.

The article was submitted on 06.04.2019

Disputatio

Disputatio

DOI 10.15826/qr.2020.1.460
УДК 94(571.12)"16"+342.518.+351.713

МАНГАЗЕЯ: ОТЧЕТ ПОСЛЕДНЕГО ВОЕВОДЫ*

Евгений Вершинин

Институт археологии Севера,
Нефтеюганск, Россия

Георгий Визгалов

Сургутский государственный университет,
Сургут, Россия

MANGAZEYA: THE REPORT OF THE LAST VOIVODE

Evgeny Vershinin

Institute for the Archaeology of the North,
Nefteyugansk, Russia

Georgy Vizgalov

Surgut State University,
Surgut, Russia

This article considers the administration policy of the voivode (local) government in 17th-century Mangazeya, an unusual polar town of Siberia. The authors refer to the administration of R. M. Pavlov, Mangazeya voivode between 1662 and 1670. During his voivodeship, the centre of a huge *uyezd* moved from Mangazeya (on the Taz River) to Turukhansk (near the confluence of the Turukhan and the Yenisei). The authors provide a detailed review of the whole range of responsibilities of the Mangazeya voivode. It is established that the deliberate abandonment of the town by its administration and the residents was not caused by some extraordinary events (e. g., an uprising of the indigenous peoples against the Russian government), but by the inconvenient geographical position of Mangazeya itself, which simply could not be an effective centre of control over the *yasak* (fur tribute) collection from the territories to the east of the Yenisei. The

* Citation: Vershinin, E., Vizgalov, G. (2020). Mangazeya: The Report of the Last Voivode. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 253–269. DOI 10.15826/qr.2020.1.460.

Цитирование: Vershinin E., Vizgalov G. Mangazeya: The Report of the Last Voivode // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 253–269. DOI 10.15826/qr.2020.1.460 / Вершинин Е., Визгалов Г. Мангазея: отчет последнего воеводы // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 253–269. DOI 10.15826/qr.2020.1.460.

entire course of Russian colonisation required a transfer of Mangazeya from the Taz to the Yenisei.

Keywords: Mangazeya; voivodeship administration; *yasak* in 17th-century Siberia.

Рассмотрена административная практика воеводского (местного) управления XVII в. необычным заполярным городом Сибири – Мангазеей. Эта практика показана на примере службы Р. М. Павлова, магазейского воеводы (1662–1670), при котором центр огромного уезда фактически переместился из Мангазеи (на р. Таз) в Туруханск (недалеко от впадения р. Турухан в Енисей). Детально рассмотрен тот круг дел и обязанностей, за выполнение которых отвечал мангазейский воевода. Выяснено, что сознательное оставление города администрацией и жителями было вызвано не какими-то экстраординарными событиями (например, восстанием аборигенных народов против русской власти), а неудобным географическим положением самой Мангазеи, которая просто не могла быть эффективным центром контроля за сбором ясака с территорий, находящихся к востоку от Енисея. Весь ход русской колонизации требовал переноса Мангазеи с Таза на Енисей.

Ключевые слова: Мангазея; воеводское управление; яsak в Сибири в XVII в.

Мангазея, своеобразный заполярный город Сибири XVII в., возникший и сознательно оставленный администрацией и жителями в этом же столетии, давно стал объектом пристального изучения историков разных поколений [Бущинский; Бахрушин, 1955а; Бахрушин, 1955б; Бахрушин, 1955в; Александров; Белов, Овсянников, Старков, 1980; Белов, Овсянников, Старков, 1981; Вершинин, 2018; Визгалов, Пархимович, 2008; Визгалов, Пархимович, 2017; Бертолисси]. Название данной статьи не подразумевает никаких трагических событий: причины запустения Мангазеи выяснены достаточно хорошо, а жизненный путь последнего воеводы города в 1670 г. отнюдь не прервался. В поле зрения авторов попал рядовой для административной практики XVII в. и местами весьма скучноватый документ – воеводский росписной (счетный) список сдачи города воеводой своему преемнику. Авторам показалось любопытным посмотреть, насколько обыденно (или экстремально) протекала жизнь Мангазеи в последние годы ее существования. Наряду с этим, соблазняла задача присутствия при «инвентаризации» тех материальных ценностей казны, сохранение, пополнение и расходование которых возлагались на воеводу как на главу Мангазейского уезда.

Мангазея была основана в 1601 г., пережила в первые 30 лет своего существования время расцвета, которое сменилось годами угасания ее промыслового и торгового значения. Административные и торговые функции Мангазеи постепенно смещались в Туруханское зимовье [Вершинин, Визгалов, 2012], о чем неоднократно докладывали в Си-

бирский приказ мангазейские воеводы. Последний воевода Старой Мангазеи Родион Михайлович Павлов принял город 28 октября 1662 г. Он тоже убеждал Сибирский приказ в целесообразности переноса центра уезда в Туруханск и, не дожидаясь затянувшегося решения Москвы, самовольно в 1668 г. переехал туда. Именно в Туруханске Павлов 18 июня 1670 г. сдал дела новому воеводе Даниле Трофимовичу Наумову, который явился к месту службы сразу в Туруханск (енисейским путем), не заезжая в Мангазею. Этот воеводский росписной список (правда, без начала) сохранился среди дел Архива древних актов и послужил основным источником данной статьи [РГАДА. Ф. 214. Стб. 650].

Согласно сведениям В. А. Александрова, Р. М. Павлов был участником войны с Польшей, в качестве сотенного головы ходил «в польскую и немецкую землю», получил ранения в боях под Мстиславлем и Быховом [Александров, с. 31]. Мангазейским воеводой он стал уже в чине стряпчего. Срок долгого воеводства Павлова (1662–1670) объясняется чрезвычайными обстоятельствами текущей войны: на должность воеводы назначались в первую очередь дворяне, получившие ранения (и в качестве пожалования, и как воины, не годные к строевой службе). Добавим, что в 1679–1680 гг. Павлов уже в чине стольника был верхотурским воеводой. В 1685 г. в чине думного дворянина он служил в Москве и был участником какого-то местнического дела [Эскин, с. 423].

«Отчет» Р. М. Павлова перед Д. Т. Наумовым очерчивает тот круг дел, которые для любого мангазейского воеводы являлись первоочередными. Передача дел, напомним, состоялась 18 июня 1670 г. в Туруханском зимовье. Это свидетельствует о том, что в Туруханске к этому времени уже находился архив воеводской избы самой Мангазеи и была съезжая изба как присутственное место воеводы, что подтверждается в самом начале сохранившейся части счетного списка. В расходной части списка сказано:

Мангазейским же съезжее избы и тюремному и туруханскому съезжее избы сторожам найму по поручным записям на 176 (1667/68) год дано 36 рублев...

Присутственное место воеводы должно было выглядеть торжественно: «Да на Турухане издержано в съезжей избе на воеводской стол 2 аршина лятчины...» (летчина, лятчина – сорт сукна. – Е. В., Г. В.) [РГАДА. Ф. 214. Стб. 650. Л. 2, 3]². До сих пор не известно точное время переезда воеводы Павлова из Мангазеи в Туруханск. В. А. Александров считал, что переселение мангазейских стрельцов с семьями и хозяйством началось с осени 1668 г. [Александров, с. 31]. Но воеводская (съезжая) изба в Туруханске уже существовала.

² В дальнейшем при ссылках на этот столбец документа будут указываться только номера листов в круглых скобках.

В 176 г. случились еще такие расходы:

Мангазейскому таможенному голове и тобольскому сыну боярскому и мангазейским съезжей избы подьячим и всяким людям за подводы найму и есейскому вожу от вожества дано 47 рублев с полтиною (л. 2).

Ессейское ясачное зимовье, известное примерно с 1634 г., находилось далеко за Енисеем, у озера Ессей, в бассейне реки Котуй. Надо думать, что путь к озеру Ессей без вожа (проводника) и сейчас найти нелегко. Сам Павлов, скорее всего, в 1667/68 г. пребывал еще в Мангазее. Денежные и хлебные расходы воеводской избы были самого разного характера:

На приказные неокладные расходы попом и крылошаны на молебны, как приходили на господские праздники и великих государей ангелы в съезжую избу со святыми водами, и на иные всякие мелкие расходы 287 рублев 3 алтына (л. 2).

Подьячие съезжей избы скрупулезно фиксировали любые, даже самые небольшие расходы и доходы государственной казны. Например, в 176 г. «присыльному литвину» Осташку Мартынкину поденного корма дано было 3 руб. 21 алтын; двум полякам за иноземство и за крещение – 6 руб. За 1667/68 г. на окладные и неокладные всякие расходы было истрачено 1630 руб.; в мангазейской казне «за расходом осталось налицо 387 руб.» (л. 3).

В следующем 1668/69 г. мангазейская казна получала обычные, видимо, доходы: с торговой бани в городе взят был верный откуп – 1 руб. 28 алтын; с площадного письма – 70 руб; с прорубей на р. Таз и речке Осетровке – 3 руб. Использование рыбных сетей тоже было на откупе: «с рыбные ловли зимнего промысла с пущальниц взято 7 руб. 3 алтына». На устье Подкаменной Тунгуски стояла баня (видимо, для промышленных людей); с «кваса, сусла и харча» поступило 3 руб. Значительную сумму составила плата за «подрядное горячее вино» – 858 руб. (л. 7, 8). Таков обыденный круг занятий (конечно, не всех) постоянных и временных жителей Мангазеи, из которых казна старалась извлечь свою выгоду. Люди посещали баню, диктовали челобитные, изветы и письма площадному подьячему, варили пиво и ставили брагу (с которых платили явчие пошлины), ловили рыбу, употребляли «горячее вино» (водку), участвовали в церковных и «царских» праздниках. Помимо доходов с самого города, было собрано «на Турухане и на Усть-Подкаменной Тунгуске с торговых и промышленных и с туруханских и с хантайских посадских и со всяких людей с их торгов и промыслов по окладу: десятые деньги взято 375 рублев 3 алтына». С туруханских же и хантайских посадских людей было взято 47 руб. годового оброка (л. 8). Стоит обратить внимание на то, что здесь наличие посадских людей отмечено, помимо

Туруханска, в Хантайском зимовье (оно находилось в низовьях Енисея, ниже впадавшей в Енисей справа устья реки Хантайки).

Всего в мангазейскую казну за 1668/69 г. при воеводе Павлове поступило 2375 руб. Видимо, денег местного бюджета хватало на денежное жалованье мангазейским стрельцам (нам не встречались сведения о присылке из Тобольска или Москвы денег на жалованье). Павлов успел выдать жалованье служилым людям (318 руб.) с 1 сентября 1669 г. по июнь 1670 г. При сдаче Мангазейского уезда в Туруханске воеводе Наумову в казне денег «налицо» оказалось 46 руб. Кроме того, в казне хранилось медных денег 1 242 руб. (хотя шел уже 1670 г.) «да заморских товаров: половинка сукон анбурских, половинка лятчин, 6 вершков сукна алово, 9 аршин камки рядожелтой» (л. 15, 17).

Известно, что в 1662 г. у предшественника Павлова Исаия Максимовича Квашнина в государевых амбарах после расходов оставалось 127 четей муки (более 10 тыс. кг) и 21 пуд соли. Новый воевода принял у Квашнина уже 38 четей муки и 12 пудов соли (л. 23). Не следует полагать, что хлебные запасы и соль пропали вследствие махинаций воевод; просто нам не известны цели, на которые они были израсходованы. Воеводский счетный список велся со стороны любого принимающего воеводы весьма дотошно, о чем свидетельствует следующий эпизод. В 1661 г. при Квашнине в Москву был послан с ясачной казной стрелец Матюшка Корытов, который из столицы сбежал. Между тем, в Мангазее за ним числился долг казне в виде трех ведер недомерного подрядного вина ценой в 3 руб. 13 алтын. Павлов должен был «доправить» деньги на Квашнине, при воеводстве которого Корытов сбежал, но не сделал этого. В конечном итоге деньги были взяты на людях Павлова уже воеводой Наумовым (л. 21–22).

Служилые люди мангазейского гарнизона жили на привозном хлебе. В 1660-е гг. караваны кочей с хлебным (ржаная мука) и соляным жалованьем ежегодно отправлялись из Тобольска в Мангазею. Частные кочи торговых и промышленных людей уже с 1630-х гг. перестали совершать в Мангазею плавания. Хлебное и соляное жалованье получали мангазейские стрельцы (служилые люди Мангазеи назывались именно так, а не казаками), ружники и оброчники. В 1652 г. гарнизон Мангазеи состоял из ста стрельцов во главе с сотником Дементием Тишковым. В 1666 г. стрельцов, ссыльных «литвы» и немцев, ружников и оброчников в городе насчитывалось 172 чел. [Вершинин, 2018, с. 301].

Первый караван из семи кочей прибыл при Павлове из Тобольска в Мангазею 29 октября 1662 г. Всего из Тобольска было отправлено во главе с тобольским сыном боярским Василием Быковским восемь кочей, однако один коч до Мангазеи не дошел, он отстал от каравана еще «в обских устьях». Отправленные кочи везли 1206 мехов ржаной муки (1144 пятипудовых мангазейских чети) и 218 пудов соли. Достигшие Мангазеи семь кочей доставили в город 877 четей муки и 179 пудов соли. На пропавшем коче находилось

190 мехов с мукой (177 четей) и 32 пуда соли. Таким образом, всего на жалованье было отправлено 91,5 т муки; пропавший коч вез более 14 т муки и 500 кг соли. Еще на одном коче недосчитались 51 меха, сопровождавшие его служилые тобольские люди сказали: «они на отстое тот коч легчили и те мехи в море сметали, чтоб им в море не потонуть» (л. 24–25). В целом данное плавание по Обской губе можно считать благополучным.

Казенный караван 1663 г., вышедший из Тобольска на семи кочах во главе с Филиппом Оболяниновым, вез в Мангазею 1184 чети муки и 118 пудов соли. Этот поход был катастрофически неудачным: до Мангазеи 31 августа дошли только два «ломаных коча». Сопровождавшие кочи казаки показали: «...Божиею волею взяла их на море морская погода и ветер встречной, и те 6 кочей на море морскою погодою разбило без остатку, и хлебные запасы и соль все на море приотонули, только остался один коч», из которого хлебные запасы казаки «сметали на море». Из разбитых кочей один удалось снять с кошки (мели), отремонтировать и на нем добраться до Мангазеи. Таким образом, один коч пришел совершенно пустым, на другом сохранилось 28 четей муки (в пятипудовой мангазейской чети было 80 кг) и 3,5 пуда соли (л. 28–290). Интересно, что в сообщениях о крушениях кочей нет ни слова о людских потерях. Может, их и не было: кочи «разбивало» обычно на «отстоях», вблизи берега.

Вследствие потери почти всех запасов муки Павлову пришлось думать самому, чем кормить гарнизон в бесхлебной Мангазее. Обнаружилось, что подъячий мангазейской съезжей избы Васька Петров приписал в прошлые годы в расход лишних 20 четей муки. Этот «приписной» хлеб был взят у Петрова в 1664 г. в казну. У тобольского сына боярского (не назван по имени) было занято 2 чети муки; впоследствии казна вернула свой долг. Самым решительным поступком Павлова явилась, видимо, просто реквизиция муки:

...на Турухане в казну взято у торговых и промышленных и у туруханских жилецких людей для хлебные скудости и морского кочевого розбою мангазейским служилым и польским и литовским и немецким людям и оброчником на жалованье 366 чети муки ржаной, 25 пудов соли.

Об этом факте Павлов послал отписки и в Тобольск, и в Москву. Из Енисейска в Туруханск было прислано (уже не в первый раз) 56 четей муки, 80 пудов соли. В Туруханске же у торговых людей было куплено 29 четей муки и солода (л. 37–40).

8 августа 1664 г. тобольский сын боярский Петр Грузинец благополучно привел в Мангазею караван из десяти кочей, на которых находились 1554 чети муки и 300 пудов соли. К радости мангазейцев, хлебные и соляные запасы были приняты в казну «сполна». Всего в 1664 г. в приходе (вместе с кочевой присылкой) мангазейской казны оказалось 2067 четей муки и 427 пудов соли (л. 41–42).

Поход восьми казенных кочей в 1665 г. (во главе с сыном боярским Власом Старковым) тоже оказался удачным: они доставили в Мангазею 1276 четей муки, 240 пудов соли. Плавание кочей следующего года (1666 г., во главе каравана – тобольский атаман Иван Федоров) прошло спокойно. Количество кочей не указано, но Мангазея получила 1165 четей муки и 240 пудов соли. В 1667 г. (9 сентября) в Мангазею прибыли восемь кочей под командованием тобольского атамана Ивана Емельянова; груз судов состоял из 1024 четей муки и 240 пудов соли. Принимая хлебные и соляные запасы, мангазейская администрация недосчиталась на пяти кочах 209 мехов с мукой и 40 пудов соли. Бывшие на кочах служилые люди сообщили, что «на морской погоде» и встречном ветре, дабы избежать крушений, выбросили муку и соль в воду. В августе-сентябре 1668 г. состоялся последний поход кочей из Тобольска в Мангазею во главе с сыном боярским Христофором Дайнаровым. Запасы в 1026 четей муки и 240 пудов соли стали последним жалованьем, посланным в Мангазею по Обской губе (л. 4–60).

Тобольский воевода П. И. Годунов решительно отменил походы кочей в Мангазею через Обскую губу, о чем он сообщал в отписке от 16 декабря 1668 г. енисейскому воеводе:

А в нынешнем во 177 году по указу великих государей для мангазейского отпуску Тобольского разряду на Тюмени кочей делать не велено, и посылки через море хлебных запасов и соли в нынешнем во 177 году и вперед не будет [РГАДА. Ф. 214. Кн. 367. Л. 744].

Наш источник не дает возможности понять, как было доставлено хлебное и соляное жалованье в Мангазею на 178 г. (1 сентября 1669 г. – 31 августа 1670 г.), но счетный список определенно указывает, что на жалованье 177 г. мангазейским служилым и ссыльным людям, ружникам и оброчникам было затрачено 790 четей муки и 95 пудов соли. «Вперед на 178-й год» было выдано служилым людям и толмачам 255 четей муки и 204 пуда соли (л. 66). Судя по всему, после последнего хлебного каравана кочей 1668 г. следующее поступление жалованья состоялось летом 1670 г.: 11 июня 1670 г. по отписке П. И. Годунова (сам он был смнен с воеводства еще в сентябре 1669 г.) «послано из Тобольска через Енисейский острог на Турухан служилым людям на жалованье и неокладные расходы» с тобольскими служилыми людьми 800 мехов муки (840 четей), 240 пудов соли (л. 69). Почти одновременно (12 июня) в Туруханск вернулся мангазейский стрелец, который купил в Енисейске на казенные деньги 315 пудов муки (63 мангазейских чети). Еще раз напомним, что Павлов сдавал воеводство 18 июня 1670 г., поэтому хлеб из Енисейска пришел весьма вовремя. Воеводе было чем отчитаться:

И всего во 178 году сентября с 1 числа да июня по 18 число при воеводе при Родионе Павлове хлебных запасов и соли тобольские присылки и что куплено в Енисейском и с остатком 177 году в приходе 1075 чети, 782 пуда соли (л. 70–71).

Согласно воеводскому наказу, любой воевода должен был принять у предшественника «городовой наряд» – городскую артиллерию и имевшиеся в казне порохи и свинец. Поскольку передача дел 1670 г. происходила в Туруханске, Павлов отчитывался тем, что он принял в Мангазее в 1662 г. Городовая артиллерия Мангазеи не производила сильного впечатления. Павлов «заехал» четыре пищали затинных железных, пищаль рваную и две пищали затинных малых, «а ложей у них нет». Военных припасов к ним оказалось: 1 пуд 3 гривенки (1 гривенка – 409 г) зелья пушечного, 16 пудов 2 гривенки зелья ручного, 12 пудов 24 гривенки свинца (л. 74).

При Павлове стрельба из пищалей в Мангазее имела исключительно церемониальный и торжественный характер (причем повторялась каждый год). Салюты проводились на два христианских праздника, в день Богоявления (6 января) и день Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня (1 августа), когда «ходят на Ердань воды святить». Еще одним поводом для стрельбы служил приезд в город самоедов с ясаком. В 1662/63 г. на все эти цели было истрачено 26 гривенок «зелья пушечного» и одно ядро (стреляли из четырех медных пищалей, почему-то или не отмеченных в росписном списке или спутанных с железными). Наше внимание к столь невинным мелким расходам мангазейских боеприпасов заставляет обратить его и на один немаловажный (и совершенно неверный) вывод М. И. Белова, сделанный им по поводу оставления Мангазеи.

Соглашаясь с исследователями, которые считали причинами переноса центра уезда из Мангазеи в Туруханск опромысливание соболя в тазовско-туруханских районах и рискованность снабжения города хлебом по Обской губе, М. И. Белов основную причину этого события видел в сопротивлении местных самодийских племен воеводской власти. Он утверждал, что в 1660-е гг. «борьба на подступах к городу не прекращалась, и... постепенно вокруг него сжималось кольцо восставших племен» [Белов, Овсянников, Старков, 1980, с. 90]. В качестве доказательств М. И. Белов выборочно использовал архивные документы столбцов Сибирского приказа (в том числе стб. 650), с интерпретацией которых никак нельзя согласиться. К сожалению, для людей, не знакомых с содержанием этих документов, аргументация М. И. Белова, известного ученого, может выглядеть убедительной.

В угоду своим взглядам М. И. Белов высказал целый ряд утверждений, не имеющих под собой никаких оснований. По его мнению, «систематически из Тобольска в дополнение к мангазейскому стрелецкому гарнизону стали посылать новые воинские части. Сохранилось несколько документов о прибытии в 1644 г. (так! – Е. В., Г. В.)

в Мангазею 45 стрельцов и пеших казаков, для которых еле-еле набрали продовольствие – ржаную муку» [Там же]. В росписном списке Павлова действительно сказано:

Тобольским стрельцом и пешим казаком 45 человеком по их челобитью и имянным росписям для их бедности и хлебные скудости и морского и кочевого розбою в оклады их на 172 год (1663/64) дано 50 чети муки.

Здесь речь идет о тех 45 тобольских служилых людях, которые сопровождали семь кочей каравана Ф. Обольянинова в 1663 г. (пять кочей потерпели крушения в Обской губе). Не поняв текста, М. И. Белов далее пишет: «наиболее интересным является сообщение о том, что в городе находился наемный отряд, который в 1664 г. состоял из 24 человек. Их приезд, вероятно, не планировался...» В тексте архивного документа, соответственно, сказано:

Тобольских служилых людей наемщиком по их челобитью... 24 человеком для хлебные скудости и морского кочевого розбою, чтоб в Мангазее без хлеба не помереть голодною смертию, дано 9 чети с осьминою.

Воевода Павлов, выдавший тобольчанам муку, отписал об этом 25 сентября 1663 г. в Тобольск (л. 44–45). Таким образом, 24 чел., которых наняли вместо себя служилые люди тобольского гарнизона, просто сопровождали караван; вместе с тобольскими служилыми, входившими в состав гарнизона, на кочах насчитывалось 69 чел., одним кочем обычно и управляли 10 чел. Вернуться в Тобольск они могли только в следующую навигацию, почему и просили Павлова выдать им муку в зачет их окладов. Будучи историком географических открытий в Арктике, М. И. Белов часто слабо представлял реалии российской истории XVII в.

Согласно М. И. Белову, выступления местных племен против воеводской власти имели место в 1666–1669 гг. [Белов, Овсянников, Старков, 1980, с. 90]. Обращение к его ссылкам на архивные документы не обнаружило ничего подобного. М. И. Белов: «Прибывшие из Тобольска войска направлялись против “воровской самоеди”. Возглавлял их тобольский сын боярский Влас Старков». Последний вовсе не имел воинственных намерений, а просто привел в 1665 г., как уже было сказано, караван кочей в Мангазею. В росписном списке отмечено, что для «немирной воровской ясачной пясичкой самоеди» у Старкова и тобольских служилых взято было 13 мушкетов. Понятно, что предназначались они для ясачных сборщиков, отправлявшихся на Таймыр, как и то, что пясидские самоеды вряд ли собирались осаждать Мангазею. Ничего необычного не было и в том, что в 1668 г. из Тобольска было прислано 14 пудов пороха и 15 пудов свинца (л. 78, 80). Фундаментальный для построений М. И. Белова документ процитирован им неточно и датирован неверно. В архивном подлиннике сказано:

А во 187-м (1678/79) году те служилые люди из прежнего города Мангазеи от шатости юрацкой самоеяди выехали и город оставили пуст [РГАДА. Ф. 214. Стб. 731. Л. 167].

Речь здесь идет о нескольких ясачных сборщиках, которые после 1672 г. по очереди отправлялись из Туруханска в Мангазею.

Во всех случаях расхода пороха в счетном списке Павлова нет и намек на то, что самой Мангазее в 1660-е гг. угрожала какая-либо опасность со стороны самоедов. Порох выдавался ясачным сборщикам при посылке в ясачные зимовья и служилым людям, доставлявшим ясачную казну в Москву. В 1663 г. был зафиксирован курьезный случай артиллерийских учений, когда из одной пищали «стреляли по приметам с ядром», в результате чего «того ядра не сыскано» (л. 76). При сдаче воеводства Павлов оставил Наумову пушечных запасов 7 пудов 29 гривенков зелья и почти 8 пудов свинца (л. 83).

Из Тобольска в Мангазею регулярно поступали на казенные нужды «вино горячее», мед-сырец и хмель, а на церковные нужды – вино церковное, воск и ладан. Так, 1663 г. было прислано 14 ведер вина, полпуда меда-сырца, полпуда хмеля. Вино расходилось на угощение служилых людей в дни ангела царя Алексея Михайловича и его сыновей, на угощение ясачных иноземцев в самой Мангазее и посылалось в ясачные зимовья (л. 84–97). Казенного кабака, судя по всему, не было, «горячее вино» отдавалось на откуп.

Почти все ясачные зимовья Мангазейского уезда находились к востоку от Енисея, куда ясачные сборщики добирались из Туруханска водными путями. Ответственность за наличие водных средств сообщения лежала на мангазейских воеводах, что обязательно фиксировал росписной счетный список:

Да судов дощаников, и лодок, и стругов, и набойниц, и дощаничных и кочевых запасов, парусов холщевых и варовых всяких веревок, и мотов прядена, и нитей шитых, и гвоздья железного, и скоб судовых конопатных, и тисок берестяных кровельных, и сверл лодочных, и смолы в приходе.

Р. М. Павлов «заехал» в октябре 1662 г. и принял у Квашнина: 2 лодки новые, третья старая, четвертая на Турухане «худое лодченко»; 2 паруса холщевых тазовских лодок, «парусишко старое авамской лодки»; 172 аршина кочевого парусного нового холста; 808 скоб конопатных; 94 сажени старых дощаничных варовых веревок; авамские 2 лодки; 2 паруса лодочных; 37 сажений дощаничных и лодочных старых бечев; старое дощаничное днище (л. 111).

Интересно отметить, что если воеводский росписной список фиксировал прибытие казенных кочей в Мангазею (по причине находившихся на них хлебного и соляного жалованья), то об их обратной отправке в Тобольск в списке нет ни слова. Здесь уместно задаться вопросом: куда, собственно, в 1662 г. к месту службы приехал Пав-

лов – в Мангазею или в Туруханск? Судя по всему, в Мангазею вместе с «хлебным» караваном кочей сына боярского Василия Быковского. Воеводство Павлова, как неоднократно отмечено в списке, началось 28 октября 1662 г., а кочи прибыли в Мангазею 29 октября. Под воеводу, следовавшего к месту назначения, обычно выделялся отдельный коч (воевода ехал с семьей и своими дворовыми людьми, вез значительное количество всякого рода запасов). Очевидно, коч Павлова на один день опередил остальные суда каравана.

Вернемся к «судовым» делам. Поскольку за постройку и отправку кочей с жалованьем в Мангазею ответственность нес главный тобольский воевода, дальнейшая судьба кочей в самой Мангазее местных воевод фактически не интересовала. Тобольский воевода П. И. Годунов, прекративший плавание кочей по Обской губе, утверждал, что вследствие плохих условий зимовки «пропадают те кочи небрежением в Мангазее» и что «сибирские кочи ходят только одинока, а назад из Мангазеи не присылают...». Целый коч нельзя было переправить волоковыми путями на Енисей и послать в ясачные зимовья, для этой цели нужны были более мелкие суда. Тобольские кочи вообще находились вне ведения мангазейских воевод. Зато оснастка бегучего такелажа, как и сами кочевые доски, обязательно находила свое применение (археологические раскопки Мангазеи показали, что судовые деревянные части кочей широко использовались в жилищном строительстве города [Визгалов, Пархимович, 2008; Визгалов, Пархимович, 2017]). Сменивший Павлова воевода Наумов в 1671 г. писал в Москву, что в прошлые годы прежние воеводы «имали с кочей по вся годы кочевые запасы: парусы и варовые веревки, по парусу и по два...». Эти судовые снасти переправляли в Туруханск, где они использовались для оснащения дощаников и лодок, отправлявшихся в ясачные зимовья. Парусина и веревки, снятые с кочей, «исходили все в расход одним годом». В 1680 г. воевода уже Новой Мангазеи (Туруханска) М. П. Беклемишев жаловался на гнилые холсты и веревки и с ностальгией вспоминал то время, когда в распоряжении мангазейских воевод были «кочевые припасы» [Вершинин, 2001, с. 117, 119].

Павлов продолжил практику предшественников. Для отправки ясачных сборщиков из Туруханска он взял в Мангазею дощаничные и лодочные паруса «и к старым парусам на починку и на прибавку и на дроги и на ноги и на вожжи парусные и на поясы и на нарьи и на скуты и на конковые и на причалки и на петли к ногам и на привяску крюков...» с кочей 171 г. «2 паруса кочевых, а холста в них мерой 962 аршина да кочевых варовых всяких веревок 415 саженой». Таким образом, Павлов использовал два коча (поскольку коч – судно исключительно одномачтовое), из чего тайны не делал и отправил соответствующую отписку в Тобольск (л. 112).

Безусловно, кочи совершали и обратные рейсы, только не в таком организованном и регулярном порядке, как «хлебные» караваны. Так, в 1668 г. из Мангазеи в Тобольск отправились три коча, причем

на одном из них находилась государева «соболиная казна», отправляемая в Москву. В Обской губе один коч потерпел крушение, еще один (с «мягкой рухлядью») был вынужден вернуться в Мангазею и лишь третий добрался до Тобольска [Вершинин, 2001, с. 118]. Об обратных плаваниях кочей свидетельствует факт выдачи лодок служилым людям, которые доставляли соболиную казну в Москву. На них мангазейские стрельцы «чрезкаменным» путем (в основном по рекам) переходили горы Северного Урала. Для этого и нужны были лодки, которые могли быть доставлены (видимо, до Березова) только кочами.

В росписном списке подробные расходы казны на «судовой ход» содержатся только за первый год воеводства Павлова. Судовые расходы и приходы воеводской избы, которые фиксировались в отдельных книгах, воеводы (Павлов и Наумов) посчитали лишним вносить в свой счетный список, поскольку «все сошлось сполна». Тем не менее, можно привести и подробности, которые должны быть интересны историкам допетровского речного судостроения. В 171 г.

...в Енисейском остроге и на Турухане куплено для отпуска в ясачные зимовья на всякий дощаничный и лодочный расход 131 мот 6 пасм³ прядена толстого, каюк новый, 14 лодок, стругов и набойниц, 11 набои к лодкам, 200 гвоздей в 3 вершка и в 4, 20 гвоздей в 6 вершков, 5 тысяч скоб судовых конопатных, 68 тисок берестяных кровельных, 18 ведр смолы, 1700 пасм нитей, 2 горшка глиняные.

Расходная часть судовых запасов конкретизирует картину. Помимо оснащения речных судов, веревки выдавались ясачным сборщикам на рыболовные снасти (мережи и пущальницы):

И на пущальницы на Есей озеро 1638 пасм нитей шитых; да к щоглам прибоины и к сопцам тяги и у лодок водорезы прибивать 200 гвоздей в 3 и в 4 вершка; да 14 гвоздей в 6 вершков; дощаники и лодки скобить 4099 скоб судовых конопатных; да старой худой парусины, что привезено из Тунгусок и из Пясиды худые парусишка к дощаникам и к лоткам на конопать и на подстилки к денницам и на парусы лодочные 401 аршин; 2 горшка, что вар варили, розгорели; да 2 лотченка худые старые да дощанишко худое старое ж, розсечены для поделки дощаничной и лодочной; да к пясидцким и тазовским лоткам дано 11 набои (л. 115).

Приведенные тексты вполне понятны историкам народного речного судостроения и поэтому наших комментариев не требуют. В мае того же 1663 г. в Туруханск из ясачных зимовий с обеих Тунгусок, с Пясиды и Енисея прибыли ясачные сборщики на шести дощаниках (еще один оказался «ломаным») и шести лодках. Такими вот небольшими силами (и людскими, и транспортными) осуществлялся в эти

³ Пасмо, согласно словарю В. И. Даля, отдел мотка ниток, бывает разной длины.

годы ясачный сбор в огромном Мангазейском уезде. Русское присутствие определялось здесь для автохтонов наличием самого города, ясачными сборщиками с огнестрельным оружием и соответствующими водными средствами сообщения.

С. В. Бахрушиным показано значение «государева жалованья» для сибирских ясачных людей, которое они получали каждый год (в виде ценимых ими вещей) при условии регулярной уплаты ясака. Не меньшее значение раздача этих подарков имела для воеводской администрации, отвечавшей за сбор ясака и потому заинтересованной иметь в казне этот «подарочный набор» (фактически за его раздачей скрывалась форма принудительного неэквивалентного обмена) [Бахрушин, 1955в, с. 71–82]. В Мангазейском уезде состав подарков «ясачным иноземцам» в годы воеводства Павлова был стабилен: это олово, топоры, ножи, «железца ножевые», железо «в прутьях», одекуй (бисер), карлуки осетрового клея, в меньшей мере медь в котлах.

Из всего этого жалованья иноземцам Павлов «заехал» в Мангазее лишь 7 гривенок олова и 23 железца ножевых. Как показывают материалы росписного списка, выручала воевод ежегодная ярмарка в Туруханске, проходившая в июне-июле, на которую приезжали торговые люди из Енисейска и с «Руси». Так, на туруханской ярмарке в 1664 г. было куплено в казну 2 пуда пруткового железа, 2 котла красной меди, 3 тыс. (счет шел на бусины) одекуя, 200 «ножевых железцев», 60 топоров, 42 карлука осетрового клея. В следующем 1665 г. казна приобрела 75 топоров больших и малых, 118 «ножевых железцев», 12 ножей с рукоятками, пуд и 28 гривенок пруткового железа, 160 карлуков клея. Из Тобольска было прислано 4 пуда 18 гривенок олова «в блюдах и торелях» (л. 100–101). Почти все это расходилось за год по ясачным зимовьям.

Обычная процедура выдачи государева жалованья была такой. В это время в Туруханске содержалось значительное количество самоедских и тунгусских аманатов (в 1676 г. их насчитывалось 45 чел.). Аманаты якобы добровольно раз в год приходили в съезжую избу ударить воеводе челом поминочными соболями (понятно, что они получали меха от своих находившихся на свободе родственников). Им «давали» (показывали) государево жалованье, которое рассылалось по ясачным зимовьям. Делалось это для успокоения как самих аманатов, так и их родичей: ясачные люди должны были быть уверены, что за уплату ясака они регулярно получают государево жалованье.

С. В. Бахрушин был бесспорно прав, когда писал: «В истории Сибири ясак сыграл большую, можно сказать, решающую роль. Это была та притягательная сила, которая побудила царское правительство перейти за Урал и присоединить всю территорию к востоку от него до Тихого океана» [Бахрушин, 1955в, с. 49]. В росписном списке Павлова содержатся точные годовые данные о размерах ясачного сбора всех ясачных зимовий Мангазейского уезда, заодно уточняется и количество этих зимовий на 1660-е гг. Порядок перечисления ясачных

зимовий в годы воеводства Павлова был одинаков. В росписном списке зафиксирован не ожидаемый окладной ясак, а реально принесенный и сданный ясачным сборщикам. Приведем подробные данные о поступившем ясаке за 1662/63 г.

Ближайшим к Мангазее было *Верхотазское зимовье*, в которое в 171 г. поступило 4 сорока 4 соболя, 11 бобров больших и малых, 10 росомах. Других ясачных зимовий на р. Таз не было. Следующее зимовье, *Хантайское*, находилось уже в низовьях Енисея, куда ясачные самоеды сдали 5 сороков 11 соболей и 3 бобровых шкуры. В собственно *Туруханское зимовье* с самоедов поступил ясак в размере 3 сороков 29 соболей. На Енисее же были расположены еще два ясачных зимовья – *Инбацкое* и *Закаменное*. В первое было сдано инбаками и остяками (то есть кетами) 11 сороков 28 соболей, во второе остяками и тунгусами – 6 сороков 26 соболей. Далее идет перечисление ясачных зимовий, расположенных на Нижней Тунгуске. В дальнем *Усть-Непском зимовье* с тунгусов было взято 43 соболя; «того ж Усть-Непского другие половины *Кундогирского зимовья*» ясачный сбор составил 6 сороков 26 соболей. *Обнина курья*, которая тоже являлась ясачным зимовьем (не локализовано) и давала самое большое количество ясака, внесла в соболиную казну 12 сороков соболей. Сбор *Усть-Титейского зимовья* составил 45 шкурок соболей; «Усть-Титейского другие половины *Турыжского зимовья*» – 8 сороков 24 соболя. С самоедов *Пясицкого Хецкого зимовья* (на р. Хете) ясак брался не шкурками пушных зверей, а оленьими ровдугами (выделанными шкурами). В этом году в ясак было сдано 508 ровдуг. Далее в ясак поступило: в *Летнее зимовье* (р. Нижняя Тунгуска) с тунгусов 4 сороков 18 соболей; в *Тетерское зимовье* (р. Подкаменная Тунгуска) 3 сорока 26 соболей; в *Чунское зимовье* (р. Подкаменная Тунгуска) 53 соболя; в *Хатанском Ессейском зимовье* взято ясака 11 сороков соболей и там же с анабарских тунгусов 30 соболей. Всего все ясачные зимовья Мангазейского уезда собрали окладного ясака 80 сороков 9 соболей, 17 бобров больших и малых, 4 кошлока (молодой бобер), 11 росомах, 502 ровдуги оленьих. Помимо окладного ясака, были еще и поминочные меха (царские и воеводские), соболя в «почесть».

Отдельной статьей шел таможенный сбор десятинной пошлины, которую собирали таможенный голова и целовальники в Мангазее, Туруханске и на заставе на устье Подкаменной Тунгуски. Десятинная пошлина составила 29 сороков 17 соболей. В итоге в Москву отправилась собранная в 171 г. ясачная казна в размере 121 сорок 4 соболя (4844 целых шкурок соболя), 19 бобров больших и малых, небольшое количество красных лисиц и росомах. Все меха были оценены по мангазейской цене на 9540 руб. В 177 (1668/69) г. в Москву было отпущено всякой мягкой рухляди 136 сороков 20 соболей (из них 33 сорока 25 соболей таможенного десятинного сбора), 11 бобров, 38 росомах по мангазейской цене на 9720 руб. В 1670 г. ясачный и таможенный

сборы вместе составили 142 сорока 7 соболей (5 707 шкурок) на сумму в 10 640 руб. (л. 120–177).

Как видно, основное количество ясачной пушнины поступало с территорий, расположенных за Енисеем. Еще в 1640 г. мангазейские служилые люди указывали, что «собирается де с тех земель на всякий год по 100 сороков соболей и более». Надо еще отметить, что пушная добыча промышленников в Мангазейском уезде и в 1660-е гг. превосходила масштабы охотничьей деятельности ясачных людей. Деятели Сибирского приказа, а вслед за ними и новый воевода Наумов могли поставить в вину Павлову только одно – то, что он не «выколачивал» с ясачных людей недоимки по ясаку за прошлые годы. Между тем, эта задача была заведомо невыполнимой. В 1651 г. мангазейский воевода Ф. И. Байков, жалуясь на малочисленность служилых людей, писал в Tobольск, что в зимовья на обе Тунгуски посылается по два-три ясачных сборщика, которых тунгусы и самоеды нередко «побивают». Воевода подчеркивал неокладной характер ясака: «И твой, государь, ясак платят из воли, а иные де... и не платят, потому что видят: безлюдно, а оборонитца некем». Ясачные сборщики жаловались на невозможность составления точных окладных книг, потому что самоеды и тунгусы ежегодно меняли свои имена, а в лицо служилые люди их не опознавали [Вершинин, 2018, с. 394].

Павлов добросовестно писал о сборе недоимок по ясаку ясачным сборщикам. Те заносили умерших ясакоплательщиков в окладные ясачные книги и сообщали, что иные ясачные люди «побиты», а иные «сошли на сторонние реки и к ясачным зимовьям не приходили». Павлов отсылал эти «сказки» в Москву. Видимо, утомленный назойливой тупостью московских приказных, он привел весомый аргумент: «А по указу же великих государей велено из доимки ясак имать из воли ласкою, а не жесточью и правежем». Тем не менее, воеводе насчитали ясачную недоимку с 171 по 179 г. – 7 сороков 2 соболя и 252 ровдуги оленых:

...и по сему счетному списку и по государеву указу доимочный ясак довелось взять на воеводе Родионе Павлове, потому что он тот доимочный ясак на ясачных людех не выбирал своею оплошкою...

Павлов, очевидно, уже уехал с воеводства, поэтому для уплаты «доимочного ясака» Наумов поставил в Туруханске на правож людей Павлова Якунку Алексева сына Жукова «с товарищем», оставленных воеводой, видимо, для проведения торговых операций с мехами (л. 183, 212). Так закончилось мангазейское воеводство Р. М. Павлова.

В заключение хотелось бы только выразить сожаление об отсутствии многих сведений в росписном счетном списке. Нет данных о количественном составе мангазейского стрелецкого гарнизона, как и о количестве ясачных людей; обойдены молчанием факты обратных

рейсов кочей в Тобольск и переселения жителей Мангазеи в Туруханское зимовье. Нет информации об осаде Мангазеи самодийскими родами; из росписного списка невозможно извлечь какие-либо факты частной жизни жителей города (состав семьи и дворовых людей самого Павлова). Перед нами административный отчет, который мало вяжется с такими определениями Мангазеи, как «легендарная» и «златокипящая», впрочем, как и применяемыми к ней относительно данного времени словами «упадок» и «закат». Мангазея 1660-х гг. – город с обычным для него (хотя и своеобразным) ритмом жизни, который может быть интересен для историков повседневности и скучен для любителей героико-романтического освоения Севера.

Список литературы

- Александров В. А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М. : Наука, 1964. 303 с.
- Бахрушин С. В.* Андрей Федорович Палицын // Бахрушин С. В. Науч. тр. : в 4 т., в 5 кн. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955а. Т. 3. Ч. 1. С. 175–197.
- Бахрушин С. В.* Мангазейская мирская община // Бахрушин С. В. Науч. тр. : в 4 т., в 5 кн. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955б. Т. 3. Ч. 1. С. 297–330.
- Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири в XVII в. // Бахрушин С. В. Науч. тр. : в 4 т., в 5 кн. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955в. Т. 3. Ч. 2. С. 49–85.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Часть 1. Мангазейский морской ход. Л. : Гидрометеиздат, 1980. 163 с.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Часть 2. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М. : Наука, 1981. 147 с.
- Бертолисси С.* Вольный город в России XVII в.: Мангазея на реке Таз (1601–1672) // *Quaestio Rossica*. 2014. № 2. С. 252–262.
- Буцинский П. Н.* Сочинения : в 2 т. Тюмень : Мандрика, 1999. Т. 2. Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск. 327 с.
- Вершинин Е. В.* Дошаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2001. Вып. 4. Евразийское пограничье. С. 87–131.
- Вершинин Е. В.* Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII в. Екатеринбург : Демидовский ин-т, 2018. 503 с.
- Вершинин Е. В., Визгалов Г. П.* Новая Мангазея (город, которого нет на карте) // Родина. 2012. № 2. С. 55–59.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. 296 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск ; Екатеринбург : Караван, 2017. 360 с.
- РГАДА. Ф. 214. Стб. 650, 731; Кн. 367.
- Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М. : Квадрига, 2018. 512 с.

References

- Aleksandrov, V. A.* (1964). *Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII v. (Eniseiskii krai)* [The Russian Population of Siberia in the 17th – Early 18th Centuries (Yenisei Region)]. Moscow, Nauka. 303 p.
- Bakhrushin, S. V.* (1955a). *Andrei Fedorovich Palitsyn* [Andrei Fedorovich Palitsyn]. In *Bakhrushin, S. V. Nauchnye trudy v 4 t., v 5 kn.* Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 3. Part 1, pp. 175–197.

Bakhrushin, S. V. (1955b). Mangazeiskaya mirskaya obshchina [Mangazeyan Secular Community]. In Bakhrushin, S. V. *Nauchnye trudy v 4 t., v 5 kn.* Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 3. Part 1, pp. 297–330.

Bakhrushin, S. V. (1955c). Yasak v Sibiri v XVII v. [Yasak in Siberia in the 17th Century]. In Bakhrushin, S. V. *Nauchnye trudy v 4 t., v 5 kn.* Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 3. Part 2, pp. 49–85.

Belov, M. I., Ovsyannikov, O. V., Starkov, V. F. (1980). *Mangazeya. Chast' 1. Mangazeiskii morskoi khod* [Mangazeya. Part 1. Mangazeya Sea Passage]. Leningrad, Gidrometeoizdat. 163 p.

Belov, M. I., Ovsyannikov, O. V., Starkov, V. F. (1981). *Mangazeya. Chast' 2. Material'naya kul'tura russkikh polyarnykh morekhodov i zemleprokhoditsev XVI–XVII vv.* [Mangazeya. Part 2. The Material Culture of the Russian Polar Seafarers and Explorers of the 16th–17th Centuries]. Moscow, Nauka. 147 p.

Bertolissi, S. (2014). Vol'nyi gorod v Rossii XVII v.: Mangazeya na reke Taz (1601–1672) [A Free Town in 17th-Century Russia: Mangazeya on the Taz River (1601–1672)]. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 252–262.

Butskinskii, P. N. (1999). *Sochineniya v 2 t.* [Works. 2 Vols.]. Tyumen', Mandrika. Vol. 2. Mangazeya, Surgut, Narym i Ketsk. 327 p.

Eskin, Yu. M. (2018). *Ocherki istorii mestnichestva v Rossii XVI–XVII vv.* [Essays on the History of Mestnichestvo in 16th- and 17th-Century Russia]. Moscow, Kvadriga. 512 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 214. Columns 650, 731; Book 367.

Vershinin, E. V. (2001). Doshchanik i koch v Zapadnoi Sibiri (XVII v.) [Doshchanik and Koch in Western Siberia (17th Century)]. In *Problemy istorii Rossii*. Yekaterinburg, Volot. Iss. 4. Evraziiskoe pogranich'e, pp. 87–131.

Vershinin, E. V. (2018). *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoi Sibiri v kontse XVI–XVII v.* [Russian Colonisation of Northwestern Siberia in the Late 16th–17th Centuries]. Yekaterinburg, Demidovskii institut. 503 p.

Vershinin, E. V., Vizgalov, G. P. (2012). Novaya Mangazeya (gorod, kotorogo net na karte) [New Mangazeya (a City That is Not on the Map)]. In *Rodina*. No. 2, pp. 55–59.

Vizgalov, G. P., Parkhimovich, S. G. (2008). *Mangazeya: novye arkhеologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.)* [Mangazeya: New Archaeological Studies (Materials 2001–2004)]. Yekaterinburg, Nefteyugansk, Magellan. 296 p.

Vizgalov, G. P., Parkhimovich, S. G. (2017). *Mangazeya: usad'ba zapolyarnogo goroda* [Mangazeya: The Estate of the Polar City]. Nefteyugansk, Yekaterinburg, Karavan. 360 p.

The article was submitted on 20.09.2019

**КУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИНТЕГРАЦИИ
УКРАИНСКОЙ КАЗАЦКОЙ ЭЛИТЫ
В ОБЩЕИМПЕРСКОЕ ДВОРЯНСТВО***

Яков Лазарев

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**CULTURAL MECHANISMS OF INTEGRATING
THE UKRAINIAN COSSACK ELITE
INTO THE IMPERIAL NOBILITY****

Yakov Lazarev

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

In this article, the author explores the degree of effectiveness of cultural mechanisms implemented in the integration of the Ukrainian Cossack elite into the all-imperial nobility. According to the author, the mid-eighteenth century became a milestone in updating cultural integration mechanisms. Using multiple examples, the author demonstrates how the Cossack elite actively broke away from their cultural provincialism, sending their children to educational institutions of the imperial capitals, and subsequently replenished and formed the imperial noble intellectual elite. The author explains such changes by the influence of European ideological transfer, which led to the transformation of the worldview of the Russian ruling elite, and then, during the reign of Peter I, to the transformation

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых по теме «Механизмы устойчивого контроля над присоединенными территориями Российского государства: военно-административное присутствие и фискальные практики в "Малой России" (вторая половина XVII в. – 1785 г.)». Договор № 14.У30.17.97-МК от 22.02.2017 г.

Автор выражает глубокую признательность К. Д. Бутрову и М. А. Киселеву за оказанную помощь, ценные советы и замечания, которые помогли в работе над текстом.

** Citation: Lazarev, Ya. (2020). Cultural Mechanisms of Integrating the Ukrainian Cossack Elite into the Imperial Nobility. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 270–282. DOI 10.15826/qr.2020.1.461.

Цитирование: Lazarev Ya. Cultural Mechanisms of Integrating the Ukrainian Cossack Elite into the Imperial Nobility // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 270–282. DOI 10.15826/qr.2020.1.461 / Лазарев Я. Культурные механизмы интеграции украинской казацкой элиты в общеимперское дворянство // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 270–282. DOI 10.15826/qr.2020.1.461.

of the Russian imperial court into one of the leading courts of Europe. The result of the said sociocultural processes was the transformation of the capital's cultural and educational institutions into new centres for attracting leading Western professors and Ukrainian youth, who were looking for opportunities for creative and professional self-realisation. According to the author, another important incentive for the Cossack elite was the political ascent of two ordinary Ukrainian Cossacks, the brothers Alexei and Cyril Razumovsky. The Razumovsky brothers became a part of the new nobility, who ascended to power during the reign of Elizabeth Petrovna. For this reason, they became a key cultural channel of the new European worldview for the Cossack elite of Little Russia and an important resource for entering imperial educational institutions and forming the imperial nobility from the Cossack elite. Further, a debatable opinion is expressed in the text of the article, according to which the "Enlightenment discourse" characteristic of Russia and Europe of the time became the main cultural mechanism for the integration of the Cossack elite. According to this "Enlightenment Discourse", at the top of the hierarchy of rationality, there was an enlightened cosmopolitan, an imperial nobleman, a member of a supranational community. The author maintains that the existence of such cultural mechanisms allowed the Cossack elite to break away relatively easily from their former Cossack identity.

Keywords: Ukraine; Little Russia; Russian state; integration; Ukrainian Cossack elite; noblemen's education; Catherine II.

Автор исследует степень эффективности культурных механизмов интеграции украинской казацкой элиты в состав общеимперского дворянства. По его мнению, ключевым рубежом в актуализации культурных механизмов интеграции стала середина XVIII в. На многочисленных примерах показано, как казацкая элита активно порывала со своим культурным провинциализмом, направляя своих детей в учебные заведения имперских столиц, а в дальнейшем пополняла и формировала имперскую дворянскую интеллектуальную элиту. Подобные изменения автор объясняет влиянием европейского идейного трансфера, который привел к трансформации мировоззрения российской правящей элиты, а затем в годы правления Петра I к превращению российского императорского двора в один из ведущих дворов Европы. Следствием отмеченных социокультурных процессов стала трансформация столичных культурных и образовательных институций в новые центры притяжения для ведущих западных профессоров и украинской молодежи, ищущей возможности для творческой и карьерной самореализации. Другим важным стимулом для казацкой элиты стало политическое возвышение двух простых украинских казаков – братьев Алексея и Кирилла Разумовских. Они стали частью *новой знати*, выдвинувшейся в правление Елизаветы Петровны, и по этой причине явились ключевым культуртрегерским каналом нового европейского мировоззрения для казацкой элиты «Малой России», а также важным ресурсом для поступления в имперские учебные заведения и формирования из казацкой элиты имперского дворянства. Автор высказывает дискуссионное

мнение, согласно которому главным культурным механизмом интеграции казацкой элиты стал «дискурс Просвещения», характерный для России и Европы того времени. Согласно ему, на вершине иерархии разумности находился просвещенный космополит – имперский дворянин, член наднациональной общности. Как полагает автор, действие подобных культурных механизмов позволило казацкой элите сравнительно легко порвать с прежней казацкой идентичностью.

Ключевые слова: Российская империя в XVIII в.; Украина; Малая Россия; интеграция; украинская казацкая элита; дворянское образование.

В изучении процессов интеграции земель и сословных групп «Малой России» (1654–1785) основной акцент делается на политических и административных механизмах инкорпорации, культурным механизмам интеграции придается гораздо меньшее значение. Это объясняется тем, что в ситуации чуждости местных институтов и правовых систем, а также культуры российская сторона оказалась не способна стать центром культурного притяжения для местной элиты, ориентированной на иные культурные и образовательные модели и находившейся в определенной оппозиции к российскому правительству, стремившемуся изначально русифицировать и гомогенизировать территорию «Малой России». Отсутствие действенных культурных механизмов интеграции предопределило травматичный характер кооптации украинской казацкой элиты – ключевого актора в российско-украинских отношениях и носителя идеи украинской казацкой государственности. Проводя политику «кнута» (деятельность Г. Н. Теплова и П. А. Румянцева) или «пряника» (жалованная грамота дворянству 1785 г.), навязывая *лояльную идентичность* (З. Е. Когут, С. Н. Плохий)¹, российское правительство смогло расколоть украинскую элиту и к концу XVIII в. окончательно интегрировать ее в состав общеимперского дворянства. В качестве наглядной иллюстрации культурных барьеров, насильственности интеграции украинской казацкой элиты используются несколько примеров, среди которых, в частности, вымышленный «сенатский указ 1761 г.» о запрете детям казацкой элиты поступать в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, который принадлежит автору анонимного памфлета начала XIX в., без должной источниковедческой проверки вошедший в историографию и публицистику [Киселев, Лазарев, с. 119–124]. Вне культурного и политического контекста излагаются взгляды российской правящей элиты, якобы тормозившей образовательные проекты внутри самой «Малой России» (Т. Г. Таирова-Яковлева, Я. Кусбер, Л. Посохова). Отмеченная историографическая ситуация контрастирует с высказываниями

¹ В данном случае речь идет о внедрении в социально-политическое поле или национальное самосознание имперских ценностных нарративов.

самых акторов – представителей украинской казацкой элиты. Между тем, факт интеграции известный украинский общественный деятель А. И. Чепа (начало 1760-х – начало 1820-х гг.) оценивал в исторический перспективе следующим образом (1809):

Но когда поступили с ними (малороссийскими дворянами. – Я. Л.) по разуму, и издан указ Государя Императора Петра Третьяго о вольности дворян и Высочайшая грамота о дворянстве, когда [эти] две эпохи поравняли русских дворян в преимуществах с малороссийским шляхетством, тогда малороссияне начали смело вступать в российскую службу, скинули татарския и польския платья, начали говорить, петь и плясать по-русски... [Из истории южно-русского общества, с. 14]

Как видно, для Чепы ключевым водоразделом в процессе культурной интеграции казацкой элиты стали два важных законодательных акта – манифест Петра III «О вольности дворян» (1762) и «Высочайшая грамота о дворянстве» (1785). До этого момента, со слов Чепы, об этом и речи быть не могло. Более того, с началом работы Уложенной комиссии Елизаветы Петровны или Екатерины II (автор не уточнял) часть казацкой элиты (Нежинского и Стародубского полков), «опасаясь, по-видимому неосновательно, подвергнуться состоянию русских дворян, почли за лучшее быть в оковах, чем согласиться на оные» [Там же]. Как видно, юный современник описываемых событий делал акцент на нежелании казацкой элиты порывать со старой культурной идентичностью из-за недостаточного объема дворянских прав, что вряд ли свидетельствовало о культурной чуждости и травматичности интеграционных процессов.

В приведенной эмоциональной зарисовке Чепы есть ряд важных лакун: отстаивала ли украинская казацкая элита свою культурную инаковость перед российским правительством, выстраивались ли (до определенного момента) на этом основании какие-либо культурные барьеры во взаимоотношениях с российской элитой, стремились ли каким-либо образом российское правительство преодолеть имевшиеся культурные барьеры, и как оно реагировало на возможные практики репрезентации инаковости?

Специфика «Малой России» и важность интеграции украинской казацкой элиты осознавались российским правительством еще с 60-х гг. XVII в., когда была предпринята первая попытка пожалования гетмана И. М. Брюховецкого и его окружения в чины Московского государства (1665). Однако вплоть до середины XVIII в. украинская казацкая элита оказалась не заинтересованной в политической и культурной интеграции. Ни переход гетмана И. С. Мазепы на сторону шведского короля (1708), ни кризис доверия к институту гетманства, породивший среди российской правящей элиты проекты, направленные на формирование лояльной казацкой элиты и более

эффективную ее культурную ассимиляцию², ни налаженные российско-украинские межэлитарные неформальные связи не оказали большого влияния на культурно-политическую ситуацию. Петр I, равно как и его преемники, не был мотивирован на формирование институциональных механизмов производства лояльной элиты. Не случайно в 1736 г. А. И. Остерман замечал, что процесс адаптации к великороссийским практикам возможен был только при сознательном желании самой казацкой элиты, которая на протяжении десятилетий, оставаясь ключевым ресурсом управления и контроля, была заинтересована в трансформации выборных казацких должностей практически в наследственные, а также в присвоении свободных войсковых земель в качестве потомственных владений [Сб. РИО, т. 117, с. 567].

Такое видение проблемы культурной интеграции отражало определенный провинциализм украинской казацкой элиты. Ее образовательные практики, ориентировавшиеся на местные учебные институты по преимуществу духовного характера (православные коллегиумы) [Посохова; Український Гетьманат, кн. 2, с. 414–437], выявляли этот провинциализм в полной мере, чего нельзя было сказать про российскую правящую элиту.

Примерно с середины XVII в. под влиянием европейского культурного трансфера начинает медленно меняться правящая элита Российского государства. Одним из важных следствий этого процесса, ускоренного в годы правления Петра I, стало формирование условий для создания культурных и образовательных институций, а вместе с ними и механизмов европеизации элиты (Академический университет в Санкт-Петербурге, шляхетские кадетские корпуса, Московский университет и др.). Российский императорский двор стремительно превращался в один из ведущих дворов Европы, а имперские культурные и образовательные институты – в новые центры притяжения для ведущих западных профессоров и молодежи, ищущей возможности для творческой и карьерной самореализации. Во многом по этой причине теряют былую привлекательность старые центры образованности.

Серьезные изменения культурного ландшафта в полной мере отразились на восприятии ключевой для «Малой России» образовательной институции – Киево-Могилянской коллегии, а с 1701 г. академии. На рубеже XVII–XVIII вв. академия являлась центром культурного притяжения для детей некоторых представителей российской правящей элиты (П. В. Шереметев, В. Н. Зотов). Несмотря на политический выбор И. С. Мазепы, Киево-Могилянская академия и после 1708 г. продолжала оставаться важным просветительским центром – здесь по заказу Петра I и князя Д. М. Голицына переводились на русский

² Например, проект Ф. С. Салтыкова, предполагавший интеграцию украинской казацкой элиты посредством целенаправленного карьерного продвижения лиц, лояльных престолу, и навязывания брачных практик среди неженатых российских дворян с дочерьми казацкой элиты (1712–1713) [Пропозиции Федора Салтыкова].

язык актуальные сочинения по мировой истории и общественно-политической мысли Ф. Д. де Сааведры, Юста Липсия, С. Пуффендорфа и др. [Словарь, вып. 2, с. с. 137–138, 490]. Однако за довольно короткий срок «Могилянка» стала восприниматься в качестве своеобразной интеллектуальной периферии. Насколько состоявшиеся культурные перемены осознавались в среде украинской казачьей элиты?

Как можно судить по культурно-образовательным практикам и стратегиям саморепрезентации украинской казачьей элиты, важные изменения фиксируются во второй половине 1740-х гг. Данные изменения, направленные на преодоление сложившегося провинциализма, совпадают по времени с политическим восхождением братьев Алексея и Кирилла Разумовских, не принадлежавших к казачьей элите. Старший из братьев Алексей стал фаворитом императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761), а младший Кирилл – казачьим гетманом (1749/1750–1764) (см. ил. на цв. вклейке). Оба стали руководителями двух гвардейских полков и видными имперскими сановниками. Что же касается К. Г. Разумовского, то образование он получил в Геттингенском университете, много времени проводил в имперской столице, возглавлял Академию наук. Заранее следует оговориться, что новый статус братьев Разумовских невозможно рассматривать вне контекста их неформальных связей с *новой знатью* елизаветинского царствования – семьями, выдвинувшимися в результате дворцового переворота Елизаветы Петровны и в скором времени *аристократизировавшимися* (Шуваловыми, Воронцовыми, Скавронскими). Представители этой новой знати заняли ключевые посты, через которые влияли на вектор внутренней, внешней и сословной политики государства [Киселев, Лазарев, с. 126–127]. Именно частью этой новой знати, сплоченной вокруг императрицы личной преданностью и матримониальными связями, оказались также графы Разумовские. В ее рамках сформировалось очень важное поле, где осмыслились и адаптировались общеевропейские культурные практики (приглашение иностранных учителей, просмотр оперных и театральных постановок, практика «grand tour» и др.) [Дневник, с. 258, 265; НИА СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1134. Л. 14–17, 33, 35, 75–75 об., 78].

В результате этого в имперской столице обосновались влиятельные украинцы, воспроизводившие культурные практики, не имевшие ничего общего с прежними образовательными моделями украинской казачьей элиты. Гетманский двор К. Г. Разумовского в Батурине стараниями последнего и его помощника Г. Н. Теплова стал своеобразным культуртреггерским центром распространения нового мировоззрения. Все это стало важным стимулом для казачьей элиты добровольно вкладываться в обучение своих отпрысков в имперских учебных заведениях и зарубежных университетах, стремясь преодолеть сложившийся провинциализм и легитимизировать себя в качестве неотъемлемой части просвещенного имперского дворянства.

Об этом свидетельствуют страницы истории Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, открытого в начале 1732 г. По меткому выражению И. И. Федюкина, корпус играл ключевую роль в формировании послепетровской элиты и *истинного дворянства*, а не только в подготовке офицерских и унтер-офицерских кадров для армии [Федюкин, с. 245–246; см. также: Бугров, Киселев, 130–133]. Процесс подготовки кадетов подразумевал воспроизводство *культуры социальных отличий*, то есть формирование определенных поведенческих установок, приличествующих истинному имперскому дворянину. Не случайно девиз корпуса гласил: «От обоих (военного дела и наук. – Я. Л.) истинное шляхетство». Акцент на принадлежности к «истинному шляхетству» особенно делался в формулировках при отчислении кадетов, не сумевших доказать свое соответствие высоким требованиям, приличествующим *благородным* (например, за воровство или пьянство) [Федюкин, с. 255–256].

С конца 1740-х гг. среди имперской дворянской молодежи (включавшей сыновей прибалтийских дворян) появляются отпрыски украинской казацкой элиты «для обучения приличных шляхетству наук» или «приличных шляхетству экзерций»: дети Сулим, Горленок, Милорадовичей, Трошинских, Полетик, Кулябок, Лукашевичей, Маркевичей и др. [Федюкин, с. 272; РГАДА. Ф. 248. Д. 3017. Л. 65, 239; Д. 3217. Л. 347 об.]. Следовательно, для детей украинской казацкой элиты всегда были открыты двери в ключевое дворянское учебное заведение Российской империи.

Помимо предоставления образовательных услуг и воспитания «истинного дворянства», дворянские кадетские корпуса играли роль институций, в рамках которых представители украинской казацкой элиты, будучи частью образовательного процесса, могли его контролировать, внедрять новые дисциплинарные и образовательные практики, отбирать для перевода актуальную европейскую учебную литературу³. Последнее вряд ли было бы осуществимо в условиях культурной и политической дискриминации со стороны российского правительства. Примером, иллюстрирующим данные стратегии, является образовательная деятельность Г. А. Полетики – видного украинского политического деятеля и автора историко-политических сочинений.

В 1764–1773 гг. (фактически по 1770 г.) Г. А. Полетика исполнял должность главного инспектора Морского шляхетского кадетского корпуса. До этого знакового назначения он был хорошо известен как переводчик с латинского и немецкого языков, служивший сначала при Академии наук (1746), а потом при Синоде (1748), где также исполнял обязанности духовного цензора (1760), некоторые переводы Полетики публиковались в академических «Ежемесячных сочинениях» (1757) [Словарь, вып. 3, с. 457–458]. Согласно своей должностной

³ Помимо Сухопутного кадетского корпуса, в 1752 г. в Санкт-Петербурге был открыт еще и Морской шляхетский кадетский корпус.

инструкции, Полетика имел «главное смотрение над училищем и команду над всеми учителями, кадетам давать для класов табели и сверх того надсматривать над типографиею в печатении книг». Данная формулировка подразумевала оценку профессиональных способностей и отбор учителей, оценку способностей кадетов и их распределение по соответствующим классам⁴, создание необходимых условий для эффективного обучения (включая применение дисциплинарных наказаний), издание «полезных для корпуса книг», а также право «искисывать и приохачивать посторонних к отдаванию их переводов или сочинении во оную (типографию. – Я. Л.) для напечатывания» [Руднев, с. 373–375].

Другой важный пример – это Аким (Яким) Сулима (1737–1818), сделавший успешную педагогическую, военную и административную карьеру при четырех правителях Российской империи, он был известен также переводами с французского языка. А. С. Сулима, в отличие от Г. А. Полетики, не обучался за границей, но с золотой медалью окончил Сухопутный корпус (1755–1759), в 1761–1763 гг. преподавал в нем, а в 1764, 1767–1768 гг. надзирал за обучением кадетов и даже по указанию И. И. Бецкого составил устав данного учебного заведения (вторую и третью его части)⁵. Статус и возможности Полетики и Сулимы позволили другому начинающему малороссийскому интеллектуалу и переводчику из среды казацкой элиты С. И. Гамалеи (1743–1822) получить протекцию при занятии должности преподавателя латинского языка в Сухопутном корпусе (1767), а затем и способствовали его успешной административной карьере. Гамалея был дружен с известным просветителем И. И. Новиковым, а также являлся влиятельной фигурой среди российских масонов [Дзюба, с. 275–276; Словарь, вып. 1, с. 194–195].

Необходимость обучения в дворянском кадетском корпусе в полной мере осознавалась украинской казацкой элитой, позволяя последней вписываться в общеимперское дворянство. Подтверждение этому находится в наказах, поданных в Уложенную комиссию Екатерины II (1767–1768). Данный аспект ловко маскировался среди просьб о создании университета в «Малой России» или аргументов, объяснявших невозможность предоставить реальные физические доказательства своего шляхетства (утраченные в годы Хмельничины, 1648–1657) [Наказы, с. 14, 41, 69]. О необходимости обучения в кадетском корпусе (в особенности инженерном) в своих письмах к отцу (1776, 1779) писал будущий екатерининский фаворит А. А. Безбородко. Это учебное заведение рассматривалось им в качестве лучшего места для воспитания дворян, «где ныне лучшее учение и присмотр, да и возрастом с пользою выпущен быть может», а также в качестве

⁴ «Кроме математического класса» [Руднев].

⁵ Положения об учреждении Московского воспитательного дома и план к заведению в нем собранной казны, ссудной и вдовьей казны [Словарь, вып. 3, с. 183–184].

возможности для сбережения родительских капиталов. Схожих мыслей придерживался и Г. А. Полетика (1784) [Сб. РИО, т. 126, с. 241, 272, 277–278; Дзюба, с. 30].

Помимо дворянских кадетских корпусов, другими центрами притяжения детей не только украинской казацкой элиты, но и менее знатной старшины были университеты – Академический (Санкт-Петербург) и Московский. Среди их студентов и преподавателей мы найдем множество имен известных литераторов, публицистов, переводчиков, которые смогли эффективно конвертировать свой культурный капитал в академическую, административную, военную, медицинскую карьеру, а также для вхождения в состав имперской интеллектуальной элиты (например, М. И. Антоновский, братья Иван и Илья Тимковские, И. Г. Туманский, И. А. и Г. А. Полетики и др.)⁶. Важно отметить, что обучение в столичных университетах могло дополняться службой в гвардейском Измайловском полку, подполковником которого оставался бывший гетман К. Г. Разумовский (Г. С. Винский, В. В. Капнист, И. С. Лашкевич и др.) [Словарь, вып. 1, с. 35, 156–157; вып. 2, с. 21–22, 93–94, 187–188, 212; вып. 3, с. 238–240, 279–286].

По этой причине не вызывает удивления появление авторов из казацкой среды на страницах журналов, формировавших имперскую дворянскую культуру. Особенно стоит отметить сотрудничество с «Трудолюбивой пчелой» А. С. Сумарокова (Г. В. Козицкий, Г. А. Полетика). Страницы журнала являлись площадкой для высказываний авторов по преимуществу дворянского происхождения или признававшихся за таковых и равных. Среди них были видные великороссийские литераторы, связанные родственными или дружескими связями с представителями российской правящей элиты. Следовательно, журнал можно рассматривать в качестве интеллектуального канала для донесения актуальных идей и представлений не только до читающей публики имперских столиц, но и до «ответственных за принятие государственных решений» [Киселев, Лыцова, с. 154–180; ср.: Киселев, с. 1131–1148]. Как видно, представители украинской казацкой элиты и даже менее знатной старшины были глубоко интегрированы в новое европеизированное культурное пространство Российской империи и разделяли многие ценности, присущие имперскому дворянину и просвещенному человеку.

Глубину культурной интеграции украинской казацкой элиты также подчеркивали маркеры ее репрезентации за границей. Например, в *матрикулах* (списках) студентов, прежде всего германских университетов, мы встречаем следующие пояснения относительно социального статуса детей казацкой элиты: *eques Russus / Rossiacus* (А. В. и И. В. Гудовичи, 1751, П. В. Кочубей, 1755, А. Ф. Шафонский, 1760, А. Я. и Н. Я. Борковские (Дунины-Борковские), 1766) или *nobilis Rossiacus* (В. Н. Ханенко, И. Г. По-

⁶ Как правило, важные базовые знания были заложены во время обучения в Киево-Могилянской академии.

летика, 1746), то есть *русские/российские дворяне*. В некоторых случаях к латинскому наименованию *eques/nobilis* могло прибавляться прилагательное *Ukrania-Russus/Russiae minoris* (В. С., Н. С., С. С. Леонтовичи, 1753, И. Г., Ф. О. и М. В. Туманские, И. Кулябка, 1773, 1775), а в редких случаях и «экзотика» вроде *eques Cosacorum* (Я. А. Дунин-Борковский, 1746) или просто *Russus* (И. С. Лашкевич, 1761) [Андреев, с. 352–423; Die Matrikel, S. 355, 408, 417, 442, 450, 485, 487, 500, 528; Das Album, S. 97, 102]. Отмеченное обстоятельство демонстрирует напряженные поиски в среде украинской казацкой элиты своего символического места среди европейского дворянства.

В сравнительно исторической перспективе следует отметить, что выявленные практики не являлись чем-то уникальным и вписывались в общеевропейские тренды. Приведем маркеры репрезентации сына известного «мазепинца» Ф. Орлика Петра-Григория (1702–1759). Данный персонаж, будучи слугой и французского (Людовика XV), и польского (Станислава Лещинского) королей, в публичном пространстве активно и настойчиво репрезентовал себя в качестве польского шляхтича, родившегося якобы на «Польской Украине», который был готов «послужить как поляк делу моей Отчизны (Речи Посполитой. – Я. Л.)» против Российской империи [Ададуров, с. 284, 287].

Реконструкция культурных механизмов интеграции казацкой элиты в общеимперское дворянское сословие показала их высокую эффективность. Абсолютно добровольно дети казацкой элиты становились подлинными строителями Российской империи. Важным рубежом в актуализации культурных механизмов интеграции стала середина XVIII в. Именно с этого момента казацкая элита стала активно порывать со своим культурным провинциализмом, направляя своих детей в учебные заведения имперских столиц, а в дальнейшем пополняя и формируя имперскую дворянскую интеллектуальную элиту. Помимо политического влияния, представители новой знати являлись ключевыми акторами в осмыслении и адаптации общеевропейских культурных практик.

Статус и авторитет братьев Разумовских не стали бы ключевым драйвером культурной интеграции, если бы с середины XVII в. под влиянием европейского культурного трансфера не стала меняться правящая элита Российского государства, а вслед за ней в годы правления Петра I и российский императорский двор не превратился бы в один из ведущих дворов Европы. Следствием этих социокультурных процессов стало превращение новосозданных имперских культурных и образовательных институций в новые центры притяжения для ведущих западных профессоров и молодежи, ищущей возможности для творческой и карьерной самореализации. Во многом по этой причине старые центры образованности (православные коллегиумы) теряют былую привлекательность для украинской казацкой элиты. Символическому обесцениванию прежних центров способствовали не столько недостаток квалифицированных кадров и отсутствие

в образовательном процессе передовых дисциплин [Посохова], сколько существовавший «дискурс Просвещения». Важной его чертой была особая *этнографичность* в понимании окружавшего мира и пространства, которая, работая на необходимость изучения нравов и обычаев *простого народа*, выстраивала определенную *иерархию разумности*. Под влиянием другого дискурса – сословного – на вершине иерархии разумности оказывался европейски образованный просвещенный космополит – российский имперский дворянин, которому поручалось просвещать народы империи, избавляя их от различного рода предрассудков. Следовательно, дворянин оказывался вне иконографии народов Российской империи, будучи своего рода членом *наднациональной общности*. В итоге различия, производимые «дискурсом Просвещения» и транслировавшиеся через имперские образовательные институты, являлись главным культурным механизмом интеграции украинской казачьей элиты, позволившим ей сравнительно легко порвать с прежней казачьей идентичностью.

Это в полной мере отразилось на маркерах ее саморепрезентации за границей при поступлении в немецкие университеты («русский/российский дворянин»), а также в содержании образовательных проектов второй половины XVIII в., копировавших, по сути, имперские образцы. Воплощению подобных проектов помешало наличие уже сложившихся столичных центров образованности, а также низкие мобилизационные возможности украинской казачьей элиты, полагавшейся на ресурсы империи. Но даже в случае их реализации подобные центры в «Малой России» также работали бы на сотворение имперского дворянина, в любом случае порвавшего с прежней идентичностью и не видевшего себя в иной социокультурной обстановке. Сложившуюся культурную ситуацию изменит только «эпоха национализма».

Список литературы

Ададуров В. В. Украинский казак на службе Людовика XV, или Польский шляхтич на службе двух королей: документальная деконструкция исследования И. Борщака о П.-Г. Орлике // Французский ежегодник 2014. М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2014. С. 269–305.

Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М. : Знак, 2005. 432 с.

Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 476 с.

Дзюба О. М. Приватне життя козацької старшини XVIII ст. (на матеріалах епістолярної спадщини). Київ : Інститут історії України, 2012. 347 с.

Дневник генерального хоружаго Николая Ханенка, 1723–1753. Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1884. 524 с.

Из истории южно-русского общества начала XIX века (письма В. И. Чарныша, А. И. Чепы, В. Г. Полетики и заметки к ним, с портретом В. Г. Полетики) / под ред. В. Горленко. Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1893. 36, 14 с.

Киселев М. А. Тратат *De L'Esprit des Lois* III.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1131–1148. DOI 10.15826/qr.2017.4.271.

Киселев М. А., Лазарев Я. А. «Поелику де в Малой России нет дворян»? : Статус украинского «шляхетства» в Российской империи середины XVIII в. и роль неформальных связей К. Г. Разумовского // Новое прошлое = The New Past. 2019. № 2. С. 116–133. DOI 10.23683/2500–3224–2019–2–116–133.

Киселев М. А., Лысцова А. С. Проблема дворянского образования в публицистике и в правительственной политике Российской империи на рубеже 1750-х и 1760-х годов // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века / под ред. В. С. Ржеуцкого, И. И. Федюкина и В. Береловича. М. : Новое лит. обозрение, 2018. С. 152–180.

Наказы малороссийским депутатам 1767 года и акты о выборах депутатов в Комиссию сочинения Уложения. Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1889. 320 с.

НИА СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1134.

Посохова Л. Ю. Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX в.). М. : РОССПЭН, 2016. 550 с.

Пропозиции Федора Салтыкова : Рукопись из собрания П. Н. Тиханова. СПб. : О-во любителей древности, 1891. [2], XXVII, [3], 36 с.

РГАДА. Ф. 248. Д. 3017, 3217.

Руднев Д. В. Григорий Андреевич Полетика и его педагогическая деятельность // «Регулярная академия учреждена будет...» : Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / под ред. И. И. Федюкина и М. Б. Лавринович. М. : Новое изд-во, 2015. С. 363–399.

Сб. РИО. Т. 117, 126.

Словарь писателей XVIII века. Вып. 1–3. Л. ; СПб. : Наука, 1988–2010. Вып. 1. 356 с. Вып. 2. 507 с. Вып. 3. 470 с.

Український Гетьманат: нариси історії національного державотворення XVII–XVIII ст. : у 2 кн. / відп. ред. В. Смолій. Київ : Інститут історії України, 2018. Кн. 2. 580 с.

Федюкин И. И. «От обоих истинное шляхетство»: сухопутный шляхетский кадетский корпус и конструирование послепетровской элиты, 1731–1762 // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века / под ред. В. С. Ржеуцкого, И. И. Федюкина и В. Береловича. М. : Новое лит. обозрение, 2018. С. 245–273.

Das Album der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. 1665–1865. Kiel : Verlag von Lipsius ; Tischer, 1915. 709 S.

Die Matrikel der Albertus-Universität zu Königsberg in Preußen / Hrsg. von G. Erler. Bd. 2. Die Immatrikulationen von 1657–1829. Leipzig : Verlag von Duncker ; Humblot, 1911–1912. 772 S.

References

Adadurov, V. V. (2014). Ukrainskii kazak na sluzhbe Lyudovika XV, ili Pol'skii shlyakhtich na sluzhbe dvukh korolei: dokumental'naya dekonstruktsiya issledovaniya I. Borschchaka o P.-G. Orlike [The Ukrainian Cossack in the Service of Louis XV or the Polish Nobleman in the Service of Two Kings: A Documentary Deconstruction of the Study of I. Borschchak about P.-G. Orlik]. In *Frantsuzskii ezhegodnik 2014*. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 269–305.

Andreev, A. Yu. (2005). *Russkie studenty v nemetskikh universitetakh XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [Russian Students in German Universities of the 18th – First Half of the 19th Centuries]. Moscow, Znack. 432 p.

Bugrov, K. D., Kiselev, M. A. (2016) *Estestvennoe pravo i dobrodetel': integratsiya evropeiskogo vliyaniya v rossiiskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka* [Natural Law and Virtue: Integration of European Influence into the Russian Political Culture of the 18th Century]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 476 p.

Das Album der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. 1665–1865. (1915). Kiel, Verlag von Lipsius ; Tischer. 709 S.

Dnevnik general'nogo khoruzhago Nikolaya Khanenka, 1723–1753 [Diary of General Ensign Nikolai Khanenko, 1723–1753]. (1884). Kiev, Tipografiya G. T. Korchak-Novitskogo. 524 p.

Dzyuba, O. M. (2012). *Privatne zhittya kozats'koi starshini XVIII st. (na materialakh epistolyarnoi spadshchini)* [The Private Life of the Cossack Elder of the 18th Century (with Reference to Epistolary Heritage)]. Kyiv, Institut istorii Ukraïni. 347 p.

Erlor, G. (Hrsg.). (1911–1912). *Die Matrikel der Albertus-Universität zu Königsberg in Preußen. Bd. 2. Die Immatrikulationen von 1657–1829*. Leipzig, Verlag von Duncker ; Humblot. 772 S.

Fedyukin, I. I. (2018). “Ot oboikh istinnoe shlyakhetskvo”: sukhoputnyi shlyakhetskii kadetskii korpus i konstruirovaniye poslepetrovskoi elity, 1731–1762 [“From Both True Nobility”: The Noble Inland Cadet Corps and the Construction of the Post-Petrine Elite, 1731–1762]. In Rjeoutski, W. S., Fedyukin, I. I., Berelovich, V. (Eds.). *Ideal vospitaniya dvoryanstva v Evrope: XVII–XIX veka*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 245–273.

Gorlenko, V. (Ed.). (1893). *Iz istorii yuzhno-russkogo obshchestva nachala XIX veka (pis'ma V. I. Charnysheva, A. I. Chepy, V. G. Poletiki i zametki k nim, s portretom V. G. Poletiki)* [From the History of South-Russian Society of the Early 19th Century (Letters by V. I. Charnysh, A. I. Chepa, V. G. Poletika and Notes to Them, with a Portrait of V. G. Poletika)]. Kiev, Tipografiya G. T. Korchak-Novitskogo. 36, 14 p.

Kiselev, M. A. (2017). Traktat *De L'Esprit des Lois* Sh.-L. Monteske i fundamental'nye zakony v Rossii nachala 1760-kh gg. [Montesquieu's Treatise *De L'esprit des Lois* and Fundamental Laws in Russia in the Early 1760s]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 4, pp. 1131–1148. DOI 10.15826/qr.2017.4.271.

Kiselev, M. A., Lazarev, Ya. A. (2019). “Poeliku de v Maloi Rossii net dvoryan”? Status ukrainskogo “shlyakhetskva” v Rossiiskoi imperii serediny XVIII v. i rol' neformal'nykh svyazei K. G. Razumovskogo [“Are There Nobles in Little Russia”? The Status of the Ukrainian “Shlyakhetskvo” in the Russian Empire in the Mid-18th Century and the Role of the Informal Relations of K. G. Razumovsky]. In *Novoe proshloe / The New Past*. No. 2, pp. 116–133. DOI 10.23683/2500–3224–2019–2–116–133.

Kiselev, M. A., Lystsova, A. S. (2018). Problema dvoryanskogo obrazovaniya v publitsistike i v pravitel'svennoi politike Rossiiskoi imperii na rubezhe 1750-kh i 1760-kh godov [The Problem of Noble Education in Journalism and in the Government Policy of the Russian Empire at the Turn of the 1760s]. In Rjeoutski, W. S., Fedyukin, I. I., Berelovich, V. (Eds.). *Ideal vospitaniya dvoryanstva v Evrope: XVII–XIX veka*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 152–180.

Nakazy malorossiiskim deputatam 1767 goda i akty o vyborakh deputatov v Komissiyu sochineniya Ulozheniya [Proposals to Little Russian Deputies of 1767 and Acts on the Election of Deputies to the Commission]. Kiev, Tipografiya G. T. Korchak-Novitskogo. 320 p.

NIA SPbII RAN [Scientific-Historical Archive of the St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Stock 36. List 1. Dos. 1134.

Posokhova, L. Yu. (2016). *Pravoslavnye kollegiумы na peresechenii kul'tur, traditsii, epokh (konets XVII – nachalo XIX v.)* [Orthodox Collegia at the Intersection of Cultures, Traditions, and Eras (Late 17th – Early 19th Centuries)]. Moscow, ROSSPEN. 550 p.

Propozitsii Fedora Saltykova. Rukopis' iz sobraniya P. N. Tikhanova [Proposals of Fyodor Saltykov. Manuscript from the Collection of P. N. Tikhonov]. (1891). St Petersburg, Obshchestvo lyubitelei drevnosti. [2], XXVII, [3], 36 p.

RGADA [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 248. Dos. 3017, 3217.

Rudnev, D. V. (2015). Grigorii Andreevich Poletika i ego pedagogicheskaya deyatel'nost' [Gregory Andreevich Poletika and His Teaching Activity]. In Fedyukin, I. I., Lavrinovich, M. B. (Ed.). „Regulyarnaya akademiya uchrezhdена budet...”. *Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, pp. 363–399.

Sb. RIO [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 117, 126.

Slovar' pisatelei XVIII veka. Vyp. 1–3 [Dictionary Writers of the 18th Century. 1–3 Iss.]. Leningrad, St Petersburg, Nauka. Iss. 1. 356 p. Iss. 2. 507 p. Iss. 3. 470 p.

Smolii, W. (Ed.). (2018). *Ukrains'kii Get'manat: narisi istorii natsional'nogo derzhavotvorennya XVII–XVIII st. u 2 kn.* [The Ukrainian Hetmanate: Essays on the History of National State-Building in the 17th–18th Centuries. 2 Books]. Kyiv, Institut istorii Ukraïni. Book 2. 580 p.

The article was submitted on 20.04.2019

РУССКАЯ ДИАСПОРА В БОЛГАРИИ: ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА МИГРАНТОВ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА*

Валентин Хрисанфов
Наталья Турыгина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

THE RUSSIAN DIASPORA IN BULGARIA: ISSUES OF MIGRATION REGISTRATION IN THE INTERWAR PERIOD**

Valentin Khrisanfov
Natalia Turygina

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article is a historiographical review of the recent Bulgarian historical literature regarding estimates of the number of Russian emigrants in Bulgaria between the 1920s and 1930s. Figures mentioned by contemporary researchers D. Daskalov, L. Spasov, Ts. Keseva, M. Jovanovic, and P. Peykovska estimate that there were from 20,000 to 50,000 Russian migrants in Bulgaria in 1922–1923. In order to explain this discrepancy, the authors of the article analyse different types of sources, i. e. official reports of the Bulgarian authorities, reports of the Office for Russian Refugees under the League of Nations, émigré periodicals, statistical yearbooks, and censuses. Due to the lack of registration of Russian refugees arriving in the country and the interest of different parties in exaggerating the magnitude of the process, working with statistics and censuses seems to be the most promising approach in the study of migration not only in Bulgaria but also in any other country with a Russian diaspora. According to the authors of

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ (проект №19-78-00085 «Русская эмиграция между “старой” и “новой” родиной в условиях Второй мировой войны: проблемы идентичности и патриотизма»).

** *Citation:* Khrisanfov, V., Turygina, N. (2020). The Russian Diaspora in Bulgaria: Issues of Migration Registration in the Interwar Period. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 283–294. DOI 10.15826/qr.2020.1.462.

Цитирование: Khrisanfov V., Turygina N. The Russian Diaspora in Bulgaria: Issues of Migration Registration in the Interwar Period // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 283–294. DOI 10.15826/qr.2020.1.462 / Хрисанфов В., Турыгина Н. Русская диаспора в Болгарии: проблемы учета мигрантов межвоенного периода // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 283–294. DOI 10.15826/qr.2020.1.462.

this brief review, this approach to the analysis of population movement will help correct the thesis of the multi-million Russian diaspora of the interwar period, which is established both in Russian and foreign historiography.

Keywords: Russian emigration in Bulgaria; refugees; Russia abroad; population census; Ts. Keseva; D. Daskalov; M. Jovanovic; P. Peykovska.

Представлен историографический обзор новейшей болгарской исторической литературы по вопросу численности русской эмиграции в Болгарии в 1920–1930-е гг. Сопоставлены выводы современных авторов Д. Даскалова, Л. Спасова, Ц. Кёсева, М. Йовановича, П. Пейковской. Ученые приводят цифры в диапазоне от 20 до 50 тыс. чел. для количественной оценки российской эмиграции в 1922–1923 гг. Для выявления причин разброса проанализированы основные типы источников: официальные сообщения болгарских властей, отчеты Управления по делам русских беженцев при Лиге Наций, эмигрантская периодическая печать, статистические ежегодники и переписи населения. Ввиду запутанности системы регистрации прибывавших русских беженцев и заинтересованности разных сторон в преувеличении масштабов данного процесса, работа со статистическими данными и переписями населения представляется наиболее перспективной для изучения миграции населения не только в Болгарии. Такой подход при анализе движения населения в мире позволит скорректировать утвердившийся как в отечественной, так и в зарубежной историографии тезис о многомиллионной русской диаспоре межвоенного периода.

Ключевые слова: русская эмиграция в Болгарии; беженцы; русское зарубежье; перепись населения; Ц. Кёсева; Д. Даскалов; М. Йованович; П. Пейковска.

История российской эмиграции 1917–1920 гг. – одна из наиболее интенсивно разрабатываемых проблем в отечественной и зарубежной историографии конца XX – начала XXI в. В Европе большое число российских эмигрантов приняли Германия, Франция, Турция, а также Балканские страны, в том числе Болгария. Среди многочисленных исследовательских направлений в изучении русской эмиграции в Болгарии² ключевым для ее характеристики остается вопрос о численности диаспоры. В современной болгарской историографии разброс масштабов

² Краткий перечень: правовой статус и адаптация русских эмигрантов [Даскалов, 1997; Кёсева, 2002; Кёсева]; врангелевская армия и ее участие в политической и экономической жизни страны (прежде всего ее роль в заговоре против земледельческого правительства в июне 1923 г.) [Спасов, 1999; Спасов, 2008]; организации русских эмигрантов в разные периоды [Кёсева, 1999; Рожков]; судьбы творческой интеллигенции из России [«Погасло дневное светило...»; Кёсева, 1996; Каназирска; Дертлиева-Киселиновска; Михнева, Грозев, Рупчева]; судьбы научной эмиграции из России [Петров, Чакъров; Велева, 1998; Велева, 2004]; Русская православная церковь за рубежом и ее положение и деятельность в Болгарии [Димитров; Любенова]; периодическая печать и издательская деятельность русской эмиграции в Болгарии [Даскалов, 1996; Периодика на руската емиграция в Болгария]; русское зарубежье в Болгарии в период социализма [Илиев, Стоянова; Кёсева]; портрет современной русской эмиграции [Ходкевич; Рожков, Минкова].

русской эмиграции колеблется от 20 до 50 тыс. чел., что неизбежно вызывает вопрос об источниках этих сведений и степени доверия к ним.

Большинство авторов как социалистического, так и постсоциалистического периодов говорят о сложности определения численности русских беженцев, так как их регистрировали разные организации и процесс урегулирования их правового статуса проходил сложно [Панайотов, с. 39; Кёсева, с. 56], поэтому большинство подсчетов и выводов основывается на косвенных данных и сопоставлении разных источников.

Одну из первых попыток подсчитать русских эмигрантов в Болгарии предпринял П. Панайотов, который использовал постановления Совета министров Болгарии. Он отметил, что около 33 тыс. белоэмигрантов получили разрешение на пребывание в стране (из них 9323 чел. находились в Варне без разрешения властей), к ним надо добавить небольшие группы, приехавшие в Болгарию из Греции, Турции и других стран. Также П. Панайотов считает необходимым учитывать 5 тыс. военнопленных, оказавшихся на территории страны после окончания Первой мировой войны (по данным Центрального государственного исторического архива Болгарии), и таким образом появляется цифра в 50 тыс. русских подданных, находившихся в Болгарии после 1922 г. [Панайотов, с. 39]¹.

Большинство современных исследователей скептически относятся к приведенным цифрам, несмотря на то, что данные имеют, казалось бы, документальное подтверждение [Иванович, с. 113, 124]. Следует иметь в виду, что зафиксированные заявления русских беженцев о приеме и реальный результат – разные вещи. Болгария из Первой мировой войны вышла проигравшей. Нейиский мир называли национальной катастрофой, поэтому правительство в надежде заручиться поддержкой Лиги Наций как международного арбитра стремилось подчеркнуть, что Болгария движется в фарватере мировой политики, настроена лояльно в отношении беженцев и национальных меньшинств.

30 ноября 1921 г. был учрежден Комитет по делам русских беженцев в Болгарии при отделе исповеданий Министерства иностранных дел, который занимался проблемами русских эмигрантов вплоть до февраля 1945 г. Информация о расселении и, кроме того, о регистрации русских беженцев содержится в полицейских отчетах. Эти документы, введенные в научный оборот в 1997 г. Дончо Даскаловым [Даскалов, 1997], впоследствии были критически проанализированы болгарским историком Цветаной Кёсейвой. В частности, ею был выявлен в Центральном государственном архиве Болгарии полицейский отчет 1930-х гг., согласно которому в 1921–1922 гг. страна приняла 45 тыс. русских беженцев [Кёсева, с. 56]. Она считает эту цифру завышенной, потому что документ, в котором она указана, предназначался для Лиги Наций, и его целью было подчеркнуть вклад Болгарии в прием и устройство русских эмигрантов [Там же]. Несмотря на это возражение, указанная цифра со ссылкой на тот же

¹ П. Панайотов при определении численности русской эмиграции использует маркер подданства, он берет в расчет граждан Российской империи.

источник по-прежнему приводится в последующих научных исследованиях как заслуживающая доверия [Мангачев, т. 1, с. 5–20].

Источниковую базу исследования Д. Даскалова составили не только материалы болгарских архивохранилищ, но и опубликованные эмигрантские источники (газеты, журналы, мемуары) и статистические ежегодники. На численные данные, приведенные Д. Даскаловым, ссылаются и современные исследователи истории русской эмиграции (Л. Спасов, Ц. Кёсева, М. Йованович, П. Пейковска и др.). Например, автор отмечает, что в сообщении Нансеновскому комитету первого комиссара по вопросам русских беженцев в Болгарии епископа Стефана указано, что к 1 февраля 1922 г. при Русском обществе Красного Креста зарегистрировано всего 31 744 чел. При этом особо подчеркивалось, что в данный список не включены лица, пользующиеся поддержкой военных организаций, а также те, кто не нуждаются в постоянной помощи [Даскалов, 1997, с. 24]. В прил. 1 к статье дается сводная таблица численности русских эмигрантов на конец 1921 – начало 1922 г. со ссылкой на материалы Генерального штаба, отложившиеся в Центральном военном архиве, в которых общее число русских беженцев оценивается в 36 141 чел. [Там же, с. 139]. В прил. 3 представлена таблица по местам расселения русских беженцев на февраль 1922 г. по данным Союза возвращения на родину (Совнарода), в общем итоге фигурирует цифра в 31 665 чел. [Там же, с. 141–143]. В прил. 9 публикуются извлечения из доклада службы полиции от 1934 г., где число русских беженцев в Болгарии оценивается уже в 20 008 чел. [Там же, с. 148–149]. В итоге за последовавшее за исходом десятилетие численность российских эмигрантов, оказывается, сократилась более чем на треть. Возможно ли было объяснить это резкое сокращение только процессами реэмиграции, отрицательным приростом населения среди беженцев, а также их репатриацией? Насколько успешной была ассимиляция, или ее не было вовсе?

Проблема репатриации в Россию затронута в трудах болгарских историков Д. Даскалова, Л. Спасова, Ц. Кёсевой. Им убедительно удалось показать, что распространявшееся в эмигрантской печати 1920-х гг. утверждение о том, что желающих возвращаться на родину были единицы, миф. В Болгарии с самого начала пребывания там русских широко развернулось движение за возвращение домой при поддержке советской миссии, Союза возвращения на родину и болгарских коммунистов. Ссылаясь на данные советской миссии Красного Креста в Болгарии, выдававшей визы, и на сведения Совнарода, отложившиеся в Центральном государственном историческом архиве Болгарии, Л. Спасов утверждает, что из пребывавших в Болгарии более 32 тыс. русских беженцев 18 тыс. были членами Совнарода [Спасов, 1999, с. 189]. По сведениям Д. Даскалова, в начале 1920-х гг. из Болгарии на родину вернулись 25 % всех находившихся там россиян [Даскалов, 1997, с. 65]. Л. Спасов приводит цифры – более 11 тыс. чел. (с мая 1922 по июль 1923 г.), при этом около 4 тыс. – русские беженцы из соседних Югославии, Румынии, Греции, Италии [Спасов, 1999, с. 200–204].

В официальных сведениях апеллировали к маркеру подданства. После свертывания программы репатриации и лишения российского гражданства большей части русской эмиграции основным документом для регистрации русских беженцев стал нансеновский паспорт, закреплявший статус апатрида. Это должно было облегчить подсчет русских эмигрантов, но в их самоопределении этот маркер никогда не был решающим.

Современные исследователи обращаются к анализу статистических ежегодников и переписей населения. Подробный историко-социологический портрет русской эмиграции в Болгарии в межвоенный период на основе данных документов проведен в работах П. Пейковской [Пейковска, 2014а, 2014б, 2015, 2016, 2017]. В своих публикациях она неоднократно ссылается на сербского коллегу М. Йовановича, что вызывает необходимость обзора монографии «Русская эмиграция на Балканах 1920–1940» [Йованович].

В основу этого труда легла кропотливая многолетняя работа автора, которая стала возможна благодаря тесному взаимодействию с коллегами из России, Болгарии, Сербии. Портрет русской эмиграции в Болгарии помогали создавать сотрудники Софийского и Велико-Тырновского университетов, Центрального государственного архива и других научных учреждений Болгарии. Монография получила высокую оценку специалистов [Дни и книги Анны Кузнецовой; Борисов; Мартынов; Косик]. Особенно следует отметить тот факт, что это первая работа, в которой на базе статистических ежегодников дается коллективный портрет русской эмиграции в различных балканских странах. Но как выявить русского эмигранта в этих документах? Отдельный графы «Русский эмигрант» в анкете не было. Согласно официальным статистическим данным за 1920 г., 9 247 чел. в Болгарии назвали своим родным языком русский. Эту цифру автор пытается проверить по другим источникам. Так, в отчете Международного бюро труда, который также приводит М. Йованович, упоминается, что после поражения армии А. И. Деникина зимой и весной 1920 г. Болгария приняла 8 640 чел. [Йованович, с. 114]. При этом, по данным Русского Красного Креста, из беженцев, эвакуированных из России с января по апрель 1920 г., на 1 июля 1920 г. в Болгарии находился 4 081 чел. [Там же]. А до этой эвакуации в стране на 1919 г. уже находились порядка 4,5–5 тыс. русских (по данным Бюро русских военнопленных, которые приводит П. Панайотов и которым доверяет М. Йованович) [Там же, с. 113]. Таким образом удалось верифицировать численный показатель по сведениям, почерпнутым из разных источников. Выходит, что русский язык – не менее важный маркер русской самоидентификации эмигранта, чем подданство.

При характеристике численности русской эмиграции в Болгарии в 1926 г. М. Йованович обратился к меморандуму по беженскому вопросу, составленному Ф. Нансеном и представленному на межправительственной конференции Лиги Наций в мае 1926 г. Меморандум отложился в РГВА и в ГАРФ, составлялся он на базе статистических материалов, и в нем фигурируют данные о 28 340 русских беженцах

[РГВА. Ф. 1385к. Оп. 1. Ед. хр. 109; ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 48; Йованович, с. 121]. В середине 1930-х гг. их количество в Болгарии достигало, по данным М. Йовановича, опять же со ссылкой на статистические ежегодники, 21 722 чел. (с тем, что в их число были включены и армянские беженцы из Турции) [Йованович, с. 121].

П. Пейковска использовала в своих исследованиях данные переписей населения Болгарии за 1920 и 1926 гг. Они обладают теми же ограничениями, что и статистические ежегодники: отдельного учета русских эмигрантов как таковых они не ведут (только в общей графе «Беженцы»). Вместо этого были графы «Место рождения», «Национальность», «Подданство» («Гражданство»), «Родной язык», «Вероисповедание». В 1920 г. российские подданные составляли 23 % всего иностранного населения в Болгарии, а в 1926 г. – 36 %. В количественном измерении в 1920 г. в Болгарии проживали 8 646 чел. с российским подданством, а в 1926 г. – 19 698 чел.; и, соответственно, 9 080 чел. русской национальности в 1920 г. и 19 706 чел. в 1926 г. [Пейковска, 2014а, с. 119].

Приведенные данные в корне отличаются от тех цифр, что встречаются в болгарской научной литературе, и причину таких расхождений еще предстоит выяснить. В частности, беря за основу маркер национальности, мы теряем в подсчете представителей других национальностей, которые ощущали себя частью русской диаспоры (например, евреев), а если учитываем подданство, то теряем тех, кто уже мог натурализоваться, но не ассимилировался и продолжал сохранять свою русскость. Получается, что ни один из маркеров не является решающим, действуя в совокупности. Возможно, именно отсутствием понимания термина «русский эмигрант» и объясняется волюнтаризм при выборе тех или иных данных учеными для количественной характеристики русской эмиграции. Более того, наблюдается смешение правовых и культурологических понятий – эмиграция как правовой статус и как культурное пространство. Так, казалось бы, узкий вопрос обнажил острую методологическую проблему в изучении феномена русского зарубежья, напрямую связанную с пониманием идентичности и процессами самоидентификации (табл. 5).

Таблица 5

**Сводные данные о численности русской эмиграции
в Болгарии в межвоенный период**

Источник	1920	1921/ 1922	1926	1934	Примечания
Полицейский отчет (маркер – подданство)	–	45 000	–	20 008	Документ для 1920-х гг. составлялся для Лиги Наций, очевидна заинтересованность властей в преувеличении данных
Генеральный штаб	–	36 141	–	–	Не учтены русские военнопленные Первой мировой войны

Окончание табл. 5

Источник	1920	1921/ 1922	1926	1934	Примечания
Русское общество Красного Креста	–	31 744	–	–	Зарегистрированы только нуждающиеся в помощи
Совнарод	–	31 665	24 744	–	Репатриировано более 11 тыс. беженцев из Болгарии и соседних государств
Статистика (маркер – язык)	9 247	–	28 340	21 722 (включая армянских беженцев)	Сложный подсчет, графы «Подданство», «Национальность», «Язык», «Вероисповедание», «Общее число беженцев»
Перепись населения (маркер – национальность)	9 080	–	19 706	–	Сложный подсчет, графы «Подданство», «Национальность», «Язык», «Вероисповедание», «Общее число беженцев»

Немаловажный источник учета русской диаспоры – списки захоронений русских эмигрантов в том или ином некрополе. Их можно использовать как статистические выборки, позволяющие учесть темпы смертности. Современными болгарскими исследователями Т. Пчелинцевой, К. Бендеревой и С. Рожковым была проведена работа в отношении русских кладбищ г. Софии и пригородов [Русский некрополь]. Они составили своеобразный биографический справочник по более чем 1,5 тыс. захоронений. Из тех, кто похоронен там в рассматриваемый нами период: 1926 г. – 13 имен, 1927 г. – 17, 1928 г. – 23, 1929 г. – 12, 1930 г. – 13, 1931 г. – 28, 1932 г. – 26, 1933 г. – 22, 1934 г. – 36. Согласно переписи населения 1926 г., русское население округа София составляло: по национальности – 5 966 чел., по подданству – 6 267 чел. Разница в 301 чел. приходится на евреев, рожденных на территориях Европейской России, Бессарабии и Северной Буковины. Городское население при этом составляло 4 187 и 4 415 чел. соответственно [Общи резултати от преброяване, с. 56]. Воспользовавшись выборкой русского некрополя в Софии, выявим показатель смертности: 1926 г. – 2,7, а средний по периоду, хотя видно, что в 1930-е гг. смертность начинает расти, 4,4–5,0. Такой показатель считается достаточно низким. Но можно ли доверять такой небольшой выборке? Если смертность была низкой, а репатриация уже была свернута, остаются только два процесса, объясняющие дальнейшее сокращение русской диаспоры: реэмиграция в другие страны и ассимиляция. А между тем, по переписи населения 1934 г., русское население г. Софии выросло до 4 968 чел. (маркер – национальность), из них болгарское подданство приняли 1 819 чел., то есть 36 % [Преброяване на 31 декемврий 1934 г., с. 2–3].

Удивительно то, что если в отношении конкретной страны исследователи проводят взвешенный скрупулезный анализ, то общее количество русских эмигрантов, оказавшихся вне пределов России в послереволюционный период, остается вопросом спорным. Д. Даскалов придерживается данных об 1 млн 200 тыс., хотя и упоминает о существовании и другой цифры, широко распространенной в литературе, – 2 млн [Даскалов, 1997, с. 97]. Эта вторая цифра без всяких обоснований мелькает на страницах публикаций П. Пейковской и М. Йовановича [Пейковска, 2014а, с. 119; Йованович, с. 177]. Заметим, что и в российской историографии можно встретить оценку численности беженцев в 2 и даже 3 млн чел. [Пушкарева, с. 58; Марар, с. 3].

Остается недоумевать, почему современные исследователи не подвергают критическому анализу сведения об общей численности русской эмиграции 1920–1930-х гг. Сопоставление статистических данных позволит выявить реальные цифры, и тогда появится возможность более полно оценить деятельность российской эмиграции во всех ее проявлениях. Новые цифры дадут возможность пересмотреть темпы адаптации и натурализации, оценить политическую позицию по тем или иным вопросам (например, пропорции тех, кто поддерживали фашизм, и тех, кто примкнули к партизанам) и т. д., а следовательно, историческая картина русско-болгарского взаимодействия получит более стереоскопическое изображение.

Список литературы

- Борисов В. Русские на Балканах // Политический журнал. № 112. 2006. 15 мая.
- Велева М. Руската университетска емиграция в България // Дарителите Евлогий и Христо Георгиеви. София : Лик, 1998. С. 235–260.
- Велева М. Н. Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. София : Гутенберг, 2004. 163 с.
- Даскалов Д. Издателската дейност на руските емигранти в България // Славяноведение. 1996. № 5. С. 84–97.
- Даскалов Д. Бялата емиграция в България. София : Университет. изд-во «Св. Климент Охридски», 1997. 182 с.
- Дертлиева-Киселинска А. Н. О. Масалитинов и българският театър // Бялата емиграция и България. София : Гутенберг, 2001. С. 256–263.
- Димитров И. Ж. Проф. Н. Н. Глубоковски и новозаветното богословие в България // Духовна култура. Т. 80. 2000. № 4. С. 3–8.
- Дни и книги Анны Кузнецовой // Знамя : [сайт]. 2006. № 7. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=3028> (дата обращения: 19.06.2019).
- Илиев Е., Стоянова П. «Политически опасни лица»: Въдворявания, трудова мобилизация, изселвания в България след 1944 г. София : Университет. изд-во «Св. Климент Охридски», 1991. 187 с.
- Йованович М. Руската емиграция на Балканите: 1920–1940. М. : Б-ка-фонд «Рус. зарубежье» ; Рус. път, 2005. 488 с.
- Каназирска М. Руската емиграция в контекста на българската култура : О предпоставки на диалога // Славянска филология. София : Анупис, 1998. Т. 22. С. 186–199.
- Кёсева Ц. България и руската емиграция : 1920–1950-е години. М. : Б-ка-фонд «Рус. зарубежье» ; Рус. път, 2008. 310 с.
- Косик В. И. М. Йованович. Руската емиграция на Балканите: 1920–1940 // Славяноведение. 2007. № 4. С. 85–88.

Кьоцева Ц. Русские художники-эмигранты в Болгарии // Славяноведение. 1996. № 4. С. 11–23.

Кьоцева Ц. Русские эмигрантские организации в Болгарии // Русские в Болгарии. София : Союз рус. инвалидов : Рус. фонд милосердия и культуры, 1999. С. 45–64.

Кьоцева Ц. Руската емиграция в България (20-те – 50-те години на XX в.). София : Междунар. център по проблемите на малцинствата и културните взаимодействия, 2002. 591 с.

Любенова Л. Подпомагане на Руската православна църква в годините на Втората световна война // «Погасло дневное светило...»: Руската литературна емиграция в България. 1919–1944. София : Проф. Марин Дринов, 2010. С. 403–425.

Мансачев П. Документална история на руските бежанци в България (1919–1944) : в 2 т. София : Колбис, 2015. Т. 1. 248 с. Т. 2. 199 с.

Марар О. И. История российской артистической эмиграции в славянских странах (1918–1939 годы): Чехословакия, Югославия, Болгария : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж : [Б. и.], 2000. 20 с.

Мартынов А. Между Харбином и Белградом // Новая газета. Прил. Ex libris : [сайт]. 2006. 8 июня. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2006-06-08/11_china.html (дата обращения: 19.06.2019).

Меморандум по беженским вопросам, представленный Нансеном Ф. Междуправительственной конференции, и сведения о количестве русских эмигрантов в разных странах, 1926 // ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 5. Ед. хр. 1.

Михнева Р., Грозев К., Рупчева Г. «Малката Русия» на жълтите павета. София : Камея Груп ЕООД, 2016. 246 с.

Общи резултати от преброяване на населението в Царство България на 31 декември 1926 г. Кн. 1. София : Главна дирекция на статистиката ; Държавна печатница, 1931. 303 с.

Панайотов П. Руските емигранти в България и движението сред тях за връщане в Съветска Русия (1920–1923 гг.) // Ист. преглед. 1963. № 5. С. 34–61.

Пейковска П. Преброяване, труд и общество: руската емиграция в България през 20-те години на XX в. Ч. 1 // Ист. преглед. 2014а. № 3–4. С. 119–144.

Пейковска П. Преброяване, труд и общество: руската емиграция в България през 20-те години на XX в. Ч. 2 // Ист. преглед. 2014б. № 5–6. С. 232–265.

Пейковска П. Брачност, брачна структура, смесени бракове сред русите в България през междувоенния период // Shared Pasts in Central and Southeast Europe, 17th–21st Centuries: Hungarian and Bulgarian Approaches / ed. by G. Demeter, P. Peykovska. Sofia ; Budapest : [S. n.], 2015. С. 228–255.

Пейковска П. Русская интеллигенция в Болгарии в 20-е годы XX в.: социально-профессиональная структура / пер. с болг. Н. С. Гусева // Историческая болгаристика : К 100-летию со дня рождения профессора Л. Б. Валева. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2016. С. 270–284.

Пейковска П. Професионална реализация и социална интеграция на руската имигрантска интеллигенция в България през 20-те години на XX век // Известия на Института за исторически изследвания. 2017. № 1. С. 170–182.

Периодика на руската емиграция в България (1920–1943) : енциклопедичен справочник / отг. ред. Р. Русев. София : Боян Пенев, 2012. 764 с.

Петров М. А., Чакъров А. М. Създаване и развитие на българската хирургия до 1978. София : Коралов и сие, 2003. 171 с.

«Погасло дневное светило...»: Руската литературна емиграция в България. 1919–1944 / съст. и науч. ред. Р. Русев, Й. Люцканов, Х. Манолакев. София : Проф. Марин Дринов, 2010. 461 с.

Преброяване на 31 декември 1934 г. София. Население. София : Главна дирекция на статистиката ; Държавна печатница, 1936. 53 с.

Пушкарева Н. Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отеч. ист. 1996. № 1. С. 53–58.

Рожков С., Минкова М. Современные средства массовой информации русского

зарубежъя в Болгарии // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность / сост. С. А. Рожков. София : Рус. акад. союз в Болгарии, 2009. С. 114–119.

Рожков С. Современные организации российских соотечественников в Болгарии // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность / сост. С. А. Рожков. София : Рус. акад. союз в Болгарии, 2009. С. 208–217.

Русский некрополь в Софии / авт.-сост. Т. К. Пчелинцева, К. Д. Бендерова ; сост. С. А. Рожков, В. П. Гаристов. М. : Минувшее, 2011. 400 с.

Русское зарубежье в Болгарии: история и современность / сост. С. А. Рожков. София : Рус. акад. союз в Болгарии, 2009. 318 с.

Спасов Л. Й. Врангеловата армия в България 1919–1923 г. София : Университет. изд-во «Св. Климент Охридски», 1999. 244 с

Спасов Л. Й. България и СССР. 1917–1944 г. : (Политико-дипломатически отношения). Велико Търново : Фабер, 2008. 550 с.

Ходкевич Л. Е. Все едно, че не сме част от българското общество : Разговор с представител на Съюза на рус. белогвардейци и техните потомци в България / Разговора води Евгения Матеева // Етнорепортер. 2000. № 5. С. 43–44.

Memorandum soumis à la Conférence intergouvernale pour la question des réfugiés à Genève 10–11 V 1926. Informations statistiques concernant réfugiés // РГВА. Ф. 1385к. Оп. 1. Ед. хр. 109.

References

Borisov, V. (2006). Russkie na Balkanakh [Russians in the Balkans]. In *Politicheskii zhurnal*. No. 112. 15 May.

Daskalov, D. (1996). Izdatel'skaya deyatel'nost' russkikh emigrantov v Bolgarii [Publishing Activity of Russian Émigrés in Bulgaria]. In *Slavyanovedenie*. No. 5, pp. 84–97.

Daskalov, D. (1997). *Byalata emigratsiya v B"lgariya* [White Emigration in Bulgaria]. Sofia, Universitetskoto izdatelstvo "Sveti Kliment Okhridski". 182 p.

Dertlieva-Kiselinovska, A. (2001). N. O. Masalitinov i b"lgarskiyat teat'r [N. O. Masalitinov and the Bulgarian Theatre]. In *Byalata emigratsiya v B"lgariya*. Sofia, Gutenberg, pp. 256–263.

Dimitrov, I. Zh. (2000). Profesor N. N. Glubokovski i novozavetnoto bogoslovie v B"lgariya [Professor N. N. Glubokovsky and New Testament Theology in Bulgaria]. In *Dukhovna kultura*. Vol. 80. No. 4, pp. 3–8.

Dni i knigi Anny Kuznetsovoi [Days and Books of Anna Kuznetsova]. (2006). In *Znanya* [website]. No. 7. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=3028> (mode of access: 19.06.2019).

Iliev, E., Stoyanova, P. (1991). "Politicheski opasni litsa": V"dvoryavaniya, trudova mobilizatsiya, izselvaniya v Bylgariya sled 1944 g. ["Politically Dangerous Persons": Deportations, Labour Mobilisation and Evictions in Bulgaria after 1944]. Sofia, Universitetsko izdatelstvo "Sveti Kliment Okhridski". 187 p.

Iovanovich, M. (2005). *Russkaya emigratsiya na Balkanakh: 1920–1940* [Russian Emigration in the Balkans: 1920–1940]. Moscow, Biblioteka-fond "Russkoe Zarubezh'e", Russkii put'. 488 p.

Kanazirska, M. (1998). Russkaya emigratsiya v kontekste bolgarskoi kul'tury. O predposylkakh dialoga [Russian Emigration in the Context of Bulgarian Culture. On the Prerequisites for Dialogue]. In *Slavyanska filologiya*. Sofia, Anubis. Vol. 22, pp. 186–199.

Keseva, Ts. (1996). Russkie khudozhniki-emigranty v Bolgarii [Russian Émigré Painters in Bulgaria]. In *Slavyanovedenie*. No. 4, pp. 11–23.

Keseva, Ts. (1999). Russkie emigrantskie organizatsii v Bolgarii [Russian Émigré Organisations in Bulgaria]. In *Russkie v Bolgarii*. Sofia, Soyuz russkikh invalidov, Russkii fond miloserdiya i kul'tury, pp. 45–64.

Keseva, Ts. (2002). *Ruskata emigratsiya v B"lgariya (20-te – 50-te godini na XX v.)* [The Russian Emigration in Bulgaria (1920s–1950s)]. Sofia, Mezhdunarodny tsent'r po problemite na maltsinstvata i kulturnite vzaimodeistviya. 591 p.

Keseva, Ts. (2008). *Bolgariya i russkaya emigratsiya. 1920–1950-e gody*. [Bulgaria and Russian Emigration. 1920s–1950s]. Moscow, Biblioteka-fond “Russkoe Zarubezhe”, Russkii put'. 310 p.

Khodkevich, L. E. (2000). Vse edno, che ne sme chast ot b"lgarskoto obshchestvo. Razgovor s predstavitelem na S"yuza na ruskite belogvardetsi i tekhnite potomtsi v Bylgariya [As If We Are Not Part of Bulgarian Society: A Conversation with the Head of the Union of Russian White Guards and Their Descendants in Bulgaria] / Interview by E. Matein. In *Etnoreporter*. No. 5, pp. 43–44.

Kosik, V. I. (2007). M. Iovanovich. Russkaya emigratsiya na Balkanakh: 1920–1940 [M. Iovanovich. The Russian Emigration in the Balkans: 1920–1940]. In *Slavyanovedenie*. No. 4, pp. 85–88.

Lyubenova, L. (2010). Podpomagane na Ruskata pravoslavna ts"rkva v godinite na Vtorata svetovna voyna [The Support of the Russian Orthodox Church during the Second World War]. In “*Pogaslo dnevnoe svetilo...*” *Ruskata literaturna emigratsiya v Bylgariya. 1919–1944*. Sofia, Profesor Marin Drinov, pp. 403–425.

Mangachev, P. (2015). *Dokumentalna istoriya na ruskite bezhantsi v B"lgariya (1919–1944) v 2 t.* [The Documentary History of Russian Refugees in Bulgaria (1919–1944). 2 Vols.]. Sofia, Kolbis. Vol. 1. 248 p. Vol. 2. 199 p.

Marar, O. I. (2000). *Istoriya Rossiiskoi artisticheskoi emigratsii v slavyanskikh stranakh (1918–1939 gody): Chekhoslovakiya, Yugoslaviya, Bolgariya* [The History of the Russian Artistic Emigration in the Slavic Countries (1918–1939): Czechoslovakia, Yugoslavia, Bulgaria]. Avtoref. dis... kand. ist. nauk. Voronezh, S. n. 20 p.

Martynov, A. (2006). Mezhdru Kharbinom i Belgradom [Between Kharbin and Belgrade]. In *Novaya gazeta. Ex libris supplement* [website]. 8 June. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2006-06-08/11_china.html (mode of access: 19.06.2019).

Memorandum po bezhenskim voprosam, predstavlennyi Nansenom F. Mezhdupravitel'stvennoi konferentsii, i svedeniya o kolichestve russkikh emigrantov v raznykh stranakh, 1926 [Memorandum on Refugee Issues Submitted by F. Nansen to the Intergovernmental Conference, and Information on the Number of Russian Emigrants in Different Countries, 1926]. (N. d.). In *GARF* [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-5764. List 5. Dos. 1.

Memorandum soumis á la Conference intergouvernale pour la question des réfugiés à Genève 10–11 V 1926. Informations statistiques concernant réfugiés. In *RGVA* [Russian State Military Archive]. Stock 1385k. List 1. Dos. 109.

Mikhneva, R., Grozev, K., Rupcheva, G. (2016). “*Malkata Rusiya*” na zh"ltite paveta [“Little Russia” on the Yellow Pavestone]. Sofia, Kameya Group EOOD. 246 p.

Obshchi rezultati ot prebroiyavane na naselenieto v Tsarstvo B"lgariya na 31 dekemvri 1926 g. [The General Results of the Population Census of the Kingdom of Bulgaria of 31 December 1926]. (1931). Sofia, Glavna direktsiya na statistikata, D"rzhavna pechatnitsa. Book 1. 303 p.

Panaiotov, P. (1963). Russkite emigranti v B"lgariya i dvizhenieto sred tyakh za vr"shchane v S"vetska Rusiya (1920–1923 gg.) [Russian Émigrés in Bulgaria and the Movement for Return to Soviet Russia among Them (1920–1923)]. In *Istorieski pregled*. No. 5, pp. 34–61.

Pchelintseva, T. K., Bendereva, K. D., Rozhkov, S. A., Garistov, V. P. (Eds.). (2011). *Russkii nekropol' v Sofii* [The Russian Necropolis in Sofia]. Moscow, Minuvshee. 400 p.

Petrov, M. A., Chak"rov, A. M. (2003). *S"zdavane i razvitie na b"lgarskata khirurgiya do 1978* [The Establishment and Development of Bulgarian Surgery before 1978]. Sofia, Koralov i sie. 171 p.

Peykovska, P. (2014a). Prebroiyavane, trud i obshchestvo: ruskata emigratsiya v B"lgariya prez 20-te godini na XX v. Ch. 1 [Population Census, Labour and Society: Russian Emigration in Bulgaria in the 1920s. Part 1]. In *Istorieski pregled*. No. 3–4, pp. 119–144.

Peykovska, P. (2014b). Prebroiyavane, trud i obshchestvo: ruskata emigratsiya v B"lgariya prez 20-te godini na XX v. Ch. 2 [Population Census, Labour and Society:

Russian Emigration in Bulgaria in the 1920s. Part 2]. In *Istoricheski pregled*. No. 5–6, pp. 232–265.

Peykovska, P. (2015). Brachnost, brachna struktura, smeseni brakove sred rusite v B'lgariya prez mezhduvoenniya period [Conjugalality, Conjugal Structure, and Mixed Marriages among Russians in Bulgaria in the Interwar Period]. In Demeter, G., Peykovska, P. (Eds.). *Shared Pasts in Central and Southeast Europe, 17th–21st Centuries: Hungarian and Bulgarian Approaches*. Sofia, Budapest, S. n., pp. 228–255.

Peykovska, P. (2016). Russkaya intelligentsiya v Bolgarii v 20-e gody XX v.: sotsial'no-professional'naya struktura [Russian Intellectuals in Bulgaria in the 1920s: Social and Professional Structure] / transl. by N. S. Gusev. In *Istoricheskaya bolgaristika. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora L. B. Valeva*. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 270–284.

Peykovska, P. (2017). Profesionalna realizatsiya i sotsialna integratsiya na ruskata imigrantska inteligentsiya v B'lgariya prez 20-te godini na XX vek [Professional Realisation and Social Integration of Russian Immigrant Intellectuals in Bulgaria in the 1920s]. In *Izvestiya na Instituta za istoricheski izsledvaniya*. No. 1, pp. 170–182.

Prebroyavane na 31 dekmvrii 1934 g. Sofia. Naselenie [The Population Census on 31 December 1934. Sofia. Population]. (1936). Sofia, Glavna direktsiya na statistikata, D'rzhavna pechatnitsa. 53 p.

Pushkareva, N. L. (1996). Vozniknovenie i formirovanie rossiiskoi diaspori za rubezhom [The Emergence and Formation of the Russian Diaspora Abroad]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 1, pp. 53–58.

Rozhkov, S. (2009). Sovremennye organizatsii rossiiskikh sootcheststvennikov v Bolgarii [Contemporary Organisations of Russian Compatriots in Bulgaria]. In Rozhkov, S. (Ed.). *Russkoe zarubezh'e v Bolgarii: istoriya i sovremennost'*. Sofia, Russkii akademicheskii soyuz v Bolgarii, pp. 208–217.

Rozhkov, S. (Ed.). (2009). *Russkoe zarubezh'e v Bolgarii: istoriya i sovremennost'* [Russian Abroad in Bulgaria: History and Present]. Sofia, Russkii akademicheskii soyuz v Bolgarii. 318 p.

Rozhkov, S., Minkova, M. (2009). Sovremennye sredstva massovoi informatsii russkogo zarubezhiya v Bolgarii [The Modern Mass Media of the Russian Abroad in Bulgaria]. In Rozhkov, S. (Ed.). *Russkoe zarubezh'e v Bolgarii: istoriya i sovremennost'*. Sofia, Russkii akademicheskii soyuz v Bolgarii, pp. 114–119.

Rusev, R. (Ed.). (2012). *Periodika na ruskata emigratsiya v B'lgariya (1920–1943): entsiklopedichen spravochnik* [The Periodical Press of the Russian Emigration in Bulgaria (1920–1943)]. Sofia, Boyan Penev. 764 p.

Rusev, R., Lyutskanov, J., Manolakev, Kh. (Eds.). (2010). “Pogaslo dnevnoe svetilo...”. *Ruskata literaturna emigratsiya v B'lgariya. 1919–1944* [“The Star of the Day Has Declined...”. Russian Literary Emigration in Bulgaria. 1919–1944]. Sofia, Profesor Marin Drinov. 461 p.

Spasov, L. I. (1999). *Vrangelovata armiya v B'lgariya 1919–1923 g.* [The Wrangel Army in Bulgaria, 1919–1923]. Sofia, Universitetskoto izdatelstvo "Sveti Kliment Ohridski". 244 p.

Spasov, L. I. (2008). *B'lgariya i SSSR. 1917–1944 g. (Politiko-diplomaticheski otnosheniya)* [Bulgaria and the USSR. 1917–1944. (Political and Diplomatic Relations)]. Veliko T'rnovo, Faber. 550 p.

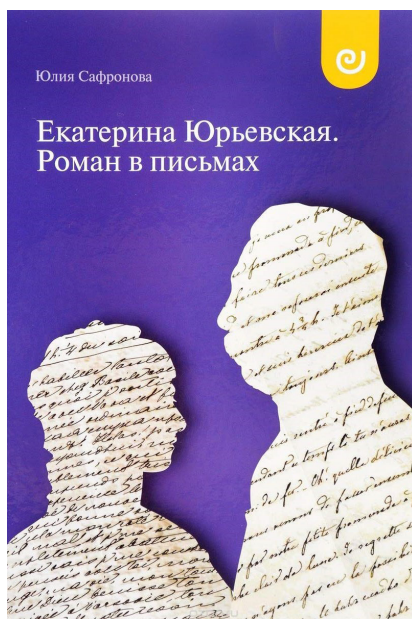
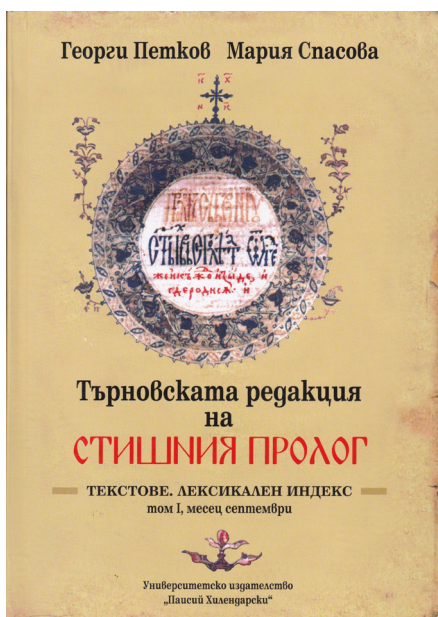
Veleva, M. (1998). Ruskata universitetska emigratsiya v B'lgariya [Russian University Emigration in Bulgaria]. In *Daritelete Evlogii i Khristo Georgievi*. Sofia, Lik, pp. 235–260.

Veleva, M. N. (2004). *B'lgarskata s'dba na profesora P. M. Bitsilli* [The Bulgarian Path of Professor P. M. Bizilli]. Sofia, Gutenberg. 163 p.

The article was submitted on 13.08.2019

Controversiae
et recensiones

Controversiae
et recensione

STUDYING THE HISTORY OF THE SLAVIC *STISHNOY* *PROLOGUE*: NEW OPPORTUNITIES AND PROSPECTS*

Рец. на: Петков Г., Спасова М. Търновската редакция на Стишния
Пролог. Текстове. Лексикален индекс : в 12 т. – Пловдив :
Паисий Хилендарски, 2008–2014.

Rev. of: Petkov, G., Spasova, M. (2008–2014). *Tarnovskata redaktsiya na Stishniya Prolog. Tekstove. Leksikalen indeks v 12 t.* [The Turnovo *Stishnoy Prologue* Edition. Texts. Lexical Index. 12 Vols.]. Plovdiv, Paisii Khilendarski.

Olga Shcheglova

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

In this review, the author analyses the *Tarnovo Edition of the Stishnoy Prologue. Texts: Lexical Index* (published by Bulgarian researchers Georgi Petkov and Maria Spasova) and focuses on the structure of the publication, providing a detailed description of the parts of each volume: prologue texts, prologue poems, the lexical index, and the index of saints' names. The review evaluates the work from the point of view of its academic contribution. The reviewer largely agrees with the authors' point of view on the history and the study of the *Stishnoy Prologue* set forth in the preface to the publication. While objecting to some points, the reviewer evaluates the work highly, considering it an important stage in the process of studying the history of the *Stishnoy Prologue*, one of the most widespread hagiographic calendar collections of the Middle Ages. The publication of the texts of the *Stishnoy Prologue*, even those in just the Tarnovo edition, can be a powerful catalyst for further textual criticism and linguistic studies of the numerous Russian, Serbian, and Bulgarian copies that have survived to the present day. Ultimately, the reviewed publication can become the basis for a full-scale critical edition of the *Stishnoy Prologue*. The review emphasises the timeless significance of this publication for Slavic studies, its innovative character, its structural integrity, its theoretical sophistication, and the enormous practical importance of the work for Bulgarian philologists.

Keywords: *Stishnoy Prologue*; edition; prologue texts; prologue verses; names of saints, lexical index.

* Citation: Shcheglova, O. (2020). Studying the History of the Slavic *Stishnoy Prologue*: New Opportunities and Prospects. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 297–305. DOI 10.15826/qr.2020.1.463.

Цитирование: Shcheglova O. Studying the History of the Slavic *Stishnoy Prologue*: New Opportunities and Prospects // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 297–305. DOI 10.15826/qr.2020.1.463.

В рецензии на издание болгарских исследователей Георгия Петкова и Марии Спасовой «Тырновская редакция Стишного пролога. Тексты. Лексический индекс» основное внимание концентрируется на структуре книги. Подробно описываются составные части каждого тома (собственно проложные тексты, проложные стихи, лексический индекс и индекс имен святых), оценивается их научная значимость. Рецензент во многом согласен с точкой зрения авторов на историю изучения и саму историю Стишного Пролога, изложенную в предисловии к книге. Высказывая отдельные несущественные замечания, автор дает высокую оценку данному изданию, определяя его как событие и определенный важный этап в процессе изучения истории текста Стишного Пролога – одного из распространенных агиографических календарных сборников Средневековья. Выход в свет текстов Стишного Пролога даже в одной Тырновской редакции способен стать мощным катализатором дальнейших текстологических и лингвистических исследований многочисленных русских, сербских и болгарских списков, сохранившихся до настоящего времени. В конечном итоге рецензируемое издание может стать основой полномасштабного критического издания Стишного Пролога. В статье подчеркиваются непреходящее значение этого издания для славистической науки, новаторский характер, структурная целостность, высокий теоретический уровень и огромная практическая значимость труда болгарских филологов.

Ключевые слова: Стишной Пролог; редакция; проложные чтения; проложные стихи; имена святых; лексический индекс.

“The harvest is plentiful, but the labourers are few...” (Matt. 9 : 36–38). These Gospel lines come to mind when you look at the publication of the texts of the *Stishnoy Prologue* prepared by two Bulgarian researchers, Georgi Petkov and Maria Spasova. The importance of this publication is difficult to overestimate. How many more manuscripts are stored in the ancient depositories of not only our country, but others, that have only been seen by the staff of archive departments, remaining untouched by researchers? Unfortunately, there are not many modern researchers and philologists who study both the literary and linguistic aspects of Slavic manuscript heritage. But without the knowledge of how our ancestors read and how the literary language of our culture was formed, we believe it is difficult to discuss modern trends in these areas. Even more respect is due to this edition because it offers an idea about the history of old Bulgarian literature and language, discusses the cultural ties of medieval Bulgaria, Serbia, and Russia, and reveals the system of Christian values formed by hagiographic collections in the Slavia Orthodoxa. It shows the links and continuity of Byzantine and Slavic culture, while introducing into academic circulation a large number of medieval texts that have been insufficiently studied.

This peer-reviewed edition contains readings of the *Stishnoy Prologue* for each month of the church year, starting in September. The *Stishnoy Prologue* is a hagiographic calendar translated from Greek in the first

half of the 14th century. Originally, the *Stishnoy Prologue* was to be read during services, which predetermined the literary features of the Prologue's hagiographies: namely, brevity, a didactic character, and accessibility of presentation. At the same time, the prologue should not be considered a mechanical reduction of extensive hagiographies. The *Stishnoy Prologue* became one of the most popular written artefacts among the Slavs, and was distributed in many copies that have survived to this day¹. Among the southern Slavs, it mostly replaced the simple Prologue; in medieval Russia, it existed alongside the simple Prologue until the 17th century.

The *Stishnoy Prologue* was not initially studied separately from the *Prologue*, since a widely accepted opinion held that the *Prologue* (simple, non-*Stishnoy*) and the *Stishnoy Prologue* were two varieties of one monument-Prologue, and the difference between these variations is only in the presence or absence of a distich or tercet preceding the prologue's article. However, studies over the last two decades (in particular, those of G. Petkov) show that the Prologue and the *Stishnoy Prologue* are different artefacts in terms in their time of origin, their features in Slavic literature, and their structural characteristics, although it is also necessary to note identical principles in their drafting and extensive similarities between them [Петков]. The study of the *Stishnoy Prologue* in literary and linguistic terms is predominated by the work of Bulgarian researchers and, to a lesser extent, Russian scholars, including the works of this reviewer.

The composition of the *Stishnoy Prologue* is constituted by short hagiographies: these are preceded in most cases by poems, as well as a few short stories about church holidays and events, arranged in accordance with the Jerusalem Charter in the calendar. The edition under review was prepared as a series of 12 books, each of which has the same structure. First appear the hagiographies for each month. They are followed by the poems, translated into modern Bulgarian. Then comes a lexical index, which presents all the word forms found in the texts of the month. The publication is completed by Bulgarian-Greek and Greek-Bulgarian indices of saints' names from the monthly texts. In the first volume, G. Petkov provides a preface in which he briefly describes the history of scholarship on the *Stishnoy Prologue*, the history of its various editions, and the sources used for comparison with the Tarnovo edition. He explains the structure and principles in the publication and outlines avenues for further research.

As the sources of this edition, the authors used two of the oldest Bulgarian copies. The first is from the library of the Bulgarian Academy of Sciences, dated 1368–1370, for September–February (BAN73). The second is from the library of the Zografsky Monastery, dated 1345–1360, for March–August (Zogr. 80). These lists, according to Petkov, make up the full circle of readings in the Tarnovo *Stishnoy Prologue*. The creation of a *Stishnoy Prologue* in Tarnovo in the first half of the 14th century is considered one

¹ We know of more than 60 copies of the *Stishnoy Prologue* for the winter half of the year and more than 40 containing readings for the summer half of the year.

of the highest achievements of the Tarnovo school. The Tarnovo *Stishnoy Prologue* became widespread and formed the basis of Serbian and Russian editions. Its distinctive feature is the presence of the so-called Tarnovo hagiography cycle: the lives of Paraskeva Tarnovo (14 October), St John of Rila (19 October), Hilarion Meglenskiy (21 October), and Michael the Warrior (22 November).

This publication's scholarly value lies in the fact that it is based on the results of hagiographic and textual research on the oldest Bulgarian, Serbian, and Russian manuscripts, undertaken by G. Petkov and published in 2000 [Петков]. In preparation for this publication, a comparative reading was made of the prologue texts of the Tarnovo *Stishnoy Prologue* while using the most senior and precisely dated Serbian and Russian lists.

The Serbian manuscripts used were: No. 34 from the collection of Nikolac Monastery in Montenegro, 1360–1370, for September–December (Nick. 34); No. 55 from the collection of the Dechan Monastery, 1360–1380, for December–February (Dech. 55); and No. 1040 from the collection of the Bulgarian People's Library of Ss Cyril and Methodius in Sofia, 1347–1356, for March–August (NBMK-1040). These three copies contain the composition of the Lukiev *Stishnoy Prologue*.

The Russian copies are from three manuscripts in the collection of the Holy Trinity-St. Sergius Lavra (Russian State Library): No. 717, 1429, for June–October (TSL, s. 304, 717); No. 720, 15th century, for November–February (TSL, s. 304, 720); and No. 715, 1429 for March–May (TSL, s. 304, 715). They contain the Moscow *Stishnoy Prologue*. Four other manuscripts, three of which are in St Petersburg (Russian State History Archive, s. 834), contain the Novgorod *Stishnoy Prologue*: No. 3933, 1479, for September–November (Syn., s. 834); No. 3934, 1475–1476, for December–February (Syn. s. 834); and No. 1267, 1477–1478, for June–August (Syn., s. 834). One manuscript is from the Russian National Library: F. I. 683, 15th century, for March–May (RNL, F. I.).

Textual criticism of the manuscripts allows us to see the following differences in composition: the addition of Russian, Bulgarian, and Serbian prologue texts and the addition of words, phrases, and omissions in the prologue's hagiographies, readings, poems, individual lexemes, and phrases. All identified discrepancies are given after the prologue texts in the section "Discrepancies and notes". In addition, this section notes lexical and morphological-syntactic discrepancies, including some interesting differences in the writing of anthroponyms and place names. The system for presenting discrepancies is well thought out: the page of the publication and the line in which the discrepancy is located are indicated; the letters L, M, and H indicate the comparable editions; the discrepancy itself is given; and notes are provided about the absence or addition of a word or phrase or text. The hierarchy of discrepancies are differentiated in Serbian manuscripts by the Lukiev edition (L), the Moscow edition (M), and finally the Novgorod edition (H).

The presence of the section "Discrepancies and notes" is of undoubted scholarly value. Familiarity with the discrepancies in the oldest Serbian and

Russian copies gives a clear idea of the full composition of the Tarnovo *Stishnoy Prologue*, making it possible to see how the texts of this artefact were perceived within the Serbian and Russian manuscript traditions. The discrepancies contain added readings, including the title, beginning, and end of the hagiography or words, meaning they can be used in subsequent studies of the Tarnovo *Stishnoy Prologue* within the Russian manuscript tradition. Petkov identified the most important discrepancies of the winter half, while M. Spasova conducted linguistic readings of texts and comparisons with the main list of the summer half of Zogr. 80.

It should be noted that in Zogr. 80, there are no sheets at the beginning, middle, and end of the manuscript. Therefore, in order to obtain a complete picture of the composition of the everyday corpus of the *Stishnoy Prologue*'s summer half, the compilers used texts from the Russian manuscript TSL-715. The Serbian manuscript NBKM No. 1040 could not be used to fill the missing gaps of Zogr. 80, as it contains no readings for the whole of March and has gaps in other months of the summer; furthermore, there are no readings from 10 to 31 August. In these cases, discrepancies are given only in the Russian manuscript. The text cited in TSL-715 is given in square brackets. We learn about this nuance on page 93 of volume VII with the March readings; this background information is not provided in the preface. We believe that it would have been good to give a list of the dates and readings missing in Zogr. 80 and replaced by texts from TSL-715, especially since the square brackets do not stand out in the text and the reader can experience difficulties when finding a replaced text's location.

The second part of the publication contains the prologue's verses. It presents the texts of poems and their translation into modern Bulgarian language separately. But it should be noted that this is only present in the first six volumes of the publication. As the authors write, 'the summer half-year translation of proofs into modern Bulgarian is not included, as it will be published in the second volume' (*Византийските проложни стихове с именник на християнските имена (в превод на старобългарски от XIV и превод на съвременен български език)*): this will be 'co-edited and translated by Iv. Hristov, M. Spasova and G. Petkov' [Петков, Спасова, т. 7, с. 4].

Nevertheless, the separate publication of the prologue's verses, read in September-February, has great scholarly significance. The study and publication of the poems were started by Italian researchers [Cresci, Skomorochova Venturini]. The prologue's verses are presented for the whole year [Петков, с. 233–446]. According to the authors, the publication of the poems with their translation into modern Bulgarian enables the reader to learn more about the poetic culture of the old Bulgarian scribes. For researchers, this publication offers rich material for further in-depth study of the prologue's poems.

The third part of each book, the lexical index, is of great interest, particularly for future linguistic research. In the index, lexemes are presented in alphabetical order without grammatical characteristics and without the initial form of the lexeme. After the lexeme, the frequency of use, the page on

which it is published, and the line where the word is located are all indicated in brackets. For example, 'СЛОУГЫ (5) 8 : 23, 12 : 20, 15 : 8, 48 : 8, 74 : 28' [Петков, Спасова, т. 7, с. 244]. This setup is very convenient for context searches and lexical analysis. An index of lexemes for even one hagiographic collection undoubtedly demonstrates the richness of the literary language of the middle Bulgarian period. Each volume indicates the number of lexemes found in the texts and the number of their word usage. For example, the September lexical index contains 7,701 lexemes in 20,563 variants of word usage. Edited by M. Spasova, the lexical index of each volume has been prepared via a computer program developed by D. Blagoev.

After the release of vol. 12, the authors will work on vol. 13, a dictionary that will include all the vocabulary of the Tarnovo *Stishnoy Prologue*. The dictionary will be developed in accordance with generally accepted lexicographical principles [Там же, с. 100]. I would very much like to see the authors fulfil their plans.

The last part of each book is an index listing the names of the saints for the month in two forms. The Bulgarian-Greek and Greek-Bulgarian indices include the names of the saints from the texts of the month, which have a prologue's poem and hagiography, only a prologue's poems, or only a prologue's life and title. The names are listed in alphabetical order. When more than one name appears in the header, each name following the first refers to it. In the Bulgarian-Greek index, names are given in Bulgarian, old Bulgarian, and Greek. After these, brackets mark which prologue text is available for the corresponding saint : verses, verses and life, life, story, or title. At the end, the date of the month and the serial number of the prologue's text are indicated (the order of the readings throughout the month is consistent). For example: «Александър, папа Римски – Александър, папа Римский: Αλεξανδρος παπας Ρωμης (стихове), 16.III.79» [Там же, с. 293].

In the second index, the names are arranged in alphabetical order in Greek, old Bulgarian, and modern Bulgarian, with appropriate pointers. The compilers of the index of the names of saints have done much hard work: all the names are checked against the indices in the books of Archbishop Sergius [Сергий (Спасский), с. 579–627], "Christianity. An Encyclopaedical Dictionary" [Христианство, с. 576–689], and another book [Σ. Ευστρατιάδης]. The names of the saints absent from these sources are marked with an asterisk.

The index was compiled by Dr. St. Kozarova (names of saints of September and names of saints in Greek for October-February), Iv. Christov (names of saints in Greek for March-May), and A. Tikhova (names of saints in Bulgarian and old Bulgarian for October-May and names of saints for June-August).

In the history of the *Stishnoy Prologue*, there are still many unresolved issues. In particular, disagreement exists regarding the number of transfers in the *Stishnoy Synaxarion* from Greek into the Slavic language. The authors of this publication accept the argument of Kl. Ivanova that the

Stishnoy Prologue was distributed among the Slavic scribes in Bulgarian and Serbian translations [Иванова, с. 121–127; Петков, Спасова, т. 1, с. 9]. Additionally, more investigation is required into the history of the editions used for these translations into Serbian and Bulgarian; not long ago, scholars were interested in the prologue's verses, demonstrating that the history of the text of the *Stishnoy Prologue* requires further study. A virtually unexplored question appears in the relationships between the *Stishnoy Prologue* and the printed *Prologue*, as well as the *Stishnoy Prologue* and numerous handwritten service Mineas (holidays and monthly) that appeared in the Romanian principalities of Vlahia and Moldova from the end of 14th century. These manuscripts, the second part after the service to the saints, present the readings of the *Stishnoy Prologue* for the corresponding month in the form that we find in the Tarnovo edition².

It is necessary to study the relationship between the *Stishnoy Prologue* and the Great Menaion of Metropolitan Macarius. Further, there is little study into the linguistics of the *Stishnoy Prologue*. In light of the above, this edition is a first and very important step in the study of the complex textual history of the *Stishnoy Prologue*. To sufficiently study the history of the *Stishnoy Prologue* in medieval Russia and the wider Slavia Orthodoxa, many specialists must devote their efforts. In the report at the IX International Congress of Slavists, L. P. Zhukovskaya mentioned the importance and objectives of studying the Prologue: 'The Prologue is a set of problems that cannot be exhaustively studied even in several decades of intensive research in the field of Slavic manuscript heritage. After all, the Prologue in its origins and its centuries-old evolution was associated with an entire rich context of writing, including literature serving the needs of the Church, narrative literature itself, the "didactic" and specific collections of "sustainable content", such as "Chrysostom"' [Жуковская, с. 111]. The authors of the edition under review also believe that a comprehensive study and subsequent critical edition of the *Stishnoy Prologue* is possible through the future collective efforts of specialists and medievalists. An exhaustive answer to all the unsolved questions in the history of the *Stishnoy Prologue* can be obtained only after studying all the surviving copies in their entirety.

For researchers of the *Stishnoy Prologue*, this edition, in our opinion, is just as valuable as the digitized written artefacts from the manuscript department of the Russian State Library, posted on the website of the Holy Trinity-St. Sergius Lavra. Unfortunately, the Tarnovo *Stishnoy Prologue* is a bibliographic rarity. The circulation of this edition is not specified, but it is thought that it was not great. Volumes 1–6 are the result of work on project OXH-305/2007, which was funded by the National Fund of Bulgaria, "Scientific research", MOH. As far as we know, the publication's completion is the result of the authors' personal efforts. The contribution of Bulgarian

² We know one such list from the collection of Undolsky in the manuscript department of the RSB: Mineya – Stishnoi Prolog na mai, 1577 g., moldavskii, 145 l [РГБ. Ф. 310 (Собр. В. М. Ундольского). № 82].

philologists to the study of Slavic manuscript heritage and, in particular, to the study of one of the most popular hagiographic calendar miscellany – the *Stishnoy Prologue* – is invaluable. The Bulgarian scholars Georgi Petkov and Maria Spasova, along with their colleagues who worked on this edition (St. Kozarova, Iv. Christov and A. Tikhova), have made an important first step within the great task facing medieval studies: the study of the history of the Prologue on the basis of all the surviving copies in their entirety and the subsequent critical publication of the text. I consider this edition of my Bulgarian colleagues to be a highly professional work, the natural result of great collective practical and intellectual effort. Their well-deserved success represents a significant accomplishment both in the study of the heritage of Slavic manuscripts and in Slavic research.

Список литературы

Жуковская Л. П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и инославянские статьи) // Славянское языкознание : IX Междунар. съезд славистов (Киев, сентябрь 1983) : Доклады советской делегации. М. : Наука, 1983. С. 110–120.

Иванова Кл. Агиографската продукция на Търновската книжовна школа : дисертация за получаване на научната степен кандидат на филологическите науки. София : [Б. и.], 1979. 530 с.

Петков Г. Стишният Пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV–XV век): Археография, текстология и издание на проложните стихове. Пловдив : Пловдивско унив. изд-во, 2000. 560 с.

Петков Г., Спасова М. Търновската редакция на Стишния пролог. Текстове. Лексикален индекс : в 12 т. Пловдив : Паисий Хилендарски, 2008–2014. Т. 1. Месец септември. 445 с. Т. 7. Месец март. 334 с.

РГБ. Ф. 310 (Собр. В. М. Ундольского). № 82.

Сергий (Спасский), архиеп. Полный Месяцеслов Востока : в 2 т. М. : Православная энциклопедия, 1997. Т. 1. Восточная агиология (репринт 2-го, доп. и испр. владимирского изд. 1901 г.). 768 с.

Христианство: энцикл. словарь: в 3 т. / гл. ред. С. С. Аверинцев. М. : Большая Рос. энцикл., 1993–1995. Т. 3. 781 с.

Cresci L. R., Skomorochova Venturini L. *I versetti del Prolog Stišnoj*. Torino : Rosenberg & Sellier, 1999. 322 p.

Σ. Ευστρατιάδης. Αγιολογιον της Ορθοδόξου Εκκλησιας. Εν Αθηναι, 1960. 488 p.

References

Averintsev, S. S. (Ed.). (1993–1995). *Khristianstvo. Entsiklopedicheskii slovar' v 3 t.* [Christianity. Encyclopaedical Dictionary. 3 Vols.]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya. Vol. 3. 781 p.

Cresci, L. R., Skomorochova Venturini, L. (1999). *I versetti del Prolog Stišnoj*. Torino, Rosenberg & Sellier. 322 p.

Ivanova, Kl. (1979). *Agiografskata produktsiya na T'rnovskata knizhovna shkola* [The Hagiographic Production of the Tarnovo Literary School]. Disertatsiya za poluchavane na nauchnata stepen kandidat na filologicheskite nauki. Sofiya, S. n. 530 p.

Petkov, G. (2000). *Stishniyat Prolog v starata b'lgarska, sr'bska i ruska literatura (XIV–XV vek). Arkheografiya, tekstologiya i izdanie na prolozhnite stikhove* [The *Stishnoy Prologue* in Old Bulgarian, Serbian, and Russian Literature (14th–15th Centuries): Archaeography, Textology, and the Publication of Prologue Verses]. Plovdiv, Plovdivsko universitetsko izdatelstvo. 560 p.

Petkov, G., Spasova, M. (2008–2014). *T"rnovskata redaktsiya na Stishniya Prolog. Tekstove. Leksikalen indeks v 12 t.* [The Turnovo Prologue Edition. Texts. Lexical Index. 12 Vols.]. Plovdiv, Paisii Khilendarski. Vol. 1. Mesets septemvri. 445 p. Vol. 7. Mesets mart. 334 p.

RGB [Russian State Library]. Stock 310. (Sobranie V. M. Undol'skogo). № 82.

Sergii (Spasskii), Archb. (1997). *Polnyi Mesyatseslov Vostoka v 2 t.* [The Complete Menology of the East. 2 Vols.]. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia. Vol. 1. Vostochnaya agiologiya (reprint vtorogo, dopolnennogo i ispravlen'nogo vladimirskogo izdaniia 1901 g.). 768 p.

Zhukovskaya, L. P. (1983). Tekstologicheskoe i lingvisticheskoe issledovanie Prologa (izbrannye vizantiiskie, russkie i inoslavyanskije stat'i) [Textual and Linguistic Study of the Prologue (Selected Byzantine, Russian, and Non-Slavonic Articles)]. In *Slavyanskoe yazykoznanie. IX Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov (Kiev, sentyabr' 1983). Doklady sovetskoi delegatsii.* Moscow, Nauka, pp. 110–120.

Σ. Ευστρατιάδης. (1960). Αγιολογιον της Ορθοδόξου Εκκλησιας. Εν Αθηναι. 488 p.

The article was submitted on 31.10.2018

DOI 10.15826/qr.2020.1.464

УДК 929Александр(470)*2+929.52Долгоруковы+821.161.1-6

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА В НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ЕКАТЕРИНЫ ДОЛГОРУКОВОЙ, КНЯГИНИ ЮРЬЕВСКОЙ*

Рец. на: Сафронова Ю. А. Екатерина Юрьевская : Роман в письмах. – СПб. :
Изд-во Европ ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. – 404 с.

Ольга Солодянкина

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия

BEHAVIOURAL PRACTICES OF THE RUSSIAN IMPERIAL COURT IN THE BIOGRAPHY OF EKATERINA DOLGORUKOVA, PRINCESS YURYEVSKAYA

Rev. of: Safronova, Yu. (2017). *Ekaterina Yur'evskaya. Roman v pis'makh*
[Catherine Yuryevskaya. An Epistolary Novel]. St Petersburg, European
University at St Petersburg Press. 404 p.

Olga Solodyankina

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia

This review analyses a monograph written by Yulia Safronova, a St Petersburg-based specialist in the era of the Great Reforms, who makes an attempt to create the first historical biography of Princess Dolgorukova, the long-time mistress and thenmorganatic wife of Emperor Alexander II. The reviewer describes the structure of Safronova's work, considers the methods of studying sources, and indicates the details of Yuryevskaya's biography that have been clarified thanks to Safronova's research. The source base of the work comprises approximately 5,000 letters by Alexander II and Princess Dolgorukova stored in the State Archive of the Russian Federation and written in French with

* Citation: Solodyankina, O. (2020). Behavioural Practices of the Russian Imperial Court in the Biography of Ekaterina Dolgorukova, Princess Yuryevskaya. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 306–318. DOI 10.15826/qr.2020.1.464.

Цитирование: Solodyankina O. Behavioural Practices of the Russian Imperial Court in the Biography of Ekaterina Dolgorukova, Princess Yuryevskaya // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 306–318. DOI 10.15826/qr.2020.1.464 / Солодянкина О. Поведенческие практики российского императорского двора в научной биографии Екатерины Долгоруковой, княгини Юрьевской // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 306–318. DOI 10.15826/qr.2020.1.464.

single words or phrases in Russian, which the author considers a sort of “speech play” between the confidants. In Safronova’s study, the correspondence between Alexander II and his “Katya” is presented as a multifaceted source on the issues of Russian domestic and foreign policy, the history of the male and the female, sexuality, parenting, and, most importantly, the history of everyday practices of the Russian imperial court. The reviewer points out topics successfully developed by the author of the work, characterises the style of the author’s narrative, and identifies the subjects that need further research. The reviewer concludes that Safronova managed to successfully write an interesting biographical work thanks to a number of factors, such as well-founded research, scrupulous and comprehensive work with sources, and a composed writing style, which allows the author to stay within the scope of scholarly discourse even when considering certain intimate issues that are difficult to analyse in an academic text.

Keywords: Alexander II; Princess Yuryevskaya; Dolgorukovs; everyday practices; Russian imperial court.

Представлен анализ монографии Юлии Сафроновой, петербургского специалиста по эпохе Великих реформ, предпринявшей попытку создания первой научной биографии княжны Екатерины Михайловны Долгоруковой, многолетней любовницы, впоследствии морганатической супруги императора Александра II. В рецензии охарактеризованы структура монографии, методы работы с источниками, указывается, какие моменты биографии Юрьевской уточнены благодаря исследованию Сафроновой. Источниковой базой монографии послужили хранящиеся в ГАРФ примерно 5 тыс. писем Александра II и княжны Долгоруковой, написанных по-французски с вкраплениями отдельных слов и фраз на русском языке, рассматриваемые автором как «речевые игры» конфиденгов. В монографии переписка императора и его «Кати» выступает как многоплановый источник по вопросам внутренней и внешней политики России, по истории «мужского» и «женского», по истории сексуальности, воспитания детей, но главное – по истории повседневных практик российского императорского двора. В рецензии обращено внимание на темы, успешно разработанные автором монографии, охарактеризован стиль авторского нарратива, выявлены сюжеты, нуждающиеся в дальнейшем развитии. Рецензент приходит к выводу, что факторами создания привлекательного произведения биографического жанра, как это получилось у Ю. Сафроновой, являются хорошая фундированность исследования, скрупулезная многогранная работа с источниками, сдержанная манера письма, позволяющая не выйти за рамки научного дискурса при рассмотрении даже сложных для научного анализа частных вопросов.

Ключевые слова: Александр II; княгиня Юрьевская; Долгоруковы; поведенческие практики; российский императорский двор.

Жанр биографии переживает периоды то упадка, то возрождения интереса и популярности. При этом рядовым читателям вполне импонируют традиционные биографии, написанные с использованием историко-генетического метода, с элементами подключения авторской интуиции, допущениями, применением аналогии и даже вымысла, а ученые в основном предпочитают руководствоваться строго научными критериями, будучи ограниченными наличествующими источниками. В итоге возникает расхождение между беллетризованными биографиями, которым отдает дань читатель, и суховатыми научными текстами, где каждый факт подкреплён ссылкой. Современный исследователь может попытаться выйти за пределы этого противоречия и создать привлекательный литературно выверенный текст, руководствуясь теми или иными теориями о формировании личности, об особенностях постижения или непостижимости внутреннего мира человека, концентрировать внимание не только на главном герое, но и на его окружении, писать не только внешнюю биографическую канву, но и представлять интеллектуальный мир эпохи через систему взглядов и ценностей главного персонажа, затронуть интимно-личностные аспекты – и при этом опираться на источники и создать научную биографию.

Е. М. Долгорукова. 1870-е гг. Фото

E. M. Dolgorukova. 1870s. Photograph

К таким новаторским творениям биографического жанра, без сомнения, относится монография Юлии Сафроновой, посвященная княжне Екатерине Михайловне Долгоруковой – многолетней любовнице, впоследствии морганатической супруге императора Александра II, светлейшей княгине Юрьевской. У Ю. Сафроновой, молодой исследовательницы из Санкт-Петербурга, это уже вторая монография, связанная с эпохой Великих реформ [Сафронова, 2014], однако разработка биографии Юрьевской явилась серьезным вызовом, заставив автора рефлексировать о жанре книги и возможных ходах описания жизни героини (с. 4)¹. Создание научной биографии Юрьевской давно назрело, поскольку длительное время существуют многочисленные мифы и определенный «медийный шум» вокруг «романа императора», как называли ситуацию с княжной Долгоруковой современники². В монографии речь идет о второй семье царя-осво-

¹ Здесь и далее при обращении к рецензируемому изданию номера страниц приводятся в круглых скобках.

² См., например, художественные фильмы «Катя» (1938), «Катя – некоронованная царица» (1959), «Роман императора» (1993), «Любовь императора» (2003).

бодителя, но скандальность и некоторую сенсационность сюжету придает обнародование документов из личной переписки Александра II, дающее основания говорить о чрезмерной (и может быть, даже извращенной) сексуальности императора, создавая ему репутацию развратника и эротомана (с. 173). Обращение к биографии Юрьевской включало и вопросы, связанные с интимной жизнью героини.

Перед исследовательницей стояла задача представить биографию Е. М. Долгоруковой, деконструировав легенду о «романе императора». Прожившая долгую жизнь, из них вдовой в течение 41 года, Долгорукова осталась в истории «Катей», предметом обсуждения, домыслов, мифов, существующих и поныне, что в очередной раз подтвердила открытая к 200-летию со дня рождения Александра II выставка в Государственном историческом музее [Александр II Освободитель]. Как признает Ю. Сафронова, «биографии Е. М. Юрьевской не существует до сих пор. Сама по себе, вне “романа императора”, она мало интересует исследователей. Простой выбор между “кроткой возлюбленной” и “мегерой” делается ими, кажется, исключительно интуитивно» (с. 16). Сафронова пытается уйти от штампов историографии и представить Юрьевскую как гораздо более многозначный персонаж, нежели «мегеру» или романтическую героиню – возлюбленную императора, пишет сдержанно, без смакования подробностей, но интересно, увлекательно как по форме, так и по сути, создавая не беллетризованную биографию, а именно научный текст: она показывает «кухню» работы с главной составляющей источниковой базы – многочисленными письмами Александра II, адресованными княжне, и гораздо менее полно представленными посланиями Долгоруковой. Автор не стесняется признавать отсутствие тех или иных источников, что делает исследователя «слепым в отношении того, что корреспонденты намеренно не доверили бумаге» (с. 16), рефлексировать по поводу трудностей жанра биографии, сравнивает версии предшествовавших исследователей, объясняя, почему отмечает какие-то из них. Эта последовательная авторская позиция заслуживает безусловного уважения, но вместе с тем затрудняет создание цельной биографии Юрьевской.

Книга включает четыре главы, во многом связанные с логикой жизни героини и особенностями источниковой базы. Первая часть, самая короткая по объему (с. 20–56), посвящена князьям Долгоруковым (разным ветвям этого рода), и особенно биографии скандально известного деда героини князя Михаила Михайловича Долгорукова (1790–1841), о родстве с которым семья предпочитала не упоминать (с. 31–38). Автор характеризует положение «тепловских» Долгоруковых³ в середине XIX в., финансовые трудности семьи, которые, уверяет Ю. Сафронова (и с этим невозможно не согласиться), были не уни-

³ Так называли эту ветвь Долгоруковых по названию их главного семейного гнезда – имения Тепловка в Полтавской губернии.

Александр II и Е. М. Долгорукова с детьми
Георгием и Ольгой. 1880–1881. Фото

Alexander II and E. M. Dolgorukova with their
children George and Olga. 1880–1881. Photograph

кальны, а совершенно типичны для представителей родовитого дворянства той поры, когда родовитость сама по себе не обеспечивала места под солнцем (с. 25). Однако о взаимоотношениях в родительской семье княжны, о воспитании детей (а у Екатерины Долгоруковой были сестра и четыре брата) автор практически не пишет, поскольку отсутствуют источники. Как выяснилось, несмотря на наличие нескольких публикаций, посвященных Юрьевской [Paléologue; Tarsaidzé], далеко не все моменты ее жизни документированы, и присутствует ряд «темных пятен», которые пытается прояснить Ю. Сафро-

нова. Это вопрос о дате рождения, на который «завязаны» и другие моменты биографии княжны, в частности, возраст во время первой встречи с Александром II, посетившим Тепловку в 1859 г. (была ли Катя совсем девочкой или уже расцветающей девушкой?). Исследовательница склоняется к дате рождения княжны в 1847 г. в противовес общепринятой версии (1849 г.), аргументируя свою позицию данными формулярного списка князя Михаила Долгорукого, отца княжны, и сведениями о возрасте принятых в Смольный воспитанниц – княжон Екатерины и Марии Долгоруковых (с. 47–48). Еще одно непроясненное место – дата кончины отца. Традиционная дата (между 1859 и 1861 гг.) опровергается исследовательницей, убежденной, что на деле князь М. М. Долгоруков скончался в 1870 или 1871 г. Особый интерес в первом разделе монографии представляет изложенная Ю. Сафроновой история борьбы матери княжны княгини Веры Гавриловны Долгоруковой за сохранение Тепловки (с. 44–56), что дало бы возможность обеспечить жизнь дочерей (Екатерины и Марии). Эта борьба потребовала от женщины и невиданной энергии, и отсутствия указаний на мужа, чтобы предстать в заслуживающем жалости и снисхождения статусе одинокой матери семейства, и от-

сутствия упоминаний о четырех сыновьях, в том числе несовершеннолетних, поскольку образ дочерей-сироток вызывал бесспорную жалость и увеличивал шансы на получение императорской помощи.

Вторая глава монографии «Роман императора» – безусловно, и самая обширная (с. 57–213), и наиболее насыщенная событиями, поскольку она касается главного факта биографии Долгоруковой – ее связи с императором. Глава основана исключительно на переписке влюбленных, что дает возможность слышать «живые голоса». В монографии, в целом хорошо иллюстрированной (многочисленные фотопортреты императора, самой Кати, их детей, родственников и др.), приводятся образцы писем Александра княжне и княжны Александру, что заставляет осознать объемы и сложность работы с источниками (общее количество писем – примерно 5 тыс., они написаны по-французски с вкраплениями отдельных слов или даже фраз на русском языке). Почерк княжны Долгоруковой хотя и крупный, но малоразборчивый; много переходов с одного языка на другой в пределах одного абзаца, даже одного предложения. Большая заслуга Ю. Сафроновой в том, что она постаралась донести до читателя «кухню» речевых игр императора и его confidentки, показала значение фраз на русском в их переписке (наиболее личные, важные моменты) и постепенный трансфер языков (с русского на французский) по мере перехода описываемых сюжетов из сферы глубоко эмоциональной, личностной в бытовую, повседневную. Исследовательница подает письма как «длительную языковую игру, которая не была частью общей жизни пары», своеобразный дневник, «повседневные записи даже незначительных происшествий, прерываемые излияниями чувств» (с. 103). Этот подход был единственно возможным с учетом содержания писем императора и княжны – по признанию автора, «монотонного, с повторяющимися периодами, при почти полном отсутствии каких-либо свидетельств, что корреспонденты живут в эпоху Великих реформ» (с. 101–102). Ю. Сафронова характеризует разные роли языков в переписке пары, говорит об изобретении всевозможных словечек, ласковых прозвищ, использовании языка любви, убедительно демонстрирует, как в письмах реализуется асимметрия отношений Александра и Кати: «Александр лепил себе послушную возлюбленную, и она поддавалась его школе, перенимая язык и образ мыслей» (с. 124).

Не все рассматриваемые в главе сюжеты проработаны с одинаковой тщательностью. Так, исследовательнице не удалось найти нарративные источники о времени учебы княжны в Смольном, хотя есть замечательные источники по более ранним периодам жизни смолянок и по более позднему [Институтки], но как раз те годы, когда там шли реформы Ушинского (с 1860 г.) и училась княжна Долгорукова (1860–1865 гг.), остались не запечатленными в мемуарах. А подобные тексты могли бы многое рассказать об условиях формирования внутреннего мира, мировоззрения княжны, о ее окружении в институт-

ские годы. Однако можно было найти списки выпускниц Смольного по годам и хотя бы представить (поименно) тех девушек, что находились рядом с Катей, учились в одном с ней классе, чуть раньше или чуть позже, проследить их жизненные траектории, понять, насколько уникален ее характер, или же она со своей эмоциональностью являлась типичным продуктом институтского воспитания. Увы, раз мемуарных источников нет, то исследовательница не позволяет себе никаких рассуждений на тему, что могла бы знать и как должна была думать княжна, раз училась в Смольном. Применительно к институтскому периоду жизни можно сделать только один вывод о результатах ее учебы: она «говорила и писала по-французски с ошибками, практически не знала немецкого, обладала плохим почерком и предпочитала французские любовные романы “серьезному” чтению» (с. 59). То, что Долгорукова не приобрела каллиграфического почерка, особенно заметно в сравнении ее писем с посланиями императора, написанными в отчетливо аккуратной манере.

Не обратив внимание на одноклассниц Долгоруковой, Ю. Сафронова выстраивает примечательную линию сопоставления «романа императора» (начавшегося в 1866 г.) с четырнадцатилетней любовной драмой Ф. И. Тютчева и Е. А. Денисьевой (закончилась в 1864 г. со смертью Денисьевой), также выпускницей Смольного. Это сопоставление позволило зафиксировать «родовые черты» смолянского типа поведения у женщин-любовниц – обожание своего предмета страсти, склонность к сценам ревности и скандалам, абсолютное отсутствие (как будто ее не существует) упоминаний законной супруги (с. 60–61). Таким образом появилась «рамка» для характеристики дальнейшего поведения Кати – в период длительной холодности юной княжны, сомневавшейся в страсти сорокасемилетнего императора, «переворота» весны 1866 г. и далее целого ряда дат, которые в итоге стали собственным памятным календарем пары. Ю. Сафронова уверена, что «Смольный, культивировавший ценный Александром II тип женщины-институтки, на десятилетия законсервировал сентиментальный идеал начала XIX в.» (с. 379), однако это наблюдение подходит для объяснения случая покорно-внушаемой Юрьевской, но не помогает интерпретировать одновременное появление других типажей институток, таких как деятельная Е. Н. Водовозова⁴ (закончившая Смольный в 1861 г.), интриганка В. И. Шебеко (многолетняя компаньонка Кати) или ее младшая сестра княжна М. М. Долгорукова.

Автор ясно и четко выражает свою мысль, что особенно заметно в главе про сексуальную жизнь пары. Исследовательница деликатно и сдержанно, без смакования подробностей, но в то же время достаточно откровенно характеризует отношения любовников в параграфе

⁴ Водовозова (урожд. Цевловская) Елизавета Николаевна (1844–1923), детская писательница, педагог. Автор мемуаров «На заре жизни», в том числе описывающих учебу в Смольном в 1855–1861 гг.

«Бингерле» (с. 172–184), объясняя, что переписка Александра и Кати уникальна как источник по истории сексуальности второй половины XIX в. Наличие такой главы действительно нетипично для научной биографии, но в работе, посвященной биографии любовницы, это совершенно естественно, а выводы автора позволяют преодолеть мифы о строгостях викторианской морали и об отсутствии женской сексуальности в представлениях буржуазного общества той поры.

Безусловным успехом автора является параграф «Княжна и политика» (с. 200–213), в котором предпринята попытка ответить на вопрос о политической роли княжны Долгоруковой, инструментами вмешательства которой были пересказ «разговоров» и участие в обсуждении политических вопросов с императором, а итогом – в том числе падение всесильного Петра Андреевича Шувалова, шефа жандармов и начальника III Отделения (с. 207).

В третьей главе (с. 214–289) речь идет о коротком периоде замужней жизни княжны, когда она начала вовлекаться в придворную и семейную жизнь Романовых, что привело к затруднениям и даже скандалам. Ю. Сафронова демонстрирует глубокое понимание взаимовосприятия Юрьевской и членов императорской семьи, связанное со столкновением разных модусов общения с государем и главой семьи внутри и вне ее: «Подданная, вошедшая в узкий круг членов императорской фамилии, вела себя с императором именно как жена с мужем, да еще в присутствии посторонних, чего никогда не позволяла себе императрица Мария Александровна» (с. 251). Как пишет Ю. Сафронова, «княгиня Юрьевская оскорбляла членов императорской семьи не только своим “прошлым”, но и постоянным нарушением правил этикета. Установившаяся за годы связи манера общения, домашние прозвища, маленькие вольности, позволенные в гнезде, на семейных трапезах воспринимались присутствующими как полное отсутствие воспитания, неуважение к монарху и императорской фамилии, а также нарочитая, нахальная демонстрация интимности» (с. 251). Источниковая база этой части работы иная: отсутствуют письма воссоединившейся пары, но есть тексты представителей императорской семьи и света, а также рукописные воспоминания самой Юрьевской, которые создают крайне противоречивую картину короткого временного отрезка, начавшегося 6 июля 1880 г. и закончившегося цареубийством 1 марта 1881 г.

Четвертая глава (с. 290–376), сопоставимая по объему с третьей, посвящена огромному временному интервалу – 41-летнему периоду вдовства Юрьевской. Эта часть наиболее слабо подкреплена источниками (за исключением первых лет, которые освещает переписка княгини с Александром III и М. Т. Лорис-Меликовым, и аспекта ее финансового положения). Немногочисленные свидетельства современников позволяют лишь пунктирно обозначить главные вехи жизни Юрьевской и ее детей в это время. Даже приводимых свидетельств достаточно, чтобы понять: неуместное поведение Юрьевской продолжилось и после гибели

ли Александра II. Именно так воспринимались ее попытки занять место в императорской семье в период жизни в Петербурге, а затем – бурная светская жизнь с многочисленными приемами и раутами определенной политической окраски при жизни за границей, прежде всего в Париже. При этом появлялись тексты, посвященные «роману императора», затрагивавшие и острые политические вопросы. Ю. Сафронова, детально анализируя их (прежде всего скандальную книгу В. Лаферте об Александре II [Laferté]), доказывает, что неправомерно было переиздать этот текст в 2004 г. как принадлежащий непосредственно Юрьевской [Княгиня Юрьевская]. Ю. Сафронова уверена, что «автором книги была не она или, по крайней мере, не только она» (с. 314).

Как любое хорошее исследование, монография Ю. Сафроновой, отвечая на целый ряд вопросов, создает новые, что отмечает и сама исследовательница, признающая, что «уникальное положение возлюбленной императора в средоточии российской политики и в то же время в его закулисе постоянно искушало меня больше писать об историческом и политическом контексте, чем о героине этой книги» (с. 379). Мне же кажется, что и исследование биографии Юрьевской порождает новые вопросы. Что интересовало Катю? Как она размышляла? Возникает ощущение, что мир для нее был замкнут Александром и отношениями с ним. Мы знаем, что они совместно читали любовные романы, и это позволяло им совершенствовать свои взаимоотношения, экспериментировать в спальне и т. п. Что еще входило в круг чтения? Известно, что Александр постоянно разговаривал с Катей (и непосредственно, и в письмах). Она так хорошо слушала? Он гляделся в нее как в зеркало? Он создал ее для себя в постели, методично и постепенно вводя в мир любовных отношений (с. 73), а создавал ли он ее для общения? И если да, то понятны ее проблемы после заключения морганатического брака, когда она вышла из замкнутого мирка «гнезда» и общалась с членами императорской семьи в манере Александра, при этом не являясь императрицей, и это вызывало раздражение, непонимание. Поведение Юрьевской в 1880–1881 гг. диссонировало, не совпадало с тем, что ожидали от нее, тайной жены императора (новый брак Александра II официально не был объявлен).

Слабо охарактеризованы «значимые другие» княжны Долгоруковой, начиная с ее родни, прежде всего младшей сестры, княжны Марии («Муш») Долгоруковой, в замужестве княгини Мещерской, впоследствии Берг. Ее влияние на Катю признается, но образ получился размытым, отсутствует даже отчетливая биографическая канва. Гораздо более проработанной в биографии Юрьевской должна быть сюжетная линия, связанная с Варварой («Вавой») Шебеко. Что представляла собой эта столь значимая для Долгоруковой дама, ее многолетняя наставница, компаньонка, экономка, а с рождением детей – и нянька? Автор сообщает, что В. И. Шебеко была посвящена во все подробности отношений пары (с. 155), вплоть до непосредственного участия в интимных отношениях (с. 182). Кто были знакомые Шебеко и в Петербурге, и за границей? Какие-то глухие намеки на знакомства и интриги политического

характера (с. 314–315) диссонируют с основным отчетливым тоном авторского нарратива, хотя сама Ю. Сафронова в заключении признает, что на основе переписки Александра и Долгоруковой возможны две версии взаимоотношений пары: «сумел ли император воспитать из восторженной смолянки покорную ученицу, перенявшую стиль его писем, образ мыслей, манеры и жесты настолько, чтобы соответствовать его романтическому желанию быть с возлюбленной “одним существом”? Или Катя, верная ученица Вавы Шебеко, успешно манипулировала возлюбленным, создавая в письмах лишь иллюзию “одинаковости” суждений и чувств?» (с. 377). Сама Ю. Сафронова не дает однозначного ответа, какая из интерпретаций соответствует ее авторскому видению. Без ответа остается и вопрос о том, почему все так влияли на Катю. Почему она была столь внушаема, зависима? Эти зависимость, внушаемость, ограниченность заметны даже по сравнению с ее младшей сестрой, обладавшей определенным внутренним стержнем.

Как Катя воспитывала детей? Более-менее охарактеризованы воспитание старших детей в период до гибели Александра и процесс воспитания сына Георгия в последующее время. Однако о воспитании дочерей Ольги и Екатерины практически ничего не говорится, хотя автор и заявляет, что книга в том числе посвящена этим сюжетам (с. 17). Мы узнаем о результате процесса воспитания – однозначно провальном в случае Гого⁵, но никакого исследовательского анализа, почему так получилось, осознавала ли проблемы и свою ответственность светлейшая княгиня Юрьевская, автор не дает. Не совсем понятно, это авторское умолчание связано с отсутствием нужных источников или является сознательным ограничением.

Крайне скупо, ссылаясь на отсутствие внятных источников, автор пишет и об участии Кати в железнодорожных махинациях, хотя этот сюжет требовал четкого авторского комментария.

Более подробного рассмотрения заслуживает и еще один аспект, существенный для характеристики внутреннего мира Кати, – это домашние животные, собаки. Они были важны для нее и с годами становились все более значимыми: «чем старше становилась княгиня и чем больше огорчали ее окружающие люди, тем больше она привязывалась к своим собакам» (с. 341). Судя по тексту исследования, в годы вдовства, особенно после отъезда детей, именно животные структурировали повседневную жизнь светлейшей княгини Юрьевской. Характерна история с завещаниями Кати 1902 и 1917 гг., где подробно прописано, что делать с собаками, в том числе присутствует примечательное распоряжение показать ее тело в гробу любимому псу Сигналу, чтобы он знал, что ее забрали в церковь (с. 341). Собаки были важны и для Александра II, но в жизнь Кати они пришли вместе с Александром или были там и раньше? Именно у Юрьевской доживал свой «собачий век»

⁵ Георгий Александрович Юрьевский (1872–1913), светлейший князь, старший сын Александра II и Е. М. Юрьевской.

последний пес Александра II, переживший своего хозяина. В монографии представлена фотография Кати с собачкой на коленях (с. 67) – она расслаблена, ей очевидно удобно и комфортно на руках у хозяйки. У людей же (естественно, за исключением Александра II) Долгорукова не вызывала такого ощущения расслабленности и удовольствия, наоборот, главными были чувства напряжения и ожидания очередной неуместной выходки Кати. Почему она умела вести себя с животными и совершенно не научилась адекватному поведению среди людей? Чья это вина? Или все дело в особенностях характера? Автор, к сожалению, не предлагает нам свою интерпретацию, так же как и не характеризует те визуальные источники, что приведены в монографии.

На фоне скрупулезной работы с источниками и их очень сдержанной интерпретации особенно обидными выглядят технические «ляпы» и опечатки – например, в таблице про номинальную и биржевую стоимость ценных бумаг, внесенных в Государственный банк на имя светлейшей княгини Е. М. Юрьевской⁶, и в названии цитируемой работы под редакцией Н. Л. Пушкаревой «А се грехи злые, смертные...» [А се грехи], где название искажено на корректирующее смысл «Все грехи злые, смертные...» (с. 173).

Монография Ю. Сафроновой говорит и об Александре, но не как о царе-освободителе, а о персоне, человеке, уставшем от публичности, не желающем играть роль императора постоянно⁷, стремящемся удалиться в свою «раковину», создать с Катей мир, свободный от публичности и ее обязательств. Он «мечтал об избавлении от своих многочисленных обязанностей», погружении в «настоящую жизнь», сосредоточенную только на «семье» (с. 122). В свете этого возникло четкое разделение сфер и жен: публичная – и императрица Мария Александровна, частная – и Катя (в переписке он постоянно называет ее своей женой, а себя – ее мужем). Была ли эта задача сохранения определенной приватности решаемой? Александр III смог на практике оградить от публичности свой семейный круг, чему особенно способствовала изоляция семьи в Гатчине, вызванная соображениями безопасности. Но изоляция семьи Николая II, связанная с болезнью наследника, была непонятна окружающим и воспринималась болезненно. Ю. Сафронова предлагает свое объяснение проблем в императорской семье и поведения самодержца, базирующееся на мнении графа С. Д. Шереметева о «старомодности» Александра II, более похожего на дядю Александра I, нежели на отца Николая Павловича, любезностью, тонким ухаживанием за дамами, сентиментальной нежностью и особой чувстви-

⁶ Вместо суммы биржевой стоимости 5 % облигаций санкт-петербургского Городского кредитного общества в 18 тыс. руб. вписаны 180 тыс., хотя итоговая сумма биржевой стоимости ценных бумаг Юрьевской посчитана правильно (с. 343).

⁷ Соглашусь с автором, что трудно представить Николая I, ведущего себя подобным образом: «Самодержавный монарх “на коленях умолял” княгиню Долгорукову (Луизу, жену брата Кати М. М. Долгорукова. – О. С.) о разных “милостях” и безропотно соглашался с ее требованиями» (с. 87).

тельностью, что вызывало насмешки радикалов (с. 252, 380). Видимо, эта объяснительная модель (о поколенческом разрыве) близка Ю. Сафроновой, поскольку она повторяет ее дважды – и в основном тексте, и в заключении. Эта попытка списать все на устарелость взглядов Александра II, больше похожего на Александра I, чем на собственного отца, – все ли она объясняет? Мы знаем, что представления меняются циклически, и сыновья отвергают ценности отцов, при этом часто воспроизводя ценности дедов (по возрастной разнице Александр I, Николай I и Александр II ближе к системе отношений дед – отец – сын/внук, чем к реальной дядя – отец – сын/племянник). Можно продолжить этот сравнительный ряд и сказать, что поведенческая модель Александра III ближе к модели Николая I, нежели Александра II, однако такая констатация не объясняет одиночества Александра II, непонимания его поведения окружением. Скорее всего, поведение императора, при каждой возможности «убегавшего» из публичной роли самодержца в тайную жизнь с Катей, казалась двору, приближенным недостойной стратегией.

Исследование Ю. Сафроновой позволяет представить повседневную жизнь императора с ежедневной тяжелой нагрузкой чтения бумаг, выслушивания докладов и другими мероприятиями, которые составляли модус существования императора. Он жаловался в письмах Кате на тяжесть этой нагрузки, хотя и добросовестно ее выполнял, при этом непременно выкраивая время, чтобы в три этапа – утром, днем и поздно вечером – написать возлюбленной обязательное ежедневное письмо; иногда во время доклада начинал мечтать о будущем свидании с ней (вплоть до продумывания интимных нюансов), и мы понимаем, что император – это живой и, в случае Александра, тонко чувствующий и мечтательный человек. Вот этих «живых картин», как правило, не хватает в обычных биографических текстах, посвященных сильным мира сего.

Интерпретация «романа императора», предпринятая Ю. Сафроновой, приводит к выводу, что проблема презентизма императорской власти, соотношения публичного и приватного, несмотря на исследование Р. Уортмана [Уортман], нуждается в дальнейшей разработке на основе сравнительных материалов истории (русских и европейских).

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что первая научная биография княжны Долгоруковой (светлейшей княгини Юрьевской) состоялась, и хорошо фундированное исследование Ю. Сафроновой – пример современного исследования жизненных стратегий и поведенческих практик представителей российской элиты.

Список литературы

«А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века: в 3 кн. / изд. подг. Н. Л. Пушкарева, Л. В. Бессмертных. М.: Ладомир, 2004. 751 + 720 + 944 с.

Александр II Освободитель // Государственный исторический музей : [официальный сайт]. URL: <http://shm.ru/shows/11394> (дата обращения: 01.08.2018).

Долгорукая Е. М. Александр II: с приложением биографического очерка Мориса Палеолога «Александр II и Екатерина Юрьевская» / княгиня Юрьевская (под псевдонимом Виктор Лаферте). М. : Захаров, 2004. 211 с.

Институтки : Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. ст. А. Ф. Белоусова. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 576 с.

Сафронова Ю. А. Русское общество в зеркале революционного террора, 1879–1881 годы. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 370 с.

Сафронова Ю. А. Екатерина Юрьевская : Роман в письмах. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2017. 404 с.

Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2004. Т. 1. 608 с. Т. 2. 800 с.

Laferté V. Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort. Bâle ; Genève ; Lyon : H. Georg, 1882. 219 p.

Paléologue M. Le roman tragique de l'empereur Alexandre II. Paris : Plon-Nourrit et cie, 1923. 254 p.

Tarsaidzé A. Katia: Wife before God. N. Y. : Macmillan, 1970. 349 p.

References

Aleksandr II Osvoboditel'[Alexander II the Liberator]. In *Gosudarstvennyi istoricheskii muzei* [official website]. URL: <http://shm.ru/shows/11394> (mode of access: 01.08.2018).

Bokova, V. M., Sakharova, L. G. (Eds.). (2001). *Institutki. Vospominaniya vospitanits institutov blagorodnykh devits* [Boarding Schoolgirls. Memoirs of Pupils of Institutes for Noble Maidens] / introductory article by A. F. Belousov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 576 p.

Dolgorukaya, E. M. (2004). *Aleksandr II: s prilozheniem biograficheskogo ocherka Morisa Paleologa "Aleksandr II i Ekaterina Yur'evskaya"* / knyaginya Yur'evskaya (pod psevdonimom Viktor Laferte) [Alexander II: With an Appendix of a Biographical Essay by Maurice Paléologue "Alexander II and Catherine Yuryevskaya" / Princess Yurievskaya (under the Pseudonym of Victor Laferte)]. Moscow, Zakharov. 211 p.

Laferté, V. (1882). *Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort*. Bâle, Genève, Lyon, H. Georg. 219 p.

Paléologue, M. (1923). *Le roman tragique de l'empereur Alexandre II*. Paris, Plon-Nourrit et cie. 254 p.

Pushkareva, N. L., Bessmertnykh, L. V. (Eds.). (2004). *"A se grekhi zlye, smertnye..."*. *Russkaya semeinaya i seksual'naya kul'tura glazami istorikov, etnografov, literatorov, fol'kloristov, pravovedov i bogoslovov XIX – nachala XX veka v 3 kn.* ["And Behold the Sins of Evil, Mortal...". Russian Family and Sexual Culture through the Eyes of Historians, Ethnographers, Writers, Folklorists, Lawyers, and Theologians of the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, Ladomir. 751 + 720 + 944 p.

Safronova, Yu. A. (2014). *Russkoe obshchestvo v zerkale revolyutsionnogo terrora, 1879–1881 gody* [Russian Society in the Mirror of Revolutionary Terrorism, 1879–1881]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 370 p.

Safronova, Yu. A. (2017). *Ekaterina Yur'evskaya. Roman v pis'makh* [Ekaterina Yuryevskaya. An Epistolary Novel]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 404 p.

Tarsaidzé, A. (1970). *Katia: Wife before God*. N. Y., Macmillan. 349 p.

Wortman, R. S. (2004). *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy]. Moscow, OGI. Vol. 1. 608 p. Vol. 2. 800 p.

The article was submitted on 22.08.2018

DOI 10.15826/qr.2020.1.465
УДК 314.4+616-036.865+159.97

**ИНВАЛИДНОСТЬ – ПОНЯТИЕ
И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ:
ДИСКУССИОННЫЕ ЗАМЕТКИ***

Михаил Строганов

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина;
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Москва, Россия

**THE NOTION OF *DISABILITY*
AND RELATED RESEARCH TERMINOLOGY:
DISCUSSION POINTS****

Mikhail Stroganov

Kosygin Russian State University,
Gorky Institute of World Literature of RAS,
Moscow, Russia

The history of civilization is also the history of incapacitation and the use of new artificial appliances and practices gradually introduced at every stage of humanity's development in order to help people survive regardless of the laws of natural selection. This article considers the terminology related to the sphere of disability and bodily deviation through a historical perspective while also focusing on forms of representation and their comprehension by society. The author demonstrates that the term "deviation" serves to classify people with disabilities and forms of their representation. People with a bodily deviation can be easily portrayed from the point of view of the visual, with artistic attention to them reaching its climax between the seventeenth and the early nineteenth centuries. In such works, disabled people try to overcome the stigma and start

* Работа выполнена в рамках проекта «Репрезентация инвалидности и людей с ограниченными возможностями здоровья в России» (РГНФ, № 16–01–00145а / РФФИ, 16–01–00145–ОГН).

** *Citation*: Stroganov, M. (2020). The Notion of *Disability* and Related Research Terminology: Discussion Points. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 319–325. DOI 10.15826/qr.2020.1.465.

Цитирование: Stroganov M. The Notion of *Disability* and Related Research Terminology: Discussion Points // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 319–325. DOI 10.15826/qr.2020.1.465 / Строганов М. Инвалидность – понятие и исследовательская терминология: дискуссионные заметки // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 319–325. DOI 10.15826/qr.2020.1.465.

being perceived like everyone else. Starting with the early nineteenth century, works of fiction refer to deviant sense organs. Only in the twentieth century did writers start focusing on deviant psyches and minds, which were previously associated with deviations in social behaviour. The author maintains that the terminology of disability relies on the existing universal bodily norm describing it and its deviations. A person with a bodily deviation is perceived as a disabled one when they are perceived as 'the other'. When compared with a 'healthy' person, a deviant is taken as a disabled one; when considered separately, a deviant is a person with alternative possibilities. From this perspective, disability is part of a paradigm of otherness (age, gender, and nationality).

Keywords: disabled person; deviant body; deviant senses; deviant psyche and mind; organ projection; disability studies.

История цивилизации – это и история инвалидизации, применения человечеством на каждом этапе развития все большего числа искусственно созданных приспособлений и практик, которые помогают ему выжить как биологическому виду вопреки требованиям естественного отбора. В статье рассмотрена терминология, связанная с проблематикой инвалидности и девиантного тела, в ее историческом развитии, а также формы репрезентации и осмысления этих понятий в обществе. Показано, что термин «девиация» позволил классифицировать инвалидов и формы их репрезентации. Инвалиды с девиацией тела легко поддаются изображению с внешней точки зрения, пик художественного внимания к ним приходится на XVII – начало XIX в.; они пытаются преодолеть свою стигму приспособлением и хотят быть «как все». Инвалиды с девиацией органов чувств привлекают художественное внимание со второй половины XIX в. Инвалиды с девиацией психики или разума стали предметом изображения только в XX в., ранее их сближали с девиантами социального поведения. Автор утверждает, что эта терминология инвалидности опирается на существование общепринятой телесной нормы, описывает ее и отклонения от нее. Человек с девиацией воспринимается как инвалид тогда, когда его понимают как «другого». Девиант на фоне «здорового» человека – это человек с ограниченными возможностями, девиант сам по себе – это человек с другими возможностями. В этом смысле инвалидность входит в систему понятий альтеричности (возраст, гендер, нация).

Ключевые слова: инвалид; девиантное тело; девиантная сенсорика; девиантные психика и разум; органопроекция; *disability studies*.

В журнале *Quaestio Rossica* (№ 1, 2019) был опубликован блок материалов, посвященный вопросам изображения «другого тела» в литературе и живописи. Понимание и терминологические правила авторов настолько различны, что это вынуждает обратиться к теме в дискуссионном ракурсе. Задача создания краткой истории репрезентации инвалида (человека с ограниченными возможностями) в русской

литературе на фоне культуры Европейского региона заставляет рассмотреть терминологию в ее историческом развитии. Ту или иную форму понимания инвалидности диктуют общественные условия на определенном этапе исторического развития, внешние по отношению к инвалиду. Само понятие инвалидности обусловлено также исторически: оно не существует извечно, а возникло в определенный период развития социума. Осознание инвалида свидетельствует не столько о гуманизации общества (как обычно толкуют), сколько о степени его экономического развития.

Формы репрезентации инвалида обусловлены внутренними причинами, теми диагнозами, на основе которых установлена инвалидность: термин *инвалид* относится к астматикам, к людям с нарушениями опорно-двигательного аппарата, к слепым, к глухим, к людям с большой психикой и т. п. Между тем, огромные различия между всеми этими типами очевидны: и объективные «медицинские», и субъективные – каждого из них по-разному осмысливают «здоровые» люди, и все они по-разному осмысливают себя (одни полностью не осознают проблему, другие сознательно отрицают свою инвалидность, третьи ею активно пользуются и т. д.). Слово «здоровый» не случайно закавычено. Долгое время культура исходила из противопоставления человека тотально здорового человеку тотально нездоровому. Человека, находящегося в состоянии болезни, процессуально *болеющего* или *умирающего*, культура не дифференцировала (в трагедии Сервантеса «Комедия об осаде Нумансии» (1581–1583) смертельно раненый герой Марандро, истекая кровью, произносит огромный монолог и тогда уже спокойно умирает). Л. Н. Толстой первым в русской литературе заметил человека *болеющего* [Строганов, 20196].

Если признать инвалидом человека, который не может обойтись без посторонней помощи или без специальных приспособлений, то вся история цивилизации являет собой историю инвалидизации. Человечество не может обойтись без множества приспособлений, которые вполне естественно назвать протезами: и колесо, и телесеть, и домашние животные, и солнцезащитные очки, и медицинская косметика – что это, если не протезы? Речь идет не о человечестве как таковом, а об отдельном человеке, но процессы личностного филогенеза и общественного онтогенеза изоморфны друг другу, и опрометчиво не усматривать некоторую аналогию между ними. Слуховой аппарат плохо слышащего человека напоминает телефон, так как на расстоянии все люди одинаково плохо слышат. Наши рассуждения напоминают теорию органопроекции в формулировке П. А. Флоренского [Флоренский; см. также: Геллер, 2006], но и принципиально отличаются от нее. Теория органопроекции считает техническое изобретение человечества проекцией какого-то органа человека, пускай даже не вполне осмысленного самим человеком. Теория инвалидизации видит в техническом изобретении компенсацию не самого органа, а исполняемой им функции. Недостача или несовершенство некоторой природной функции провоцируют по-

явление того или иного протеза и в этом отношении являются сознательно осмысленным актом¹.

Путешественники XVIII и даже XIX в., посещавшие дикие племена в Америке, Африке или Австралии, замечали, что у них нет инвалидов, из чего делали вывод, что у людей, близких к природе, не существует и отклонений от нее. Вывод неправильный и наивный, смерть как результат инвалидности была практически неизбежной и быстрой. Для архаического общества содержание инвалида – это непоносимая роскошь.

Как же называть подобного рода людей? Можно, конечно, взять уже устоявшееся английское *disability* (*disability studies*) – но так это же просто-напросто инвалидность, только по-английски!

Вот почему терминологическая нужда заставила вспомнить термин *девиация* (от лат. *deviatio* – отклонение), который позволил классифицировать инвалидов и формы их репрезентации. Инвалиды с девиантным телом легко поддаются изображению с внешней точки зрения, пик художественного внимания к ним приходится на XVII (в России XVIII) – начало XIX в. Инвалиды с девиантными органами чувств (глухие, слепые) привлекают художественное внимание со второй половины XIX в., но их изображение «здоровыми» людьми вызывает критику с их стороны. Инвалиды с девиантными психикой или разумом стали предметом внешнего изображения только в XX в., до этого «дураки», «сумасшедшие» сближались с девиантами социального поведения.

Инвалиды разных групп и репрезентируют себя по-разному. Инвалиды с девиантным телом пытаются преодолеть свою стигму приспособлением и хотят быть как все (Паралимпийские игры). Инвалиды с девиантными органами чувств подчеркивают свою инаковость, не хотят признавать ее стигмой и строят на этом свое поведение. Инвалиды с девиантными психикой или разумом либо не осознают свою инаковость, либо скрывают ее, но она является общераспространенным символом, применяемым не только к собственно инвалидам. Именно так в этой системе и работает понятие *девиантный*, которое использовалось в рамках исследовательского проекта [Носенко-Штейн].

Приведем возражения Л. Геллера, уважаемого автора материалов в журнале *Quaestio Rossica* (2019, № 1): «...статья М. Строганова о теле инвалидов написана в рамках проекта “Репрезентация инвалидности и людей с ограниченными возможностями здоровья в России”. Однако в самой статье появляется термин “девиантное тело”, и в аннотации на английском языке так и сказано: *deviant body*. Нам тут видится недоразумение. Если мы говорим о *disability*, то вряд ли можем говорить о *deviant body*. Понятие девиантности заставляет предположить, что существует не только общепринятая телесная норма,

¹ Ср. близкую по материалу, но отличную по решению вопроса позицию: [Геллер, 2009].

но и ее прямолинейное шествие сквозь время, которое ветвится девиациями. А значит, последние подлежат изучению не сами по себе, а по отношению к норме. Мы говорим не с позиции левоидеологического резонанса (которым, бывает, страдают те, кто занимаются «штудиями ограниченности»), а с точки зрения чистой методологии» [Геллер, 2019, с. 182].

Я, со своей стороны, вижу в этом построении то же самое недо-разумение. Разве в обществе не существует представление об «общепринятой телесной норме»? Конечно, существует, поскольку оно заложено в человека всем его воспитанием и социализацией. И изучение телесности стремится описать эту норму, ее эволюцию во времени («ее прямолинейное шествие сквозь время») и всевозможные отклонения от нее («ветвится девиациями»). И так же разумеется, что девиации эти «подлежат изучению не сами по себе, а по отношению к норме». Все возможные *disability*, хотим мы этого или не хотим, мы описываем как *deviation*.

Именно поэтому Ю. Подорога в том же самом блоке говорит, что «девиация – уже не отклонение от нормы, а индикатор трансформации телесности или обновления отношений между телом и душой (сознанием)» [Подорога, с. 188–189]. По сути, конечно, «трансформация» – это «отклонение» от прежней нормы, и с течением времени трансформер сам станет нормой, а от него пойдут новые девиации. Далее П. Казарновский пишет: «Уместно рассматривать концепт „девиация“ как „бездорожье“, „отклонение от маршрута“: „путь, дорога“ по-латыни – *via*, *devia* означает „одинокое“; *deviat* – „отклоняться“» [Казарновский, с. 218]. Удивляться обращению к термину *девиация* не приходится, поскольку в основе обеих статей лежат доклады на конференции «Телесные девиации в русской культуре» / “*Deviant bodies in Russian culture*” / « *Les corps déviants dans la culture Russe* », прошедшей 23–24 февраля 2018 г. в Университете Женевы [Morard, p. 10, 17]. И редакторы журнала этот раздел на обложке называют следующим образом: *Bodily Deviations in Literature and Art*.

Я согласен, что девиация – не самое лучшее обозначение. Но термин *инвалид* (‘не-способный’, ‘не-могущий’) нисколько не лучше, а якобы политкорректное. Но *человек с ограниченными возможностями* еще хуже: от него за версту несет амбициями «здорового» и с безграничными возможностями человека. Л. Геллер сочувственно приводит цитату из романа А. Зиновьева: «Только благодаря уродам здоровые люди осознают себя в качестве нормальных людей» [Геллер, 2019, с. 182]. Однако благодаря девиантам окружающие их люди начинают понимать, что и они сами вовсе не такие здоровые, и поэтому начинают по-новому относиться к девиантам. Осознание инвалидов инвалидами гуманизирует общество.

Человек же с девиацией воспринимается по-настоящему как инвалид только тогда, когда его понимают как «другого». На фоне «здорового» человека девиант – это человек с ограниченными

возможностями, «нездоровый» человек. А без этого фона девиант – это человек с другими возможностями, которые иначе соответствуют окружающему миру. В этом смысле инвалидность сопоставима с такими природными параметрами описания общественной жизни человека, как возраст, гендер, нация, и покрывается понятием альтеричности.

Список литературы

- Геллер Л. «Органопроекция»: в поисках очеловеченного мира // Звезда. 2006. № 11. С. 145–156.
- Геллер Л. О протезах и парадигме Нового Человека // Универсалии русской культуры / под ред. А. Фаустова. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2009. С. 69–75.
- Геллер Л. О «яростном экспрессионизме» и прозе с протезами // Quaestio Rossica. Т. 7. 2019. № 1. С. 171–186. DOI 10.15826/qr.2019.1.370.
- Казарновский П. Телесные и пространственные аномалии как отражение всеобщего распада (роман Павла Залыцмана «Щенки») // Quaestio Rossica. Т. 7. 2019. № 1. С. 203–221. DOI 10.15826/qr.2019.1.372.
- Подорога Ю. Революционная телесность: А. Платонов и П. Филонов в поисках души // Quaestio Rossica. Т. 7. 2019. № 1. С. 187–202. DOI 10.15826/qr.2019.1.371.
- Строганов М. В. Авторепрезентация слепоглохого человека в литературе // Обратная сторона Луны, или Что мы не знаем об инвалидности : Теория, репрезентации, практики : сб. ст. / отв. ред. А. С. Курленкова, Е. Э. Носенко-Штейн. М. : МБА, 2018. С. 127–177.
- Строганов М. Вокруг «Слепого музыканта»: художественная репрезентация девиантных органов чувств // Quaestio Rossica. Т. 7. 2019. № 1. С. 155–170. DOI 10.15826/qr.2019.1.369.
- Строганов М. В. Инвалид инвалиду рознь: типология девиаций и культурное осмысление типов инвалидности // Homo liber : сб. памяти Л. Г. Фризмана / ред.-сост. П. С. Глушаков, Д. С. Бурого. Киев : Изд. дом Дмитрия Бурого, 2020. С. 361–389.
- Флоренский П. А. Органопроекция // Декоративное искусство. 1969. № 12. С. 149–162.
- Morard A., Soboleva L., Redin D. Transformations of Society, Bodily Imperfection, and Spiritual Beauty // Quaestio Rossica. Т. 7. 2019. № 1. С. 7–20. DOI 10.15826/qr.2019.1.359.

References

- Florensky, P. A. (1969). Organoproektsiya [Organ Projection]. In *Dekorativnoe iskusstvo*. No. 12, pp. 149–162.
- Heller, L. (2006). “Organoproektsiya”: v poiskakh ochelovechennogo mira [Organ Projection: In Search of a Humanised World]. In *Zvezda*. No. 11, pp. 145–156.
- Heller, L. (2009). O protezakh i paradigme Novogo Cheloveka [Of Prostheses and the Paradigm of the New Man]. In Faustov, A. (Ed.). *Universalii russkoi kul'tury*. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, pp. 69–75.
- Heller, L. (2019). O “yarostnom ekspressionizme” i proze s protezami [On “Violent Expressionism” and Prose with Prostheses]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 1, pp. 171–186. DOI 10.15826/qr.2019.1.370.
- Kazarnovsky, P. (2019). Telesnye i prostranstvennye anomalii kak otrazhenie vseobshchego raspada (roman Pavla Zal'tsmana “Shchenki”) [Physical and Spatial Anomalies as a Reflection of Total Decay (Pavel Salzman's Puppies)]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 1, pp. 203–221. DOI 10.15826/qr.2019.1.372.
- Morard, A., Soboleva, L., Redin, D. (2019). Transformations of Society, Bodily Imperfection, and Spiritual Beauty. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 1, pp. 7–20. DOI 10.15826/qr.2019.1.359.

Podoroga, Iu. (2019). Revolyutsionnaya telesnost': A. Platonov i P. Filonov v poiskakh dushi [Revolutionary Corporality: Platonov and Filonov in Search of the Soul]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 1, pp. 187–202. DOI 10.15826/qr.2019.1.371.

Stroganov, M. (2019). Vokrug "Slepogo muzykanta": khudozhestvennaya reprezentatsiya deviantnykh organov chuvstv [Around *The Blind Musician*: The Artistic Representation of Deviant Sense Organs]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 1, pp. 155–170. DOI 10.15826/qr.2019.1.369.

Stroganov, M. V. (2018). Avtorepresentatsiya slepoglukhogo cheloveka v literature [Auto-Representation of a Deaf-Blind Person in Literature]. In Kurlenkova, A. S., Nosenko-Shtein, E. E. (Eds.). *Obratnaya storona Luny, ili Chto my ne znaem ob invalidnosti: teoriya, reprezentatsii, praktiki. Sbornik statei*. Moscow, MBA, pp. 127–177.

Stroganov, M. V. (2020). Invalid invalidu rozn': tipologiya deviatsii i kul'turnoe osmyslenie tipov invalidnosti [There are Disabled People, and Then There are Disabled People: A Typology of Deviation and the Cultural Conceptualisation of Disability Types]. In Glushakov, P. S., Barago, D. S. (Eds.). *Homo liber. Sbornik pamyati L. G. Frizmana*. Kiev, Izdatel'skii dom Dmitriya Burago, pp. 361–389.

The article was submitted on 25.05.2019

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Варга Патрик, аспирант, Университет им. Палацкого.
771 47, Чехия, Оломоуц, Křížkovského, 511/8.
ORCID 0000-0002-7510-2672
patrik.varga@seznam.cz

Вдовин Алексей Владимирович, PhD, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
ORCID 0000-0003-0800-0577
avdovin@hse.ru

Вершинин Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии Севера.
628305, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Нефтеюганск, проезд 5П, стр. 9.
ORCID 0000-0002-5492-268X
u5830@yandex.ru

Визгалов Георгий Петрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Югорская лаборатория археологии и этнографии, Сургутский государственный университет.
628412, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Сургут, пр. Ленина, 1.
ORCID 0000-0002-6861-7715
vizgalovgp@mail.ru

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор, Саратовский государственный университет.
410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83.
ORCID 0000-0002-7532-5788
dementevvv@yandex.ru

Жукова Ольга Анатольевна, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
ORCID 0000-0002-0152-926X
logoscultura@yandex.ru

Крот Максим Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Южный научный центр РАН; доцент, Южный федеральный университет.
344006, Россия, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41.
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.
ORCID 0000-0001-5855-8160
mnkrot@sfedu.ru

Лазарев Яков Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-6141-2215
9lazarev@gmail.com

Лимеров Павел Федорович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

167982, Россия, Республика Коми, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.
ORCID 0000-0001-5290-267X
plimeroff@mail.ru

Матвеева Тамара Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15.
ORCID 0000-0003-4802-221X
tomat-44@mail.ru

Мильков Владимир Владимирович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН.

109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1.
ORCID 0000-0001-7382-4447
dr_milkov@mail.ru

Нестерова Анастасия Васильевна, лаборант-исследователь, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-1699-0542
nenavas@mail.ru

Пигин Александр Валерьевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

185910, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11.
ORCID 0000-0002-9306-1421
av-pigin@yandex.ru

Пярт Ирина Петровна, PhD, старший научный сотрудник, Школа теологии и религиоведения, Тартуский университет.

50090, Эстония, Тарту, Ülikooli, 18.
ORCID 0000-0002-7238-2584
irina@paert.com

Садаков Денис Андреевич, кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.

610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36.
ORCID 0000-0003-4308-7276
rstk2005@gmail.com

Смирнов Сергей Викторович, доктор исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0001-9283-8166
smirnov_sergei@mail.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-0694-6687
l.s.soboleva@mail.ru

Солодянкина Ольга Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, Череповецкий государственный университет.
162600, Россия, Череповец, пр. Луначарского, 5.
ORCID 0000-0001-6419-8085
olga_solodiankin@mail.ru

Строганов Михаил Викторович, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН.
117997, Россия, Москва, ул. Садовническая, 33, стр. 1.
121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25а.
ORCID 0000-0002-7618-7436
mvstroganov@gmail.com

Трепавлов Вадим Винцерович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-образовательный центр «Наследие», Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.
630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1.
ORCID 0000-0003-1783-8670
trepavlov@yandex.ru

Турыгина Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет.
19034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.
ORCID 0000-0003-0332-0096
turyginan@mail.ru

Турышева Ольга Наумовна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-3014-6153
oltur3@yandex.ru

Уайт Джеймс, PhD, старший научный сотрудник, Лаборатория археографических исследований, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет; научный сотрудник, Школа теологии и религиоведения, Тартуский университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
50090, Эстония, Тарту, Ülikooli, 18.
ORCID 0000-0002-4549-9381
james.white@eui.eu

Хрисанфов Валентин Иванович, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
19034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.
ORCID 0000-0002-4214-282X
kistreg@mail.ru

Ширинкина Мария Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15.
ORCID 0000-0002-6951-0653
m555a@yandex.ru

Щеглова Ольга Георгиевна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой источниковедения литературы и древних языков, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1.

ORCID 0000-0003-4358-2680

scheglova@post.nsu.ru

Юнглод Валерий Теодорович, доктор исторических наук, профессор, Вятский государственный университет.

610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36.

ORCID 0000-0002-2706-3904

youngblood@vyatsu.ru

Dementyev Vadim, Dr. Hab. (Philology), Professor, Saratov State University.

83, Astrakhanskaya Str., 410012, Saratov, Russia.

ORCID 0000-0002-7532-5788

dementevvv@yandex.ru

Khrisanfov Valentin, Dr. Hab. (History), Professor, St Petersburg State University.

7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0002-4214-282X

kistreg@mail.ru

Krot Maxim, PhD (History), Research Fellow, Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Southern Federal University.

41, Chekhov Ave., 344006, Rostov-on-Don, Russia.

105/42, Bolshaya Sadovaya Str., 344006, Rostov-on-Don, Russia.

ORCID 0000-0001-5855-8160

mnkrot@sfedu.ru

Lazarev Yakov, PhD (History), Research Fellow, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-6141-2215

9lazarev@gmail.com

Limerov Pavel, PhD (Philology), Leading Researcher, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

26, Kommunisticheskaya, 167982, Syktyvkar, Komi Republic, Russia.

ORCID 0000-0001-5290-267X

plimeroff@mail.ru

Matveeva Tamara, Dr. Hab. (Philology), Professor, Perm State National Research University.

15, Bukirev Str., 614990, Perm, Russia.

ORCID 0000-0003-4802-221X

tomat-44@mail.ru

Milkov Vladimir, Dr. Hab. (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.
12, bldg. 1, Goncharnaya Str., 109240, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0001-7382-4447
dr_milkov@mail.ru

Nesterova Anastasia, Laboratory Researcher, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-1699-0542
nenavas@mail.ru

Paert Irina, PhD, Senior Researcher, School of Theology and Religious Studies, University of Tartu.
18, Ülikooli, 50090, Tartu, Estonia.
ORCID 0000-0002-7238-2584
irina@paert.com

Pigin Alexander, Dr. Hab. (Philology), Leading Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.
11, Pushkinskaya Str., 185910, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia.
ORCID 0000-0002-9306-1421
av-pigin@yandex.ru

Sadakov Denis, PhD (History), Associate Professor, Vyatka State University.
36, Moskovskaya Str., 610000, Kirov, Russia.
ORCID 0000-0003-4308-7276
rstk2005@gmail.com

Shcheglova Olga, PhD (Philology), Head of Department of Ancient Languages and Literature Source Studies, Novosibirsk State National Research University.
1, Pirogov Str., 630090, Novosibirsk, Russia.
ORCID 0000-0003-4358-2680
scheglova@post.nsu.ru

Shirinkina Maria, PhD (Philology), Associate Professor, Perm State National Research University.
15, Bukirev Str., 614990, Perm, Russia.
ORCID 0000-0002-6951-0653
m555a@yandex.ru

Smirnov Sergey, Dr. Hab. (History), Associate Professor, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0001-9283-8166
smirnov_sergei@mail.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Editor-in-Chief of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-0694-6687
l.s.soboleva@mail.ru

Solodyankina Olga, Dr. Hab. (History), Professor, Cherepovets State University.

5, Lunacharsky Ave., 162600, Cherepovets, Russia.

ORCID 0000-0001-6419-8085

olga_solodiankin@mail.ru

Stroganov Mikhail, Dr. Hab. (Philology), Professor, Kosygin State University of Russia; Leading Researcher, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

33, bldg. 1, Sadovnicheskaya Str., 117997, Moscow, Russia.

25a, Povarskaya Str. 121069, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-7618-7436

mvstroganov@gmail.com

Trepavlov Vadim, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, Scientific and Educational Centre "Nasledie", Novosibirsk State National Research University.

1, Pirogov Str., 630090, Novosibirsk, Russia.

ORCID 0000-0003-1783-8670

trepavlov@yandex.ru

Turygina Natalia, PhD (History), Senior Researcher, St Petersburg State University.

7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0003-0332-0096

turyginan@mail.ru

Turysheva Olga, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-3014-6153

oltur3@yandex.ru

Varga Patrik, PhD Candidate, Palacký University.

511/8, Křížkovského, 771 47, Olomouc, Czech Republic.

ORCID 0000-0002-7510-2672

patrik.varga@seznam.cz

Vdovin Alexey, PhD, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0003-0800-0577

avdovin@hse.ru

Vershinin Evgeny, PhD (History), Research Fellow, Institute for the Archeology of the North.

9 bldg., Lane 5P, 628305, Nefteyugansk, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Russia.

ORCID 0000-0002-5492-268X

u5830@yandex.ru

Vizgalov Georgy, PhD (History), Research Fellow, Surgut State University.

1, Lenin Ave., 628412, Surgut, Nefteyugansk, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Russia.

ORCID 0000-0002-6861-7715

vizgalovgp@mail.ru

White James, PhD, Senior Researcher, Laboratory for the Study of Primary Sources, Laboratory of Archaeographical Studies, Ural Federal University; Research Fellow, School of Theology and Religious Studies, University of Tartu.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

18, Ülikooli, 50090, Tartu, Estonia.

ORCID 0000-0002-4549-9381

james.white@eui.eu

Yungblud Valery, Dr. Hab. (History), Professor, Vyatka State University.

36, Moskovskaya Str., 610000, Kirov, Russia.

ORCID 0000-0002-2706-3904

youngblood@vyatsu.ru

Zhukova Olga, Dr. Hab. (Philosophy), Professor, National Research University Higher School of Economics.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-0152-926X

logoscultura@yandex.ru

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ГИМ – Государственный исторический музей
GIM – Gosudarstvennyi istoricheskii muzei

ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми
научного центра Уральского отделения РАН
IYaLI Komi NTs UrO RAN – Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo
tsentra Ural'skogo otdeleniya RAN

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov

РГБ – Российская государственная библиотека
RGB – Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka

РГВА – Российский государственный военный архив
RGVA – Rossiiskii gosudarstvennyi voennii arkhiv

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

РНБ – Российская национальная библиотека
RNB – Rossiiskaya natsional'naya biblioteka

Сб. РИО – Сборник Императорского русского исторического общества
Sb. RIO – Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
TODRL – Trudy Otdela drevnerusskoi literatury

EAA – Eesti Ajalooarhiiv

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 8, 2020, № 1

Редакторы *Е. Березина*

А. Попович

Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*

Alexey Popovich

Imposition *Alexey Matveev*

Дата выхода в свет – 13.03.2020. Формат 70х100/16.

Печать офсетная. Уч.-изд. л. 32,5. Усл. печ. л. 34,9.

Тираж 500 экз. Заказ № 91.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13

Факс: +7 (343) 358-93-06

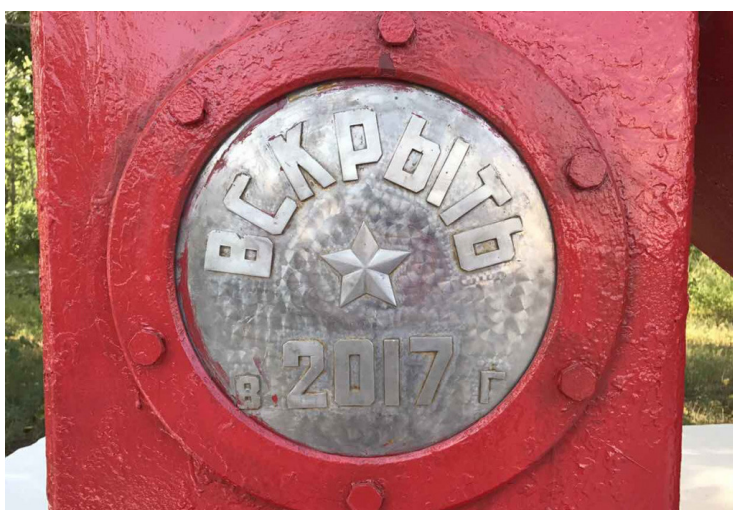
E-mail: press-urfu@mail.ru

Иллюстрации к статье:
*Вадим Дементьев. Послание потомкам в «капсуле времени»
как жанр советской словесности*

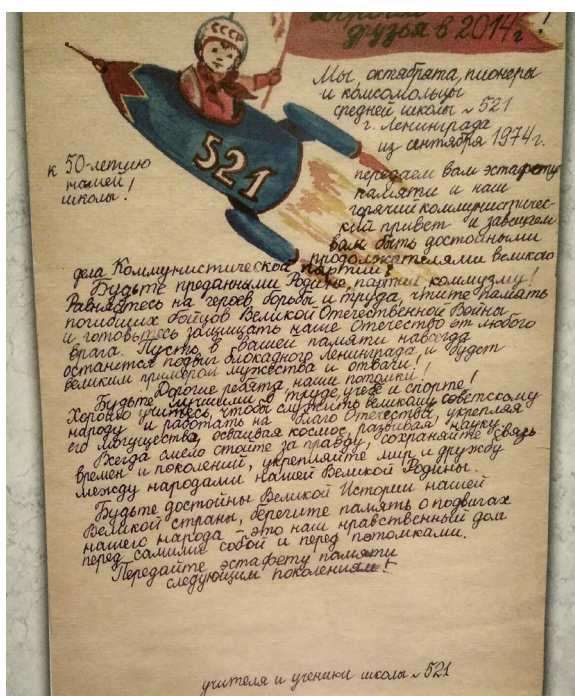
Illustration for the article:
*Vadim Dementyev. Time Capsule Messages to Future Generations
as a Genre of Soviet Lore*

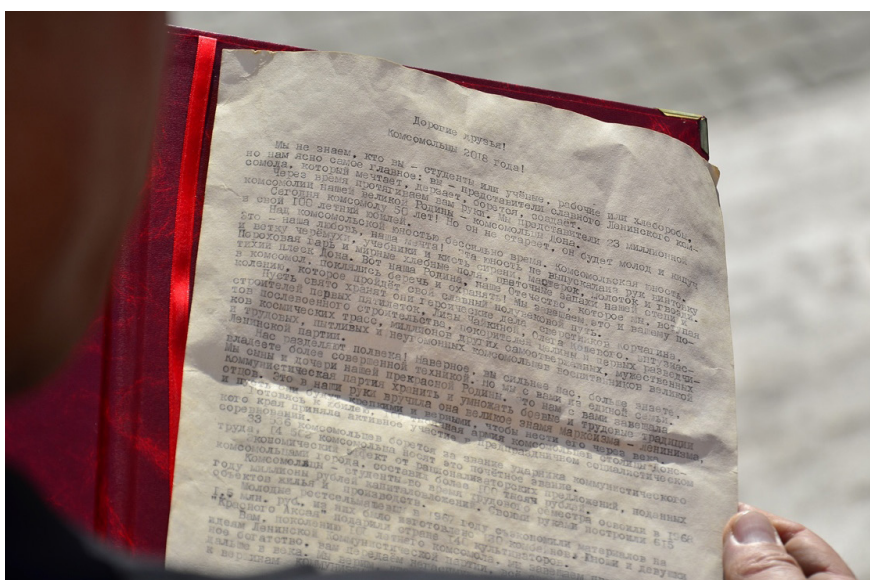
1. Закладка «капсулы времени». 1973. Свердловск
Laying a time capsule. 1973. Sverdlovsk

2. Ниша в обелиске с посланием потомкам. 1967. Пос. Каменск Кабанского р-на.
Республика Бурятия. Фото А. Огородника
*Niche in the obelisk with a message to descendants. 1967. Kamensk, Kabansky District.
Republic of Buryatia. Photograph by A. Ogorodnik*

3. Письмо из «капсулы времени». 1974 // Музей школы № 521 Красногвардейского
р-на Санкт-Петербурга
Letter from a time capsule. 1974 // Museum of School 521. Krasnogvardeysky District,
St Petersburg

4. Письмо из «капсулы времени». 1968. Ростов-на-Дону. Фото В. Редько
Letter from a time capsule. 1968. Rostov-on-Don. Photograph by V. Redko

Иллюстрации к статье: Евгений Вершинин, Георгий Визгалов. Мангазея: отчет последнего воеводы
Illustration for the article: *Evgeny Vershinin, Georgy Vizgalov. Mangazeya: The Report of the last Voivode*

Старая и Новая Мангазея на чертеже С. У. Ремезова. 1701
Old and New Mangazeya drawn by S. U. Remezov (1701)

Иллюстрации к статье:
*Яков Лазарев. Культурные механизмы интеграции украинской
казацкой элиты в общеимперское дворянство*

Illustration for the article:
*Yakov Lazarev. Cultural Mechanisms of Integrating
the Ukrainian Cossack Elite into the Imperial Nobility*

1. Неизвестный художник.
Портрет А. Г. Разумовского.
Середина XVIII в.
Unknown artist. Portrait
of A. G. Razumovsky.
Mid-18th century

2. Л. Токке. Портрет
К. Г. Разумовского. 1758.
L. Tocqué. Portrait
of K. G. Razumovsky. 1758